

ГОДЪ

XLII.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, января 1-го.

Содержаніе: Новогоднія думы пастыря Церкви.—Старый, новый и желательный типъ псаломщика.—По вопросу объ устройствѣ причтовыхъ домовъ въ сельскихъ приходяхъ.—Замѣтка.

Новогоднія думы пастыря Церкви.

Полночь. Тяжелая дверь сельскаго храма со скрипомъ отворилась и въ церковь вошелъ старикъ-псаломщикъ. Онъ поспѣшилъ зажечь предъ св. иконами лампадки и нѣсколько огарковъ. Вслѣдъ за нимъ стали собираться православный народъ, уже привыкшій встрѣчать новый годъ молитвою въ храмъ Божіемъ. Скоро явился и приходскій батюшка, о. Григорій, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но съ энергичнымъ выраженіемъ лица и съ печатью серьезныхъ думъ на челѣ. Онъ приложился къ мѣстнымъ иконамъ, облачился и началъ молебное пѣніе по случаю наступающаго новаго года. Горячо молился пастырь этого малаго стада о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, о веси сей, о

храмъ семь и молящихся въ немъ. Его чистая молитва возносила къ Богу, подкрѣпляемая воздыханіями его духовныхъ чадъ. Благослови, Господи, вѣнецъ наступающаго лѣта!.. Молебное пѣніе окончилось. Тихо сталъ расходиться крестьянскій людъ по домамъ, гадая о томъ, что-то принесетъ съ собою новый годъ, чѣмъ-то онъ обрадуетъ ихъ трудовую жизнь... А отецъ Григорій вошелъ въ алтарь. Снявъ съ себя священное облаченіе, онъ приблизился къ престолу Божию, полный великихъ думъ, навѣянныхъ на него молебнымъ пѣніемъ. Онъ чувствовалъ потребность въ новой молитвѣ, въ умной бесѣдѣ съ Тѣмъ, Кто премѣняетъ времена и лѣта. Черезъ минуту, склонивъ сѣдую голову на грудь, онъ весь ушелъ въ молитвенныя размышленія...

Господи, аще въ лѣто сіе устроиши царствіе Израилево? При этомъ мысли о. Григорія устремились въ глубину прошедшихъ вѣковъ. Вотъ онъ среди сонма св. апостоловъ. Спаситель, въ послѣдній разъ явившійся имъ по Своемъ воскресеніи, бесѣдуетъ съ ними о царствѣ Божиемъ. Въ продолженіе бесѣды всѣ они выходятъ изъ Іерусалима и достигаютъ горы Елеонской. Ученики предчувствуютъ близкую разлуку съ Господомъ и робко вопрошаютъ Его: *Господи, аще въ лѣто сіе устроиши царствіе Израилево?* На это Онъ отвѣтствуетъ имъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти; но примете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудей и Самаріи и даже до послѣднихъ земли.* Сказавъ сіе, Онъ поднялся въ глазахъ ихъ и облако скрыло Его изъ видаѣ ихъ, а явившіеся ангелы утѣшили ихъ сердца, возвѣстивъ, что Іисусъ, вознесшійся отъ нихъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ они видѣли Его восходящимъ на небо. И поняли ученики, что откровеніе царства славы имѣетъ послѣдовать только въ будущемъ и должно быть подготовлено ихъ проповѣдническою дѣятельностью. Поняли они, какой смыслъ заключался въ словахъ Христа, сказанныхъ въ бесѣдѣ о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ вѣка: „и про-

повѣдано будетъ евангеліе царствія по всей вселенной и во свидѣтельство всѣмъ народамъ: и тогда прійдетъ конецъ“. Черезъ десять дней на апостоловъ сошелъ Духъ Святой, и они окончательно созрѣли для благовѣстническаго служенія, для утвержденія въ мірѣ спасительной вѣры въ Распятаго и надежды на Его славное второе пришествіе. И какъ велико было ихъ святое воодушевленіе, проистекавшее отъ напряженнаго ожиданія дня Господня!.. Мысленно сопутствуетъ о. Григорій апостоламъ въ ихъ многообразной дѣятельности: онъ видитъ ихъ труды, изнуренія, бдѣнія, скорби и болѣзни, но съ тѣмъ вмѣстѣ и соутѣшается ихъ горячею вѣрою и живымъ упованіемъ на скорое полученіе побѣдныхъ вѣнцовъ. Онъ слышитъ ихъ восторженныя, убѣжденные рѣчи о близости конца. „Сказываемъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы, живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ... Мертвые о Христвѣ воскреснутъ прежде: потому мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ по воздуху на встрѣчу Господу“. „Время близко... Се грядетъ на облакахъ и узритъ Его всякое око, и тѣ, которые пронзили Его; и возрыдають, видя Его, всѣ племена земли. Ей, аминь... Ей, гряди, Господи Іисусе!“... Да, здѣсь полное торжество вѣры, для которой ожидаемое есть какъ бы уже осуществляющееся, невидимое какъ бы видимое, отдаленное будущее какъ бы настоящее!..

Но время быстро мчится впередъ. Вотъ уже по всей землѣ прошелъ голосъ первыхъ благовѣстниковъ Христовыхъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ. Необыкновенный успѣхъ евангелія вызываетъ въ мірѣ грѣхъ, озлобленіе, негодованіе, вражду противъ царства Божія. На вѣрующихъ поднимается жестокое гоненіе. Цѣлыми потоками льется кровь мучениковъ. Вмѣстѣ съ этимъ исконный врагъ человѣка поднимаетъ въ Церкви внутреннюю брань, нарушая миръ вѣрующихъ,—этотъ небесный и спасительный даръ Христа, черезъ распространеніе среди нихъ разнаго рода заблужденій и ересей, черезъ ниспроверженіе первоначальныхъ обычаевъ жизни и затмѣніе

апостольской чистоты нравовъ. Тяжелое это испытаніе для преемниковъ св. апостоловъ, для пастырей и учителей Церкви! Но они побѣдили враговъ Христовой вѣры и украсили ее неувыдаемымъ вѣнцомъ славы. И стало понятно о Григорію, что Церковь земная должна постепенно переходить отъ славы къ славѣ, чтобы такимъ образомъ предстать предъ Господомъ во второе Его пришествіе, какъ сіяющая красотой невѣста, неимѣющая никакого порска или недостатка. Онъ понялъ, что пастырь Церкви долженъ быть „столпомъ и утвержденіемъ истины, твердынею вѣры во Христѣ, надежною защитою для своего стада, непреоборимымъ для враговъ стражемъ апостольскихъ постановленій, врагомъ нововведеній“. При этомъ предъ его умственнымъ взоромъ пронесли труды великихъ пастырей древней Церкви: свв. Аѳанасія Алекс., Василия В., Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Льва В., Григорія Двоеслова...

Но вотъ врагъ Христовой Церкви открываетъ противъ нея новую брань. Къ великому огорченію всего христіанскаго міра, Единая каѳолическая Церковь дѣлится на двѣ половины—западную и восточную, между которыми устанавливаются недобрыя отношенія... Значить, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божьяго, необходимо, переживъ это новое испытаніе, единеніемъ любви вновь сочтаться христіанамъ въ единый стройный составъ членовъ въ тѣлѣ Христовомъ. Но, Боже праведный, когда это будетъ достигнуто! Вотъ предъ нашими духовными очами развертываются картины одна другой печальнѣй. Церковь западная давно вступила на путь обмірщенія началъ христіанской вѣры и продолжаетъ идти по этому пути до сего дня. Этотъ горькій корень зла принесъ уже свои плоды: въ Церкви западной давно уже стали появляться самозванные проповѣдники лжи, давно стали отдѣляться цѣлыя общества, самозванно именующія себя церквями и посягающими на чистоту апостольской вѣры. Лютеранство, кальвинизмъ, цвингліанство, англиканство, и въ каждомъ изъ нихъ масса мелкихъ сектъ: какое обуреваніе

еретических вѣтровъ! Какъ истинно слово пророческое: *раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій!* Возвратятся ли эти блудные сыны въ оставленный ими домъ Отчій?.. Но и грековосточная Церковь сильно печалитъ сердце. Вотъ мусульманскій міръ утвердилъ надъ ней свое господство и воздвигъ противъ вѣрующаго гоненіе, и нынѣ продолжающееся. Отъ сего возникаетъ разстройство церковныхъ дѣлъ, мѣшающее Церкви возвратиться къ прежней твердости... *Вопросите же яже о мирѣ Иерусалима!*.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди смиреннаго служителя алтаря. Онъ преклонилъ колѣна и палъ ницъ предъ престоломъ Всевышняго. Въ его умѣ пронеслись родныя картины и сердце его учащенно стало биться... Первоначальную мглу язычества, по милости Божіей, разгоняетъ свѣтъ Христовой вѣры, возженный св. кн. Владиміромъ. Мало по малу очистивъ народъ отъ языческихъ суевѣрій и предразсудковъ, новая вѣра засіяла лучезарною славою въ жизни многочисленныхъ подвижниковъ земли Русской. Св. равноапостольный кн. Владиміръ, свв. страстотерпцы Борисъ, Глѣбъ и Игорь, бл. кн. Ольга, преп. Антоній и Θεодосій пещерскіе, преп. Несторъ, и далѣе цѣлое облако свидѣтелей Божьяго къ намъ благоволенія. Благословимъ Тя, Господи, яко сотворилъ еси съ нами по милости Твоей! Но вотъ на эти свѣтлыя картины набѣгаютъ черныя тучи, омрачающія душу пастыря Церкви: въ разныхъ мѣстахъ и въ различное время появляются заблужденія и ереси, искажающія отеческую вѣру и открывающія широкій доступъ порокамъ въ жизнь народную. Правда, вначалѣ эти заблужденія и ереси не имѣютъ успѣха въ народѣ, какъ явленіе наносное, иноземное, и скоро подавляются самимъ народомъ. Но время идетъ впередъ, и вотъ мы присутствуемъ при образованіи въ Церкви раскола... Глубоко сѣтуетъ душа служителя Божія о заблуждающихся вмѣстѣ со всѣми православными пастырями: *скорбь ми есть велія и непрестающая болѣзнь сердцу моему. Молихъ быхъ ся бо самъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ по плоти.*

Чѣмъ далѣе идетъ мысль о Григоріа, слѣдуя за исторіей протекшихъ вѣковъ, тѣмъ сильнѣе уязвляется его сердце. Въ наши дни православная россійская Церковь обуревается всевозможными „новыми сектами“ и „новыми вѣрами“, доводящими многихъ сыновъ Церкви до крушенія и потопленія. Правда, эта буря до сихъ поръ не касалась духовныхъ чадъ о. Григорія, ибо уже много лѣтъ и день и ночь охраняетъ онъ свое стадо отъ хищныхъ волковъ. Онъ знаетъ своихъ чадъ по именамъ, большую часть изъ нихъ крестилъ и вѣнчалъ и всѣхъ любитъ, какъ только можетъ любить человѣкъ, всецѣло преданный волѣ Божіей и отъ юности своей посвятившій себя самоотверженному служенію паствы. Какъ Самуиль, онъ злостраждетъ съ ними, когда ихъ постигаетъ горе, охотно дѣлитъ съ ними всякую радость; своимъ духовнымъ правленіемъ, какъ бы душою какою соединяетъ всѣхъ въ одно братство и прочно охраняетъ союзомъ мира въ взаимномъ духовномъ общеніи. Онъ возноситъ непрестанно молитвы о нихъ къ Богу, испрашивая для нихъ благодатныхъ даровъ у Царя Небеснаго. И они, благодареніе Господу, во всемъ послушны ему, съ любовью приѣмлютъ его наставленія и внушенія, такъ что всѣ ходятъ во истинѣ Божіей до сего дня. Сохрани ихъ, Господи, отъ всякаго зла и въ наступающее лѣто!.. Но что происходитъ кругомъ?—Лютую, злобную брань поднялъ врагъ Христовъ противъ православія: догматы благочестія извращаются, уставы Церкви нарушаются, невѣріе свободно плѣняетъ неопытныя души, потому что злонамѣренно искажающіе ученіе вѣры поддѣлываются подъ истину, потому что развязанъ всякій хульный языкъ! Отъ сего рождаются въ народѣ всякіе пороки, нарушается единомысліе и единодушіе, утверждается взаимное недовѣріе, вражда, озлобленіе... Господи, не есть ли это великое отступленіе, предвозвѣщенное ап. Павломъ? Не есть ли это послѣдняя брань, какую надлежитъ Церкви выдержать, чтобы затѣмъ предстать предъ своимъ Женихомъ въ славѣ немерцающей, неувядающей?

Мысли пастыря отъ настоящаго перенеслись въ послѣднія времена и въ смущеніи предъ великими бѣдствіями, имѣющими постигнуть вѣрующихъ, онъ молится о небесной помощи: „о, Господи, спаси; о, Господи, поспѣши же. Ей, Христе Іисусе, гряди скоро“. Но въ его душѣ снова встаетъ кроткій образъ Христа Спасителя, бесѣдующаго съ учениками предъ вознесеніемъ на небо и вразумляющаго ихъ о кончинѣ благодатнаго царства: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти..* Приходитъ на умъ и наставленіе апостола языковъ: *ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христъ Іисусъ.. злюстражди яко добръ воинъ Іисусъ Христосъ.*

Долго еще молился служитель Божій у престола Господня. Наконецъ онъ почувствовалъ облегченіе; на душѣ у него стало свѣтло и покойно. Онъ вышелъ изъ Церкви и пошелъ домой. Легъ онъ спать съ искреннимъ желаніемъ продолжать свои пастырскіе труды съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ и доселѣ, и съ надеждою на помощь Божію. Да благословитъ Господь всѣ его благія начинанія! *Н. Гр.*

Старый, новый и желательный типъ псаломщика.

Въ дѣлѣ пастырскаго служенія весьма важно, чтобы всѣ члены приходской общины имѣли полное согласіе между собою. Если каждый приходскій священникъ долженъ быть примѣромъ для вѣрныхъ „словомъ, жизнію, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою“ (1 Тимое. 4, 12), то и низшіе члены клира должны подражать ему во всемъ. Это согласіе между членами приходскаго клира должно служить и для насомыхъ наилучшимъ побужденіемъ къ подражанію. Насколько же въ дѣйствительности это бываетъ, рассмотримъ и сравнимъ типъ стараго и новаго псаломщика, чтобы, при помощи этого сравненія, вывести заключеніе, насколько тотъ и другой „образъ“ приближается къ желательному типу этого члена церковнаго клира.

Если мы обратимъ вниманіе на внѣшній обликъ стараго „дьячка“, то уже по одному этому виду можно заключить, что онъ всего болѣе приближается къ „образу“ церковно-служителя. Такъ до 60 годовъ наши причетники носили длинные волосы и подрясники. Это внѣшнее приближеніе по одеждѣ къ лицамъ духовнаго сана невольно внушало къ нимъ уваженіе со стороны прихожанъ и отличало ихъ отъ мірянъ, въ особенности, если „образомъ“ своей жизни и поведеніемъ такой псаломщикъ стоялъ на высотѣ своего служенія. Въ іерархическомъ отношеніи совершенно необходимо, чтобы клиръ, даже внѣшнимъ своимъ видомъ, отличался отъ мірянъ. Въ богослужебные часы это придаетъ особое благолѣпіе, а въ остальные—можетъ служить нѣкоторою уздою, сдерживающею церковно-служителей отъ утѣхъ благами мірскими. Какъ хотите, а въ подрясникѣ все таки человѣкъ нѣсколько связанъ и по неволѣ долженъ быть воздержанъ отъ дѣйствій не согласныхъ съ его положеніемъ и поступковъ предосудительныхъ.

Какъ исполнитель своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей, старый псаломщикъ имѣлъ весьма много положительныхъ достоинствъ. Правда, онъ былъ не образованъ и большинство причетниковъ добраго стараго времени, какъ значится въ ихъ формулярахъ, „въ училищахъ не обучались“, но за то они практически подготовлялись къ своему будущему служенію. Старые дьячки не въ училищахъ, а отъ своихъ отцовъ съ малолѣтства знакомились съ уставомъ и напѣвами; весь порядокъ службы знали твердо и это одно изъ выдающихся ихъ качествъ. Къ этому нужно прибавить ихъ отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей. Нужно только посмотреть съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ старые дьячки проходили свою должность чтеца и пѣвца въ храмѣ. „Въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“ поется въ одной церковной пѣснѣ и наши старые псаломщики твердо помнили это изреченіе: они всю душу готовы были вложить въ чтеніе и пѣніе церковное. Если къ этому прибавить твердое и основательное знаніе устава церковнаго и точное исполненіе его, то это

составить одну из положительных сторон причетниковъ прежняго времени. Не знали они устали и читали и пѣли все, положенное по уставу церкви, какъ бы ни было продолжительно церковное богослуженіе. При этомъ поведеніе ихъ въ храмѣ было положительно безукоризненное, и всѣ дѣйствія и поступки ихъ „благообразно и по чину“ бывали.

Одну изъ положительныхъ заслугъ старыхъ псаломщиковъ составляетъ также ихъ школьное учительство. Безъ всякихъ указовъ и предписаній, безъ понужденій, подтвержденій, штрафовъ и выговоровъ, они несли эту, всецѣло лежавшую на нихъ обязанность съ любовью и охотою. Извѣстно, что со временъ Владиміра святого единственными учителями народа въ древней Руси были священники и причетники, которымъ еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ заповѣдалъ „учити юныя дѣти якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію ... наипаче же предлагати имъ ученіе отъ закона Господня“. А въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка дьячки были главными двигателями школьнаго обученія. Сколько великихъ людей получили свое первоначальное образованіе у дьяковъ стараго времени, а потомъ достигали высшихъ іерархическихъ степеней. Митрополитъ Іосифъ Симашко, сенаторъ Сперанскій, малорусскій поэтъ Шевченко—все это ученики древнихъ причетниковъ. Нужно было только посмотрѣть, говорить одинъ бытописатель того времени ¹⁾, когда старый дьячекъ явится въ церковь, станетъ на клиросѣ облаченный въ стихарь и, окруженный своими учениками, огласить своды храма торжественными аккордами древнихъ обиходныхъ напѣвовъ и внятнымъ псалмодическимъ чтеніемъ питомцевъ своей школы, тогда онъ въ глазахъ всѣхъ своихъ прихожанъ предстанетъ во всемъ величіи и важности своего званія. Возвышая дьяка во мнѣніи прихожанъ, педагогическая дѣятельность его была вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасной школой для его псалом-

¹⁾ Прот. В. Липковскій, см. статью „Псаломщики и церковныя школы“.

щицкой службы, и хорошей подготовкой къ іерейскому служенію. Не потому ли старые дьяки такъ прекрасно знали древніе и мѣстные церковныя пѣвны, что имъ приходилось самимъ постоянно упражняться въ нихъ, уча своихъ учениковъ пѣнію церковному и руководя ими въ храмѣ? Подобно древнимъ бандуристамъ, посетителямъ народной поэзіи, и наши старые дьяки, были, такъ сказать, живыми обходами церковнаго пѣнія разныхъ распѣвовъ; ихъ пѣвными вдохновлялись многіе композиторы—возродители древняго церковнаго пѣнія на Руси. Изъ дьяковъ, усердно подвизавшихся на своемъ поприщѣ, выходили очень усердные и авторитетные іереи....

Но, не смотря на свой авторитетъ и, такъ сказать, выдающееся положеніе въ приходѣ, причетники стараго времени въ рѣдкихъ случаяхъ зазнавались и не подчинялись авторитету священника. Это случалось только въ томъ случаѣ, когда настоятель прихода, благодаря своей слабыхарактерности, или другимъ какимъ либо причинамъ, не умѣлъ удержать своего престижа и неволью подчинялся вліянію лица, стоявшаго на низшей его ступени въ іерархическомъ отношеніи. Въ большинствѣ же случаевъ старые псаломщики безпрекословно подчинялись авторитету настоятеля прихода, хотя бы въ умственномъ и нравственномъ отношеніи между ними не было разницы. Такъ старый псаломщикъ всегда бралъ благословеніе у настоятеля, называлъ его „батюшкой“, также какъ и прихожане, а въ житейскомъ быту былъ зачастую правою рукою священника, помогая ему и заступая его въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Такое дружелюбное отношеніе между членами стараго приходского клира способствовало къ надлежащему упроченію отношеній между ними и въ рѣдкихъ случаяхъ подавался поводъ къ взаимнымъ жалобамъ епархіальному начальству.

Таковы были положительныя стороны причетниковъ добраго стараго времени. Но и при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они отличались также и нѣкоторыми недостатками. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ прежде всего отнести не высокую сте-

чень развитія ихъ. Хотя дьяки прежняго типа и были учителями приходскихъ школъ, но сами были народъ мало грамотный и слабо развитой. Дальше церковно-славянской грамоты и пѣнія церковнаго они рѣдко восходили.

Далѣе, низшіе члены клира были не общительны, что разумѣется происходило не столько отъ нихъ самихъ, сколько также и оттого, что окружающая ихъ среда, состоящая изъ мужиковъ, была имъ не по плечу. Не смотря на то, что многіе причетники того времени мало чѣмъ отличались отъ своихъ прихожанъ, они смотрѣли на нихъ свысока и съ полнымъ пренебреженіемъ. А такъ какъ въ приходѣ не бывало другихъ сословій, съ которыми причетники могли бы вести общеніе, то за ними и наблюдалась такого рода особенность, которая, пожалуй, отчасти существуетъ и по настоящее время. А крайне зависимое въ матеріальномъ отношеніи положеніе было причиною развившейся зависти къ лицамъ, обладающимъ благами земными и даже недружелюбнаго и враждебнаго отношенія къ нимъ. Вообще недовольство своимъ положеніемъ всегда служило отличительною чертою низшаго клира стараго времени. Было кой чего много и другого не желательнаго среди старыхъ псаломщиковъ, но *de mortuis aut bene, aut nihil*, а по сему, оставивъ ихъ въ покоѣ, остановимъ наше вниманіе на псаломщикахъ современнаго намъ типа.

Съ 60 годовъ мѣняются коренные устои деревенской жизни. Нашъ народъ державною волею Императора Александра II-го получаетъ свободу, а вмѣстѣ съ этою коренною реформою мѣняется бытъ и условія жизни народа во многихъ отношеніяхъ. Одновременно съ этимъ мѣняется свой типъ и причетникъ. Мѣняется онъ прежде всего свое названіе „дьячка“ на „псаломщика“, мѣняется внѣшній видъ церковника, а также мѣняется его и нравственный обликъ.

Принадлежность къ духовному званію требуетъ и особой одежды для сего званія. До 60 годовъ этому требованію, какъ сказано было выше, подлежали не только священники и діаконны, но и низшіе клирики: дьячки и пономари. Въ концѣ

60 и началъ 70 годовъ для псаломщиковъ сдѣлано исключеніе. И въ настоящее время трудно встрѣтить псаломщика въ такъ называемой духовной одеждѣ. Традиціонную одежду причетниковъ—подрясникъ оставили уже даже старые дьячки, прежде ее носившіе. Въ стихарь теперь псаломщики облачаются, и то не всегда,—лишь при встрѣчѣ архіереев. Современнаго псаломщика въ церкви трудно отличить отъ обыкновеннаго посѣтителя храма и богомольца, такъ что чужому и незнакомому богомольцу извѣстной приходской церкви затруднительно бываетъ найти псаломщика, если къ этому бываетъ у него нужда. Но этого мало. Разрѣшеніе псаломщикамъ носить обычную мірскую одежду доводитъ до крайностей и даже неприличія въ выборѣ костюмовъ. Эта пестрота и разнообразіе въ одеждѣ зачастую вызываетъ порицаніе со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ, которые циркулярно вынуждены бываютъ обращаться къ псаломщикамъ съ словомъ обличенія и выговора. Такъ преосвященный Владиміръ, епископъ Оренбургскій въ прошломъ году далъ консисторіи такое предложеніе: „нѣкоторые псаломщики являлись ко мнѣ въ красныхъ рубахахъ съ цвѣтными шнурками вмѣсто галстуховъ, другіе въ пиджакахъ, поддевкахъ и разныхъ балахонахъ, большая часть псаломщиковъ коротко острижены. Усматривая во внѣшней небрежности вида псаломщиковъ не только неприличіе, но и признаки омірщенія клириковъ, поручаю консисторіи распорядиться чрезъ о.о. благочинныхъ и напечатаніемъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, чтобъ волосы не стригли коротко. Слѣдить за исполненіемъ неуклонно, исключеній не дѣлать ни для кого. Ставленники также должны подчиняться сему правилу“¹⁾. Это распоряженіе Оренбургскаго преосвященнаго относится ко всѣмъ новымъ псаломщикамъ, франтовство которыхъ и щегольство въ одеждѣ не знаетъ должныхъ границъ, а пестрота ужасная.

Насколько старые псаломщики отличались аккуратностію и исполнительностію, строгимъ выполненіемъ устава церков-

¹⁾ Оренб. Епар. Вѣд. 1899 г. № 6.

наго и благолѣпіемъ въ исполненіи церковно-богослужебнаго чтенія и пѣнія, настолько современные причетники отличаются небрежностію и нарушеніемъ чина и устава. Такъ, псаломщикъ, какъ низшій членъ клира, обязанъ всегда раньше настоятеля являться въ свой приходскій храмъ, приготовить все необходимое къ богослуженію и ожидать священника. Что же мы видимъ на дѣлѣ? Часто священникъ, явившись въ храмъ, долженъ ожидать причетника, но нѣсколько разъ посылая за нимъ, при чемъ иной въ свое оправданіе говоритъ, что онъ не слышалъ звона церковнаго, другой думалъ, что еще рано и потому не приходилъ, а найдутся и такіе, что скажутъ своему настоятелю какую нибудь дерзость и непріятность. Неаккуратное и не своевременное прибытіе псаломщиковъ въ храмъ начинаетъ входить въ столь распространенную практику, что епархіальная власть бываетъ вынуждена напоминать объ ихъ обязанностяхъ и побуждать нерадивыхъ быть болѣе рачительными къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. По этому поводу преосвященный Самарскій сдѣлалъ такое распоряженіе: „псаломщики, какъ и діаконъ, обязательно должны являться къ церковнымъ службамъ до благовѣстія, по крайней мѣрѣ за полчаса, чтобы надлежащимъ образомъ приготовить все, что требуется для совершенія богослуженія, вымести полъ въ алтарѣ, смахнуть и стереть пыль съ престола и жертвенника, что лежитъ на прямой обязанности діаконъ, а равно—съ св. иконъ въ алтарѣ и иконостасѣ, что—на обязанности псаломщика, какъ и вымести въ алтарѣ полъ.... Все это обязательно должно быть исполнено предъ каждымъ богослуженіемъ. Чистота и опрятность въ алтарѣ и храмѣ должны быть безукоризненны вполнѣ“¹⁾.

Не смотря на то, что подобнаго рода распоряженія преосвященныхъ повторяются неоднократно и въ другихъ епархіяхъ, псаломщики бываютъ очень не аккуратны въ этомъ отношеніи, а при напоминаніи не любятъ слушать замѣчаній

¹⁾ Самар. Епарх. Вѣд. 1899 г. № 6.

священника и относятся очень недружелюбно къ тѣмъ своимъ настоятелямъ, которые дѣлаютъ имъ замѣчанія и читаютъ нотации. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что псаломщики новѣйшей формации какъ то странно, чтобы не сказать болѣе, относятся къ своимъ настоятелямъ. Рѣдко можно встрѣтить, гдѣ бы между священникомъ и псаломщикомъ существовали откровенныя и дружескія отношенія. Напротивъ какое то недовѣріе, недружелюбное и даже враждебное отношеніе псаломщика къ священнику замѣчается во многихъ приходяхъ.

Много можетъ быть и существуетъ причинъ недовольства причетника своимъ настоятелемъ. Но по нашему глубокому убѣжденію происходитъ это, главнымъ образомъ, оттого, что низшіе члены приходского клира, какъ ихъ отцы и праотцы, проникнуты тѣмъ же духомъ недовольства и недоброжелательства. Зависимое и, такъ сказать, приниженное положеніе причетниковъ въ приходѣ ищетъ выхода въ недоброжелательныхъ отношеніяхъ къ своему настоятелю. Ничего подобнаго, разумѣется, не было бы, если бы каждый псаломщикъ былъ проникнутъ идеею своего служенія. Но врагъ рода человѣческаго не дремлетъ и посѣваетъ раздоры даже тамъ, гдѣ ихъ по преимуществу существовать не должно. Но что дѣлать? И между ангелами нашлись злые духи, пожелавшіе быть выше своего блаженнаго состоянія, за что были низвергнуты въ бездну. Это же желаніе многихъ причетниковъ занять болѣе высшее положеніе, для чего зачастую употребляются мѣры далеко не похвальнаго характера, служить причиною и ихъ паденія и изверженія изъ клира. А чтобы сего не было, каждый псаломщикъ глубоко долженъ быть проникнутъ сознаниемъ, что ему подобаешь быть, *еже есть* и какъ хорошо было бы тогда въ приходѣ, какъ плавно бы текла приходская жизнь, не возмущаемая напастей бурей. Съ тѣхъ поръ какъ начался новый типъ псаломщиковъ, начались и волненія и раздоры между членами приходского клира. Эти неудовольствія, зачастую возникающія изъ причинъ пустыхъ и мало-важныхъ, превращаются въ отношенія слишкомъ обострен-

няя, ведущія къ непрерывнымъ жалобамъ и слѣдственнымъ дѣламъ, которыми въ послѣдніе годы въ высшей степени завалено консисторское дѣлопроизводство.

Могутъ возразить, что нельзя исключительно винить въ этомъ однихъ псаломщиковъ, часто и священники подаютъ поводъ къ этому. Раньше меньше было жалобъ потому, что причетники были народъ невѣжественный и мало развитой, а теперешніе причетники занимаютъ мѣста послѣ предварительной подготовки и экзамена, люди, такъ сказать, патентованные, поэтому они не могутъ равнодушно переносить и терпѣть все то, съ чѣмъ мирились старые дьячки.

Что сказать на это? Не будемъ спорить, что могутъ быть и священники, подающіе поводъ къ неудовольствіямъ и жалобамъ на нихъ псаломщиковъ, но такихъ случаевъ громадное меньшинство. Большинство же раздоровъ и несогласій между священниками и причетниками возникаетъ вслѣдствіе того, что теперешніе псаломщики слишкомъ высоко мнятъ о себѣ, забываютъ о томъ, что они, стоя на низшей ступени іерархической лѣстницы, должны съ почтеніемъ и уваженіемъ относиться къ лицамъ, стоящимъ ихъ выше по сану и положенію; а много-ли найдется молодыхъ псаломщиковъ, которые оказывали бы хотя внѣшніе знаки почтенія іерейскому сану? Много ли теперь псаломщиковъ, берущихъ благословеніе у настоятеля, что обязаны дѣлать не только псаломщики, но и діаконы? Много ли можно встрѣтить псаломщиковъ, которые стараются поддержать авторитетъ священника въ приходѣ, а не подрывать его? Такое отношеніе низшихъ членовъ клира къ своему настоятелю, разумѣется, не можетъ вести къ надлежащимъ и нормальнымъ отношеніямъ между ними.

Къ этому еще нужно прибавить, что нынѣшніе псаломщики не имѣютъ той любви и охоты къ прохожденію своей службы, какъ дьячки добраго стараго времени. Они смотрятъ на исполненіе своихъ обязанностей чисто формально и ко всему, что не входитъ въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей, относятся чисто формально и даже пренебрежительно. Такъ, мы видѣли,

какъ относились къ школъ старые псаломщики. Но нельзя того сказать о псаломщикахъ позднѣйшей формаціи. Не смотря на постоянныя напоминанія, замѣчанія, выговоры и штрафы, наши псаломщики и теперь относятся къ церковнымъ школамъ совершенно индифферентно. Мало того. При возникновеніи новаго типа псаломщиковъ и новой церковной школы, былъ констатированъ тотъ печальный фактъ, что многіе псаломщики противодействуютъ благоустройству церковныхъ школъ, возбуждая крестьянъ противъ матеріальнаго обезпеченія ихъ, настраивая крестьянъ враждебно противъ назначеннаго учителя, или же препятствуя дѣтямъ участвовать въ требуемомъ высшимъ начальствомъ чтеніи и пѣніи на клиросѣ 1).

Изъ всего сказаннаго выводъ таковъ, что народившійся новый типъ псаломщика далеко неудовлетворяетъ своему назначенію. И по внѣшнему виду, и по внутреннимъ достоинствамъ и принципамъ, и по той небрежности, съ которою они относятся къ исполненію своихъ обязанностей, а также въ отношеніяхъ къ настоятелю прихода и прихожанамъ, псаломщицкій институтъ нуждается въ коренной реформѣ, какал можетъ быть только достигнута, если на занятіе должностей псаломщиковъ будутъ поступать не случайныя лица, ни къ чему болѣе не пригодныя, а получившія спеціальную подготовку (и направленіе въ духѣ строго-церковномъ и нравственно-религіозномъ).

(Окончаніе будетъ).

Къ вопросу объ устройствѣ причтовыхъ домовъ въ сельскихъ приходахъ.

По поводу напечатанной въ № 6821 въ газетѣ „Южный Край“ статьи „Одинъ изъ видовъ обезпеченія сельскаго духовенства“,—считаю не лишнимъ привести законоположенія объ устройствѣ таковыхъ домовъ. Вотъ эти законы: Въ именномъ указѣ Высочайшемъ 28 февраля 1718 г. (Полн. Собр. Зак.

¹⁾ Киев. Епарх. Вѣд. 1899 г., стр. 639.

№ 3175) объ опредѣленіи къ церквамъ старость, между прочимъ повелѣно было: „ежели у которыхъ поповъ при церквахъ куплены дворы, за хоромное строеніе тѣхъ дворовъ платить имъ деньги изъ собранныхъ же *церковныхъ денегъ*“. Въ указѣ отъ 29 октября 1722 г. (П. С. З. № 4120) сказано: „ежели который попь умретъ, или за что отъ церкви отлученъ будетъ, то новымъ, которые посвящены будутъ на ихъ мѣста, тѣ дома отдавать и вновь пристраивать старостамъ на церковныя же деньги“.

По Высочайше утвержденному 6 декабря 1829 г. (П. С. З. № 3323) положенію ст. 11 п. 13—15 „о способахъ къ улучшенію состоянія духовенства“ повелѣно: „1) на основаніи указа 29 октября 1729 г. побуждать прихожанъ, особенно сельскихъ, чтобы отъ нихъ заводимы и поддерживаемы были по возможности дома для священно-церковнослужителей; 2) для большей удобности производить сіе постепенно и по мѣрѣ возможности каждаго прихода, на первый же разъ приводить въ сіе положеніе дома священниковъ; 3) въ особенности въ приходахъ помѣщичьихъ къ исполненію сей обязанности понуждать ревность и усердіе помѣщиковъ. Въ примѣчаніи къ 46 ст. уст. дух. конс., между прочимъ, сказано: „при разрѣшеніи постройки новыхъ церквей епархіальныя начальства предлагаютъ прихожанамъ-просителямъ устроить съ тѣмъ вмѣстѣ дома для жительства причта и въ случаѣ несогласія на то просителей или ходатайствующихъ за нихъ начальствъ, оставляютъ ихъ просьбы и ходатайства безъ дальнѣйшаго дѣйствія впредь до изъявленія такового согласія“.

Въ облегченіе къ приобрѣтенію въ церковную собственность домовъ для помѣщенія причтовъ, указомъ Св. Синода отъ 11 февраля 1870 г. за № 13 предоставлено епархіальнымъ начальствамъ право давать разрѣшеніе на обращеніе части доходовъ съ принадлежащихъ церквамъ оброчныхъ статей, за удовлетвореніемъ потребностей церкви, на улучшеніе содержанія причта, а также на употребленіе сихъ доходовъ и другихъ церковныхъ суммъ, равно какъ вѣчныхъ вкладовъ въ пользу причтовъ на устройство домовъ.

По 38 § Высочайше 12 іюня 1890 года утвержденной „инструкціи церковнымъ старостамъ“ „часть свободныхъ церковныхъ суммъ постановлено употреблять на наемъ или устройство помѣщенія для причта, гдѣ такового помѣщенія не имѣется“.

Согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта Высочайше утвержденному 14 іюня 1888 г. для обезпеченія сельскихъ причтовъ въ девяти юго-западныхъ губерніяхъ помѣщеніями, установленъ съ 1-го января 1889 г. временный поземельный сборъ. Подробности см. примѣчаніе 2 къ ст. 411, IX т., по продолж. 1889 г. Полагаю, что такой же временный поземельный сборъ, для устройства причтовыхъ помѣщеній, можно бы установить и во всѣхъ губерніяхъ.

На вопросъ, гдѣ взять усадебныхъ мѣстъ для устройства причтовыхъ помѣщеній? — отвѣчаю: по поводу возбужденнаго вятскимъ губернскимъ правленіемъ вопроса: „входятъ ли усадебныя земли, отводимыя духовенству, въ составъ установленной нормы примѣч. 1 ст. 462 X т. 3 ч. (по изд. 1893 г., къ ст. 349, 2 ч.) зак. меж. пропорція земли, нарѣзываемой къ ружнымъ церквамъ, въ обезпеченіе исправнаго платежа руги“? — Правительствующій Сенатъ отъ 5 ноября 1896 г., за № 6093 далъ знать, что „по смыслу 2 пункта 400 ст. IX т. свода зак. изд. 1876 г., церковныя земли бываютъ усадебныя для церковныхъ причтовъ и отводимыя церквамъ для довольствія отъ прихожанъ въ установленной межевыми законами пропорціи. Такимъ образомъ, эта статья указываетъ, что усадебная или одворичная земля должна отводиться сверхъ тѣхъ 33-хъ десятинъ, которыя полагаются для довольствія каждаго причта. Но въ законѣ находится также и точное указаніе этой усадебной или одворичной земли для причтовъ, а именно въ ст. 3-й X главы Высочайше утвержденной 25 мая 1766 г. межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ (кн. зак. № 12559) говорится, — что одворичная земля для духовенства должна отводиться сверхъ установленной закономъ пропорціи земли для довольствія причтовъ и въ размѣрѣ пропор-

ціональномъ послѣдней. Пропорція же эта опредѣлена такъ: сверхъ того (т. е. опредѣленной закономъ земли для довольствія духовенства) отводится по числу данныхъ четвертей этой земли и земля подъ дворы и огуменники, полагая на 1000 четвертей по 15 десятинъ, что по пропорціи надлежать будетъ. По изъясненію же законовъ межевыхъ ст. 424 т. X, ч. 2 свода зак. изд. 1893 г., каждая четверть земли равняется $\frac{1}{2}$ дес., въ каждомъ изъ трехъ полей, или $1\frac{1}{2}$ дес. на каждую четверть совокупно въ трехъ поляхъ, такъ что 100 четвертей должно равняться по существующей мѣрѣ 150 десят., на которыя и слѣдуетъ одворичной земли 19 десят., иначе на одворицу или усадьбу должна отводиться такая часть, которая бы равнялась $\frac{1}{10}$ общаго земельного отвода на причтъ". Указъ сей Правительствующаго Сената вятскимъ губернаторомъ объявленъ гг. земскимъ начальникамъ циркуляромъ 3 декабря 1896 г., за № 14923.

По пункту 4-му XIII ст. Городового Положенія, Высочайше утвержденного 11 іюня 1892 г., „Городскому Общественному Управленію предоставлено имѣть попеченіе о построеніи православныхъ церквей и о поддержаніи ихъ въ исправности“. А какъ построеніе церквей не мыслимо по закону (примѣч. къ ст. 46 уст. дух. консист.) безъ построенія домовъ для жительства причтовъ, то, конечно, наши православныя городскія общества озаботятся о построеніи такихъ домовъ при всѣхъ тѣхъ городскихъ церквахъ, при которыхъ такихъ нѣтъ, если только причты таковыхъ церквей обратятся къ нимъ съ своими просьбами.

Къ числу обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учреждений, по 4-му пункту 1118 ст. т. II свода Зак. изд. 1876 г. отнесено и попеченіе о построеніи церквей, а слѣдовательно, земства, заботясь о построеніи церквей, вмѣстѣ съ этимъ должны заботиться и о постройкѣ церковныхъ домовъ для квартиръ причтовъ.— „Намъ кажется, справедливо замѣтилъ Евг. Богославскій ¹⁾, что по устройству домовъ для прич-

¹⁾ Газета „Южный Край“ № 6821. 23 октября 1900 г.

товъ, могли бы придти на помощь сельскому духовенству земскіе начальники, изъ коихъ многіе заявили себя истинными сынами православной церкви и защитниками духовенства въ дѣлахъ житейскихъ. Не составило бы труда для земскихъ начальниковъ предложить крестьянскимъ обществамъ на сельскихъ сходахъ устроить квартиры для сельскихъ причтовъ. Мы думаемъ, такое предложеніе, подкрѣпленное достаточными доводами, въ большинствѣ случаевъ имѣло бы успѣхъ". Далѣе говоритъ Богославскій: „если бы земскіе начальники почему-либо отказались сдѣлать это, то тогда надо самому духовенству внести подобное предложеніе на обсужденіе сельскихъ сходовъ". Но мы полагаемъ, что прежде чѣмъ просить объ устройствѣ церковныхъ причтовыхъ домовъ городскія общества, земства, земскихъ начальниковъ и крестьянскія общества, слѣдуетъ сперва самому духовенству всесторонне обсудить объ устройствѣ такихъ домовъ на благочинническихъ и общепархіальныхъ създахъ. А вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, ни въ одной епархіи доселѣ на създахъ духовенства не только не былъ обсуждаемъ, но даже и возбуждаемъ. Благодаря Бога и попечительной заботливости нашихъ архипастырей, начиная съ 1879 г. много уже сдѣлано по улучшенію нашего быта: во многихъ епархіяхъ устроены епархіальные свѣчные заводы, устроены склады и лавки для продажи свѣчей, и вся чистая, не малая прибыль, получаемая съ этихъ заводовъ, идетъ частію на содержаніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, частію на разныя другія нужды епархій: наши духовно-учебныя заведенія приведены въ наилучшее состояніе; учреждены эмеритальныя кассы; улучшено состояніе вдовъ и сиротъ нашихъ выдачею денежныхъ пособій и устройствомъ для нихъ приютовъ и богадѣленъ, а въ послѣднее десятилѣтіе, частію на церковныя суммы, частію на пожертвованія духовенства, прихожанъ и разныхъ благотворителей, безъ пособія отъ казны, много построено прекрасныхъ домовъ для церковно-приходскихъ школъ; много построено также удобныхъ для школъ домовъ на вышеуказанныя сред-

ства, при пособіи казенныхъ суммъ. Пора же подумать и объ устройствѣ причтовыхъ домовъ, благо, усадебныя мѣста для такихъ домовъ будутъ отведены; лѣсъ на постройку такихъ домовъ по ходатайствамъ епархіальныхъ начальствъ, на основаніи 257—260 ст. Лѣсн. Уст. изд. 1893 г., безденежно или по уменьшенной цѣнѣ будетъ отпущенъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Да, пора подумать объ устройствѣ для насъ церковныхъ помѣщеній, пора просить нашихъ заботливыхъ, благопечительныхъ архимонаховъ ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ о приведеніи въ исполненіе приведенныхъ мною выше законовъ, изданныхъ заботливыми о нуждахъ духовенства Монархами.

Не предрѣшая сужденій и постановленій будущихъ съездовъ духовенства по вопросу объ устройствѣ причтовыхъ помѣщеній, считаю не лишнимъ сказать, что для образованія капитала на выдачу пособій на постройку причтовыхъ, церковныхъ домовъ въ бѣдныхъ приходахъ, не лишне было бы установить ежегодныя небольшіе взносы хотя отъ достаточныхъ церквей, особенно отъ тѣхъ, которыя обезпечены церковными, причтовыми домами; для сего же можно отчислять хотя небольшую часть прибыли свѣчныхъ заводовъ.

Протоіерей Іоаннъ Чижевскій.

ЗАМЪТКА.

Необходимость воздѣйствія духовенства на простой народъ относительно уваженія чужой собственности. Кому приходится жить среди простого народа, а особенно имѣть съ нимъ сношенія по хозяйственнымъ дѣламъ, тотъ можетъ убѣдиться, какъ этотъ народъ въ большинствѣ своемъ не привыкъ еще уважать чужой собственности. Не говоря уже объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ крестьянъ, у которыхъ привычка не уважать чужой собственности доходитъ до крайности и которые извѣстны по селамъ своею склонностью къ присвоенію чужого, нерѣдко можно слышать жалобы сельскихъ хозяевъ.

особенно помѣщиковъ, о томъ, что не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя сельскія общества мало проникнуты сознаниемъ необходимости свято уважать и не трогать чужого, съ каковымъ недостаткомъ простого народа сельскимъ хозяевамъ приходится вести упорную борьбу и переносить немало неприятностей.

Судебныя учрежденія и волостныя правленія завалены множествомъ дѣлъ, преимущественно касающихся присвоенія крестьянами чужой собственности, каковыя дѣла очень часто оканчиваются соотвѣтствующими наказаніями для виновныхъ. Замѣчательно только, что всѣ судебныя мѣры, относительно кражи крестьянами чужого, мало приводятъ къ благой цѣли—уменьшенію преступности въ этомъ родѣ, такъ какъ не искореняютъ причинъ зла. Бѣдность и невѣжество—вотъ тѣ причины, которыя наталкиваютъ нашихъ крестьянъ на преступленія противъ 8-й заповѣди Божіей. При своемъ умственномъ и нравственномъ невѣжествѣ крестьянинъ не можетъ разумно и честно бороться съ нуждою и такъ или иначе предупреждать ее, а потому свыкается съ нарушеніемъ 8-й заповѣди Божіей, какъ съ чѣмъ-то неизбежнымъ и даже извинительнымъ для него. Въ виду этого для искорененія такого зла въ крестьянской жизни могутъ быть дѣйствительны не столько судебныя мѣры, сколько духовныя, предоставленныя сельскому духовенству, которое обязано, по долгу своего пастырскаго служенія, развивать простой народъ умственно и нравственно, чтобы этотъ народъ сознательно относился къ своей жизни и находилъ въ своей совѣсти внутреннія силы для укрѣпленія въ добрыхъ привычкахъ. При этомъ важно, чтобы сельское духовенство обратило серьезное вниманіе не столько на взрослое, сколько на молодое поколѣніе, пріучающееся съ малыхъ лѣтъ къ неуваженію чужой собственности. Обратимся къ сельской жизни и докажемъ это на примѣрахъ извѣстныхъ всякому сельскому жителю. Наши крестьяне обыкновенно не имѣютъ собственнаго лѣса, а нуждаются въ немъ каждый разъ на топливо и на разные мелочныя предметы въ хозяйствѣ, какъ-то:

вилы, грабли и т. п. Такъ какъ въ настоящее время не во всякой мѣстности продаются лѣса, а если и продаются, то по дорогой цѣнѣ, мало доступной бѣдному крестьянину, то послѣдній, тайкомъ отъ лѣсныхъ сторожей, ухитряется брать нужное для себя въ чужихъ лѣсахъ и при этомъ очень часто посылаетъ своихъ дѣтей въ чужой лѣсъ, наказывая имъ, чтобы они принесли изъ лѣса нужное, да и не попадались бы въ руки лѣснику. Кромѣ этого, всякій крестьянинъ желалъ бы держать при домѣ свою собственную скотину, безъ которой такъ тяжело приходится въ хозяйствѣ; но, вслѣдствіе недостатка домашняго корма и скудныхъ деревенскихъ пастбищъ, крестьянинъ, чтобы не оставить свою скотину голодною, рѣшается пасти ее на чужихъ и даже засѣянныхъ поляхъ, и опять-таки эти потравы дѣлаются наибольше дѣтьми, пасущими на чужихъ посѣвахъ по допущенію родителей, которые, въ случаѣ обнаруженія потравъ, всегда извиняются тѣмъ, что потрава скотомъ случилась вслѣдствіе дѣтской неосмотрительности, за которую нечего и взыскивать. Такимъ образомъ крестьянскія дѣти, видя въ своихъ родителяхъ дурной примѣръ къ неуваженію чужой собственности, и сами съ малыхъ лѣтъ безболзненно позволяютъ себѣ брать чужое; особенно деревенскіе мальчики заявляютъ себя опасными врагами садовъ, огородовъ и баштановъ, гдѣ находятся лакомые для нихъ предметы. Не чрезъ этихъ ли деревенскихъ хещниковъ насаждаемыя по проселочнымъ дорогамъ деревья не могутъ привиться и вырасти, такъ какъ мальчики позволяютъ своему скоту портить эти деревья, а иногда выдергиваютъ ихъ себѣ на плетни для погони скота? Приобрѣвши эту нехорошую привычку съ малыхъ лѣтъ—не уважать чужой собственности,—крестьяне особенно обнаруживаютъ ее тогда, когда служатъ по вольному найму или работаютъ недалеко. Какъ рѣдко въ настоящее время среди крестьянъ можно встрѣтить работниковъ добросовѣстныхъ, радѣющихъ о собственности хозяевъ, вслѣдствіе чего теперь становится затруднительнымъ веденіе хозяйства въ селахъ! Замѣчается, что простой народъ и самъ

сознаеть этотъ недостатокъ свой, что можно видѣть изъ того недобѣрія, съ какимъ крестьяне обыкновенно относятся къ выборнымъ изъ своей среды должностнымъ лицамъ въ сельскомъ и волостномъ управленіи, каковыя лица за рѣдкимъ исключеніемъ очень часто мѣняются.

При такомъ недобросовѣстномъ отношеніи простого народа къ чужой собственности, сельскому духовенству нельзя оставаться равнодушнымъ зрителемъ вышеуказанныхъ грустныхъ явленій въ крестьянской жизни, а необходимо стараться объ искорененіи этого зла въ молодомъ поколѣннн, чего можно достигнуть главнымъ образомъ при посредствѣ церковно-приходской школы, гдѣ дѣти должны усвоить себѣ, насколько гнусенъ порокъ присвоенія чужаго, — какъ онъ противенъ Богу, никогда не оставляющему воровство безъ наказанія, — какъ чужое никогда не пойдетъ впрокъ человѣку, — какъ честныхъ людей Господь не оставляетъ безъ помощи въ здѣшней жизни и какъ поэтому нехорошо поступаютъ тѣ, которые и сами не стѣсняются брать чужое, и другихъ не отвращаютъ отъ этого зла. Что касается духовныхъ мѣръ по отношенію къ взрослымъ, то, кромѣ церковной проповѣди и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, сельское духовенство можетъ приглашать и членовъ церковно-приходскаго попечительства, обязанныхъ содѣйствовать духовенству въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія прихожанъ, къ борьбѣ съ этимъ деревенскимъ зломъ, чтобы члены этого попечительства и сами подавали примѣръ честнаго образа жизни и своихъ односельчанъ располагали къ тому же, налагая на виновныхъ въ этомъ отношеніи штрафы въ пользу церкви и школы. Только при такомъ энергичномъ дѣйствованіи всего сельскаго духовенства можно ожидать уменьшенія проступковъ противъ 8-й заповѣди Божіей среди простого народа. (Под. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 декабря 1900 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Королькооъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Господство

для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, января 7-го.

Содержаніе: Два господствующихъ недуга современнаго общества — рели-
гіозное равнодушіе и моральная безпринципность.—Старый, новый
и желательный типъ псаломщика (окончаніе).— Гомилетика, или
наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Два господствующихъ недуга современнаго общества — рели-
гіозное равнодушіе и моральная безпринципность.

„Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевоз-
можнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра,
изъ коей нельзя повторить ни одного выраженія, котораго не
знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею
народовъ. Она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣ-
стнаго; но книга сія называется Евангеліемъ,—и такова ея
вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ
или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не
въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погру-
жаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе“. Изъ устъ

знаменитаго свѣтскаго писателя-поэта Пушкина ¹⁾, не разъ доходившаго въ своемъ увлеченіи мірскою жизнью до пресыщенія ею и впадавшаго въ уныніе и тоску, съ полнымъ довѣріемъ должны принять это восторженное сужденіе его о благодѣтельномъ вліяніи Евангелія всѣ удрученные и обремененные люди современнаго свѣтскаго общества. Въ наше время среди свѣтскихъ людей, дѣйствительно, замѣчается пресыщеніе жизнью: чаще и чаще слышатся жалобы на уныніе и тоску, повысившія собою процентъ самоубійствъ. Но незамѣтно, чтобы люди искали себѣ утѣшенія именно въ евангеліи, къ нему стремительно обращались за уврачеваніемъ своихъ душевныхъ язвъ. Между тѣмъ оно-то именно, какъ слово Бога-Спасителя, истиннаго Врача людей, неповрежденно хранимое и непогрѣшимо изъясняемое св. Церковію, и способно научить человѣка, какъ и гдѣ онъ долженъ искать себѣ уврачеванія и можетъ найти его. Пусть написанное въ немъ изречено безъ малаго за 1900 лѣтъ тому назадъ,—оно вѣчно ново, потому что, какъ слово Бога—Источника жизни, заключаетъ въ себѣ неизживаемыя начала истинной жизни (Іоан. 6, 85; ср. 4, 14 и др.), потому что, съ другой стороны, все одинъ и тотъ же несовершенный человѣкъ, къ которому обращено оно съ наставленіемъ, обличеніемъ или утѣшеніемъ, съ одной и той-же грѣховной природой, съ тѣми же недостатками и слабостями; все та-же и жизнь человѣческая; какъ-бы ни были разнообразны ея проявленія, въ нихъ повторяется вѣчно старая исторія увлеченій и борьбы интересовъ, рѣже благородныхъ и возвышенныхъ съ низкими и порочными, чаще однихъ только этихъ послѣднихъ. „Ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ“, говоритъ Екклезіастъ (1, 10)—такого „чего бы не было въ вѣкахъ мимомедшихъ“. Все современно и все безгранично древне! Если безспорно, что и родимся и умираемъ мы, какъ въ глубочайшей древности, то и не живемъ-ли мы такъ-же, какъ тогда?

¹⁾ См. „Идеалы Пушкина“—рѣчь, произнесенная В. В. Никольскимъ на торжеств. актѣ въ СПбургской Дух. Академіи. 1881 г.

Не мало печальнаго сходства представляетъ духовная жизнь современнаго общества съ жизнію іудеевъ временъ Іисуса Христа. Не задаваясь широтою сопоставленія, мы беремъ для него іудеевъ, какъ они изображены въ рѣчи Господа, обращенной къ нимъ по поводу ихъ колебаній относительно воспоминаемаго нынѣ Церковію св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и Самого Господа (Мѡ. 11, 7—19; Лк. 7, 24—35).

Въ безотрадномъ свѣтѣ представляется здѣсь духовная жизнь этихъ іудеевъ. Она обнаруживаетъ пустоту внутренняго содержанія, возбуждавшюю въ ея носителяхъ усталость, утомленіе жизнію. Безъ надежды получить оправданіе дѣлами закона, исполненіе котораго они обратили въ бездушную, лицемѣрную обрядность (Мѡ. 11, 8—9), съ сердцемъ, пресыщеннымъ чувственными удовольствіями, съ совѣстію, притупившеюся отъ частаго пренебреженія ея внушеніями, они уже не находили въ своей жизни отрады и свѣта, устали жить, разсѣянно и почти безнадежно нища, на чемъ-бы сосредоточить имъ жизненный интересъ. Какъ пустынные путники, обезсиленные путешествіемъ и томимые жаждою, завидѣвъ источникъ, съ радостію спѣшатъ къ нему, такъ и эти іудеи, слышавъ, что явился въ пустынѣ мужъ сильный словомъ и дѣломъ, съ радостію устремились къ нему, надѣясь встрѣтить въ немъ обновителя своей усталой и духовно угасавшей жизни. Но, растративъ въ грѣховномъ упоеніи свои духовныя силы до утраты свойственной имъ по природѣ способности къ распознаванію истины, они не признали въ великомъ Пустынникѣ провозвѣстника пришедшаго Царства Божія, соблазнились его постническимъ видомъ и воздержаніемъ—столь несродными ихъ оземленившимся интересамъ: Іоаннъ „ни ѣсть, ни пьетъ“,—и сказали: „въ немъ бѣсъ!“ (Мѡ. 11, 18). Соблазвившись объ Іоаннѣ, они соблазнились потомъ и объ Іисусѣ Христѣ, но уже потому, что Онъ „ѣсть и пьетъ“. „Вотъ, человекъ, говорили они, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ“ (Мѡ. 11, 19). Такъ, пристрастіе къ міру

ослѣпило въ нихъ духовныя очи, и они сдѣлались неспособными воспринять свѣтъ истины; терзаемые томленіемъ духа, они встрѣтили провозвѣстника царства Божія—Іоанна, и его Устроителя — Іисуса, легкомысленнымъ, капризноупрямымъ отрицаніемъ, въ которомъ открывается ихъ грѣховное самоневѣдѣніе того, что имъ нужно для успокоенія ихъ мятущейся души.

19-ю вѣками отдѣлены мы отъ современниковъ Іисуса Христа. Но далеко-ли ушли отъ нихъ въ своемъ отношеніи ко Христу? Легкомысленно-равнодушное отношеніе къ христіанской религіи и моральная безпринципность не являются ли господствующими недугами и нашего времени? Чѣмъ объяснить эту постоянную измѣну христіанскому ученію—при страхѣ, однако, отречься совершенно отъ имени христіанскаго,—эту у многихъ быструю переменъ и вѣчное исканіе новыхъ и новыхъ учителей—будутъ-ли ими писатели или общественные дѣятели,—при отсутствіи своихъ какихъ бы то ни было взглядовъ на жизнь и ея явленія: мы вѣдь такъ давно привыкли жить не своимъ, а чужимъ умомъ!—это подражаніе и преклоненіе—замѣтите,—часто невольное,—предъ людьми и обычаями суетнаго свѣта; эту у многихъ боязнь сказать слово правды открыто; это какое-то, почти безсознательное искусство скрывать зло подъ покровомъ учтивости—при отвращеніи ко злу въ его грубомъ, отталкивающимъ видѣ; эту непомѣрную гордость, которая хочетъ знать только себя и не знаетъ „требующихъ нашей помощи“; это, въ результатѣ, обуявающее многихъ уныніе, вслѣдствіе пустоты, безсодержательности ихъ жизни, не дающей пищи душѣ? Чѣмъ объяснить все это, какъ не тѣмъ, что люди износились духовно, какъ вотъ тѣ іудеи, современники Христа, что въ нихъ нѣтъ личной христіанской цѣлостности, полноты внутренняго содержанія—или что то-же — нѣтъ религіозно-правственныхъ убѣжденій, проникнутыхъ духомъ Христовой любви, убѣжденій, которыя бы оживляли ихъ жизнь, проникали всѣ ея отношенія и проявленія?.. Какъ и во времена Христа, среди насъ лишь очень

немного избранныхъ, которые носятъ на себѣ не только имя, но и духъ Христовъ. Серьезный взглядъ на жизнь, открываемый намъ христіанской религіей, очень рѣдко встрѣчается въ наше время, особенно среди лицъ, пользующихся здоровьемъ, богатствомъ и прочими земными благами.

Такое отношеніе современнаго общества къ христіанству, однако, несправедливо было бы назвать совершенно враждебнымъ ему, вполне отрицательнымъ. Добро, Христомъ заповѣданное, еще не потеряло всякую цѣну въ глазахъ людей нашего времени: они любятъ его, уважаютъ истину, ненавидятъ неправду, хотя не въ себѣ, а въ другихъ. Современные христіане, какъ бы далеко ни отпали отъ Христа, не сдѣлались Его ненавистниками. Въ минуты неизбѣжныхъ въ жизни неудачъ, горестей и бѣдъ, — наблюденіе показываетъ, — они доступны бываютъ благодатному просвѣтленію. Тогда они охватываются стыдомъ отъ творимаго ими зла, ощущаютъ горькое отвращеніе къ себѣ и „носятъ невѣрствіе свое и жестосердіе“, „приходятъ въ себя“. Невольно обращаютъ они въ эти минуты свой взоръ на то, чѣмъ награждены они за ревностное служеніе своему идолу, на это безобразное, постыдное убожество своей души и, содрогнувшись отъ страха, спѣшатъ въ храмъ Божій. По тому усердію, съ какимъ внимаютъ они немолчно возвѣщаемымъ здѣсь глаголамъ жизни, мира и любви, видно, что ихъ осѣнило сознаніе, что вотъ здѣсь — близъ нихъ, находится средство обновленія — Христосъ, Его ученіе, Его Церковь. Имъ извѣстна нѣсколько сладость жизни во Христѣ. Они помнятъ годы своего дѣтства, какъ время наиболѣе тѣсной съ Нимъ жизни. И вотъ теперь, быть можетъ, посѣтило ихъ желаніе вернуть себѣ дѣтское сердце, умѣвшее радостно биться во время великихъ церковныхъ торжествъ? Быть можетъ, теперь размышляютъ они о томъ, отчего бы не стать имъ вѣрующими, убѣжденными христіанами, чтобы, живя постоянно подъ руководствомъ христіанскаго ученія, подъ кровомъ нетлѣнныхъ памятниковъ Церкви и ея неветшающихъ учрежденій, имѣть въ себѣ неизсякаемый

умственный свѣтъ и полноту жизни? Тонкій наблюдатель и знатокъ души свѣтскаго человѣка—Пушкинъ, свидѣтельствуешь, какъ видѣли, что удрученные горемъ люди, случайно открывъ Евангеліе, не въ силахъ бываютъ противиться его сладостному увлеченію и погружаются духомъ въ его божественное краснорѣчіе... То уныніе и тоска, на которыя такъ часто слышатся жалобы особенно отъ людей свѣтскихъ, не обьинномъ чемъ свидѣлствуютъ, какъ о томъ, что не совсѣмъ еще очерствѣло въ современномъ человѣкѣ сердце, не совсѣмъ еще ожесточилась душа: еще таятъ въ ней погребенными искры совѣсти и истинно-добрыхъ чувствъ, которыя иногда вспыхиваютъ, будучи возгнетены тяжестью надавившаго на душу грѣха. Исключая злоключенія жизни, когда люди прибѣгаютъ за утѣшеніемъ къ христіанской религіи и выдаютъ себя ея исповѣдниками, есть еще немного моментовъ, когда замѣчается общій подъемъ религіозности—напр., святая, свѣтоносная и спасительная ночь! Въ эту ночь христіане не смѣютъ отказать себѣ въ участіи въ торжественной встрѣчѣ Церковію Воскресшаго Господа, явившагося въ Своемъ воскресеніи Побѣдителемъ ада и смерти, Виновникомъ и ихъ христіанскаго званія, которое они недостойно носятъ. Вотъ эти моменты въ жизни современнаго общества и свидѣлствуютъ, что въ немъ нѣтъ полной вражды къ христіанству; но ими, къ прискорбію, и исчерпывается исповѣданіе христіанской религіи у большинства людей нашего времени. Проходятъ эти моменты,—нарушенный строй жизни восстанавливается, все входитъ въ ея обычный порядокъ,—и люди погребаютъ въ себѣ пробудившіяся было религіозныя влеченія и подлинно благочестивыя намѣренія и воздыханія. Теперь они не только не стремятся осуществить ихъ, но и не даютъ даже усилиться имъ въ своей душѣ, таятъ ихъ отъ посторонняго вниманія, прячутъ, какъ какую либо позорную болѣзнь. Отчего такъ? „Они боятся, чтобы ихъ не узнали, какъ христіанъ, и за то не поругались имъ сыны вѣка сего, чтобы имъ не сказали:

„бесѣда твоя явѣ ты творить“...¹⁾). Быть набожно-религіознымъ, видите-ли, позволительно современному человѣку въ горѣ, въ моменты исключительныхъ церковныхъ торжествъ; но въ обычное время почитается предосудительнымъ, какъ-бы недостойною его серьезности слабостію!

Уже изъ сказаннаго съ достаточною, надѣмся, ясностію открывается, что отношеніе современнаго общества къ христіанской религіи не есть отношеніе открыто-враждебное и отрицательное, а то легкомысленное, безразличное, просто холодное отношеніе, которое извѣстно подъ именемъ религіознаго индифферентизма. Это равнодушіе современныхъ людей къ религіи развилось на почвѣ пристрастія ихъ къ міру, увлеченія мірскою жизнью. Люди слишкомъ сильно предались житейскимъ попеченіямъ, приличіямъ и обычаямъ; въ жизни и дѣятельности они руководствуются совершенно посторонними и, по большей части, враждебными религіи интересами: стремятся или къ пріобрѣтенію богатства, или къ чести, къ созиданію себѣ вышшняго болѣе или менѣе виднаго положенія въ обществѣ, рѣдко къ наукамъ и искусствамъ, и изъ одного какого-либо идола суетнаго свѣта сомнительно—высокаго или прямо низкаго достоинства, создаютъ себѣ все содержаніе своей жизни. Называя себя христіанами и вышше дорожа этимъ священнымъ именемъ, они не отдають подобающаго мѣста христіанской религіи въ своемъ настроеніи и жизни, не стремятся къ усвоенію своимъ духомъ христіанскихъ началъ, къ сообразованію съ ними своей жизни и принимаютъ религію лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не мѣшаетъ обычному теченію жизни, не нарушаетъ ея строя, не идетъ въ разрѣзъ укоренившимся склонностямъ и страстямъ. Такъ, въ ряду христіанскихъ истинъ они обходятъ вниманіемъ ученіе о самоотверженіи, самоограниченіи и несеніи креста, какъ до нихъ не относящееся: это удѣль, по ихъ мнѣнію, высшихъ аскетически-настроенныхъ натуръ; но принимаютъ ученіе о всепрощающей любви Божіей къ грѣшнымъ

¹⁾ Филарета, митрон. Моск., слова и рѣчи, изд. 1848 г., т. I, стр. 118.

камъ, находя въ одностороннемъ пониманіи этого ученія источникъ грѣховнаго спокойствія въ своихъ нравственныхъ паденіяхъ. Предписанія Церкви о воздержаніи въ пищѣ во время поста и усиленной молитвѣ дома и въ церкви они не приимають, считая все это устарѣвшею формою богоугожденія или представляя извиненіе своей опустительности въ чело-вѣческой слабости; но являются неразумно-ревностными исполнителями церковныхъ предписаній объ утѣшеніи на праздни-чныхъ трапезахъ, церковныхъ „разрѣшеній на вся“. Ученіе о христіанской благотворительности приимають, но ограни-чиваютъ его до признанія благотворительности за одной лишь общественной благотворительностью, въ организаціи которой участвуютъ чаще на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: дѣла-же личнаго благотворенія отвергають изъ благороднаго своею казовой стороной соображенія содѣйствовать сокращенію уличнаго нищенства, тунеядства, замѣчаемой въ нищей братіи лѣни къ труду. Ученіе Церкви о божественномъ ея правѣ отлу-ченія отъ Своего тѣла тяжкихъ грѣшниковъ не приимають, какъ стѣснительное для ихъ свободомыслія въ собственномъ къ ней отношеніи; но охотно приимають и проповѣдуютъ ученіе о неосужденіи ближняго, о религіозной свободѣ, кото-рое превращается у нихъ въ проповѣдь религіознаго произ-вола и безразличнаго отношенія къ добродѣтели и грѣху, къ истинѣ и заблужденію. Незамѣтно, чтобы свѣтскіе люди при-знавали для себя необходимымъ внимательное и всестороннее изученіе христіанской истины: духовныхъ книгъ они не чи-тають, считая это занятіе спеціальнымъ дѣломъ духовенства, по долгу его службы, да развѣ еще простаго народа, въ виду его религіознаго невѣжества; сами-же довольствуются тѣми обрывками знанія христіанскаго ученія, какія сохранились еще съ дѣтства, послѣ нерѣдко неудовлетворительнаго изу-ченія школьнаго учебника. Въ ихъ бібліотекахъ вы найдете произведенія какихъ угодно свѣтскихъ писателей, но тщетно стали бы искать Библии и святоотеческихъ твореній; рѣдко встрѣтите даже Евангеліе! Священныя и духовныя книги

вытѣснены свѣтскими и, по большей части, несерьезнаго содержанія. Онѣ даютъ пищу нечистой фантази, на образахъ которой съ услажденіемъ останавливаетъ свое вниманіе погружившійся въ суету жизни человѣкъ; онѣ пробуждаютъ хорошо знакомыя ему дурныя чувства и вождельнія; онѣ даютъ обильный матеріаль для тѣхъ разговоровъ, что ведутся въ гостиныхъ, на обычныхъ свѣтскихъ собраніяхъ. Духовныя книги не могутъ имѣть такого приложенія: въ нихъ не вычитаетъ мыслей, которыми бы можно было блеснуть въ свѣтскомъ обществѣ; оттого онѣ почти и не находятъ въ немъ читателей себѣ. Но когда случайно проникнетъ въ общество интересъ къ какому-либо религіозному или церковному вопросу, а это случается, по большей части, тогда, когда свѣтская печать обрушивается нападками на строй церковной жизни по поводу какого-либо частнаго отрицательнаго явленія въ ней,— и равнодушно настроенный къ религіи беретъ разсуждать о поднятомъ вопросѣ, изливаетъ потоки краснорѣчія; но дѣлаетъ онъ это не столько изъ святой ревности объ истинѣ и справедливаго негодованія по поводу ея нарушенія, сколько изъ желанія показать свою освѣдомленность въ церковной исторіи и жизни, хотя она, по большей части, рѣдко простирается дальше того, что ему сказала послѣдняя, для этой цѣли прочитанная имъ духовная или свѣтская книжка. Такъ, христіанской религіи почти нѣтъ мѣста въ общественномъ настроеніи и жизни; не болѣе замѣтно вѣяніе ея и въ жизни частной домашней. Молитва по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ не приходитъ людямъ на умъ. Многіе на столько уклонились отъ посѣщенія церковнаго богослуженія, что бывають въ храмѣ Божіемъ не больше пяти-шести разъ въ годъ. Для большинства свѣтскихъ людей посѣщеніе храма Божія составляетъ не насущную потребность души—вознести свой умъ и сердце къ Богу, обновиться и вдохновиться свѣтлыми и возвышенными чувствами и настроеніями, какія переживаетъ въ храмѣ за церковнымъ богослуженіемъ вѣрующій христіанинъ, а дѣло привычки или даже развлеченія, которое притомъ

весьма часто оставляется ради торговых дѣлъ, посѣщенія знакомыхъ, какого либо увеселительнаго мѣста, или подъ предлогомъ различныхъ домашнихъ обстоятельствъ, неотложныхъ занятій или просто дурной погоды. Для многихъ храмъ Божій не школа благочестія, не страшное и святѣйшее мѣсто присутствія Божія, а мѣсто развлеченія, куда люди сходятся послушать пѣніе, свидѣться съ нужнымъ человѣкомъ, поговорить съ нимъ. Недостойное поведение предстоящихъ въ храмѣ, не прерываемое ими даже въ важнѣйшіе моменты церковнаго богослуженія, въ то время какъ смущаетъ совѣсть немощныхъ,—въ служителяхъ Церкви и всѣхъ ей преданныхъ сынахъ возбуждаетъ истинную скорбь объ упадкѣ въ нашемъ обществѣ благочестія и религіозности. Больно слышать, когда иные свѣтскіе люди въ примѣръ намъ ставятъ тихое, молитвами сосредоточенное поведение католиковъ и лютеранъ въ своихъ церквахъ. Не позоръ-ли намъ, что стали уже говорить, что съ ними, а не съ нами Господь?! Такимъ образомъ, для многихъ современныхъ христіанъ христіанская религія не жизнь, а или дѣло привычки, или украшеніе; какъ справедливо разсуждаетъ одинъ просвѣщенный изслѣдователь причинъ современнаго индифферентизма въ обществѣ, они признають догматы не потому, что безъ нихъ не могутъ ни понять, ни правильно устроить жизнь своего духа, и не потому, что догматы составляютъ для нихъ насущную потребность, рѣшеніе мучащихъ ихъ сомнѣній и вопросовъ, а просто потому, что они съ дѣтства привыкли къ этимъ истинамъ, знаніе христіанства составляетъ лишнее приобрѣтеніе ихъ ума, украшеніе жизни, безъ котораго можно легко и обойтись, и которое они готовы, пожалуй, съ легкимъ сердцемъ перемѣнить на что-либо другое. Христіанская истина для нихъ не глубочайшее убѣжденіе сердца, а лишь только вѣроятность,—весьма увлекательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшная гипотеза, въ которой однако они далеко не увѣрены и не стремятся достигать особенной увѣренности, такъ какъ безъ этой гипотезы они готовы легко обойтись, какъ могутъ

обойтись и безъ всякаго другого какого-либо несущественнаго для жизни знанія. Для многихъ современныхъ христіанъ христіанская религія—не внутренняя сила, которая бы направляла и мышленіемъ, и чувствами, и желаніями, и дѣятельностью, въ корнѣ перерабатывала бы нравственный строй ихъ личности и дѣлала бы изъ нихъ по духу истинныхъ христіанъ, — а простое знаніе, — весьма мало оказывающее вліянія на ихъ жизнь,—не главная и самая существенная цѣль жизни, а средство, которымъ они пользуются по своему усмотрѣнію ¹⁾).

Преп. А. Волгинъ.

(Окончаніе будетъ).

Старый, новый и желательный типъ псаломщика²⁾.

Какой же типъ псаломщика всего болѣе желателенъ въ настоящее время?

Прежде всего необходимо, чтобы псаломщики и по внѣшности и по внутреннему расположенію удовлетворяли своему назначенію. Выше мы указывали, что молодые псаломщики совершенно забыли объ одеждѣ своихъ предшественниковъ и употребляютъ самую разнообразную, доходящую иногда въ духовномъ лицѣ до неприличія, одежду. Русскій коренной чело-вѣкъ въ православномъ храмѣ привыкъ видѣть духовныхъ лицъ въ присущей имъ одеждѣ, той одеждѣ, какая и теперь употребляется въ монастыряхъ и кафедральныхъ соборахъ не только для лицъ носящихъ священный санъ, но и для причетниковъ и послушниковъ. Какъ было бы хорошо и благоприлично, если бы наши псаломщики, по крайней мѣрѣ въ храмѣ, облачались если не въ подрясники, то въ болѣе или менѣе длинную одежду, избѣгая куцыхъ заграничныхъ костю-

¹⁾ См. №№ 43—45 „Пастырскаго Собесѣдника“, ст. свящ. Лѣтницкаго „о причинахъ религіознаго индифферентизма въ современномъ обществѣ“.

²⁾ См. № 1 за январь 1901 г.

мовъ, вызывающихъ невольную улыбку у русскаго человѣка, называющаго такихъ франтовъ „поджарыми“ и „кургузыми“. Затѣмъ вполне желательно, чтобы въ храмѣ при совершеніи богослужебныхъ дѣйствій они облачались въ стихарь, для чего служить разрѣшенія и даже распоряженія многихъ епархіальныхъ начальствъ. Совершенно иной взглядъ и иное отношеніе прихожанина будетъ къ псаломщику, если онъ видитъ его въ стихарѣ. Въ такомъ видѣ псаломщикъ будетъ заслуживать гораздо большаго почета и уваженія со стороны своихъ прихожанъ, къ чему многіе изъ нихъ стремятся, но не достигаютъ, благодаря своему внѣшнему виду, не внушающему уваженія. Еще приличнѣе будетъ, если псаломщикъ, облачающійся во стихарь, будетъ стричь свои волосы не очень низко, какъ это вошло теперь въ моду, а такъ, какъ духовному лицу подобаешь. Внѣшній видъ—есть первое впечатлѣніе, которое производитъ одинъ человѣкъ на другого. Приличная же внѣшность соотвѣтствуетъ занимаемому имъ положенію въ свѣтѣ, и о человѣкѣ составляется довольно выгодное для него мнѣніе. Это первое впечатлѣніе, повидимому чисто внѣшняго характера, имѣетъ большое значеніе для оцѣнки поступковъ и дальнѣйшихъ дѣйствій извѣстнаго человѣка. Поэтому много выигрываетъ во мнѣніи своихъ прихожанъ тотъ псаломщикъ, который свой внѣшній видъ располагаетъ сообразно занимаемой должности.

Но еще болѣе заслужить вниманія и уваженія къ себѣ тотъ псаломщикъ, который съ внѣшнимъ видомъ позаботится и о внутреннихъ своихъ качествахъ и достоинствахъ. Такъ какъ псаломщикъ есть главнымъ образомъ помощникъ священника при совершеніи богослуженія и разнаго рода требъ церковныхъ, то разумѣется необходимо, чтобы жизнь псаломщика и поведеніе его вполне соотвѣтствовали важности исполняемыхъ имъ обязанностей. Для этого псаломщикъ долженъ быть прежде всего глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и свои религіозныя убѣжденія проявлять во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Въ храмѣ и внѣ храма онъ долженъ

избѣгать всего того, что бы могло подрывать его авторитетъ, какъ ближайшаго помощника священника. Поэтому къ священнымъ предметамъ онъ долженъ относиться съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ; чтеніе и пѣніе совершать истово и съ благоговѣніемъ; устава церковнаго не нарушать и твердо помнить, что храмъ есть домъ Божій и проклять всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ. Что же мы видимъ? Не говоря уже о томъ, сколь иногда предосудительно ведутъ себя эти сослужители и сотрудники священниковъ внѣ храма Божія, неблагоговѣйность многихъ изъ нихъ представляется особенно оскорбительною для религіознаго чувства въ храмѣ. Первое, что бросается въ глаза и крайне прискорбно, это то, что псаломщики не рѣдко являются въ храмъ въ нетрезвомъ видѣ, и дѣйствуютъ такъ, какъ свойственно нетрезвымъ. А какъ ведутъ себя иные изъ причта въ церкви и въ трезвомъ видѣ? Въ алтарь входятъ они съ меньшимъ почтеніемъ, нежели въ домъ уважаемаго прихожанина. Многіе изъ нихъ позволяютъ себѣ входить въ это св. мѣсто безъ всякой надобности, ни помолясь, ни перекрестясь. Посмѣются на клиросѣ, оглядываться при входѣ и выходѣ каждаго богомольца, разговаривать громко и смѣяться, пройтись по церкви безъ всякой надобности, по ихъ понятію, ничего не значить, хотя они и читаютъ: „въ храмѣ стояще, на небеси стояти мнимъ“. Что сказано относительно храма, то слѣдуетъ замѣтить и о другихъ мѣстахъ, въ которыхъ приходится причетнику бывать въ качествѣ чтеца и пѣвца и принимать участіе въ совершеніи требъ церковныхъ.

Твердое знаніе устава церковнаго и неуклонное выполненіе его, безъ всякихъ сокращеній и отступленій, осмысленное и выразительное чтеніе, а также строго-церковное, обиходное пѣніе должны быть отличительною чертою каждаго правоспособнаго псаломщика. Старые дьячки не въ училищахъ, а отъ своихъ отцовъ съ малолѣтства знакомились съ уставомъ и напѣвами; весь порядокъ службы знали твердо и этимъ гордились среди своихъ собратій. Для молодыхъ пса-

ломщиковъ, съ малолѣтства оторванныхъ отъ дому, изучавшихъ уставъ отвлеченно, не на практикѣ церковной, и то въ самомъ сокращенномъ видѣ, при поступленіи на мѣсто, изученіе полнаго устава безъ опытнаго руководителя становится тяжело;—и вотъ онъ, усвоивъ кой-какъ поверхностно, съ этими свѣдѣніями и пробивается всю жизнь. Загляните въ сельскую одноприходную церковь, гдѣ только священникъ и псаломщикъ, загляните въ такое время, когда два-три праздника приходятся въ одинъ день, или въ великій постъ, особенно на страстной седмицѣ,—вы, даже мало знакомый съ ходомъ церковныхъ службъ, не можете не замѣтить отступленія отъ устава, не услышать дикаго напѣва причетника, одиноко стоящаго на клиросѣ. Чѣмъ рѣже что поется въ церкви, тѣмъ оно псаломщику не знакомѣе,—и онъ пускается въ изобрѣтенія. Нужна глубокая сосредоточенность духа молящемуся, чтобы устоять при напорѣ соблазна съ клироса. А нашъ народъ настолько ли развитъ духовно, чтобы усвоить себѣ въ церкви такую сосредоточенность? Богослуженіе стройное умиляетъ его душу; молитва въ нее привходитъ, какъ бы соннѣ; тамъ, гдѣ стройно поютъ и внятно читаютъ, крестьянинъ ощущаетъ потребность молиться; а гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, онъ стоитъ безсознательно. И вотъ, вслѣдствіе этого, сельскія одноприходныя церкви, во время преждеосвященныхъ литургій, во время службъ страстной седмицы, бываютъ пусты совершенно. Вслѣдствіе этого, крестьяне тѣхъ селъ и деревень, гдѣ есть раскольники, не видя въ своемъ храмѣ насущной пищи по своему вкусу, для утоленія духовнаго голода, нерѣдко отправляются въ раскольничью моленную, гдѣ внѣшняя обстановка [не безъ эффекта. А знакомство простеца съ моленной рѣдко не оканчивается совращеніемъ въ расколъ.

Вотъ почему псаломщикъ, какъ главный чтець въ храмѣ, долженъ обратить на это самое серьезное вниманіе. А что церковное чтеніе должно быть улучшаемо, это ясно. Теперешнее чтеніе слишкомъ монотонно, однообразно и утоми-

тельно. Между тѣмъ богослужбеныя стихиры, псалмы, и каноны въ высшей степени умилительны по содержанію и могли бы возбуждать молитвенное настроеніе въ присутствующихъ, глубоко вѣрующихъ людяхъ, если бы были читаемы внятно и толково. Всякое чтеніе, а тѣмъ болѣе чтеніе церковно-славянское, требуетъ пониманія читаемаго, и только въ этомъ случаѣ оно можетъ быть осмысленнымъ и въ состояніи производить впечатлѣніе на слушателей; а потому для улучшенія церковнаго чтенія необходимо заставлять чтецовъ изучать славянскую рѣчь на столько, чтобы при чтеніи они не задумывались надъ словами, а произносили ихъ надлежащимъ образомъ, обращая вниманіе на знаки препинанія и ударенія.

Пожалуй, это было бы не по силамъ дьячкамъ стараго покроя, но этого необходимо требовать отъ псаломщиковъ новѣйшей формаціи. Намъ приходилось слышать отзывы о церковномъ чтеніи отъ лицъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, причемъ было высказываемо и мнѣніе объ улучшеніи церковнаго чтенія въ силу того, что чтеніе имѣетъ неотразимое вліяніе на молящихся. Если въ церкви идетъ чтеніе толковое и выразительное, то въ храмѣ царитъ всеобщій порядокъ и тишина, богомольцы чрезвычайно внимательно относятся къ читаемому и этимъ самое религіозное настроеніе ихъ настолько возвышается, что они положительно забываютъ о всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, твердо памятуя о томъ, что они пребываютъ въ храмѣ молитвы, гдѣ все должно быть „благообразно и по чину“, и не смотря на то, что служба продолжается нѣсколько часовъ сряду, не замѣчаютъ никакой усталости и скуки. Совершенно обратное дѣйствіе производитъ на предстоящихъ въ храмѣ чтеніе гнусливое, не выразительное и безграмотное. Слушая такое чтеніе, самые благочестивые богомольцы начинаютъ зѣвать, перешептываться, переминаясь съ ноги на ногу, а нѣкоторые и прямо уходятъ изъ церкви, лишь только начинается продолжительное чтеніе.

Въ виду высказанныхъ соображеній для нашихъ православныхъ храмовъ желателенъ псаломщикъ, который бы чи-

талъ осмысленно и толково, такой псаломщикъ, который бы не только читалъ, но и понималъ читаемое, словомъ человѣкъ болѣе или менѣе развитой, а не недоучка. Такой псаломщикъ будетъ обращать надлежащее вниманіе не только на чтеніе, но и на пѣніе, чтобы оно вполне соответствовало храму Божію и не было дико, вычурно и своеобразно. А то у насъ теперь, что ни храмъ, то и новый напѣвъ, хотя основные гласовые напѣвы должны быть и однообразны и устойчивы.

Къ числу важныхъ достоинствъ добропорядочнаго и благовоспитаннаго псаломщика слѣдуетъ отнести также и его поведеніе. Если каждый человѣкъ и христіанинъ долженъ вести себя сообразно званія своего, то тѣмъ болѣе это должно относиться къ псаломщикамъ. Хорошіе церковно-служители такъ же нужны, какъ и хорошіе священно-служители, и дурное поведеніе первыхъ много вредитъ успѣшному дѣйствованію на народъ послѣднихъ. Можетъ ли имѣть какое либо нравственное воздѣйствіе на прихожанъ самое горячее слово обличенія и вразумленія со стороны священника въ то время, когда ближайшее къ нему лицо — приходскій псаломщикъ отличается положительнымъ отсутствіемъ доброй нравственности и христіанскаго благоповеденія? Постоянное участіе при совершеніи богослуженія и другихъ требъ церковныхъ, совершаемыхъ для спасенія душъ вѣрующихъ, должны побуждать причтъ церковный быть на высотѣ своего призванія. Поэтому, какъ священно-служителямъ, такъ и церковно-служителямъ подобаетъ быть непорочнымъ, трезвымъ, цѣломудреннымъ, благочиннымъ, честнымъ, страннолюбивымъ, не пьяницей, не буйномъ, не сварливымъ, не корыстолюбивымъ, но тихимъ, миролюбивымъ, не сребролюбивымъ (1 Тимоѳ. 3, 2—3). Все это долженъ выполнять псаломщикъ для того, чтобы подавать хорошій примѣръ прихожанамъ и кромѣ того дурное поведеніе причетника вредитъ также и ему самому въ служебномъ отношеніи. Въ особенности псаломщикъ долженъ обращать вниманіе на то, чтобы быть трезвымъ, тихимъ

и покорнымъ своему настоятелю, чего требуетъ прежде всего благочиніе церковное.

Се что добро или что красно, но еже жити братіи скупи (Псал. 132, 1), сказала царь и пророкъ Давидъ. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ истиннымъ сочувствіемъ и любовію смотримъ мы на то семейство или общество, въ которомъ господствуетъ взаимное согласіе, миръ и спокойствіе, въ которомъ старшіе направляютъ свои распоряженія и дѣйствія къ общему и частному благу и довольству, а младшіе, подчиненные, сообразуясь съ мыслями и дѣйствіями старшихъ, начальствующихъ, съ своей стороны прилагаютъ все стараніе, чтобы какими либо поступками не нарушить общаго спокойствія, не повредить чьей либо пользы и доброму имени! Тѣмъ большее удовольствіе должно наполнять душу нашу, когда взаимное согласіе и миролюбіе бываютъ отличительными чертами жизни священно-церковно-служителей, когда господствуютъ миръ и доброе согласіе въ каждомъ клирѣ. Жизнь причта при добромъ согласіи и взаимномъ уваженіи младшими старшихъ принимаетъ плавный и болѣе поучительный характеръ: не слышно тамъ побужденій и поуканій, не слышно тамъ выговоровъ и брани и т. п. Каждый членъ клира знаетъ свою должность и мѣсто и все исполняетъ съ полнымъ усердіемъ къ своему дѣлу, отчего богослуженіе и требоисправленіе идетъ чинно, надлежащимъ порядкомъ и самую виднѣею своею способно располагать къ благоговѣйному стоянію въ храмѣ и къ болѣе внимательному слушанію всего читаемаго, поемаго и къ благоговѣйному созерцанію совершаемаго.

Затѣмъ, весьма желательно, чтобы псаломщикъ принималъ самое живѣйшее участіе въ благоустройствѣ своей приходской школы. Завѣдываніе школой поручено настоятелю прихода, а такъ какъ каждый псаломщикъ есть помощникъ священника, то само собою понятно, что онъ долженъ помогать ему въ заботахъ о лучшей постановкѣ своей приходской школы. Главный предметъ, на который должно быть всецѣло

обращено вниманіе псаломщика въ школъ—это церковное дѣланіе. Очень хорошо, если псаломщикъ настолько знаетъ дѣланіе, что, помимо преподаванія его въ школъ, можетъ также организовать хоръ. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ привлечь гораздо больше симпатій прихожанъ на свою сторону, чѣмъ учитель. Если даже у псаломщика нѣтъ способностей къ устройству хора и управленію имъ, все таки онъ долженъ посѣщать школу и преподавать въ ней дѣланіе унисонное гласное—это его прямой долгъ и обязанность. Кромѣ дѣланія въ школъ и церкви, псаломщикъ долженъ заниматься выборомъ чтецовъ и руководствомъ ихъ для чтенія на клиросѣ. Этимъ облегчится его личный трудъ, какъ главнаго церковнаго чтеца, и храмъ Божій огласится чтеніемъ дѣтскихъ голосовъ, этихъ земныхъ ангеловъ, возсылающихъ здѣсь на землѣ хвалу Богу, подобно тому какъ ангелы небесные выну хвалятъ Бога окрестъ престола Его. А какъ любятъ прихожане! если дѣти ихъ читаютъ въ церкви, объ этомъ и говорить нечего: они всегда неслыханно благодарны и признательны тому лицу, которое беретъ на себя трудъ руководства дѣтьми ихъ во время чтенія въ церкви.

Великую услугу окажетъ своему священнику псаломщикъ, если будетъ участвовать въ хозяйственномъ совѣтѣ, вѣдающемъ матеріальную сторону школы. Какъ извѣстно, въ дѣлѣ благоустройства школъ—это весьма важный вопросъ. Изысканіе средствъ на содержаніе школы, а также разумное и бережливое расходованіе одна изъ важныхъ заботъ завѣдующаго ею. Если псаломщикъ, какъ помощникъ завѣдующаго, принимаетъ живое участіе въ организаціи школы, то это можетъ только принести пользу школьному дѣлу. Умъ хорошо, а два лучше. Если завѣдующій школою въ лицѣ своего псаломщика имѣетъ помощника столь же преданнаго и интересующагося школьнымъ дѣломъ, какъ онъ самъ, то успѣхъ матеріальнаго обезпеченія школы можетъ значительно облегчиться. Изысканіе новыхъ средствъ содержанія и расходванія имѣющихся, запись школьныхъ суммъ въ приходо-

расходныя книги, школьная отчетность—все это должно интересоваться псаломщика настолько же, какъ и священника. Школа—это приходское дѣтище, которое должно находиться на попеченіи не только священника, но и псаломщика. Въ особенности можетъ быть полезно и незамѣнно участіе псаломщика, какъ школьнаго библіотекаря. Какъ извѣстно, завѣдываніе библіотекой, какъ и вообще школой, всецѣло лежитъ на священникѣ. Но послѣдній всегда болѣе занятъ, чѣмъ псаломщикъ, которому должна быть вручена школьная библіотека. Это крайне необходимо въ виду того, что учителя народъ случайный и всецѣло довѣрять имъ библіотеку нельзя. Въ этомъ отношеніи псаломщикъ, какъ человѣкъ болѣе или менѣе осѣдлый, и долженъ быть завѣдующимъ школьной библіотекой. Послѣ сдачи библіотеки, у псаломщика долженъ храниться ключъ отъ школьнаго шкафа и онъ обязанъ вести каталогъ книгъ, имѣющихся и вновь поступающихъ, а также выдавать книги и записывать ихъ.

Такое веденіе школьнаго библіотечнаго дѣла должно относиться къ обязанностямъ псаломщика, какъ и вообще веденіе всей письменной приходской части. Въ настоящее время псаломщикъ обязанъ не только вести метрическія записи, исповѣдныя росписи, писать копіи съ этихъ документовъ, но долженъ также записывать приходъ и расходъ церковныхъ суммъ, помогать священнику въ собесѣдованіяхъ съ прихожанами и вести записи ихъ, переписываться съ различными должностными лицами и общественными учрежденіями, вести опись церковнаго имущества и церковно-приходскую лѣтопись, сохранять архивъ церковный въ порядкѣ для того, чтобы пользоваться имъ въ случаѣ надобности и т. п.

Для того, чтобы псаломщикъ могъ удовлетворить этимъ требованіямъ, необходимо его надлежащимъ образомъ къ этому подготовить. Какъ извѣстно, существуютъ разнаго рода учебныя заведенія для подготовки лицъ къ извѣстнымъ спеціальностямъ, почему же не существуетъ такихъ заведеній, которыя бы спеціально занимались подготовкою псаломщиковъ, а

то кто обыкновенно занимаетъ у насъ причетническія должности? Въ псаломщики обыкновенно идутъ лица, большею частію исключенныя изъ духовныхъ училищъ и семинарій, исключенныя за малоуспѣшность, а чаще всего за дурное поведеніе. Чего же добраго можно ожидать отъ такихъ личностей? Не приготовленные ни къ какой опредѣленной должности предварительнымъ ученіемъ, иной разъ едва умѣющіе хорошо читать и особенно писать, они естественно оказываются плохими церковниками и помощниками священнику. Для подготовки же хорошихъ и правоспособныхъ псаломщиковъ необходимо устроить такое заведеніе, которое специально бы готовило къ занятію причетническихъ должностей. Въ каждой епархіи должны быть открыты *причетническіе классы*, при чемъ постановить за правило, чтобы ни одинъ уволенный изъ семинарій или училища, словомъ, ни одинъ посторонній человѣкъ, не прошедшій причетническаго класса, не получалъ бы мѣста псаломщика. При такихъ условіяхъ мы будемъ имѣть причетниковъ, надлежаще обученныхъ и доброй нравственности.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ присовокупить, что наши слова не есть лишь только огульное обвиненіе приходскаго клира въ малоспособности и недостаткахъ, а факты самыя реальныя, замѣтованныя изъ дѣйствительной жизни, во многихъ случаяхъ тормозящіе самое искреннее желаніе многихъ пастырей употребить зависяція мѣры къ поднятію умственнаго и религіозно-нравственнаго уровня въ приходѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что дѣятельность приходскаго пастыря всегда могла бы быть болѣе успѣшною и достигающею своей цѣли въ томъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ подъ руками такого помощника, который не только исполнилъ бы его взглядъ, но и самымъ дѣломъ помогать священнику въ прохожденіи имъ своихъ обязанностей.

Свящ. *Сергіонъ Брошковскій.*

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

18. Молитвенный духъ церковно-богослужебной проповѣди.

Каждая церковно-богослужебная проповѣдь православнаго священника должна быть проникнута въ той или иной степени глубокимъ, живымъ, высоко-правственнымъ чувствомъ. Это чувство проповѣдника можетъ, во время произнесенія имъ предъ народомъ своего учительнаго слова, восходить отъ силы въ силу, и если оно направляется непосредственно на главнѣйшіе предметы христіанской вѣры, то переходитъ даже въ молитвенное настроеніе. И это молитвенное настроеніе пастыря сообщаетъ церковно-богослужебной проповѣди его особый характеръ, особенную внутреннюю силу, которую можно назвать молитвеннымъ духомъ церковнаго слова.

Молитвенный духъ церковной проповѣди—это не то же, что предписываемое старинными гомилетическими правилами употребленіе въ заключеніи проповѣди молитвенныхъ обращеній къ Богу и благоугодившимъ Ему святымъ. Употребленіе краткихъ молитвословій въ концѣ проповѣди, для удовлетворенія псевдо-гомилетическихъ требованій, хотя ничего предосудительнаго не имѣетъ, но не имѣетъ также и слишкомъ большого значенія; а самое правило, предписывающее проповѣднику заканчивать проповѣдь молитвой, едва ли можетъ имѣть на своей сторонѣ достаточно вѣскія основанія. Дѣло въ томъ, что отвлеченно-теоретическія предписанія и указанія науки никоимъ образомъ не могутъ сдѣлать проповѣдника искреннимъ и усерднымъ молитвенникомъ, не могутъ вызвать въ немъ дѣйствительнаго молитвеннаго настроенія: молитва—дѣло духовное, и, какъ таковая, она не можетъ быть производима по указаніямъ внѣшней техники. Это—съ одной стороны: съ другой—молитва есть самое трудное дѣло въ церковно-учительномъ словѣ проповѣдника: даже древніе церковные учителя не всегда вводили въ свои проповѣди молитвословія, и только у не многихъ, горѣвшихъ духомъ, про-

¹⁾ См. № 52 за 1900 г.

повѣдниковъ можно пайти молитвенныя изліянія ихъ вѣрующей души. Но эти изліянія происходили не по указаніямъ теорій и не замѣняли собой какихъ-либо „конклюдій“, или заключеній проповѣдей, а были естественнымъ выраженіемъ полноты религіознаго чувства проповѣдниковъ и вносили въ ихъ поученія животворный, могучій молитвенный духъ. Молиться въ проповѣдяхъ, конечно, можно, даже должно; молитвенный духъ проповѣди и сказывается именно въ молитвенныхъ обращеніяхъ проповѣдника къ Богу, порождаемыхъ чувствомъ сердечнаго умиленія, глубокаго благоговѣнія или благодарственнаго восторга. Но предписывать проповѣднику употребленіе въ проповѣди молитвословій не можетъ никакая наука, не профанируя самой молитвы. Поэтому-то, заключительныя молитвы нашихъ проповѣдниковъ, вводимыя ими въ церковныя поученія въ силу стараго гомилетическаго правила, не всегда отличаются выразительностью и содержательностью. Эти молитвы—не плодъ высокаго, живого религіознаго чувства проповѣдника, а только общія, отвлеченныя фразы, почти ничѣмъ не отличающіяся отъ предшествовавшихъ имъ холодныхъ, безжизненно-схоластическихъ разсужденій о томъ или иномъ предметѣ вѣры или историческомъ событіи. И нѣтъ ничего удивительнаго, если эти молитвы, такъ неожиданно появляющіяся въ проповѣди и почти не вяжущіяся съ общимъ ходомъ рѣчи проповѣдника, не производятъ обыкновенно на слушателей глубокаго впечатлѣнія, не возносятъ къ небесамъ ихъ сердца, а подчасъ даже прямо вызываютъ на устахъ ихъ проницательную улыбку*).

Итакъ, молитвенный духъ проповѣди не заключается въ какой-нибудь одной опредѣленной части церковнаго поученія, въ родѣ „конклюдій“: онъ долженъ оживотворять всю проповѣдь. Но это не значитъ, чтобы слово проповѣдника все—отъ начала до конца—было одной сплошною молитвою къ Богу и святымъ. Это значитъ только, чтобы въ проповѣди пастыря живо чувствовалось его искреннее религіозное одушевленіе,

*) *Пивницкій В.*: „Образъ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, какъ учителя“ („Тр. К. Д. Ак.“, 1863 г., № 9).

лено сказывалось его высокое молитвенное настроеніе, слышалось его глубокое благоговѣніе предъ лицомъ Тріединаго Бога и свв. небожителей, выражалась его чистая, глубокая вѣра и упованіе на Бога. Этотъ молитвенный духъ церковно-богослужбной проповѣди, порождаемый глубокимъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ проповѣдника, выражающійся въ его сердечныхъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу и отражающійся даже въ голосѣ и во всей внѣшности, производитъ на слушателей глубокое впечатлѣніе, освящаетъ ихъ мысли, возноситъ къ небесамъ ихъ сердца, возбуждаетъ въ нихъ религіозное чувство, подвигаетъ волю ихъ къ исполненію божественныхъ повелѣній *). Рѣчь проповѣдника, полная молитвеннаго духа и богатая молитвенными обращеніями къ Богу, получаетъ особенный, священный характеръ, удерживаетъ вниманіе слушателей въ надлежащемъ напряженіи, соединяетъ всѣ сердца къ единодушному исповѣданію и прославленію Господа, источаетъ слезы умиленія и благодарности, научаетъ плакать и молиться **).

Необходимость и возможность внесенія въ церковно-богослужбную проповѣдь молитвеннаго духа опредѣляется не только тою духовною пользою, какую приносятъ слушателямъ проникнутое этимъ духомъ слово пастыря, но также и тою обстановкой, при которой это слово произносится. Церковно-богослужбная проповѣдь пастыря обыкновенно раздается въ святилищахъ православныхъ храмовъ въ торжественно-величественныя или трогательно-умилительныя минуты богослуженій. Христіане же идутъ въ храмъ Божій не за приобрѣтеніемъ только тѣхъ или иныхъ познаній въ области религіи и нравственности, — они идутъ, главнымъ образомъ, или повѣдать Богу свои скорби и душевныя тревоги, или повергнуться къ Его стопамъ свои смиренныя прошенія объ отпущеніи содѣянныхъ грѣховъ, или, наконецъ, въ восторгѣ излить предъ Нимъ свои чувства благодарности за полученныя отъ Него благодѣянія; но всѣ они идутъ въ храмъ, чтобы найти

*) *Клиторъ А.*: „Проповѣдь и ея истинный характеръ“ („Рук. для с. п.“, 1890 г., № 20).

**) *Г. Булашевъ*: „Проповѣдническое обозрѣніе“ („Богослов.-библ. Листокъ“, 1889 г., № 1).

тамъ *явленіе духа и силы*, просвѣтитъ свое сердце, утвердитъ свою слабую волю. Ища этого *явленія духа и силы* въ бого-служебныхъ молитвахъ и ꙗвленоꙗніяхъ, въ церковныхъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, христіане ищутъ его въ пастырской церковно-богослужебной проповѣди. На это исکانіе ими внутренней, благодатной, зяждительной силы христіанства въ пастырской проповѣди, которая и дѣйствительно, по своему назначенію, должна проникать внутрь существа челоуѣка „до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ“ (Евр 4, 12), указываютъ тѣ глубокіе вздохи слушателей и тихія молитвенныя призыванія ими, во время проповѣди, имени Господа („о Господи!“), которыя можетъ услышать каждый внимательный наблюдатель; указываетъ на это исکانіе также и крестное знаменіе, которымъ осѣняютъ себя благочестивые слушатели въ началѣ и концѣ проповѣди, особенно же въ тѣ минуты, когда и самъ проповѣдникъ обращается въ своей проповѣди съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу или святымъ*).

Въ виду такого запроса со стороны слушателей и той несомнѣнной духовной пользы, какую приносятъ имъ проповѣдь, оживляемая молитвеннымъ духомъ, гомилетическая теорія можетъ только искренно пожелать, чтобы всѣ пастыри-проповѣдники воспитывали въ себѣ религіозное чувство и молитвенное настроеніе. Непрестанно вознося, по заповѣди апостола, къ Вседержителю молитвы, проповѣдники, приобрѣтніе, путемъ долгихъ молитвенныхъ упражненій, молитвенное настроеніе, не будутъ нуждаться въ искусственномъ сочиненіи молитвъ для своихъ церковно-учительныхъ словъ, но молитва сама будетъ исходить изъ ихъ сердца, какъ живое выраженіе ихъ глубокаго и искренняго религіознаго чувства.

(Продолженіе будетъ).

* *Клитинъ А.*: „Проповѣдь и ея истинный характеръ“ („Рук. для с. п.“, 1890 г., № 41).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 декабря 1900 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира II. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

Господство

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, января 14-го.

Содержаніе: Два господствующих недуга современнаго общества — рели-
гіозное равнодушіе и моральная безпринципность (окончаніе). —
Почему Церковь воспрещаетъ священникамъ присутствовать при
увеселительныхъ зрѣлищахъ?—Дешевый волшебный фонарь. (Практи-
ческая замѣтка).—Замѣтка.

Два господствующих недуга современнаго общества—рели-
гіозное равнодушіе и моральная безпринципность ¹⁾).

Удивительно-ли, что вслѣдствіе такого индифферентнаго
отношенія современнаго общества къ религіи, мы встрѣчаемся
въ немъ нерѣдко съ фактами самаго непростительнаго и
постыднаго незнанія ея и непониманія ея? Мы привели-бы
для примѣра нѣсколько такихъ фактовъ, если бы не боялись
быть принятыми за рассказчика анекдотовъ. Но не можемъ
не указать, какъ на печальное послѣдствіе религіознаго равно-
душія современнаго общества, на то шатаніе умовъ, на то
сектантское разномысліе, которое заявляетъ о себѣ столькимъ
числомъ явныхъ жертвъ и еще болѣе, быть можетъ, тайныхъ.

¹⁾ См. № 2 за январь 1901 г.

Развѣ возможно было бы это печальное явленіе въ нашемъ обществѣ, если бы послѣднее отличалось преданностью религіи и Церкви? Религіозное равнодушіе и въ слѣдъ за нимъ, какъ его порожденіе, наше сектантство вовсе не склонны, впрочемъ, видѣть причину своего происхожденія въ пристрастіи къ міру, въ увлеченіи мірской суетой, опустошившихъ человѣческую душу истиннымъ содержаніемъ. Иногда можно слышать въ нашемъ обществѣ такое сужденіе, что въ охлажденіи къ религіи и потомъ отдѣленіи отъ Церкви виновны не сами отдѣлившіеся, а духовенство, сама Церковь и даже христіанская религія, по недостатку въ себѣ моральной силы и духа животворности якобы неспособны удовлетворить глубокихъ духовныхъ запросовъ современнаго христіанина. Столь легкомысленныя сужденія невольно напоминаютъ выше приведенныя нами безумныя рѣчи современниковъ Иисуса Христа о Немъ Самомъ и Его вѣрномъ рабѣ—Іоаннѣ. Какъ и эти послѣднія, онѣ продиктованы нѣкоторымъ современнымъ христіанамъ ихъ грѣховнымъ самоневѣдѣніемъ, грѣховнымъ самообольщеніемъ на счетъ высоты своего духовнаго настроенія и развитія. На самомъ же дѣлѣ онѣ являются показателемъ приниженности ихъ духовныхъ запросовъ, которые, бывъ загрязнены въ своей чистотѣ, заглушены въ своей свѣжести и ослаблены въ своей интенсивности пристрастіемъ къ міру и его благамъ, естественно уже не встрѣчаютъ себѣ удовлетворенія въ предлагаемомъ Церковію и ея пастырями чистомъ, возвышенномъ и отрѣшенномъ отъ всего мірскаго ученіи.

„Любы міра сего вражда Богу есть, иже бо восхоцеть другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ,—говоритъ слово Божіе (Іак. 4, 4). Не будучи въ силахъ, вслѣдствіе этого, подняться до постиженія истинно-возвышеннаго и прекраснаго въ религіи и Церкви, нѣкоторые и обвиняютъ въ томъ не себя, а самую религію и Церковь. Обычно лукавая совѣсть наша ищетъ причины своего паденія не въ насъ, а внѣ насъ—въ другихъ. Эта истина наблюдается во всей исторіи человѣчества—отъ Адама чрезъ современниковъ Господа до нашего времени.

Наше духовенство, говорятъ, умственно-неразвито, нравственно-непорядочно, неучительно и, потому, не можетъ удовлетворять духовныхъ запросовъ своихъ пасомыхъ, не можетъ имѣть на нихъ нравственнаго вліянія. Истинная цѣна этихъ сужденій познается изъ того, что они принадлежатъ, по большей части, людямъ, которые слишкомъ мало знаютъ наше духовенство, чуждаются его въ житейскихъ отношеніяхъ, рѣдко его видятъ, проповѣдей его не слушаютъ и не склонны слушать, жадно подмѣчаютъ въ немъ одно дурное и замалчиваютъ доброе, отрицательно и несочувственно относятся къ его просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности, въ которой духовенство достаточно заявило и свою способность къ учительству и свое нравственное вліяніе на пасомыхъ. Истинный мотивъ обезцѣниванія этой дѣятельности пастырей и несочувственнаго къ ней отношенія со стороны нѣкоторыхъ членовъ свѣтскаго общества, кажется, опять то-же религиозное равнодушіе, испытывающее въ расширеніи ея пастырями непріятное ограниченіе своего свободомыслія въ отношеніи къ Церкви и прикрывающееся обычно красивыми фразами о предоставленіи людей самимъ себѣ въ дѣлѣ религіи, во имя пресловутой религіозной свободы. Наоборотъ, всякое отрицательное явленіе въ жизни отдѣльныхъ пастырей не потому-ли такъ жадно подмѣчается нѣкоторою частію нашего общества и безъ малѣйшаго колебанія переносится ею на все сословіе, что доставляетъ ей и оправданіе религіознаго равнодушія и условіе спокойнаго пребыванія въ немъ? Всѣ щедрые на осужденіе нашего духовенства много были бы осторожниѣ въ своихъ строгихъ приговорахъ о немъ, если бы перестали его чуждаться, послѣдовавъ хотя бы совѣту мудраго мужа 18 вѣка Татищева, оставленному имъ въ завѣщаніи къ своему сыну: „Имѣй съ пастыремъ частое свиданіе“...¹⁾

Еще менѣе основательны и несравненно болѣе преступны сужденія нѣкоторыхъ членовъ нашего общества, что Церковь

¹⁾ См. Правосл. Соб., 1872 г., 3 кн., Знаменскаго—Приходское духовенство..., стр. 237.

православная не обладает моральною силою для удовлетворенія религіозныхъ и вообще духовныхъ запросовъ своихъ чадъ, что духъ животворности подавленъ и заглушенъ въ ней ея сложною, якобы бездушною обрядностью, отжившею, будтобы, свое время и уже несомвѣстною съ умственною развитію современнаго человѣка, ищущаго въ учрежденіяхъ Церкви духовности и простоты. Такъ разсуждаетъ современное религіозное равнодушіе съ его мнимо-высокими, какъ выше мы видѣли, духовными запросами, равнодушіе, опытно почти не познавшее и не вкусившее истинной духовной жизни! Того оно не хочетъ знать, что богослужебные обряды Православной Церкви исполнены глубочайшаго смысла и назидательности, наглядно представляя въ себѣ, въ мѣру человѣческой воспріемлемости, все величіе и необъятную глубину содержанія христіанства, воплощая важнѣйшія событія новозавѣтной исторіи,—что церковныя молитвословія и пѣснопѣнія, при глубинѣ мысли, богаты истинно-поэтическихъ образовъ и самыхъ глубокихъ чувствъ, то свѣтлыхъ и радостныхъ, то грустно-умилительныхъ и покаянныхъ,—что всѣмъ содержаніемъ и всею своею обстановкою церковное богослуженіе создаетъ около христіанина такую нравственную атмосферу, въ которой онъ, если не утратилъ только воспріимчивость, переносится всѣмъ своимъ настроеніемъ, всѣми помыслами въ небесный міръ святости и правды, окрыляется вѣрою въ Бога-Спасителя, любовію къ Нему и людямъ, надеждою на помилованіе.—и въ этихъ чувствахъ забываетъ свои земные интересы и нужды, отрѣшается отъ обычныхъ заботъ и выходитъ изъ храма нравственно-обновленнымъ и добрымъ для жизни и дѣятельности... Того не хочетъ знать современное религіозное равнодушіе, что церковное учрежденіе постовъ направлено къ подавленію въ насъ пагубнаго пристрастія къ міру, къ возвращенію нашей душѣ силъ, отнятыхъ у насъ нашимъ слабымъ тѣломъ въ его служеніи міру,—и тотъ, кто свято исполняетъ постъ, награждается возстановленіемъ гармоніи во взаимоотношеніи своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ

силъ, необходимой для вдохновенія святою радостію слѣдующихъ за временемъ поста великихъ церковныхъ праздниковъ... Можно ли послѣ этого говорить, что учрежденія Православной Церкви лишены благотворнаго воспитательнаго вліянія на человѣка: они ли не содѣйствуютъ ему въ воспитаніи въ себѣ христіанскаго настроенія, они-ли не оживляютъ въ немъ стремленіе и способность къ достиженію нравственнаго идеала—конечной цѣли нашего бытія на землѣ?.. Къ говорящимъ противное приложимы, глубоко-вѣрныя слова Гоголя, исторгнувшіяся изъ его вѣровавшей души подъ тяжелыми впечатлѣніями современной ему холодности къ Церкви: „мы—трупы, а не Церковь“!.. Религіозное равнодушіе не оставило своими легкомысленными сужденіями и христіанской религіи. Въ нѣкоторой части нашего общества носится мнѣніе, что религія есть „дѣло сердца“ и только и нужна почти для одного дѣтскаго возраста, а съ умственной развитостію она уже несовмѣстима. Въ томъ не хотятъ убѣдиться люди, что христіанская религія есть не только дѣло вѣры, но и высочайшее раціональное ученіе, объемлющее всю область человѣческаго знанія и мысли и проникающее всѣ отношенія и проявленія нашей жизни. Позабывается, что вліянію христіанства обязано своими успѣхами и само знаніе, такъ какъ именно христіанство сняло съ природы то мифологическое покрывало, которое окутывало суевѣрнымъ страхомъ всѣ ея явленія, не допуская человѣка къ свободному и спокойному изслѣдованію ихъ. Христіанство провозгласило человѣка царемъ природы и открыло ему въ ней необозримо-широкую область для изслѣдованія и изученія. Оно вдохновило его на благородное занятіе науками и искусствами и служеніе ими своимъ ближнимъ,—подарило и обогатило человѣчество въ области науки—богатѣйшими проявленіями богословствующей мысли, въ области искусства—истинно-художественными произведеніями во всѣхъ его видахъ: и въ словѣ, и въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ. Христіанская религія—и только она одна—способна сообщить человѣку и истинную образованность и

благородство во взглядахъ и убѣжденіяхъ, придать имъ такую твердость, которой не одолѣетъ мірская суета. Но религіозное равнодушіе не хочетъ знать никакихъ доказательствъ своей неправоты и всегда отворачивается, не узнавши ихъ. Этимъ оно особенно и опасно, этимъ и навлекаетъ на себя столь грозное осужденіе Господа, изреченное въ Апокалипсисѣ (3, 15—16).

Помимо броженія умовъ и сектантскаго разномыслія, другимъ не менѣе печальнымъ плодомъ религіознаго равнодушія является замѣчаемая въ наше время моральная безпринципность. Неосвѣщаемые религіознымъ ученіемъ, неживляемые религіознымъ чувствомъ, нравственные принципы блекнутъ въ своей чистотѣ и свѣжести, слабѣютъ въ интенсивности, низводятся съ своей высоты на невысокую степень житейской морали, смѣшпваясь съ ея правилами. Отсюда неудивительно, что вмѣсто заботливаго проведенія въ жизни нашего общества высокихъ христіанскихъ правилъ мы сплошь и рядомъ замѣчаемъ въ ней обычай, напоминающіе языческую старину. Они у всѣхъ на виду, и не о нихъ мы хотѣли-бы говорить здѣсь. Важнѣе отмѣтить тѣ ходячія правила житейской морали, которыя являются руководственными началами въ жизни и дѣятельности большинства современныхъ христіанъ. Напрасно было бы искать въ нихъ чистоты христіанской нравственности. Такъ, въ наше время считается непростительнымъ и постыднымъ лишить человѣка собственности или въ лицо надругаться надъ его убѣжденіями или недостатками; но почти не вмѣняется въ грѣхъ повредить кому либо въ успѣшномъ веденіи дѣла, злословить ближняго за глаза, или въ глаза посмѣяться надъ нимъ, но такъ тонко, чтобы онъ не могъ требовать удовлетворенія за обиду, хотя бы и больно чувствовалъ ее. Въ глаза злорадствовать несчастному считается безчеловѣчнымъ, а созидать благополучіе на его несчастіи — только умѣнемъ пользоваться обстоятельствами. Открыто выхвалять себя, возглашать во всеуслышаніе о своихъ преимуществахъ и правахъ на высшее внѣшнее положеніе

рѣдкій изъ насъ рѣшается; но всякій не прочь достигать этого положенія разными темными и кривыми путями, при сдѣлкахъ съ совѣстью, попирая правду; измѣняя ближнимъ въ довѣрїи, любви, дружбѣ или просто добромъ знакомствѣ. Изъ этихъ примѣровъ съ очевидностью, надѣмся, открывается, до какой степени пристрастіе къ міру низвело людей съ высоты нравственно-христіанскаго настроенія и вмѣстѣ съ религіознымъ равнодушіемъ ослабило въ нихъ сознаніе святости соблюденія въ жизни высокихъ началъ христіанской нравственности. Среди насъ рѣже и рѣже встрѣчаются цѣлостныя христіански-настроенныя натуры, сохранившія себя неоскверненными отъ міра. Въ своихъ добрыхъ дѣлахъ мы на бѣльшую половину злы и лишь на мѣньшую добры. Благотворенія нами имѣютъ цѣлью не столько благо ближняго, сколько наше собственное прославленіе. Тамъ, гдѣ послѣднее не можетъ имѣть мѣста, гдѣ оказано можетъ быть одно только чистое, безъ посторонней примѣси, благо ближнему, мы весьма часто уклоняемся отъ добрыхъ дѣлъ. Похвалы наши растворены лестію, любовь—угодничествомъ, печальнымъ слѣдствіемъ чего является то, что замѣтно рушится среди людей взаимное довѣрїе, и въ замѣнъ его распространяется общая другъ къ другу подозрительность. Такъ, всѣ мы малые грѣшники: немножко безбожны, горды, немножко завистливы, легкомысленны, лживы, немножко, такъ или иначе порочны. Но мы такъ пропитаны этими малыми грѣхами, что носимъ въ себѣ опасность обратиться въ тяжкихъ, великихъ грѣшниковъ. Вѣдь изъ среды же людской выходятъ и выходили послѣдніе! Вчитайтесь въ хронику судебныхъ процессовъ и вы поразитесь скоростью людей къ обидѣ и мести, тою легкостью, съ какой нарушаются въ наше время долгъ службы, уваженіе къ чужой личности и собственности и къ своей личной чести и доброму имени!

Всѣ указанныя нами преступленія противъ религіи и нравственности суть язвы, проступившія на духовномъ организмѣ нашего общества, пораженнаго религіознымъ равно-

душіемъ и моральною безпринципностью, потому что „изъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія“ (Мѡ. 15, 19). Эти язвы требуютъ немедленнаго уврачеванія, — и отгадно отмѣтить, что лучшіе, благомыслящіе и радѣющіе о народномъ благополучіи члены нашего общества выступили на борьбу съ общественными недугами и довольно энергично взялись за благородное дѣло общественнаго оздоровленія. Мы разсмѣемъ, прежде всего, оживленіе среди нашихъ пастырей учительско-проповѣднической и школьно-учебной дѣятельности, ихъ заботливость о благолѣтіи и благочиніи церковнаго богослуженія и улучшеніи церковнаго пѣнія въ духъ истинной церковности, свѣдѣніемъ нашимъ древнимъ церковнымъ напѣвамъ, — ~~патриархальнымъ~~ — все возрастающее въ числѣ открытіе въ наше время ~~религіознаго~~ просвѣтительныхъ, миссіонерскихъ и иныхъ обществъ: ~~помощи~~ о народной трезвости, охраненія народной нравственности, защиты несчастныхъ женщинъ и дѣтей и пр. т. п. ~~Эти~~ мѣропріятія и учрежденія цѣлны тѣмъ, что въ большей или меньшей степени отвлекаютъ вниманіе людей отъ постоянныхъ ~~въ~~ размышленій о благополучіи своего бреннаго тѣла и о ~~благахъ~~ вещественныхъ и отъ пристрастія къ нимъ и мірскимъ удовольствіямъ, — обращаютъ ихъ помыслы къ своей безсмертной душѣ и ея насущнымъ потребностямъ, популяризируютъ въ обществѣ христіанскія идеи, разсѣиваютъ массу мірскихъ впечатлѣній, которыми окруженъ современный человекъ, иными чистыми и возвышенными впечатлѣніями, которыя, бывъ чаще повторяемы, способны становятся составить тѣмъ противовѣсъ и, чрезъ это, содѣйствовать очищенію отъ нихъ загрязненнаго ими человѣческаго сердца. Поскольку означенныя мѣропріятія и учрежденія достигаютъ этого благого результата, постольку они цѣлны, потому что, отвлекая человека отъ міра, они тѣмъ самымъ возвращаютъ его къ религіи и Церкви и дѣлаютъ способнымъ къ усвоенію христіанскаго ученія. Для усвоенія его нуженъ чистый, отрѣшенный отъ мірскихъ по-

мысловъ умъ, и еще болѣе—чистое сердце (Мѡ. 5, 8). Это потому, что христіанское ученіе есть не просто ученіе, но и дыханіе жизни, которое должно одушевлять все существо чело́вѣка до самыхъ сокровенныхъ его движеній. Какъ ученіе Божественной любви, оно дышетъ именно любовію и можетъ быть принято только любовію. Для усвоенія его, поэтому, нужно сердце чистое, отверстое для любви, способное впитать въ себя дышащее въ христіанской религіи дыханіе любви. Очищеніе сердца и совѣсти общественной и должны поставить своею задачею вышеозначенныя просвѣтительныя и попечительныя объ общественномъ благополучіи учрежденія. Церковныя мѣропріятія, конечно, имѣють полный залогъ успѣха въ осуществленіи этой задачи, полностью ими преслѣдуемой и, по самому существу ихъ, имъ свойственной, до исключенія всякой другой цѣли.

Но на ряду съ этими учрежденіями, для блага общественнаго не менѣе, если не болѣе, нужны и отдѣльные добрые труженики, люди силы и духа святой религіозной ревности. Истинные устои общества составляютъ, быть можетъ, не столько идеи и добрыя учрежденія, сколько *живые* добрые люди. Въ исторіи объ истребленіи богоотступниковъ Содома и Гоморры Откровеніе говоритъ намъ о единственной силѣ, которая способна погасить гнѣвъ Божій. Эта сила—десять праведниковъ. Люди силы и духа всегда представляютъ собою нравственное могущество,—и именно на немъ опирается жизнь общества. Чистые сердцемъ, они въ самомъ дѣлѣ носятъ что-то божественное въ своемъ духовномъ образѣ, создаютъ около себя нравственную атмосферу, противъ которой не въ силахъ устоять соблазны міра и соблазнители. „Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“—свидѣтельствуетъ о себѣ Св. Апостоль Іоаннь (1 посл., 5, 4). Посему, „кто есть побѣждающій міръ, токмо вѣруй“ (тамъ же, 5 ст.)? Пусть безумные іудеи соблазнялись объ Іоаннѣ Крестителѣ: нѣкоторые не устояли въ соблазнѣ... Но „слушайте Ирода. Тщетно видѣлъ онъ отсѣченную главу Іоанна: проходитъ нѣсколько

мѣсяцевъ,—появляется новый пророкъ. Это—Илія!—говорятъ иные. Это—Исусъ изъ Назарета!—говорятъ другіе. „Нѣтъ,—отвѣчаетъ имъ Продъ,—это—Іоаннъ!.. Ему все еще кажется, что Іоаннъ точно близъ него и вездѣ преслѣдуетъ его своими обличеніями“ ¹⁾. Такова сила вліянія на другихъ религіозно-убѣжденнаго человѣка: ни онъ, ни слово его не умираютъ! Предъ огненнымъ взоромъ ревнителей вѣры и правды часто исчезаетъ, какъ дымъ, всякое глумленіе надъ святыней, возраженіе не идетъ на языкъ, самая холодность къ бѣрѣ и та трогается!.. Потому-то вотъ для вліянія на современное равнодушіе къ религіи общества особенно потребны люди, подобные по силѣ своихъ убѣжденій Іоанну Крестителю, которые бы могли сказать людямъ твердое слово: не должно вамъ уступать міру!.. Люди втайнѣ уже ищутъ для себя опоры въ борьбѣ съ мірскими соблазнами; какъ бы отрадно они приняли ее! „Жатвы много, а дѣлателей мало“. Будемъ желать и „молить Господина жатвы, чтобы выслалъ“ Онъ изъ рядовъ нашихъ „дѣлателей на жатву Свою“ (Мѡ. 9, 37—38).

Преп. А. Волгинъ.

Почему Церковь воспрещаетъ священнику присутствовать при увеселительныхъ зрѣлищахъ?

Увеселительныя зрѣлища, какъ напр. конскія ристалища, цирки, балетъ и театры, не входятъ въ кругъ¹ удовольствій и развлеченій, дозволенныхъ Церковью священнику и запрещаются ему въ силу 24 правила VI вселенскаго собора:

„Никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ, ни монаху не позволяется ходити на конскія ристалища, или присутствовать на позорищныхъ играхъ...“

Аще-же кто обличенъ будетъ въ семь: или да престанеть, или да будетъ изверженъ“.

¹) Бесѣды Берсье, т. IV.

Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ Церкви на отношеіе священника къ увеселительнымъ зрѣлищамъ, въ частности къ театру, многимъ въ настоящее время кажется чрезчуръ суровымъ, стѣсняющимъ свободу духа, наконецъ, даже отсталымъ.

Было, говорятъ, время, когда Церковь имѣла полное основаніе наложить узы запрещенія на увеселительныя зрѣлища и сдѣлать ихъ недоступными для своихъ служителей; но это время, вмѣстѣ съ языческой культурой, миновало. Увеселительныя зрѣлища, главнымъ образомъ, театры, теперь представляютъ собою ничто иное, какъ продуктъ христіанской-же культуры, какъ мѣсто, гдѣ предлагаются выводы современнаго знанія и жизни. Развѣ нынѣшніе театры не доставляютъ своимъ зрителямъ высокаго, чисто художественнаго наслажденія и не даютъ нравственнаго назиданія? Поэтому, пора снять узы запрещенія съ увеселительныхъ зрѣлищъ и дозволить священнослужителямъ посѣщать театры. Въ виду этихъ толковъ, недоумѣній и даже нареканій, является не только теоретическій интересъ, но даже и практическая необходимость разрѣшенія вышеуказаннаго вопроса. т. е. выясненія причинъ запрещенія священнику присутствовать при увеселительныхъ зрѣлищахъ.

Понятны тѣ мотивы, какими руководилась и руководится Церковь, воспрещая священнику посѣщать конскія ристалища или скачки, цирки, балетъ, эти низшія формы увеселительныхъ зрѣлищъ. Они заключаются въ словахъ Ап. Павла: „Вся ми суть, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ“ (1 Кор. 10, 23). Слѣдовательно, принципомъ даже и удовольствій, должна быть нравственная польза, нравственное назиданіе. А какое назиданіе для ума, нищу для сердца и удовлетвореніе для эстетическаго чувства могутъ дать эти низшія, грубыя формы искусства, ласкающія только чувственный взоръ? Никакого, кромѣ пустоты и разсѣянія духа, неопредѣленныхъ, нечистыхъ образовъ, всего того, что несовмѣстимо съ важностью и серьезностью священнаго сана.

Даже болѣе того, конскія скачки, цирки и балетъ прямо противорѣчатъ назначенію и святости послѣдняго: первая—своими мрачными картинами зависти и недоброжелательства наѣздниковъ, ихъ алчнаго стремленія получить призъ, вторые—еще болѣе мрачными картинами пошлости среды, цинизма, нравственныхъ паденій и нравственной гибели своихъ сподвижниковъ.

Понятны также мотивы, по которымъ Церковь воспрещала священникамъ посѣщать театры въ древности. Театры этого времени были ловкимъ орудіемъ, а актеры—ревностными слугами князя тьмы. Они разрушали все, что христіанство создало: религію, нравственность, семейство, словомъ все, что есть самага святаго для человѣка, чѣмъ онъ движется и существуетъ. Это были буквально „позорищныя игры“, „сатанинскія зрѣлища“, на которыхъ происходили „худенія“. Недаромъ же отцы и учителя, какъ напр. Златоустъ и Тертуллианъ, относились съ такой пуристической строгостью къ древнимъ театрамъ.

Труднѣе указать причины запрещенія священнику присутствовать при сценическихъ представленіяхъ, развившихся на христіанской почвѣ и въ христіанскомъ обществѣ. Правда, и христіанскому театру, особенно позднѣйшему, присуще много темныхъ сторонъ, которыя слишкомъ сближаютъ его съ языческимъ. На сценѣ чаще и чаще появляются пьесы грубо-натуралистическаго характера, обнаруживающія у своихъ авторовъ чрезмѣрно-грубые вкусы и низменное міровоззрѣніе; съ другой стороны, игра актеровъ нерѣдко доходитъ до такого цинизма, что будитъ только низшіе, кровожадные инстинкты человѣческой природы, и никакъ не мирится съ возвышенностью міросозерцанія священника, съ идеальной чистотою его дѣлъ, внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ, помысловъ и желаній. Но никто не станетъ отрицать и того, что на сценѣ христіанскаго театра ставятся и произведенія возвышеннаго характера (напр. классическія), которыя могутъ имѣть немаловажное значеніе для обузданія нашихъ страстей, облагора-

женія и утонченія вкусовъ, очищенія и возвышенія нашихъ внутреннихъ помысловъ и чувствованій, вообще, для улучшенія и воспитанія духовнаго челювѣка, служащаго главнымъ предметомъ попеченій и священника.

Почему же Церковь воспрещаетъ послѣднему присутствовать при игрѣ подобнаго рода произведеній?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратить вниманіе, помимо содержанія пьесъ, на существо театральнаго искусства и посмотрѣть, нѣтъ-ли въ немъ чего-либо, противорѣчащаго идеѣ пастырскаго служенія.

Характеристической чертой театральнаго искусства, которая составляетъ его основу и безъ которой оно немыслимо, служитъ преобладаніе формы надъ идеей или другими словами, чрезмѣрная матеріализація формы, въ которой воплощается идея.

Это обусловливается, во-1-хъ, обиліемъ пластики. Послѣдняя выступаетъ на сценѣ всюду, въ декораціи и костюмировкѣ; самая личность актера, съ его мимикой, жестикуляціей и тѣлодвиженіями, является живымъ и весьма рельефнымъ произведеніемъ пластическаго искусства. Во 2-хъ, это обусловливается тѣмъ, что и другія, высшія искусства, имѣющія свое примѣненіе на сценѣ, какъ живопись, музыка, пѣніе и произношеніе актеровъ, носятъ тотъ-же характеръ рельефности, пластичности своихъ формъ: живопись—благодаря яркости красокъ, музыка и пѣніе—звучности, выразительности, живости и быстрой смѣнѣ тоновъ, произношеніе—драматизму. Эта чрезмѣрная матеріализація формы прямо противорѣчитъ духу православной церковности, строгимъ представителемъ которой и выразителемъ въ своей жизни и дѣятельности является священникъ. Наша церковность не терпитъ преобладанія формы надъ идеей, а требуетъ обратнаго отношенія между ними. Во имя этого требованія какъ церковная живопись должна быть одухотворенной, пѣніе—простымъ и умильнымъ, пастырское слово—безъискусственнымъ, чуждымъ всякой яркости и пластичности образовъ,

такъ и вся жизнь и дѣятельность священника—служеніемъ не формѣ, а идеѣ, способной сосредоточить духъ и возвести его къ горнему, небесному. А слишкомъ о матеріализованная форма, какою она является въ театральномъ искусствѣ, мало того, что приковываетъ духъ болѣе къ чувственному, чѣмъ горнему и небесному, можетъ имѣть даже положительно вредное вліяніе на личность священника, а вмѣстѣ съ этимъ и на его служеніе. По своей рельефности и пластичности, она очень сильно дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, на воображеніе и фантазію, возбуждаетъ нервы и какъ-бы опьяняетъ человѣка, дѣлаетъ его дряблымъ и вялымъ. Ему постоянно хочется жить въ мірѣ очаровывающей чувства, осязательной эстетики, и всякое напоминаніе объ обычномъ, суровомъ и прозаическомъ, долгѣ, отвлекающее отъ этого міра, очень для него непріятно. Мысль эту выражаетъ и св. Златоустъ. По его воззрѣніямъ, театръ пріучаетъ къ праздной и разсѣянной жизни и поражаетъ холодность къ семейной жизни и благочестію. Но, безъ сомнѣнія, наибольшая опасность угрожаетъ священнику отъ созерцанія самихъ актеровъ, формъ ихъ тѣла, пластическихъ движеній и жестовъ. Эстетическое наслажденіе часто переходитъ здѣсь въ грубо-чувственное, затуманиваетъ чистый взоръ, возбуждаетъ образы далеко не возвышеннаго характера, между тѣмъ какъ „священникъ долженъ быть такъ чистъ, какъ-бы стоялъ на небѣ среди ангельскихъ силъ“ (Златоустъ).

Другой характеристической чертой театральнаго искусства является лицедѣйство. Сущность его заключается въ томъ, что актеръ въ моментъ игры отказывается отъ своего я, своихъ мыслей и чувствованій и становится другимъ я, съ иными мыслями — чувствованіями. Указанная черта театральнаго искусства влечетъ за собою нѣсколько слѣдствій, одинаково несомнѣстимыхъ съ идеей пастырскаго служенія.

Первое слѣдствіе—неискренность актеровъ, фальшь въ ихъ жестахъ, мысляхъ и чувствованіяхъ. Эта неискренность и фальшь естественно обуславливается тѣмъ, что актеру, какъ

личности, нельзя стать другою личностью, отказаться отъ собственнаго я. Слѣдовательно, она есть явленіе неизбежное въ театральномъ искусствѣ и только можетъ различаться по степенямъ, быть большей или меньшей: если актеръ и герой, котораго онъ изображаетъ на сценѣ, болѣе похожи другъ на друга по своимъ характерамъ, фальшь меньше, наоборотъ, если они рѣзко различаются между собою, если напр добродѣтельнаго героя разыгрываетъ низкій въ нравственномъ отношеніи актеръ, а злого—высоконравственный, то фальшь больше, неискренность замѣтнѣе. Что неискренность и фальшь актеровъ есть явленіе, неотдѣлимое отъ театрального искусства и всегда ему присущее, объ этомъ свидѣтельствуетъ голосъ общественнаго сознанія, который часто мѣтко угадываетъ истину. Онъ считаетъ слова: „актеръ“, „театраль“—синонимическими съ словами: неискренность, фальшь, лицемеріе. Не будетъ-ли послѣ всего этого присутствіе священника при сценическихъ представленіяхъ прямымъ противорѣчіемъ съ его служеніемъ?

Въ церкви, приходѣ, домѣ, словомъ, гдѣ только сталкивается съ своими пасомыми, онъ бичуетъ неискренность и фальшь, старается искоренить ее, а въ театрѣ не только терпитъ ее, но восхищается ею и поучается у нея! Развѣ это не прямое противорѣчіе? Можетъ быть скажутъ: „неискренность и фальшь допускается актерами въ игрѣ, а не на самомъ дѣлѣ; поэтому, она не такъ ужъ противорѣчитъ пастырскому служенію, какъ вы думаете?“

На это надо сказать, что неискренность въ игрѣ и на дѣлѣ въ принципѣ представляютъ одинаковое уклоненіе отъ нравственнаго закона, и священникъ, какъ исполнитель и проводникъ его въ массу общества, долженъ искоренять и ту и другую. Притомъ же, сценическая игра не можетъ быть причислена къ категоріи обыкновенныхъ игръ; напротивъ, она есть дѣло, призваніе цѣлаго класса лицъ, доставляетъ имъ пропитаніе и поучаетъ общество.

Другимъ слѣдствіемъ является опасность для актера—потерять истинность своей личности, свой характеръ и само-

бытность. Угрожаютъ ему и другія опасности, напр. со стороны чувственности, которыхъ нелегко бываетъ избѣжать. Недаромъ же и Церковь и общественное сознание всѣхъ вѣковъ относилось и относится къ актерамъ съ такимъ предубѣжденіемъ: актеры—погибшіе люди, благоразумные родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ поступать въ этотъ классъ. Но изъ всѣхъ опасностей, окружающихъ актера, указанная опасность со стороны возможности обезличенія—труднѣе другихъ предотвратимая и болѣе другихъ серьезная по своимъ послѣдствіямъ. Подвергшись ей, актеръ дѣлается какимъ-то автоматомъ; собственная личность, ея дѣйствительныя, умственные и нравственныя нужды для него не существуютъ; всякій прогрессъ въ ея развитіи и совершенствованіи прекращается, а отсюда недалеко и до окончательной смерти и нравственной гибели ея. И кто послужилъ-бы причиной этой гибели? Священникъ, вмѣстѣ съ другими зрителями: не будь зрителей, не существовало-бы и актеровъ, не подвергались-бы они вышеуказаннымъ опасностямъ. Горе было-бы такому священнику! Если каждому, кто соблазнитъ одного изъ малыхъ, вѣрующихъ во Христа, предпозначена ужасная участь: „уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй“ (Мѣ. 18, 6), то какая участь ожидала-бы того, назначеніе котораго—спасать заблудшихъ овецъ, а не соблазнять и губить ихъ!

Можно указать и еще на одно слѣдствіе, несовмѣстимое съ идеей пастырскаго служенія. Согласно съ духомъ Евангельскаго ученія, какъ ученія о любви, христіанинъ долженъ въ порочномъ человѣкѣ ненавидѣть грѣхи, къ самой же личности относиться кротко, милостиво и снисходительно. Обратное мы часто видимъ въ театрѣ. При талантливомъ, мастерскомъ выполненіи отрицательной роли, при особенно яркомъ, пластичномъ изображеніи порока, у зрителя, какъ свидѣтельствуемъ опытъ, возбуждается гнѣвное чувство мести не только по отношенію къ пороку, но и къ личности изображаемаго героя, а чрезъ него, безсознательно и неволью, и къ личности

самого актера, чувство, сказывающееся въ томъ, что первый съ отвращеніемъ смотритъ на послѣдняго, даже не аплодируетъ ему. Но развѣ это чувство христіанское, чтобы его испытывать священнику? Послѣдній долженъ подражать Христу, Который молился за распинавшихъ Его враговъ, а не тому, кто съ жаждой мести гнѣвается на брата своего: „Всякъ гнѣваяся на брата своего, повиненъ есть суду“ (Мѡ. 5, 22).

Вотъ тѣ причины, по которымъ православная Церковь воспрещаетъ своимъ служителямъ присутствовать при увеселительныхъ зрѣлищахъ. Уступить требованіямъ вѣка—для нея значило-бы поступиться собственными интересами, пожертвовать своею истинностью. Но православная Церковь этого не дѣлаетъ: она стоитъ выше всѣхъ поверхностныхъ и измѣнчивыхъ заявленій времени, слѣдуетъ только Евангельскому ученію и преданіямъ апостоловъ, вселенскихъ соборовъ и св. отцовъ и учителей, потому-то она и православна.

Иванъ Самойловичъ.

Денежный волшебный фонарь.

(Практическая заметка).

Въ 44 и 45 №№ „Руков. для Сельскихъ Пастырей“ за 1900 годъ помѣщена статья: „О просвѣдительныхъ мѣрахъ и средствахъ для отвлеченія народа отъ предосудительнаго препровожденія свободнаго времени“. Въ этой статьѣ между прочимъ сказано, что „въ то время, какъ раньше волшебный фонарь служилъ роскошью, положительно недоступною для сельскихъ обывателей, отличался довольно сложной конструкціей, вслѣдствіе чего стоилъ весьма дорого, въ настоящее время онъ упрощенъ до послѣдней возможности и стоитъ отъ 5 рублей за экземпляръ. Для сельской аудиторіи фонарь въ 15 рублей вполне достаточенъ, и было бы очень желательно, чтобы имъ обзавелись всѣ руководители чтеній“¹⁾.

¹⁾ „Руков. для Сельск. Паст.“ 1900 г. Т. III, стр. 219.

Какъ самая статья, такъ, въ особенности, приведенныя слова произвели большую сенсацію „между соработниками нашими на нивѣ Христовой“. И авторъ статьи и редація были забросаны письмами, гдѣ можно пріобрѣсть фонарь за цѣну въ 15—20 рублей, т. е. фонарь дешевый, вполне доступный и средствамъ и помѣщенію деревенской аудиторіи? Отъ души радуемся столь отзывчивому отношенію нашихъ пастырей и готовности ихъ прійти на помощь „меньшей во Христѣ братіи, сидящей во тьмѣ и сѣни смертнѣй“. Такъ какъ и пишущему эти строки на первыхъ порахъ было трудно добыть эти свѣдѣнія, то съ удовольствіемъ готовъ подѣлиться добытыми свѣдѣніями по затронутому, какъ оказалось, самому животрепещущему въ настоящее время, вопросу ¹⁾.

Самые дешевые фонари изготовляетъ „спеціальная мастерская С. К. Акимовой“ (Москва, Арбатъ, д. № 40). Фонари этой фирмы „системы и новаго изобрѣтенія полковника Малиновскаго“, предназначены для *всевозможныхъ картинъ на бумагу*. Мастерская заявляетъ, что съ помощью этого фонаря, независимо отъ цѣны, можно разсматривать всевозможные рисунки, картины и фотографіи. Также можно вставлять въ фонарь книги съ рисунками. Изображенія, по словамъ фирмы, получаютъ на экранѣ ясныя, сохраняютъ все оттѣнки и краски и не уступаютъ таковымъ же для стеклянныхъ картинъ. При этомъ мастерская ссылается на *компетентные* отзывы о фонаряхъ, получаемые отъ заказчиковъ, а также различныхъ органовъ печати. *Цены фонарей*: малый дѣтскій 5 р., кабинетный 15 р. Таковы извлеченія изъ рекламы мастерской, заимствованной нами изъ „Полнаго Каталога волшебныхъ фонарей для непрозрачныхъ картинъ на бумагѣ изобр. полков. Малиновскаго“ ²⁾. Лицъ, заинтересованныхъ

¹⁾ Отвѣчать отдѣльно на каждый запросъ и затруднительно и отнимаетъ много времени, а настоящая заѣтка можетъ принести пользу и другимъ пастырямъ, интересующимся этимъ дѣломъ.

²⁾ Каталогъ стоитъ 20 к. и можетъ быть выписанъ по вышеизложенному адресу.

этимъ дѣломъ, мы отсылаемъ къ этой мастерской и ея каталогу, } при чемъ считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее.

Имѣя намѣреніе пріобрѣсть волшебный фонарь, я прежде всего намѣренъ былъ выписать фонарь системы полк. Малиновскаго. Уже было написано и письмо, сдѣланъ выборъ брошюръ и картинъ, но потомъ взяло какое то раздумье. Въ одномъ мѣстѣ услыхалъ, что, при освѣщеніи керосиномъ, фонарь этотъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ нуженъ сильный свѣтъ въ родѣ ацетиленоваго газа, друммондова свѣта, а еще лучше электричества: въ другомъ,—что выписанный фонарь оказался непригоднымъ, такъ что его пришлось возвратитъ обратно: въ третьемъ,—что фонари для всевозможныхъ картинъ на бумагѣ до сихъ поръ еще не усовершенствованы, вслѣдствіе чего плохо отражаютъ ихъ на экранѣ и т. п. Поэтому я и не рѣшился выписать такой фонарь, а выписалъ для картинъ прозрачныхъ, стоимостью въ 50 рублей, благодаря тому, что на этотъ предметъ, по добровольной подпискѣ, была собрана такая сумма. Фонарь этотъ работаетъ прекрасно ¹⁾, но черезъ чуръ великъ для сельской аудиторіи, для которой можетъ служить фонарь меньшихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего значительно дешевле. Имѣя подъ руками прейскуранты различныхъ фирмъ, для лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ, дѣлаю изъ нихъ извлеченія.

Самый дешевый фонарь для картинъ на стеклѣ,—это № 1-й изъ эмалированной жести, съ керосиновыми лампами. Аппаратъ, съ корпусомъ изъ эмалированной жести, снабженъ желѣзной лампой въ три плоскихъ фитиля, съ вытяжною трубою въ два колѣна, 13½ дюймовъ высотой. Конденсаторъ фонаря 103 мм., двойной. Объективъ изъ двухъ паръ стеколъ, ахроматическій, апланатъ, съ кремальерой на фокусъ. Аппаратъ рекомендуется для сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ, а также для семейнаго круга и, вообще, для такихъ

¹⁾ Выписанъ изъ мастерской картинъ для волшебныхъ фонарей А. Ф. Анциферовой, Москва, Новинскій бульв., уголъ Десятинскаго переулка. д. Афремова.

помѣщеній, гдѣ величина свѣтового круга не превосходить 3-хъ аршинъ при разстояніи 7—8 шаговъ фонаря отъ экрана. Размѣры фонаря: длина 17 дюймовъ, ширина 6 дюйм., высота (безъ трубы) 10 дюйм., вѣсъ фонаря 9 ф. *Цѣна 17 рублей*; упаковка 80 к., пересылка по разстоянію.

Фонарь № 2-й, *цѣна 24 рубля* (съ футляромъ). Аппаратъ съ корпусомъ изъ эмалированной жести. Портъ-объективъ новой конструкціи, допускающей установку картинъ какъ сбоку, такъ и сверху, чѣмъ устраняется всякое смѣщеніе фонаря во время работы и упрощается замѣна картинъ. Фонарь снабженъ желѣзной лампой въ 3 плоскихъ фитиля, съ вытяжною трубою въ 3 колѣна ¹⁾, 15 дюймовъ высотой. Конденсаторъ фонаря двойной, 103 м. въ діаметрѣ. Объективъ ахроматическій, апланатъ, съ кремальерой для установки на фокусъ, въ разстояніи 6—7 шаговъ отъ экрана даетъ дискъ въ 3—3½ аршина. Фонарь очень удобно укладывается въ металлическій футляръ съ ручкой и весьма удобенъ для переноски изъ одной аудиторіи въ другую, почему его можно въ особенности рекомендовать для народныхъ чтеній.

Эти свѣдѣнія заимствованы изъ каталога спеціальнаго склада заграничныхъ фонарей и проекціонныхъ приборовъ А. Д. Минъ. С.-Петербургъ, Малая Итальянская ул. № 61, по какому адресу и можно выписать оба фонаря, наилучшей англійской работы.

Изъ фонарей дешевыхъ, французской работы, можно указать слѣдующіе:

Модель „Милліонъ № 1-й“. Фонарь изготовленъ изъ лакированной жести, снабженъ объективомъ, свѣтосилы 1:4; лампа въ 3 фитиля съ рефлекторомъ. Цѣна фонаря въ жестяномъ ящикѣ 22 руб. Модель „Милліонъ № 2-й“ отличается отъ предыдущаго лампою въ 4 фитиля *цѣна 25 руб.*

¹⁾ Это очень важно, такъ какъ чѣмъ длиннѣе труба, тѣмъ сильнѣе можно пустить свѣтъ, а чѣмъ сильнѣе свѣтъ, тѣмъ лучше отраженіе картинъ.

Фонарь „Универсаль“—сциоптиконъ, наиболѣе употребляемый въ небольшихъ аудиторіяхъ. Построенъ изъ нержавеющей стали, частью ажурной работы. Конденсаторъ состоитъ изъ 2 плоско-выпуклыхъ линзъ, въ мѣдной оправѣ; объективъ двойной портретный ахроматическій, могущій служить и для сниманія фотографій. Оправа объектива и конусъ никкелированы. Фонарь помѣщается въ желѣзномъ ящикѣ, могущемъ служить подставкою при демонстраціи. Въ фонарь патентованная лампа въ 3 фитиля. *Цена 33 рубля.*

Эти три фонаря можно выписывать изъ мастерской картинъ для волшебныхъ фонарей В. М. Пересъ, Москва, Неглинный проѣздъ, д. Коломійцова, противъ Государственного Банка.

Кромѣ этихъ двухъ фирмъ можно указать на третью, которая гораздо болѣе распространена, чѣмъ первая двѣ, такъ какъ служитъ поставщикомъ учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербурѣ и Московской Комиссіи публичныхъ народныхъ чтеній. Фирма эта носитъ названіе „С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ“. *Троицкая ул. № 9-й.* Фирма удостоена награжденія одиннадцатью медалями, въ томъ числѣ нѣсколько золотыхъ. Къ особенностямъ издѣлій этой фирмы слѣдуетъ отнести слѣдующее. Такъ какъ и электрическія и керосиновыя горѣлки въ фонаряхъ разливаютъ при употребленіи много лучистой теплоты, то, поэтому, фирма признала полезнымъ устраивать фонари изъ дерева; внутри же деревяннаго корпуса помѣщаются металлическія прокладки для защиты стѣнокъ отъ жара и для полученія искусственной вентиляціи. При такомъ устройствѣ нагреваніе приборовъ съ внѣшней стороны значительно уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется также и запахъ отъ нагрѣтаго желѣза—обстоятельства столь непріятныя при употребленіи каждаго фонаря, построеннаго изъ желѣза. Хотя при такомъ устройствѣ и удорожается нѣсколько устройство аппарата, но за то въ немъ получается безъ сомнѣнія дѣйствительное усовершенствованіе.

Фирма изготовляетъ два дешевыхъ фонаря: № 1601. Фонарь изъ полированной ольхи и желѣза. Коническая камера и дверцы фонаря изъ лакированного желѣза. Конденсаторъ двойной, разборный, въ 4 дюйма въ діаметрѣ, объективъ ахроматическій, портретный съ кремальерою для наведенія на фокусъ. Керосиновая лампа изъ желѣза, безъ стекла, въ три плоскихъ фитиля по 2 дюйма, съ рефлекторомъ. По своей конструкціи этотъ фонарь назначается для полученія ярко освѣщеннаго, весьма отчетливаго изображенія въ 2—3 аршина въ діаметрѣ съ разстоянія въ 7—9 шаговъ. Упаковка 1 руб., пересылка за 30 фун. *Цѣна 22 рубля* ¹⁾.

№ 1591. Фонарь изъ полированной ольхи, корпусъ желѣзный. Коническая камера изъ желтой мѣди на мѣдныхъ колонкахъ. Конденсаторъ двойной, разборный, въ 88 миллиметровъ, объективъ ахроматическій, симметрической конструкціи, изъ двухъ паръ стеколъ, вставленныхъ въ мѣдную справу съ вращательнымъ движеніемъ для установки фокуса. Лампа патентованная, желѣзная, въ три фитиля по 40 миллиметровъ ширины, безъ стекла, съ рефлекторомъ. Аппаратъ назначается для полученія изображенія въ 3 — 3½ аршина съ близкаго разстоянія и потому *особенно удобенъ для употребленія въ небольшихъ помѣщеніяхъ*. Упаковка 1 рубль, пересылка за 30 фунтовъ. *Цѣна 30 рублей*.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ издѣліями этой мастерской отсылаемъ къ „Спеціальному иллюстрированному каталогу оптическихъ фонарей и картинъ къ нимъ“. Цѣна 40 коп.; адресъ: С.-Петербургъ, Мастерская учебныхъ пособій и игръ, Троицкая ул., № 9-й.

Вотъ и все, что извѣстно намъ о фирмахъ, продающихъ фонари цѣною отъ 5 до 35 рублей. Насколько фонари эти достигаютъ своей цѣли, сказать ничего не можемъ, а дѣлаемъ указанія на основаніи заявленій самихъ фирмъ, на отвѣтственности которыхъ и оставляемъ рекомендуемые фонари.

¹⁾ Если устранить добавленіе изъ дерева, то этотъ фонарь будетъ стоить не дороже 15 17 рублей.

Думаемъ, что не вкусивъ горькаго, нельзя извѣдать сладкаго. Поэтому, быть можетъ, кого-либо на первыхъ порахъ употребленія того или другого фонаря и ждутъ разочарованія, отъ этого нечего приходитъ въ отчаяніе и терять энергію. Необходимо принять къ свѣдѣнію то обстоятельство, что въ надежныхъ рукахъ и дешевый фонарь можетъ прекрасно выполнять свое назначеніе, а въ плохихъ—и хорошій не достигать своей цѣли. Все дѣло зависитъ отъ опытности и умѣлаго обращенія съ фонаремъ. Хотя это дѣло и очень не хитрое, все же лучше практически ознакомиться какъ обращаться съ волшебнымъ фонаремъ у лицъ, освѣдомленныхъ съ этимъ дѣломъ. Кто имѣетъ возможность лично приобрѣсть фонарь въ магазинѣ, тамъ обыкновенно охотно даютъ указанія первоначальнаго обращенія съ фонаремъ, а дальнѣйшій уходъ за нимъ предоставляется практикѣ лица, завѣдующаго волшебнымъ фонаремъ ¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ, что всѣ вышепоименованныя фирмы предлагаютъ особый конусъ (приспособленіе) для отраженія непрозрачныхъ картинъ, цѣною отъ 3 р. 50 к. до 5 руб. Но какъ самый фонарь для непрозрачныхъ картинъ еще не усовершенствованъ, такъ и приспособленіе къ фонарямъ для прозрачныхъ картинъ далеко не достигаетъ своей цѣли. У насъ подъ руками имѣется такой конусъ, стоимостью въ 5 руб., но это оказалось напрасною тратою денегъ, такъ какъ конусъ лежитъ безъ всякаго употребленія.

Свящ. С. Грюжовскій.

¹⁾ Весьма желательно, чтобы тѣ лица, которые приобрѣтутъ фонари указанныхъ нами фирмъ, сообщили свои опыты съ ними, тѣмъ въ столь сильной степени заинтересованы многіе подписчики нашего журнала.

ЗАМѢТКА.

Вразумленіе священника. „Исковскія Епарх. Вѣд.“ сообщаютъ: въ г. Тобольскѣ недавно умеръ прот. о. Михайлъ Л., которому было чудесное вразумленіе во снѣ, оставившее въ душѣ его неизгладимый слѣдъ до конца его жизни. При частомъ отправленіи богослуженія и нерѣдкихъ разъѣздахъ по приходу для совершенія требъ, о. Михайлъ однажды не вычиталъ всего положеннаго правила готовящимся къ причащенію св. таинъ, заснулъ и видитъ во снѣ: стоитъ грозный цѣлый сонмъ святителей, угрожающихъ ему строгимъ наказаніемъ за это; въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ святитель Николай, Мирликійскій чудотворецъ, упрасивающій прочихъ святителей пощадить сего іерея, обѣщаясь взять его подъ свое покровительство и ручаясь за него... Проснулся о. Михайлъ и далъ себѣ твердое слово никогда не оставлять, не сокращать молитвеннаго правила, что и исполнилъ до послѣдняго дня, можно сказать—послѣдней минуты своей жизни: умеръ, стараясь изобразить на челѣ своемъ крестное знаменіе.
(„Кормчій“).

Редакторъ. Ректоръ Кіев. Дух. Сем.. Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 4 января 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Л. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, января 21-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія.—Обстоятель-
ство, требующее уясненій.—Канцуклярная поѣздка въ Св. Землю
(продолженіе)—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣда-
ніи Слова Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго правоученія.

*О законъ Христовъ; его необходимость при законъ есте-
ственномъ и превосходство предъ всякимъ положительнымъ.*

Господь нашъ Іисусъ Христосъ не только научилъ насъ,
какъ должно вѣровать въ Бога, но и даровалъ намъ законъ,
какъ должно жить по вѣрѣ, чтобы спасти свою душу и на-
слѣдовать жизньъ вѣчную.

Законъ Христовъ не есть простая совокупность разныхъ
нравственныхъ правилъ, опредѣляющихъ каждый шагъ жизни
человѣка, а есть верховное начало христіанской жизни, кото-
рое обнимаетъ всѣ частныя правила и служитъ надежнымъ
руководствомъ во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Такимъ вер-
ховнымъ началомъ нравственности христіанство провозгла-

шаетъ любовь, именно—любовь къ Богу и ближнимъ. На вопросъ законника іудейскаго: „какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?“ самъ Спаситель указалъ на заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, какъ на высшія. „Возлюби Господа Бога твоего, отвѣчалъ Онъ, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мѡ. 22, 36—40). Любовь неоднократно поставлялъ Иисусъ Христосъ отличительнымъ признакомъ своихъ учениковъ (Іоан. 13, 34—35. Ср. 15, 9—14). Его Апостолы называли ее важнѣйшимъ, „царскимъ закономъ“ (Іак. 2, 8), сущностію и „исполненіемъ“ всѣхъ заповѣдей (Рим. 13, 10. Ср. ст. 8; Гал. 5, 14), „совокупностію совершенства“ (Кол. 3, 14). „Если бы у насъ кто спросилъ, говоритъ св. Григорій Богословъ въ словѣ о мирѣ, что мы чувствуемъ и чему поклоняемся? Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь“¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „въ сей заповѣди (т. е. о любви) сокращенно вмѣщается весь составъ заповѣдей“²⁾. По словамъ Блаж. Августина, „сущность всего Бож. Писанія заключается въ любви къ Богу и ближнимъ. Итакъ, если ты не имѣешь столько силы и времени, чтобы надлежащимъ образомъ пересмотрѣть всѣ листы св. Писанія, познать истину во всей ея наготѣ, постигнуть всѣ тайны писаній, то предайся только любви, которая обнимаетъ собою все прочее“. Начало это богооткровенное, но въ то же время оно глубоко естественно. Его глубоко-естественная основа коренится въ томъ, что самъ Богъ есть любовь“ (1 Іоан. 4, 8) и что „Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (ст. 10), а потому содѣлалъ богоподобный духъ нашъ (Быт. 1, 26—27) способнымъ къ свободному подвигу любви. Богъ есть любовь и мы, Его богоподобныя созданія, носимъ въ душѣ своей отпечатокъ этой же любви.

¹⁾ Русск. пер., т. II, стр. 231.

²⁾ Толков. на посланіе къ Риму, изд. 2, стр. 563.

Необходимость закона Христова о любви къ Богу и ближнимъ открывається изъ того, что присущее намъ естественное чувство любви, вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей, извратилось и уступило мѣсто совершенно противоположному расположенію—себялюбію или эгоизму, составляющему существо ветхаго въ насъ человѣка. И дѣйствительно, вникая во внутреннюю связь нашихъ душевныхъ движеній, нельзя не видѣть, что всѣ виды порока суть не что иное, какъ проявленіе преобладающаго въ человѣкѣ эгоизма, который перѣдко дѣлаетъ его и безбожнымъ и нечеловѣчнымъ, разъединяя какъ съ Богомъ, такъ и съ людьми. Духовное обновленіе человѣчества состоитъ въ одушевленіи его христіанскою любовію, принесенною въ міръ воплотившимся Сыномъ Божиимъ.

Недостаточность естественнаго нравственнаго закона повела къ тому, что съ первыхъ временъ исторіи тѣ или другіе народы старались внушенія этого закона выяснять и дополнять болѣе или менѣе ясными и опредѣленными узаконеніями. Эти узаконенія, въ отличіе отъ внутренняго или естественнаго закона, извѣстны подъ именемъ закона внѣшняго или положительнаго. Для народа еврейскаго, имѣвшаго особое назначеніе въ цѣляхъ Провидѣнія, законъ положительный данъ былъ свыше—чрезъ пророка Моисея. Но, какъ этотъ откровенный ветхозавѣтный законъ, такъ еще болѣе внѣшніе законы языческаго міра, явно носятъ печать несовершенства, *уступая* въ достоинствѣ закону Христову.

Заповѣдуемая въ законѣ Христовомъ любовь къ Богу и ближнимъ, есть чувство единое и нераздѣльное. Оно объединяется, какъ въ своемъ средоточномъ пунктѣ, въ любви къ Господу Иисусу Христу—Богочеловѣку, въ лицѣ Котораго мы любимъ и Бога и людей вмѣстѣ.

Какъ чувство, обращенное къ Богу, любовь христіанская состоитъ въ томъ, что вѣрующіе въ Иисуса Христа, духовно объединяясь съ Нимъ, сознаютъ и чувствуютъ себя „своими“ Богу „дѣтьми“ или „сынами Божиими“ (Ефес. 2,

19; Рим. 8, 16; Гал. 3, 26). Само собою разумѣется, что ни законъ Моисеевъ, ни тѣмъ болѣе положительныя законы языческихъ народовъ, не могли дать человѣку такого сознанія и чувства. Не вѣдая воплотившагося Сына Божія, древній міръ не могъ знать и Бога, какъ Отца своего Небеснаго.

Хотя откровенный законъ евреевъ и предписывалъ „любить Господа Бога своего, всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всѣми силами своими“ (Втор. 6, 5), однакожь онъ не могъ воспитать въ нихъ сыновняго чувства любви къ Нему. Состязъ въ завѣтъ съ Богомъ только по плотскому происхожденію отъ Авраама, ближайшимъ выраженіемъ чего служилъ самый обрядъ вступленія въ завѣтъ съ Богомъ—обрѣзаніе, Израиль только постепенно уяснялъ себѣ высочайше-нравственную Личность Божества и привыкъ относиться къ Господу, какъ къ Богу Авраама, Исаака, Іакова (3 Цар. 18, 6). Онъ видѣлъ въ Богѣ Іегову, Господа воинствъ и силъ, но всего менѣе Отца. Даже избраннѣйшіе изъ сыновъ Израиля, друзья Божіи (Исх. 33, 11; Втор. 34, 10) являлись въ отношеніи къ Богу въ положеніи рабовъ (Быт. 32, 10; Исх. 34, 6—8; 2 Цар. 7, 20). Потому-то самъ Господь говоритъ о величайшемъ праведникѣ ветхаго завѣта — Іоаннѣ Крестителѣ, что „меньшій въ царствѣ небесномъ“, открывшемся на землѣ съ Его пришествіемъ, „больше его“ (Мѡ. 11, 11). Такимъ же духомъ рабства и страха преисполнено было и отношеніе еврея къ закону, который былъ для него скорѣе тяжкимъ „игомъ рабства“ (Гал. 5, 1), подчинявшимъ всѣ его дѣйствія строгимъ повелѣніямъ и запрещеніямъ (Исх. 20, 5; Втор. гл. 28. Ср. Гал. 3, 10), чѣмъ духовными узами, соединяющими человѣка съ Богомъ, какъ съ Отцомъ его Небеснымъ. Усыновленіе Богу получено людьми только чрезъ пришедшаго на землю Сына Божія, освободившаго ихъ отъ всякаго духовнаго рабства (Гал. 4, 1—7).

Но если одно сознаніе зависимости отъ Божества, и при вѣрѣ въ истиннаго Бога, порождало въ евреяхъ только рабское чувство страха предъ всегрознымъ Іеговою, то въ языч-

викахъ, при извращенности ихъ религіозныхъ воззрѣній, и это чувство подвергалось сильнымъ искаженіямъ. Они или обнаруживали совершенное равнодушіе къ своимъ богамъ, или ихъ богопочтеніе было ничѣмъ не выше раболѣпствованія слабаго человѣка предъ сильнымъ. Поставляя въ связь извращенное нравственное состояніе ихъ съ извращенностію ихъ религіозныхъ представленій, св. ап. Павелъ говоритъ: „и какъ они (т. е. язычники) не заботились имѣть Бога въ разумѣ; то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства“ (Рим. 1, 28).

Пребывая въ разобщеніи съ Богомъ, и потому не имѣя истинной любви къ Нему, древній міръ не могъ имѣть и истинной любви къ ближнимъ. Не только грубыя и невѣжественныя племена, но и просвѣщеннѣйшіе народы древности, смотрѣли другъ на друга, какъ на варваровъ, съ которыми у него какъ будто ничего не было общаго. Даже между членами одного и того же народа существовало такое дѣленіе людей, напр. на касты, какое свойственно лишь существамъ различной природы. Одинъ еврейскій народъ имѣлъ въ своемъ законѣ свидѣтельство о единствѣ и богоподобіи человѣческой природы, какъ основаніяхъ для правильныхъ взаимныхъ отношеній между людьми; но и онъ не составлялъ исключенія изъ древняго міра по характеру своихъ дѣйствительныхъ отношеній къ другимъ народамъ. Хотя ветхозавѣтный законъ и повелѣвалъ „любить ближняго своего, какъ самого себя“ (Лев. 19, 18. Ср. ст. 9—17); но, какъ законъ, имѣвшій одною изъ главныхъ воспитательныхъ цѣлей своихъ (Гал. 3, 24) оградить избранный народъ отъ пагубныхъ вліяній на него со стороны язычества, онъ дѣлалъ иногда проявленіе любви къ иноплеменникамъ затруднительнымъ для еврея (I. Нав. 6, 20; 8, 26 и др.). Притомъ же, эта заповѣдь о челоѣколюбіи, ко времени пришествія Спасителя, такъ была искажена недѣльными лжетолкованіями раввиновъ, что получилась заповѣдь: „люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего“ (Мѡ. 5, 43).

Истинная любовь къ ближнимъ явилась только въ христіанствѣ. Всѣ вѣрующіе въ Иисуса Христа суть братья между собою не только по единству и богоподобію своей человѣческой природы, но—и это главное—по единству своего Испытателя, освободившаго ихъ отъ грѣха, проклятiя и смерти. Но объяснить людямъ, что всѣ они братья между собою, не значитъ еще внушить имъ взаимную братскую любовь; потому что свойственное каждому изъ насъ сочувствіе къ другимъ людямъ постоянно и сильно стѣсняется себялюбіемъ, господствующимъ въ нашей поврежденной природѣ. Для того, чтобы питать истинную любовь къ ближнимъ, нужно пребывать въ духовномъ союзѣ съ провозвѣстникомъ и законоположникомъ любви—Господомъ Иисусомъ Христомъ. Люди не иначе могутъ соединиться между собою въ братство, какъ только соединяясь съ Нимъ. „Соединяющійся съ Господомъ, учитъ ап. Павелъ, есть одинъ духъ съ Господомъ“ (1 Кор. 6, 17). Господь Спаситель есть воплощенная Божественная Любовь, и отъ безконечнаго пламени любви, горящаго въ Немъ, какъ въ своемъ источникѣ, можетъ возжигаться огонь любви (Лук. 12, 49) и въ сердцѣ каждаго, кто состоитъ въ духовномъ единеніи съ Нимъ. Извѣстно, что любовь возбуждается въ нашей душѣ впечатлѣніями на нее истинной красоты. Поэтому мы не иначе можемъ любить человѣка, какъ только въ неискаженной красотѣ его богоподобной природы. А такую мы и видимъ ее въ лицѣ „человѣка Христа Иисуса“ (1 Тим. 2, 5), въ Которомъ мы обрѣтаемъ не только Бога, но и человѣка, въ первозданномъ благолѣпіи его богоподобiя. Отблескъ такого Его благолѣпія отражается на всякомъ, даже самомъ порочномъ человѣкѣ, котораго поэтому Глава человѣчества называетъ однимъ изъ Своихъ „братьевъ меньшихъ“ (Мѣ. 25, 40) и который можетъ быть привить, какъ вѣтвь, къ „Божественной Лозѣ“, можетъ сдѣлаться членомъ „тѣла Христова“. При такомъ достоинствѣ человѣкѣ, даже съ не-маловажными слабостями, уже не можетъ не быть предметомъ любви для христіанина. Такъ научается христіанинъ

любить своихъ ближнихъ во Иисусѣ Христѣ. Въ такомъ именно смыслѣ Господь называетъ заповѣдь свою о любви къ ближнимъ „новою“ (Іоан. 13, 34), хотя по буквѣ, какъ мы знаемъ, она и не можетъ быть названа таковою.

Такимъ образомъ, законъ Христовъ, въ основѣ котораго лежитъ заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, *возвышается* надъ всякимъ положительнымъ закономъ и есть законъ, исполненный новозавѣтнаго духа усыновленія людей Богу и христіанскаго братолюбія.

О побужденіяхъ къ исполненію закона Христова.

Опытъ показываетъ, что для насъ недостаточно бываетъ одного того, чтобы знать требованія нравственнаго закона и, по этому знанію, дѣйствовать согласно съ закономъ. Подъ вліяніемъ различныхъ влеченій нашей разстроенной грѣхомъ природы, мы охотнѣе склоняемся къ тому, что обѣщаетъ намъ какое либо нечистое удовольствіе. Поэтому мы часто предаемся грѣху, хотя ясно понимаемъ свои обязанности слѣдовать внушенію добра. На этомъ основаніи становятся для насъ необходимыми *побужденія*, располагающія наше сердце и волю къ дѣланію добра.

Если смотрѣть на побужденія, какъ на сердечные мотивы христіанской нравственной дѣятельности, то мы, разрѣшивши вопросъ о верховномъ началѣ этой дѣятельности, тѣмъ самымъ предрѣшили и вопросъ о побужденіяхъ ея. У христіанина единственнымъ сердечнымъ мотивомъ нравственной дѣятельности должна быть любовь, хотя эта любовь можетъ являться въ частныхъ случаяхъ: то благоговѣніемъ предъ Богомъ, какъ существомъ всесовершеннымъ (1 Петр. 1, 15—16), то послушаніемъ Ему (Іоан. 14, 15), то благодарностію къ Нему, какъ Искупителю и Освятителю (1 Іоан. 4, 9. 11). Чѣмъ большаго христіанинъ достигаетъ единенія съ Богомъ въ любви къ Нему, тѣмъ выше и блаженнѣе онъ въ нравственномъ отношеніи. „Кто любитъ Меня, говоритъ Иисусъ Христосъ, тотъ соблюдаетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ

его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14, 23). Такимъ образомъ христіанская душа, любящая Господа, имѣетъ въ самой себѣ Господа, послѣдній предметъ своихъ желаній и стремленій. Тогда христіанинъ имѣетъ „радость совершенную“, о которой Иисусъ Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ, давая имъ заповѣдь о любви (Іоан. 15, 11), и о которой молился предъ своими страданіями Небесному Отцу (Іоан. 17, 13).

Если же смотрѣть на побужденія, какъ на представленія ума, которыя оживляютъ самую любовь и тѣмъ располагаютъ нашу волю къ извѣстному нравственному дѣянію, то такихъ побужденій весьма много, и ихъ сила находится въ связи съ духовнымъ нашимъ развитіемъ и нашею личною настроенностію. Такія побужденія или представленія, въ приложеніи къ исполненію закона Христова, раздѣляются на высшія или главныя и второстепенныя.

Побужденія высшія заимствуются 1) изъ разсмотрѣнія высочайшихъ свойствъ Божіихъ, Его всемогущества, благодати и др. (Мѡ. 5, 48); 2) изъ разсмотрѣнія высокаго призванія христіанъ, достоинства обновленной природы нашей и обилія благодатныхъ даровъ, намъ ниспосылаемыхъ (Ефес. 2, 10; 1 Кор. 6, 20); 3) изъ разсмотрѣнія нравственнаго закона, его святости, сообразности съ нашею природою, благотворности и удобоисполнимости (Рим. 7, 12; Мѡ. 11, 30; 1 Іоан. 5, 3; 1 Тим. 1, 8). Всѣ эти побужденія возбуждаютъ въ насъ благоговѣйную, покорную и благодарную любовь къ Богу; или благожелательную любовь къ ближнимъ.

Побужденія второстепенныя заимствуются изъ разсмотрѣнія временныхъ благъ, какъ слѣдствій добродѣтельной жизни, и временныхъ бѣдствій, какъ слѣдствій порочной жизни (Исх. 20, 12; Іоан. 5, 14; 2 Петр. 2, 9; Рим. 2, 9), и, наконецъ, изъ разсмотрѣнія будущихъ вѣчныхъ наградъ благочестивымъ и вѣчныхъ мученій нечестивымъ (Мѡ. 25, 34. 41; 2 Кор. 5, 10; 2 Тим. 4, 7—8). Всѣ эти побужденія пробуждаютъ нашу любовь къ своему счастью временному и блаженству

вѣчному и тѣмъ воодушевляють нашу волю къ исполненію нравственнаго закона.

Есть нравоучители (автономисты), которые, отвергая всякое значеніе побужденій, лежащихъ внѣ самаго закона, единственнымъ мотивомъ къ исполненію его требованій признають уваженіе къ закону, и только этотъ мотивъ будто бы придаетъ нашей дѣятельности истинно-нравственный характеръ. Безъ сомнѣнія нельзя не признать исполненія закона по уваженію къ его требованіямъ побужденіемъ высокимъ, но оно не высочайшее и не глубочайшее. Въ царствѣ живыхъ существъ, въ союзѣ съ которыми мы живемъ, наши обязанности возникаютъ не изъ отношеній къ безличной идеѣ закона, но изъ отношеній къ личнымъ существамъ, которыя находятся къ намъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Все христіанство есть обнаруженіе безконечной любви Божіей, явленной въ возлюбленномъ Спасителѣ, и эта любовь могущественно и неотразимо дѣйствуетъ на душу христіанина. „Будемъ любить Его, говоритъ св. ап. Іоаннъ, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“ (1 Іоан. 4, 19). Кромѣ того, побужденіе къ исполненію закона, заключающееся только въ уваженіи къ его требованіямъ, само по себѣ не способно сильно дѣйствовать на нашу волю. Если для насъ нѣтъ авторитета высшаго нашего собственнаго закона, „написаннаго въ сердцѣ“ нашемъ (Рим. 2, 15), то мы были бы не въ состояніи бороться со многими низшими влеченіями своими, которыя кажутся намъ также естественными, какъ и самый законъ. Для того, чтобы требованія закона имѣли для насъ высокую обязательную силу, мы должны слышать въ нихъ голосъ верховнаго Законодателя-Бога. Только въ этомъ случаѣ законъ можетъ подчинить себѣ нашу волю и, слѣд., уваженіе къ нему стать дѣйствительнымъ побужденіемъ къ его исполненію.

Конечно, можно согласиться, что исполненіе нравственнаго закона по такому стороннему для него побужденію, какъ желаніе временнаго счастья и вѣчнаго блаженства, или страхъ предъ временными и вѣчными мученіями и пр., показываетъ

въ челоуѣкѣ недостаточно высокій уровень нравственнаго развитія. Св. Григорій Богословъ называетъ „дѣланіе чего-либо изъ награды и воздаяніа“ только „вторую степенью похвальной жизни“, а „избѣжаніе зла по страху наказанія“— даже „третьею“¹⁾. Но нравственная жизнь, по условіямъ нашей природы, и не можетъ сразу дѣлаться совершенною; для всѣхъ она начинается съ низшихъ ступеней и достигается постепенно. Съ другой стороны, временныя и вѣчныя награды и наказанія не есть ничто вымышленное, а дѣйствительное, то что есть на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, какъ опытъ показываетъ, эти награды и наказанія не стѣсняють нашей свободы, а только пролагають путь къ совершеннѣйшей добродѣтели. Онѣ могутъ окрѣпшею уже въ добрѣ волѣ помогать въ ея нравственной дѣятельности, а иногда, въ годину искушенія и затемнѣнія души, сильнѣе, чѣмъ что либо другое,— отрезвлять и просвѣщать ее. (Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

Обстоятельство, требующее уясненій.

Въ настоящее время все чаще и чаще приходится встрѣчать случаи нежеланія многихъ окончившихъ курсъ семинаріи принимать санъ священства: они ищутъ себѣ мѣста вездѣ, только не въ духовномъ вѣдомствѣ, къ которому принадлежать, и которое ихъ вспоило, вскормило и воспитало. Явленіе—ненормальное, и съ нимъ нужно считаться.

Прежде всего возникаетъ въ этомъ случаѣ естественный вопросъ: неужели интересы, потребности и нужды Церкви Православной, столь дорогіе и близкіе сердцу каждаго православнаго христіанина, чужды имъ? Неужели та среда, изъ которой они вышли, съ ея условіями, обстановкой, традиціями, настолько имъ не по сердцу, что они рады всѣми правдами и неправдами вырваться изъ нея? Но если это такъ, тогда мы въ правѣ допустить, что для подобныхъ воспитанниковъ

¹⁾ Твор. св. от., т. I, въ русск. перев., стр. 120.

семинарія была только своего рода лазейкой для достиженія извѣстнаго образовательнаго ценза. И говорить ли, что такое уклоненіе отъ своего прямого назначенія подрываетъ интересы заведенія и ставитъ его въ обидное—и притомъ неза- служенно обидное положеніе?

Намъ могутъ возразить на это: чтобы быть священникомъ, нужно имѣть призваніе, котораго можетъ воспитанникъ семинаріи въ себѣ и не чувствовать.—Призваніе—призваніемъ, отвѣтимъ мы на это, но самымъ главнымъ соблазномъ является въ настоящее время для окончившихъ курсъ семинаріи по первому разряду—университетъ.

Съ 1867 года, когда обнародованъ былъ уставъ православно-духовныхъ семинарій, значительно расширившій курсъ средней духовной школы, прошло много лѣтъ. Съ тѣхъ поръ правительство неуспынно печется и рядомъ коренныхъ реформъ старается расширить права духовно-учебныхъ заведеній, освобождая ихъ отъ того замкнутаго и исключительнаго положенія, въ которомъ они находились въ старыя годы. Привѣтствуя это милостивое отношеніе правительства къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, вызванное, главнымъ образомъ, попечительною заботливостью къ нуждамъ духовенства, желаніемъ поддержать вліяніе Церкви, какъ нравственно-организующей силы, мы не можемъ не упомянуть и о послѣднемъ распоряженіи, въ силу котораго окончившіе курсъ семинаріи съ званіемъ студента могутъ по повѣрочному экзамену поступать въ университетъ. Мы далеки отъ преступной мысли находить это послѣднее распоряженіе правительства не заслуживающимъ глубокой благодарности со стороны духовенства; однако не можемъ не указать и тѣхъ нежелательныхъ послѣдствій, которыя изъ него вытекаютъ, и которыя никоимъ образомъ не могли преднамѣренно входить въ планы этого распоряженія. Впрочемъ, повторяемъ, что само доброе дѣло отъ этого не теряетъ своей силы, какъ не потеряло ея Евангеліе Христово, бывшее причиною столькихъ несогласій и раздѣленій въ мірѣ языческомъ (Матѳ. 10, 34—36). Дѣлая упо-

мянутое распоряженіе, правительство въ этомъ случаѣ, разумѣется, руководилось гуманною цѣлью—*дать дорогу нѣкоторымъ*, а не сдѣлать это право *цѣлью для всѣхъ лучшихъ* воспитанниковъ семинаріи. Между тѣмъ, въ силу ли неотразимаго вліянія, которое оказываютъ нѣкоторые воспитанники на своихъ товарищей, въ силу ли заманчивой перспективы, которую сулятъ открытыя двери университета, въ силу ли вообще извѣстныхъ вѣяній послѣднихъ годовъ, громадное большинство воспитанниковъ семинаріи втихомолку питаетъ надежду, по окончаніи курса въ семинаріи, непременно поступить въ университетъ. На товарища, имѣющаго возможность поступить въ университетъ, смотрятъ съ завистью гораздо большею, чѣмъ съ какою смотрятъ на готовящагося въ духовную академію, а искреннее признаніе оканчивающаго курсъ семинаріи о своемъ желаніи сдѣлаться священникомъ считается чуть ли не отсталостью, ограниченностью въ глазахъ *передовыхъ* товарищей. Такое нежелательное и въ высшей степени заразительное настроеніе семинарской учащейся молодежи самымъ тяжелымъ и угнетающимъ образомъ отзывается на тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые по выходѣ изъ семинаріи видятъ себя лишенными всякой возможности поступить въ университетъ. И кто знаетъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ вѣяній и настроеній, человекъ, въ началѣ увѣрившій другихъ, — *чтобы только не отстать отъ товарищей*, — о своей неспособности сдѣлаться священникомъ, въ концѣ концовъ оказывается и *дѣйствительно* къ этому *неспособнымъ*.

Яркой иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій недавній разговоръ съ однимъ изъ окончившихъ нѣсколько лѣтъ назадъ курсъ семинаріи, уже успѣвшимъ обзавестись семьей, но не теряющимъ надежды, въ силу новаго устава, одѣть студенческой университетскій мундиръ.

— Ну, что-жъ, скоро мы васъ священникомъ увидимъ?— спросилъ я его обмѣнявшись первыми привѣтствіями.— Давно ужъ вамъ пора рясу заказывать.

— Ну, въ рясу-то вы меня никогда не увидите.

— Что дакъ?

— Я думаю поступить въ университетъ.

— Простите за нескромный вопросъ: вѣдь я зналъ васъ въ семинаріи за челоуѣка бѣднаго,—средства-то вы теперь имѣете ли для этого?

— Кое-какъ перебиваться будемъ.

— Ну, а женитьба ваша? семья? Это вѣдь тоже послужить немалымъ препятствіемъ вашему поступленію?

— Теперь и женатые поступаютъ... Семья писать буду... Вы, я вижу, противъ этого?

— Если говорить откровенно—да, я противъ вашего намѣренія. Я не вижу смысла его.

— Вы не видите смысла въ необходимости высшаго образованія въ университетѣ?—смѣривъ меня удивленнымъ взглядомъ, спросилъ мой собесѣдникъ.—Но тамъ наука, свѣтъ...

— Что тамъ наука—правда, но что тамъ свѣтъ—вы ошибаетесь; свѣтъ нужно нести съ собою.

— Ну, вы, конечно, начнете толковать о религіи—на то вы священникъ.

— Да, я начну толковать о вѣрѣ. Я скажу, что если вы не запасетесь здѣсь ея просвѣщающей силой, то всякое знаніе не послужитъ вамъ на пользу, а погубитъ васъ. Извратить вашъ умъ и волю, заставить васъ порвать связь съ правдой жизни, и станете вы употреблять это знаніе во зло себѣ и другимъ...

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ отношенія нѣкоторыхъ воспитанниковъ семинаріи къ своему прямому назначенію. На приведенный только-что разговоръ натолкнуться можно очень часто и услышать тѣ или другія объясненія съ различными варіаціями, сводящимися, впрочемъ, къ одному и тому же—какъ можно скорѣе показать своему собесѣднику, что онъ *не изъ отсталыхъ*, не мирится съ условіями быта и обязанностями духовенства и ни въ какомъ случаѣ не желаетъ, чтобы въ лицѣ его заподозрили прямого кандидата во священники. Имѣя дѣло съ такимъ ненормаль-

нымъ явленіемъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ ходячихъ объясненій, чтобы показать ихъ несостоятельность.

Прежде всего указываютъ на тяжелое положеніе духовенства среди народа, который относится къ нему будто бы не съ должнымъ довѣріемъ, а нерѣдко и прямо враждебно. Авторитетъ духовенства съ каждымъ годомъ падаетъ, подрывается...—Съ горечью должно сознаться, что это первое объясненіе опирается на дѣйствительно существующіе печальные факты. Но вѣдь эти факты единичны, и возводить ихъ въ общее правило—по меньшей мѣрѣ не справедливо. Изъ того, что нѣкоторые священники, находясь не на высотѣ своего призванія, или по другимъ несчастнымъ обстоятельствамъ, подорвали къ себѣ довѣріе своихъ прихожанъ, вовсе не слѣдуетъ заключать обо всѣхъ. Печальные факты эти нисколько не роняютъ безчисленнѣйшаго ряда примѣровъ самыхъ добрыхъ отношеній паствы къ своему пастырю, выражающихся иногда въ такомъ трогательномъ проявленіи, что невольно вызываютъ слезы умиленія на глазахъ даже упорнаго скептика. Слѣдовательно, отъ самого священника зависитъ такъ или иначе поставить дѣло въ своемъ приходѣ, стать въ тѣ или другія отношенія съ своими прихожанами. Православное духовенство никогда не порветъ нравственной и духовной связи съ народомъ, потому что хранить внутри себя всѣ народныя особенности, соединяющія его съ народомъ и съ его исторіей. Оно хранитъ въ себѣ народныя начала и вообще свою народность, не измѣняя ей ни въ чемъ, начиная съ языка и оканчивая пищей. Ближе, непосредственнѣе, роднѣе духовенства для народа нѣтъ ни одного сословія.

Говорятъ, что такъ называемое современное общество относится къ духовенству съ крайнею холодною, печатью—съ оскорбительной двусмысленностью.—И тутъ мы не будемъ останавливаться на исключеніяхъ, такъ какъ исключенія неизбѣжны всегда и во всемъ. Случаи враждебнаго отношенія къ духовенству тѣхъ изъ представителей современнаго обще-

ства, которые развились и воспитались въ высокомѣрномъ презрѣніи ко всему исконно-русскому, народному, имѣютъ даже свою хорошую сторону. Въ этомъ отношеніи православное духовенство представляетъ собою рѣдкое, а можетъ быть и единственное явленіе среди другихъ сословій: оно познаетъ себя изъ злословія своихъ враговъ. Что же касается печати, то въ нашей отечественной литературѣ, строго говоря, нѣтъ ни одного крупнаго произведенія, которое бы обстоятельно знакомило съ бытомъ нашего духовенства. Жаль, что нѣтъ умѣлыхъ наблюдателей этой богатой и разнообразной жизни! Мірѣ жизни православнаго духовенства—можно сказать, непечатый, нетронутый міръ. Н. С. Лѣсковъ, О. Забытый, Потапенко и нѣк. др. лишь слегка коснулись его въ своихъ произведеніяхъ—и то не вполне безпристрастно. Относительно же появляющихся время отъ времени въ повременной печати предубѣжденныхъ и преднамѣренныхъ нападокъ на духовенство, должно сказать, что все это—мелочи и злобные памфлеты, съ которыми духовенству не пристойно считаться.

Указываютъ, наконецъ, на матеріальную необеспеченность духовенства со стороны правительства и пристекающіе отсюда различные денежные счета прихожанъ съ священникомъ, такъ роняющіе послѣдняго въ глазахъ первыхъ.—Но тѣмъ выше подвигъ безкорыстнаго служенія народу, когда кто довольствуется добровольною благодарностью за отправленіе той или другой своей обязанности. Значить, и это послѣднее указаніе не только не оправдываетъ, а скорѣе обязываетъ человѣка, для котораго дороги интересы Церкви Православной, принять на себя этотъ подвигъ и съ любовью нести его. Если же въ душѣ и сердцѣ не ощущается потребныхъ силъ для этого, если этотъ подвигъ не влечетъ, а пугаетъ собой,—не слѣдуетъ умалять высоты его холоднымъ къ нему отношеніемъ, а честно сознаться въ своемъ безсиліи его исполнить. Впрочемъ, говоря объ этомъ, мы желаемъ только яснѣе показать несостоятельность послѣдняго объясненія, приводимаго нѣкоторыми окончившими курсъ семинаріи въ

оправданіе своего пожеланія принять священство. Матеріальное положеніе духовенства, благодаря многопечительнымъ заботамъ правительства, годъ отъ году становится лучшимъ и не далеко уже то время, когда наше приходское духовенство будетъ совершенно освобождено отъ тяжелой матеріальной зависимости отъ прихожанъ, и рѣдкіе и теперь случающіяся столкновенія на этой, дѣйствительно кругомъ нежелательной, почвѣ прекратятся сами собой. И это время, повторяемъ, очень близко уже. На всѣхъ реформахъ настоящаго царствованія лежитъ печать полнаго довѣрія къ духовенству, въра въ его самобытныя силы, въ его исторію и въ развитіе; а общимъ результатомъ этихъ реформъ является замѣтное оживленіе и среди самого духовенства. Ставится на первый планъ все свое, православное, народное,—оттѣсняется назадъ все чужое. Лучшая часть образованнаго русскаго общества видимо увлечена этимъ движеніемъ, слѣдитъ за нимъ и обращена къ духовенству лицомъ, а не спиной, какъ говорятъ это наши малодушные неудачники. И дай Богъ, чтобы это милостивое, внимательное отношеніе правительства, а за нимъ и сочувствіе лучшей части общества къ современному духовенству было имъ вполне заслужено и оправдано!

Свящ. Серій Жихаревъ.

Каникулярная поѣздка въ св. землю ¹⁾.

15 іюля, четв. Сегодня предположили мы посѣтить Вилеємъ, пруды Соломоновы, мѣсто дубравы Мамврійской и, если можно, Хевронъ. Бъ намъ двумъ (мнѣ и студ. Ив-му) присоединились Харьков. аптекарша М. М-на и Орловскій дровяной купецъ Разумовскій. Отправились въ ландо въ 6 ч. ут., въ сопровожденіи каваса Христо. Въ исполненіи нашей сегодняшней программы произошла та особенность, что мы рѣшили сперва посѣтить дубъ Мамврійскій, а затѣмъ на обратномъ пути все остальное: намъ казалось лучше заблаговременно побывать въ мѣстахъ отдаленныхъ; послѣ полудня

¹⁾ См. № 51 за 1900 г.

можно быть (разсуждали мы) въ Виѳлеемѣ, а вечеромъ не страшно будетъ возвращаться домой (т. е. въ Іерусалимъ). Туда мы ѣхали въ хорошемъ расположеніи духа. До Виѳлеема и Хеврона расположена прекрасная шоссеиная дорога. Все по дорогѣ намъ напоминало великія св. историч. событія и библейскія лица, — то свѣтлыя и почтенныя, то мрачныя и жалкія. По выѣздѣ изъ Миссиі, проѣхавъ мимо Яффскихъ городскихъ воротъ, мы стали спускаться въ долину Гинномъ; въ глубинѣ ея мостъ, подлѣ котораго небольшой прудъ („Султанскій“), въ которомъ воды едва ли будетъ и по колѣна. Дорога влѣво ведетъ на равнину. Вдали налѣво виднѣется обнаженный холмъ съ какими то развалинами: это „гора злого согласія“. Здѣсь будто бы стоялъ загородный домъ Каіафы, въ которомъ происходило совѣщаніе о томъ, какъ погубить Господа. Съ той же стороны показываютъ дерево, на которомъ повѣсился Іуда: всѣ вѣтви его имѣютъ горизонтальное направленіе къ востоку. Вправо вдали виднѣется *монастырь св. Симеона Богопріимца, Катамонъ*, стоящій, по преданію, на мѣстѣ дома св. Симеона Богопріимца. Вотъ при дорогѣ „колодезь волхвовъ“, у котораго звѣзда, путеводившая ихъ въ Іерусалимъ, снова возсіяла имъ, показывая путь въ Виѳлеемъ (Мѡ. 2, 9). Здѣсь же, говорятъ, и Богоматерь на пути въ Виѳлеемъ отдыхала, отчего произошло въ древности и имя „Каѳизма“ („сѣдалище“), которое нынѣ измѣнилось въ Big Kadismî. Далѣе *мон. св. Іліи* пророка, стоящій надъ самою дорогою и напоминающій о бѣгствѣ сего пророка отъ Іезавели и объ укрѣпленіи его на пути Ангеломъ¹⁾. Спусти минутъ 20 были у *гроба Рахим*, любимой жены Іакова, ма-

¹⁾ По 3 кн. Царствъ (19, 3-8) явленіе ангела пр. Іліи на пути его на Синай происходило въ Вирсавіи, находившейся на южной оконечности земли обѣтованной. Позднѣйшее преданіе относитъ повѣствованіе 19, 3-8 Царствъ къ этому мѣсту и даже указываетъ камень, на которомъ спалъ пр. Ілія. Конечно, это преданіе имѣетъ болѣе назидательное, нежели историческое значеніе. Но оно весьма уважается и мѣстнымъ населеніемъ и богомольцами. Въ церкви мон. у стѣны есть гробница патріарха Іерус. еще изъ временъ арабовъ, именемъ Іліи, котораго мѣстные христіане почитаютъ святымъ.

тери Іосифа и Веніаміна: онъ стоитъ при дорогѣ и представляетъ собою каменное четырехъ угольное зданіе съ куполообразнымъ верхомъ; по виду оно напоминаетъ мусульманскую часовню (*welis*). Зданіе ни чѣмъ не огорожено, внутри состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая совершенно открыта и пуста, а вторая заперта; въ послѣдней, говорятъ, имѣется и выбѣленное надгробіе. Гробница Рахили и понинѣ пользуется большимъ уваженіемъ у мусульманъ, христіанъ и евреевъ; Бедуины приносятъ сюда своихъ мертвецовъ для погребенія. Стѣны исписаны именами богомольцевъ. Вотъ, далѣе, самый *Виолеемъ*—градъ Давидовъ, который мы теперь оставляемъ влѣво, съ тѣмъ, чтобы посѣтить его на обратномъ пути. Намъ бросились въ глаза только богатые сооруженія иновѣрцевъ на западной окраинѣ города (кажется, школа братьевъ Алжирской миссіи, катол. госпиталь сестеръ милосердія и мон. Кармелитокъ съ катол. семинаріей). Почти прямо противъ Виолеема съ правой стороны, по скату горы расположено среди зелени живописное арабское селеніе *Бейтъ-Джала*, а въ немъ къ западу бѣлѣютъ зданія русской школы для дѣвочекъ. Далѣе дорога идетъ по склону горы надъ долиною, стороны которой усеяны камнями, а ложе сначала засажено виноградомъ, финиковыми и масличными деревьями. Далѣе дорога дѣлается совершенно пустынною. Только стада верблюдовъ пасутся въ этой пустынѣ. Лишь изрѣдка до Хеврона мы встрѣчали небольшіе участки земли, очищенные отъ камней, и служащія для посѣвовъ хлѣба. Набросавши вокругъ цѣлыя горы камней свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много труда стоитъ здѣсь земледѣльцу приготовить почву для посѣва. Почти черезъ часъ отъ Виолеема мы видѣли вдали *греч. монастырь св. Георія*, а немного далѣе *пруды Соломоновы*. Еще полчаса спустя, мы, на полудорогѣ, имѣли остановку у полуразрушеннаго хана (*café*); здѣсь мы подкрѣпились запасами, взятыми изъ дому, пили кофе и какао; лошади также подкормлены и напоены. Далѣе дорога опять пошла большею частію по склону горы. Часа черезъ 1½ мы до-

стигли *источника* ('Ain ed-Dirwe), вытекающаго изъ горы и обложеннаго красивыми правильными квадратами; надъ нимъ находится мусульманскій домъ и мѣсто для молитвы. Здѣсь нѣкоторые въ древности готовы были видѣть мѣсто крещенія Филиппа. Раньше здѣсь, говорятъ, были видны слѣды христiанской церкви.

Слустья 5 часовъ по выѣздѣ изъ Иерусалима (приблиз. въ 11 ч. ут.) мы подъѣхали, наконецъ, къ *Хеврону*. Мнѣ очень хотѣлось побывать въ этомъ городѣ, гдѣ почиваютъ въ пещерѣ Махпелѣ (въ тамошней мечети-Шагâт) кости патрiарховъ Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии, гдѣ первоначально былъ помазанъ на царство, жилъ и царствовалъ 7½ лѣтъ св. Давидъ, гдѣ совершились и другія, важныя въ исторiи царства Еврейскаго событiя (у воротъ его Авенирь палъ отъ руки Иоава, у пруда были казнены Давидомъ убiйцы Иевосея, сына Саулова, изъ Хеврона началось мятежное движенiе Авессалома противъ Давида). Къ сожалѣнiю, это мнѣ не удалось. Спутникамъ моимъ Хевронъ былъ совсѣмъ не интересенъ, а кавасъ заявилъ, что ѣздить въ Хевронъ христiанамъ весьма рискованно и опасно, и рѣдко когда обходится для посѣтителя-богомольца безъ серьезныхъ непрiятностей, здѣсь, будто, поселились самыя фанатичныя мусульмане,—большею частiю выходцы изъ Россiи и Болгарiи (черкесы и др. магометане). Поэтому они сами нападаютъ на посѣтителей-христiанъ, осыпаютъ ихъ ругательствами, бросаютъ въ нихъ камнями, а иногда и избиваютъ ихъ. Не такъ давно, говорилъ кавасъ, одного христiанина избили здѣсь до полусмерти. Въ виду такихъ резонансовъ мнѣ пришлось остаться съ компанiей, и мы всѣ вмѣстѣ отправились сразу къ *Дубу Мамврiйскому*. Нашъ экипажъ остановился у какого-то каменнаго двухъ этажнаго дома. Далѣе нужно было итти версты двѣ пѣшкомъ, такъ какъ экипажной дороги къ русскому участку нѣтъ. Мы отпустили въ Хевронъ своего извозчика, приказавъ ему дожидать насъ здѣсь въ 1 ч. дня,

Дорога наша шла долиной, вправо отъ дороги на Хевронъ,

среди огородовъ и садовъ здѣшнихъ жителей арабовъ-мусульманъ, по камнямъ, въ безпорядкѣ здѣсь разбросаннымъ. Черезъ $\frac{3}{4}$ часа очень трудной, утомительной дороги, подъ палящими лучами солнца, мы прибыли, наконецъ, къ высокимъ и крѣпкимъ воротамъ обширнаго участка земли, принадлежащаго нашему Православ. Палест. Обществу. Участокъ этотъ расположенъ частію по склону горы, частію же по долинь, и вездѣ засажень виноградниками и разными деревьями (маслина, смоковница, дубъ). Со стороны дороги участокъ огороженъ высокою каменною стѣною. Входить въ него — черезъ тѣ ворота, у которыхъ мы теперь стояли. Мы стали стучать и звать, кто тамъ есть, отворить намъ и впустить насъ. Вскорѣ показался арабъ-работникъ, который тотчасъ отперъ и открылъ для насъ ворота и помогъ намъ нести наши вещи. Знаменитый священный дубъ виднѣется еще издали. Онъ стоитъ въ долинь, у самой подошвы горы, на склонѣ которой возвышается русскій страннопріимный домъ. Съ благоговѣніемъ перекрестился я еще издали, а когда мы подошли къ нему, я поклонился Св. Единосущной и Животворящей Тройцѣ. Дубъ огороженъ четырехсторонней квадратной рѣшеткой. Не входя внутрь ея (она была заперта), мы зашли сначала въ двухъэтажный каменный домъ, принадлежащій русской Правосл. Миссіи. Домъ этотъ стоитъ въ полугорѣ, въ приличномъ разстояніи (15-20 саж.) отъ дуба, очень просторенъ, чистъ и свѣтелъ. Передъ домомъ большая площадка съ цистерной. Весь нижній этажъ и часть верхняго, очевидно, предназначены для богомольцевъ изъ низшаго класса народа. Въ верхнемъ этажѣ есть кровати и постельное бѣлье, а также довольно прилично отдѣланныя комнаты для пріема болѣе почетныхъ посѣтителей. Изъ средняго корридора верхняго этажа есть дверь на балконъ, откуда открывается прекрасный видъ на долину Мамврійскую.

Въ домъ насъ радушно встрѣтила завѣдующая участкомъ арабка изъ Назарета—Марія, которая начала свою службу еще при архим. Антонинѣ, 12 л. тому назадъ. На верху насъ привѣтствовала по-русски ея племянница, дѣвочка лѣтъ

14, учившаяся въ Назаретѣ и живущая здѣсь постоянно. Въ домѣ же оказалась и мать этой дѣвочки, пришедшая сюда въ гости изъ Назарета. Кромѣ работника-араба изъ Хеврона (магометанина), въ участкѣ не было другихъ обитателей. Къ сожалѣнію, здѣсь не оказалось никакого духов. лица, которое могло бы отслужить намъ молебенъ къ Пресв. Живоначальной Тройцѣ. Для меня тѣмъ большимъ это было лишеніемъ, что въ настоящій день я рассчитывалъ помолиться здѣсь именно о здравіи близкаго моему сердцу родственника, сегодняшнаго именинника о. В. М.

Мы подкрѣпились чаемъ и виноградомъ изъ мѣстнаго сада, а также были угощаемы виномъ мѣстнаго приготовленія. Затѣмъ, по предложенію хозяйки Маріи, пошли къ *башнѣ*, которая устроена *на верху горы*. Она выстроена прочно въ три этажа, высотой саженой около 7. Въ каждомъ этажѣ—особая комната съ окнами на всѣ четыре стороны. Всѣ стѣны внутри исписаны именами и фамиліями посѣтителей, изъ которыхъ очень многія еврейскія. На верхъ, сквозь всѣ три этажа внутри, проведена витая желѣзная лѣстница. Верхъ башни открытый, плоскій и по краямъ обведенъ каменнымъ барьеромъ высотой въ полроста человѣка. Отсюда открывается обширный видъ на окрестность: съ запада сѣрѣетъ Средиземное море, а съ востока виднѣется, будто свинцовая масса—Мертвое море. Отсюда же я имѣлъ возможность хорошо разсмотрѣть всю долину дуба Мамврійскаго и нарисовать въ воображеніи обстановку, при которой совершилось Богоявленіе Аврааму.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

49. Нравственная сила церковно-богослужебной проповѣди

Церковно-богослужебная проповѣдь пастыря, какъ сообщеніе народу слова Божія, имѣетъ свою цѣлю нравственное

• ¹⁾ См. № 2 за 1901 г.

возвышеніе и развитіе членовъ Церкви. Эта цѣль естественнымъ образомъ предполагаетъ, что церковное слово пастыря должно носить въ себѣ особую, нравственную, животворную силу, которая бы двигала слушателей-христіанъ впередъ и впередъ на пути ихъ нравственнаго совершенствованія, — иначе сказать, эта цѣль требуетъ отъ церковно-богослужебной проповѣди нравственной „назидательности“.

Требованіе нравственной назидательности предъявлялось проповѣди и старыми гомилетическими теоріями; но эта назидательность отождествлялась ими съ чисто внѣшнимъ употребленіемъ въ проповѣди такъ называемаго „нравственнаго приложенія“. Вслѣдствіе этого требованія, видѣвшаго всю нравственную силу церковно-пастырскаго слова въ помѣщавшихся въ концѣ проповѣди нравственныхъ выводахъ изъ разсматривавшагося предмета или ученія, проповѣдники наши, особенно же малоискусные, всѣми возможными и даже невозможными способамъ старались, — а многіе даже и доселѣ еще стараются, — нанизывать въ своихъ поученіяхъ какъ можно болѣе разнообразныхъ нравственныхъ „выводовъ“, не соображаясь даже съ тѣмъ, имѣютъ, или не имѣютъ ихъ „выводы“ какое-либо дѣйствительное отношеніе къ самому предмету проповѣди. Разумѣется, такой узкій и до крайности односторонній взглядъ на назидательность проповѣди не можетъ имѣть на своей сторонѣ какихъ-либо достаточныхъ основаній и оправданій. Чисто механическое, сухое перечисленіе отвлеченныхъ положеній морали, выставляемыхъ въ качествѣ „нравственныхъ приложеній“ къ тому или другому церковно-историческому рассказу или догматическому ученію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезнымъ и животворнымъ для слушателей. Многіе изъ догматовъ православнаго вѣроученія представляютъ собою не что иное, какъ возведенные въ общія, отвлеченныя положенія факты и событія изъ библейской исторіи—и при томъ—не рѣдко такіе, предъ которыми и языкъ нѣмѣетъ, и чувство цѣпенѣетъ. Поэтому, церковному проповѣднику нѣтъ никакой нужды — да и бесполезно — прибѣгать

въ своихъ догматическихъ поученіяхъ къ различнымъ натянутымъ правоучительнымъ выводамъ, когда этотъ догматъ, въ историческомъ раскрытіи, самъ по себѣ полонъ чувства до того, что чрезъ цѣлыя тысячелѣтія заставляетъ трепетать сердца человѣческія. Для произведенія на слушателей сильнаго и неотразимаго впечатлѣнія необходимо лишь безыскусственное, художественно-простое, но проникнутое чувствомъ благоговѣнія и умиленія и сопровождаемое психологическимъ анализомъ, изложеніе этихъ возведенныхъ въ догматы событий. Если таково должно быть отношеніе проповѣдника къ проповѣдямъ догматическимъ, то тѣмъ болѣе подобной живости, простоты и искренности должно быть въ его правоучительныхъ словахъ *).

Нравственная сила проповѣди, окрыляющая душу человѣка, восторгающая ее къ святому и высокому, возвращающая къ Божественному источнику истины и добра, направляющая волю къ благимъ дѣяніямъ и подвигамъ, улучшающая помыслы, утончающая чувства, сохраняющая способность возвышенно, духовно мыслить и чувствовать, — эта сила не находится въ зависимости отъ отвлеченныхъ нравственныхъ выводовъ, не стоитъ въ какой-либо связи съ ними. Нравственная сила или назидательность проповѣди есть совокупное дѣйствіе всѣхъ внутреннихъ и даже внѣшнихъ качествъ проповѣди вмѣстѣ съ самымъ предметомъ ея. Существенная и великая польза, которую приноситъ истинно-христіанская проповѣдь, заключается въ томъ, что она ведетъ насъ къ *самопознанію*, т. е. къ разумному пониманію нашихъ душевныхъ способностей и свойствъ, нашихъ силъ, дарованій, немощей и слабостей. Самопознаніе же есть первый шагъ и самый вѣрный, самый надежный, если только не единственный путь, къ нравственному исправленію и самоусовершенствованію. Не даромъ, поэтому, у образованнѣйшаго народа древности надъ вратами одного храма было начертано: „ἰνὸς θεοῦ“ . Прав-

*) Г. Булашевъ: „Проповѣдническое обозрѣніе“ („Бог. библ. Лист.“, 1888 г., № 8—9).

да, въ настоящее время эти слова, напоминающія о необходимости самопознанія, обратились въ избитую фразу и общее мѣсто, тѣмъ не менѣе самопознаніе, въ его истинномъ смыслѣ, всегда должно быть одною изъ главнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ задачъ каждаго человѣка, потому что самоусовершенствованіе и духовный подъемъ нравственной энергіи тогда только и возможны, когда человѣкъ ясно и опредѣленно сознаетъ свои недостатки и слабости, и когда, съ другой стороны, мысленному взору его ясно предносятся образы исполнѣй нравственной жизни и идеалы болѣе совершеннаго существованія. Заслуга и высокая польза церковной проповѣди въ томъ именно и состоитъ, что она оказываетъ человѣку въ этомъ отношеніи самую дѣятельную, самую разумную и цѣлесообразную помощь. Отрицаніемъ всего недостойнаго, низкаго, ложнаго, увлекательною картиною явленій изъ высоко-нравственной жизни истинныхъ христіанъ, въ особенности же силою своей отеческой задушевности и искренности, силою лиризма своихъ словъ, проповѣдникъ поднимаетъ мысль и настроеніе слушателей на высоту нравственныхъ идеаловъ, воспитываетъ благородныя, возвышенныя чувства, подвигаетъ волю къ добродѣтели. Путемъ тонкаго анализа чувствъ и дѣйствій человѣка, его мыслей и поступковъ, идей и идеаловъ проповѣдникъ будитъ въ слушателяхъ совѣсть, дѣлаетъ ихъ болѣе способными для благородныхъ усилій и самоотверженныхъ поступковъ, болѣе чуткими къ требованіямъ нравственнаго долга. — Словомъ, нравственная сила проповѣди, какъ сумма внутреннихъ качествъ послѣдней, имѣетъ своимъ дѣйствіемъ вліяніе на совѣсть слушателей и побужденіе ихъ къ самопознанію

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 12 января 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра II. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1901 года, января 28-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія (продолже-
ніе).—Загробные ходатаи.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ
проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго правоученія ¹⁾.

*Вмѣненіе. Власть вмѣняющая; условія вмѣненія; предметъ
его. Невмѣняемость.*

Подъ именемъ *вмѣненія* разумѣется то сужденіе, по которому кто-либо признается виновникомъ извѣстныхъ дѣйствій и, смотря по ихъ качеству, достойнымъ одобренія или порицанія, награды или наказанія. Не только это понятіе о вмѣненіи, но и самое слово „вмѣненіе“ заимствованы изъ слова Божія (Быт. 15, 6. Ср. Чис. 18, 27; Рим. 4, 4—5; 2 Кор. 5, 19).

Власть, вмѣняющая намъ дѣйствія наши, въ безусловномъ смыслѣ принадлежитъ одному Богу; потому что Онъ

¹⁾ См. № 4 за 1901 г.

одинъ есть верховный „Законодатель и Судія, могущій спасти и погубить“ (Іак. 4, 12). Онъ одинъ „проникаетъ сердце, и испытываетъ внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодамъ дѣлъ его“ (Іерем. 17, 10). Предъ „очами Его“ одного „все обнажено и открыто“ (Евр. 4, 13. Ср. Мѡ. 10, 26). Въ этомъ же, т. е. безусловномъ смыслѣ власть вмѣненія принадлежитъ и св. Церкви, въ которой, по не ложному обѣтованію слова Божія, обитаетъ умъ Христовъ и въ которой, поэтому, „что свяжется на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшится на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Мѡ. 18, 18). Право вмѣненія въ относительномъ смыслѣ принадлежитъ потомъ власти гражданской, родительской и вообще всякой власти, законно поставленной: „нѣтъ власти, учить св. ап. Павелъ, не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены“ (Рим. 13, 1). Наконецъ, относительная власть вмѣненія, при посредствѣ совѣсти то награждающей насъ миромъ и спокойствіемъ (2 Кор. 1, 12), то наказывающей насъ мученіемъ и тревогой (Іоан. 8, 9) принадлежитъ и намъ лично (Рим. 2, 15), и именно потому, что въ совѣсти нашей мы слышимъ относительный голосъ Божій. Къ совѣсти можно отнести слѣдующее выраженіе премудраго Сираха: „Богъ положилъ око свое на сердцахъ людей“ (Сир. 17, 7. Ср. Мѡ. 6, 23). Но только это выраженіе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что какъ будто совѣсть въ человѣкѣ есть нѣчто постоянно чистое, какъ чисто око Всевидящаго. До какой степени она можетъ помрачаться, на это, къ сожалѣнію, во всякое время есть много печальныхъ примѣровъ между людьми. Если бы грѣхъ не вошелъ въ міръ, совѣсть наша всегда была бы только доброю (1 Тим. 1, 5), чистою (1 Тим. 3, 9), непорочною (Дѣян. 24, 16), но съ грѣхопаденіемъ первыхъ людей она часто является несовершенною, такъ что, по свидѣтельству свящ. Писанія, и свѣтъ ей кажется тьмою (Іс. 5, 20). Въ состояніи наибольшаго затемнѣнія она называется въ словѣ Божіемъ порочною (Евр. 10, 22), немощною (1 Кор. 8, 10), согрѣшающею (ст. 12),

оскверненною (Тит. 1, 15) и даже сожженною (1 Тим. 4, 2). При всемъ томъ она можетъ и должна служить въ человѣкѣ органомъ нелицепріятнаго суда Божія. Потому-то св. Григорій Богословъ называетъ ее „домашнимъ и неложнымъ судилищемъ, котораго невозможно избѣжать“.

Для того, чтобы вмѣненіе было справедливымъ, требуются слѣдующія четыре *условія*: 1) знаніе нравственнаго закона, 2) самосознаніе или нравственное сознаніе, 3) свобода воли и 4) физическая возможность.

Безъ знанія закона нѣтъ обязанности дѣйствія и потому нѣтъ вмѣняемости. Иисусъ Христосъ, говоритъ фарисеямъ: „если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха“ (Іоан. 9, 41). „До закона грѣхъ былъ въ мірѣ, говоритъ ап. Павелъ, но грѣхъ не вмѣняется, когда нѣтъ закона“ (Рим. 5, 13). Впрочемъ, незнаніе закона, происходящее отъ нежеланія узнать его, вмѣняется въ вину, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Самого Спасителя къ іудеямъ: „если бы Я не пришелъ, и не говорилъ имъ; то не имѣли бы грѣха: а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15, 22).

Безъ самосознанія, человѣкъ не можетъ сознавать себя лицомъ, обязаннымъ къ цѣлесообразной дѣятельности, къ дѣламъ, отвѣтственнымъ, подлежащимъ отчету. Самосознаніе же, собственно христіанское, состоитъ въ томъ, что въ немъ христіанинъ долженъ сознавать себя Христовымъ рабомъ, т. е. обязаннымъ не вообще къ цѣлесообразной дѣятельности, но къ дѣятельности, именно согласной съ закономъ Христовымъ,—такъ, чтобы съ ап. Павломъ говорить: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20). Это самосознаніе такъ было сильно у первыхъ христіанъ, что на всѣ вопросы мучителей, они отвѣчали только. „я рабъ Христовъ, я рабъ Христовъ“¹⁾.

Безъ свободной воли необходимость дѣйствія была бы рокова—физическая: „если дѣлаю это добровольно (т. е. бла-

¹⁾ „Начертаніе христіанскаго правоученія“ еп. Теофана, М. 1891 г., стр. 68—70.

говѣствую), говорить ап. Павелъ, то буду имѣть награду“ (1 Кор. 9, 17). Гдѣ нѣтъ свободныхъ дѣйствій, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о какой вмѣняемости ихъ: а гдѣ нѣтъ вмѣняемости, тамъ нѣтъ мѣста закону, нѣтъ основанія ни для правъ, ни для обязанностей, нельзя различать ни заслугъ, ни преступленій, не должно быть потому ни награды, ни наказаній, безъ чего однакожь общество человѣческое немислимо. Отсюда между прочимъ открывается вся ложь извѣстной теоріи (детерменистовъ) механизма всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Отрицаніе свободы нашей воли можетъ еще имѣть видъ нѣкотораго серьезнаго ученія, пока оно излагается какъ теорія; но какъ скоро обращается вниманіе на приложимость его къ жизни, оно тотчасъ является прямою несообразностію; потому что, при примѣненіи его къ жизни, слѣдовало бы напередъ отказаться отъ всякаго разумнаго порядка въ ней.

Наконецъ, безъ физической возможности нѣтъ обязательства. Впрочемъ въ этомъ случаѣ надобно принять въ соображеніе слѣдующее: часто случается, что физическая невозможность является слѣдствіемъ нашей же грѣховности, а намъ вмѣняется, какъ сейчасъ увидимъ, не только грѣхъ, но и его послѣдствія.

Предметъ вѣтненія составляютъ: 1) не только всѣ наши сознательныя и свободныя дѣйствія, но и наши слова (Мѡ. 12, 36—37), мысли, чувствованія и желанія, короче всѣ движенія нашей души (Мѡ. 5, 22; 1 Кор. 4, 5); 2) дѣйствія другихъ людей, когда участвуетъ въ нихъ наша свобода: „не дѣлайся, пишетъ ап. Павелъ Тимоѡею, участникомъ въ чужихъ грѣхахъ“ (1 Тим. 5, 22); 3) всѣ послѣдствія нашихъ дѣйствій, совершены ли они непосредственно нами, или другими при нашемъ участіи (Мѡ. 18, 6. Ср. 1 Цар. 3, 11 и др.).

Если всѣ сознательныя и свободныя дѣйствія наши подлежатъ вѣтненію, то слѣд. нѣтъ дѣйствій безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи. Всѣ дѣйствія, которыя буквально не предписаны и не запрещены положительнымъ закономъ, называются нравственно-безразличными (адіафорами). Къ числу

такихъ дѣйствій относятъ прежде всего всѣ, такъ называемыя эстетическія наслажденія, доставляемыя напр. свѣтскою музыкою, поэтическими произведеніями, театральными представленіями, созерцаніемъ художественныхъ картинъ, статуй и пр. Но подобныя дѣйствія не безразличны въ нравственномъ отношеніи. Здѣсь все дѣло въ нашей личной настроенности или расположеніи и въ разработкѣ нашего сердца. Между тѣмъ какъ „для чистыхъ все чисто“ (Тит. 1, 15), для грѣшника все это можетъ быть поводомъ ко грѣху. „Все мнѣ позволено, говоритъ ап. Павелъ, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною“ (1 Кор. 6, 12); все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ“ (1 Кор. 10, 23). А потому, если эстетическія удовольствія мѣшаютъ развитію нашей нравственной жизни, то они безусловно должны быть отвергнуты; если же этого не замѣчается, то, во всякомъ случаѣ, они могутъ быть допущены. Къ безразличнымъ дѣйствіямъ причисляютъ еще всѣ дѣйствія, совершаемыя по общепринятому приличію. Это приличное или пристойное выражается въ жестахъ, въ тонѣ, въ формахъ общественной вѣжливости, въ умѣннн держать себя, въ походкѣ, въ одеждѣ, въ разговорѣ, письмѣ и пр. Истинно приличное можетъ выражать собою не только достоинство и благородство души, но и красоту и грацію тѣла. Безъ сомнѣнн, всѣ подобнаго рода дѣйствія могутъ быть названы нравственными только тогда, когда они отражаютъ собою нашу внутреннюю красоту и наше внутреннее достоинство: но и независимо отъ этого, разсматриваемыя только какъ приличіе или пристойность, они свидѣтельствуютъ объ эстетическомъ нашемъ развити и объ усиліяхъ и упражненіяхъ нашей воли упорядочить внѣшній строй жизни. Самъ ап. Павелъ требуетъ, чтобы среди христіанъ „все“ было „благопристойно и чинно“ (1 Кор. 14, 40). Но само собою разумѣется, что это внѣшне-приличное не должно быть главнымъ и существеннымъ въ нашей жизни, а должно быть только выраженіемъ внутренняго достоинства нашей души. Наконецъ, къ безраз-

личнымъ дѣйствіямъ относятъ всѣ дѣйствія приспособленія (аккомодации или оппортунизма), нѣкоторой уступчивости немощной совѣсти нашихъ ближнихъ. Ап. Павелъ напр. говоритъ: „если пища соблазняетъ брата моего, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего“ (1 Кор. 8, 13), хотя тотъ же Апостоль утверждаетъ, что „пища не приближаетъ насъ къ Богу: ибо ѣдимъ ли мы, ничего не приобретаемъ, не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ“ (1 Кор. 8, 8. Ср. Рим. 14, 14). Всѣ подобныя дѣйствія, щадящія немощную совѣсть нашей братіи, безъ сомнѣнія, суть дѣйствія нравственныя, насколько ими приобретается нравственное благо ближнихъ и не наносится никакого ущерба истинѣ и добру; но когда этого нѣтъ, дѣла приспособленія или уступчивости являются уже прямо беззаконіемъ.

Вообще, всѣ наши дѣйствія, вытекающія изъ нашей свободной воли, могутъ быть или согласны или несогласны съ нравственнымъ закономъ; въ первомъ случаѣ они нравственно добрыя, во второмъ—нравственно худыя. Такимъ образомъ „золотой середины“ нѣтъ. Если бы относительно нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій мы затруднились, какъ назвать ихъ—добрыми или худыми, то это показывало бы только недостатокъ нашего вниманія къ этимъ дѣйствіямъ и ихъ послѣдствіямъ, а вовсе не означало бы того, что на самомъ дѣлѣ они суть дѣйствія безразличныя. Ап. Павелъ даже такія дѣйствія, какъ ѣда или питье, считаетъ не безразличными въ нравственномъ отношеніи: „ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте въ славу Божию“ (1 Кор. 10, 31). Добро и зло—вотъ два названія, которыми только могутъ опредѣляться всѣ наши сознательныя и свободныя дѣйствія. Для этого и въ совѣсти нашей имѣются соотвѣтственно два акта—одобреніе за дѣйствія добрыя, и угрызеніе—за худыя. И Господь Иисусъ Христосъ ясно учитъ, что на страшномъ судѣ своемъ Онъ будетъ судить всѣ наши дѣйствія, слова и движенія сердца, и однихъ наградитъ, а другихъ осудитъ на вѣки.

На основаніи ученія объ условіяхъ и предметѣ вмѣненія не трудно уже опредѣлить и то, какія дѣйствія *не могутъ подлежать вмѣненію*. Не могутъ быть вмѣняемы прежде всего дѣйствія безсознательныя, напр., дѣтей до извѣстнаго возраста, „по младенчески говорящихъ, по младенчески разсуждающихъ“ (1 Кор. 13, 11), — совершаемыя помѣшанными, слабоумными, припадочными, лунатиками, погруженными въ сонъ, или еще неопомнившимися отъ сна и т. п. (Мѡ. 8, 28; 17, 15. Ср. Быт. 9, 20 и дл.). Впрочемъ, не всѣ безсознательныя дѣйствія не вмѣняемыя. Если, напр., человѣкъ въ состояніи оупьяненія, или другой какой-либо сильной страсти, говорить или дѣлаетъ не то, что обыкновенно считаетъ справедливымъ, приличнымъ и т. п., то онъ отвѣтственъ за свои рѣчи или дѣйствія, такъ какъ добровольно довелъ себя до безсознательнаго состоянія, въ которомъ все это произошло съ нимъ. Вмѣняются и такъ называемые грязные сны, если они суть слѣдствіе порочной жизни.—Вмѣстѣ съ дѣйствіями безсознательными не могутъ вмѣняться и дѣйствія несвободныя, вынужденныя. Такъ, во времена гоненій на христіанъ отъ язычниковъ, насильственно руками христіанъ повергали ладанъ для куренія предъ идолами. Въ подобнаго родѣ дѣйствіяхъ, конечно, они не могли быть повинны. (Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стемелжій.

ЗАГРОБНЫЕ ХОДАТАИ.

Разсказъ изъ жизни приходскаго священника.

I.

О. Аввакума Благодравова всю жизнь угнетала нужда безысходная. Родился онъ въ крайне бѣдной семьѣ деревенскаго причетника. Приходъ, въ которомъ служилъ отецъ его, состоялъ всего изъ двухсотъ душъ, такъ, что на долю причетника изъ „братской кружки“ доставалось не свыше двад-

цати рублей въ годъ. А въ семьѣ его было однихъ дѣтей болѣе десяти человѣкъ. О. Аввакумъ, естественно, и въ счастливые для всякаго другого дни дѣтства не много видѣлъ радостей въ родительскомъ домѣ. Бѣдность, граничившая съ полной нищетой, вынуждала родителей о. Аввакума не уговаривать дѣтокъ своихъ: „кушайте, дѣтки, что вы мало кушаете? что это у васъ плохой аппетитъ? должно быть, не здоровится вамъ“?—а кричать на нихъ, при видѣ въ ихъ дѣтскихъ рученкахъ куска чернаго хлѣба: „что вы все ѣдите! никакъ не накормишь васъ! кусокъ изъ рукъ у васъ не выходитъ! А хлѣба-то своего едва до Благовѣщенья хватить,— что мы будемъ дѣлать потомъ“?—„Господи! умираютъ же у другихъ дѣти, а на нашихъ Господь и смерти не пошлетъ“!— говорили подчасъ, ожесточенные бѣдностью и безысходной нуждой родители о. Аввакума.

Нужда и покоры родительскіе кускомъ хлѣба ложились тяжелымъ камнемъ на юную душу маленькаго Аввакума, и онъ, забравшись на печку, и лежа здѣсь въ уголку, мечталъ о томъ, какъ онъ выростетъ большой, выучится, поступитъ въ священники и будетъ помогать своимъ бѣднымъ родителямъ. Эти дѣтскія мечты, эти сладкія грезы облегчали невинную душу мальчика и одиѣ только нѣсколько скрашивали горькую жизнь его въ родительскомъ домѣ.

II.

Но вотъ прошло тяжелое дѣтство, прошла и не легкая юность. Аввакумъ Благодѣльскій сдѣлался молодымъ человекомъ, окончилъ курсъ въ семинаріи, бодро и безропотно вынесши на своихъ плечахъ всевозможныя невзгоды и лишенія, сопряженныя съ бѣдностью. Но и вождельный аттестатъ объ окончаніи курса не спасъ его отъ тяжелой борьбы съ безысходною нуждою и бѣдностью, съ гнетущей заботой о насущномъ кускѣ хлѣба. Куда итти? куда поступить?—вотъ тѣ вопросы, которые долженъ былъ разрѣшить молодой Благодѣльскій.

вовъ, вступая въ жизнь. Но до разрѣшенія этихъ вопросовъ, до пріисканія сколько-нибудь обезпечивающаго мѣста нужно было „кормиться“, и молодой Благодравовъ съ стѣсненнымъ сердцемъ перешелъ до поры до времени на родительскіе хлѣба. Но вотъ онъ занялъ мѣсто учителя въ церковно-приходской школѣ съ жалованьемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ изъ средствъ школьнаго попечителя. Радости молодого чело-вѣка не было границъ!...

Прошелъ мѣсяцъ, и Благодравовъ получилъ *первое* жалованье, заработанное *собственнымъ трудомъ!*... Что чувствовалъ онъ, съ какою-то нѣжностію поминутно оцупывая въ карманѣ двѣ золотыхъ пятирублевки, понятно для всякаго, кто бывалъ въ положеніи Благодравова. Къ вечеру того же дня къ нему пришелъ пѣшкомъ за 50 верстъ отецъ, и Благодравовъ раздѣлилъ скудное жалованье свое пополамъ съ нуждающимся родителемъ, оставивъ себѣ пять рублей на столъ, платье и прочія надобности. Съ тѣхъ поръ отецъ его каждый мѣсяцъ аккуратно являлся за своей долей, и сынъ безропотно дѣлилъ свое десятирублевое жалованье пополамъ съ родителемъ. Одно поддерживало его среди тяжелыхъ лишеній—мечта въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получить священническое мѣсто.

Наконецъ, мечта эта осуществилась: Благодравовъ женился на бѣдной діаконской сиротѣ и получилъ мѣсто приходскаго священника.

III.

Не ласково встрѣтила о. Аввакума жизнь и въ новомъ положеніи сельскаго пастыря. Приходъ его на половину состоялъ изъ старообрядцевъ и различныхъ сектантовъ, въ высшей степени враждебно относившихся къ церковному причту. Доходы молодого батюшки были болѣе чѣмъ скудные, а насущныя потребности житейскія требовали неотложныхъ расходовъ и росли съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. На

первыхъ порахъ нужно было поставить кое-какія постройки, обзавестись различными хозяйственными принадлежностями, приобрести самое необходимое и по дому. А доходъ почти не превышалъ прежняго учительскаго жалованья. Трудно было начало службы и семейной жизни о. Аввакума! Мучили его душевныя страданія за прихожанъ, удалившихся изъ лона св. Церкви Православной, мучила и нужда житейская. Но юный пастырь не терялъ надежды на милость Божию и съ полной покорностью Промыслу мирился съ своимъ положеніемъ. Не имѣя возможности удѣлять нуждающимся что-либо отъ скудости своей, о. Аввакумъ являлся горячимъ молитвенникомъ предъ Господомъ не только за своихъ прихожанъ и чадъ духовныхъ, но и за всѣхъ знаемыхъ. Особенно усердно молился о. Аввакумъ объ умершихъ. Гдѣ бы и кто бы ни скончался, лишь только доходило свѣдѣніе объ этомъ до о. Аввакума, онъ тотчасъ же заносилъ имя умершаго въ нарочито заведенную для этого толстую тетрадь на всегдашнее поминовеніе и неустанно поминалъ усопшихъ не только въ церкви, но и въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ, стоя предъ иконами по нѣсколько часовъ къ ряду. Продолжительныя молитвы о. Аввакума и ежедневныя поминовенія имъ усопшихъ нерѣдко возбуждали неудовольствіе со стороны матушки, не знавшей, за домашними работами и хлопотами съ дѣтьми, ни минуты покою.

— Да что ты все утро стоишь предъ образами? Молишься въ церкви, а здѣсь, на дому-то, некогда молиться по цѣлымъ часамъ: вонъ воды нѣтъ, дровъ некому внести,—говорила она съ укоромъ.

— Молитва отъ всѣхъ напастей спасаетъ,—матушка,—успокоительно отвѣчалъ на это о. Аввакумъ.

— Да оно-то такъ, я не противъ молитвы говорю; да ужъ очень нужда-то замаяла, вотъ иной разъ съ сердца и скажешь лишнее слово.

— Что дѣлать, мой другъ: потерпимъ въ сей скоропреходящей жизни, Господь смилуетя надъ нами грѣшными въ

жизни вѣчной. Знаешь притчу Господню о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ? II внимай слову Господню.

— А я хотѣла, Аввакумъ Петровичъ, попросить тебя съѣздить къ Владыкѣ—разсказать про нашу нужду: быть можетъ, онъ смилуется и переведетъ тебя на лучшій приходъ?

— Ахъ, матушка, гдѣ ужъ намъ бѣднымъ беспокоить Владыку? У него и безъ насъ не мало воздыхателей о своихъ нуждахъ, всѣхъ не устроишь на лучшіе приходы. Чтобы хорошій-то приходъ получить, нужно имѣть и заслуги и ходатаевъ; а у меня какія заслуги, и какіе за насъ съ тобою предстануть ходатаи?...

Но ходатаи эти явились за о. Аввакума, и предстали они предъ владыкой съ своими за него просьбами безъ вѣдома самого о. Аввакума, рѣшительно ничего не подозревавшего.

IV.

Случилось такъ, что освободилось священническое мѣсто въ самомъ богатомъ во всей епархіи фабричномъ приходѣ. Не успѣлъ пройти слухъ объ этомъ, какъ на вакантное мѣсто подаю было до двухсотъ прошеній. Были здѣсь прошенія и заслуженныхъ протоіереевъ, и благочинныхъ, и преподавателей семинаріи; за одного изъ просителей—духовника губернаторскаго—просилъ владыку отдѣльнымъ рекомендательнымъ письмомъ самъ губернаторъ.

Пересмотрѣвши всѣ прошенія и не остановившись еще ни на комъ изъ просителей, преосвященный, послѣ многочисленныхъ дневныхъ занятій и пріема различныхъ просителей, легъ, наконецъ, спать. Едва закрылъ онъ глаза и еще не успѣлъ даже вздремнуть, какъ вдругъ предъ нимъ, какъ наяву, предстала громадная толпа самыхъ разнородныхъ людей—мужчинъ и женщинъ. Между ними были и богатые, и бѣдные, и совершенно нищіе. Эти странные люди всѣ въ одинъ голосъ обратились къ владыкѣ съ просьбой перемѣстить на освободившійся богатый приходъ совсѣмъ неизвѣстнаго ему

священника о. Аввакума Благонаравова. Владыка, не придавъ этому видѣнію значенія, сотворилъ крестное знаменіе и вскорѣ заснулъ. Но едва онъ заснулъ, какъ предъ нимъ вновь предстала та же толпа просителей, молившая уважать ихъ просьбу о назначеніи въ фабричный приходъ о. Аввакума.

— Кто вы и откуда пришли ко мнѣ въ такомъ множествѣ?—спросилъ владыка необычайныхъ просителей.

— Мы—умершіе, духомъ своимъ обитаемъ въ обителяхъ Царя Небеснаго, по молитвамъ усерднаго богомольца за насъ о. Аввакума, поминающаго насъ и молящагося ежедневно за насъ предъ Царемъ Небеснымъ.

Сказавъ это, они мгновенно скрылись.

Владыка, вставъ утромъ съ постели, обратился съ молитвой къ Господу, прося вразумить его въ разрѣшеніи вопроса о назначеніи служителя Божія на освободившуюся вакансію. Въ то же время онъ приказалъ своему домашнему секретарю немедленно навести справку въ консисторіи, въ какомъ приходѣ служить священникъ Аввакумъ Благонаравовъ, съ тѣмъ, чтобы вызвать его для личныхъ объясненій.

V.

Справка была наведена секретаремъ, и тотчасъ же дано было предписаніе благочинному сообщить священнику Аввакуму Благонаравову о безотлагательной явкѣ его къ преосвященному. Прошло около трехъ недѣль, пока распоряженіе владыки сдѣлалось, наконецъ, извѣстнымъ о. Аввакуму, къ небольшому его удивленію и къ еще большей заботѣ о томъ, гдѣ взять денегъ на поѣздку въ губернской городъ. Но въ этой заботѣ помогъ ему о. благочинный, одолживъ заимообразно небольшую сумму.

Съ спокойной совѣстью переступилъ о. Аввакумъ черезъ порогъ пріемной преосвященнаго. Но удивленію владыки не было границъ. При взглядѣ на о. Аввакума, онъ тотчасъ же узналъ того именно священника, котораго такъ ясно видѣлъ

во снѣ въ минувшую ночь! Во всемъ этомъ свѣтитель узрѣлъ персть Божій, указавшій избранника на вакантный приходъ. Бесѣдуя съ о. Аввакумомъ, преосвященный сообщилъ, что ходатаями за него были тѣ усопшіе, которыхъ о. Аввакумъ ежедневно поминаетъ въ своихъ молитвахъ, прося имъ царствія небеснаго.

— Твой ходатаи, не знатные родомъ,—сказалъ владыка,—превозмогли ходатайство сильныхъ міра сего. Я тебя, о. Аввакумъ, назначаю на приходъ, на который явилось около двухъ-сотъ просителей. Не оставь и меня грѣшнаго въ усердныхъ молитвахъ своихъ, когда настанетъ конецъ земного странствія моего.

Такъ о. Аввакумъ сдѣлался служителемъ храма Божіи въ первомъ приходѣ цѣлой епархіи, по просьбѣ загробныхъ ходатаевъ, о которыхъ онъ не перестаетъ и теперь молиться, поминая въ своихъ молитвахъ и владыку, отошедшаго уже въ обителя вѣчныя.

Н. Соловьевъ.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

50. Основная форма церковно-богослужебной проповѣди; необходимость свободнаго отношенія проповѣдника къ вѣщему виду и строю проповѣди.

Благоплодность и дѣйственность церковно-богослужебной проповѣди стоятъ въ зависимости не отъ однихъ только внутреннихъ качествъ послѣдней, т. е. не отъ силы только и степени выражающихся въ ней личнаго убѣжденія, внутренняго одушевленія и религіознаго настроенія проповѣдника, а зависитъ еще и отъ внѣшнихъ ея качествъ, отъ ея приспо-

¹⁾ См. № 4 за 1901 г.

собленности къ настроенію, пониманію и умственному развитію слушателей. Если, съ одной стороны, въ пастырскомъ словѣ необходимо должны выразаться собственныя убѣжденія и личныя чувства проповѣдника, то, съ другой стороны, эти чувства, настроенія и даже самыя мысли проповѣдника должны сообразоваться и быть въ согласіи съ общимъ настроеніемъ и степенью развитія тѣхъ, кому предлагается пастыремъ его поучительное слово. Какъ не можетъ тронуть и убѣдить своихъ слушателей проповѣдникъ, безразлично относящійся къ религіознымъ истинамъ и не переживающій самъ того, о чемъ говоритъ онъ въ своей проповѣди, такъ, равнымъ образомъ, не можетъ основательно научить и перевоспитать своихъ пасомыхъ и тотъ проповѣдникъ, который не отвѣчаетъ ихъ потребностямъ и не сообразуется съ ихъ умственнымъ развитіемъ и степенью вниманія *). Такимъ образомъ, очевидно, что проповѣдникъ необходимо долженъ приложить усилія къ тому, чтобы сдѣлать свои проповѣди ясными, доступными пониманію своихъ слушателей, увлекательными и необременительными для ихъ вниманія.

Эта забота проповѣдника объ упрощеніи своей проповѣди и приспособленіи ея къ пониманію слушателей должна особенно усиливаться въ виду основной формы церковно-богослужебнаго слова, въ которой преподаются слушателямъ съ церковной кафедры тѣ или другія нравственныя или вѣроучительныя истины. Тогда какъ формою прочихъ видовъ пастырской проповѣди служить преимущественно эротематическая въ связи съ акроаматическою, церковно-богослужебная проповѣдь имѣетъ форму исключительно лишь *акроаматическую*. Истины вѣры и нравственности раскрываются проповѣдникомъ предъ слушателями въ связномъ, цѣлостномъ видѣ, во время произнесенія своихъ поученій проповѣдникъ не встрѣчаетъ со стороны слушателей никакихъ возраженій, ни

*) К. Л. „Одна изъ причинъ частой бездѣйственности у насъ пастырск. слова на сердца слушателей“. (Рук. для с. п., 1895 г., № 42).

какихъ замѣчаній, никакихъ требованій упрощенія рѣчи. Такое безмолвное отношеніе слушателей къ церковно-богослужебному слову пастыря, обусловливаемое самой формой этого слова, ископни употребляющейся въ Церкви, не рѣдко бываетъ способно внушать проповѣдникамъ ложную мысль, что ихъ поучительныя слова ясны, просты, жизненны, удобопонятны для слушателей, хотя бы на самомъ дѣлѣ они вовсе такими свойствами и не обладали.

Въ цѣляхъ сдѣлать свою проповѣдь болѣе или менѣе легкою для усвоенія слушателями, проповѣдникъ, естественно, долженъ обратить свое вниманіе, прежде всего, на планъ проповѣди, на болѣе или менѣе разумное и основательное расположеніе въ ней главныхъ и второстепенныхъ мыслей. Планъ для проповѣди такъ же необходимъ, какъ и для каждаго литературнаго произведенія, и является необходимымъ требованіемъ нашего ума, все приводящаго въ систему, всему придающаго стройный, упорядоченный видъ *). Но, заботясь о внѣшнемъ строѣ проповѣди, проповѣдникъ не долженъ направлять все свое вниманіе исключительно на одно лишь точное выполненіе плана, по указанію старыхъ схоластическихъ риторикъ. Схоластическія правила, предписывавшія проповѣднику строго слѣдовать указывавшимся въ томилетическихъ руководствахъ старой школы „расположеніямъ“ и предлагавшія ему нѣсколько такъ называемыхъ „формъ“ проповѣди, въ настоящее время должны быть признаны если не отжившими, то, во всякомъ случаѣ, отживающими свой вѣкъ. Дѣленіе церковно-богослужебной проповѣди на *слова*, *поученія*, *бесѣды* и *речи* не можетъ быть признано основательнымъ и въ какомъ-либо отношеніи дѣйствительно полезнымъ какъ для самихъ проповѣдниковъ, такъ и для ихъ слушателей. Не состоятельно это искусственное дѣленіе проповѣди уже потому, что нельзя найти никакихъ вполнѣ устойчивыхъ при-

*) Г. Булашевъ: „Проповѣдническое обозрѣніе“ („Богосл. - библ. Лист.“, 1886 г., № 6).

наковъ, которыми бы въ дѣйствительности отличались эти „формы“ одна отъ другой. Митр. Филаретъ, отсылая однажды въ академическій московскій журналъ свою проповѣдь для напечатанія, отказался опредѣлительно дать ей какое-нибудь заглавіе, предоставивъ рѣшить академическимъ ученымъ, что это: *слово*, или *бесѣда* *). Большинство современныхъ проповѣдниковъ совершенно перестало дѣлать какія-либо различія въ употребленіи схоластическихъ терминовъ, называя свои церковно-богослужебныя проповѣди, совершенно одинаковыя и по внѣшнему строю и по однородности раскрываемыхъ въ нихъ предметовъ, то *поученіями*, то *словами*, то *бесѣдами*. Неточность этихъ, изобрѣтенныхъ старыми теоріями гомилетики, терминовъ ясна сама по себѣ. Названіе, напр., „бесѣды“, по схоластическимъ гомилетикамъ, усвоится такимъ церковно-богослужебнымъ проповѣдямъ, которыя берутъ исходной точкой своей Свящ. Писаніе и посвящаются изъясненію извѣстнаго отдѣла богодухновенныхъ книгъ, по порядку стиховъ Библии, подчиняя теченіе мысли указанію текста **). Но съ такимъ же правомъ можно дать названіе „бесѣды“ и всякой другой проповѣди, такъ какъ каждое учительное слово проповѣдника должно быть, по самому существу дѣла, искренней, душеполезною *бесѣдой* духовнаго отца съ духовными дѣтьми.—Названіе „поученій“ старо-гомилетическими теоріями усвоится проповѣдямъ, которыя излагаютъ тотъ или иной нравственно-религіозный предметъ болѣе или менѣе просто, безыскусственно и сравнительно кратко. Но, съ одной стороны, и каждая проповѣдь вообще должна быть понятною и удобовразумительною для слушателей; а съ другой—уже по самой идеѣ и цѣли пастырской проповѣди, она всегда должна быть поучительною, назидательною и душеспасительною. Такая

*) *Чепикъ М.*: „Митр. Моск. Филаретъ, какъ гомилетикъ“. Пинскъ, 1894 г., стр. 54—55.

***) *Z.*: „Рецензія на „Проповѣди, рѣчи и бесѣды прот. А. Иванова“ („Богосл.-библ. Лист.“, 1887 г., № 8).

же сбивчивость и неясность замѣчается и въ самомъ существѣ тѣхъ „формъ“ проповѣди, которыя указываются старыми гомилетическими руководствами. По обычному опредѣленію, напр., главный и единственный признакъ, отличающій „слово“ отъ „бесѣды“, заключается въ такъ называемомъ „внутреннемъ единствѣ“ перваго, обусловливаемомъ правильной установкой и методическимъ раскрытіемъ опредѣленной темы—не по простой ассоціаціи представленій, а по извѣстной логической схемѣ *). Но „внутреннее единство“ не есть исключительная принадлежность только тѣхъ пастырскихъ церковно-богослужебныхъ проповѣдей, которыя создаются церковнымъ учителемъ при строгомъ слѣдованіи схоластическимъ схемамъ, или планамъ, и которыя почему-то получили отъ схоластиковъ названіе „словъ“. „Внутреннее единство“ есть существенная принадлежность каждой здоровой, осмысленной рѣчи. „Внутреннее единство“ есть и въ краткихъ, простыхъ рѣчахъ проповѣдника; оно есть и въ тѣхъ проповѣдяхъ его, которыя послѣдовательно изъясняютъ избранныя мѣста изъ Свящ. Писанія,—иначе сказать—въ тѣхъ самыхъ церковно-богослужебныхъ проповѣдяхъ, которымъ усвоится названіе „бесѣды“. Да иначе и быть не можетъ. Но если бы даже въ экзегетическихъ проповѣдяхъ мы и не нашли „внутренняго единства“ (чего, конечно, допустить нельзя), то все-таки не было бы оснований говорить о „бесѣдѣ“, какъ объ одной изъ „формъ“ проповѣди, такъ какъ изъясненіе Свящ. Писанія есть *содержаніе* и *предметъ* экзегетической проповѣди, а не *форма* ея.—Итакъ, нѣтъ никакой возможности найти болѣе или менѣе устойчивый, существенный признакъ, который бы дѣйствительно давалъ основаніе раздѣлять проповѣди на „слова“, „бесѣды“, и т. п.; а, слѣдовательно, и вся искусственная классификація проповѣдническихъ произведеній по ихъ „формамъ“, измышленная схоластическими гомилетиками, не мо-

*) *Кипарисовъ В.*: „Митр. Моск. Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“ („Богосл. Вѣстн.“, 1893 г., № 4).

жетъ быть признана состоятельною. „Слово“, „бесѣда“, „поученіе“—это вовсе не какія-либо дѣйствительныя *формы* церковно-богослужебной проповѣди, а одна лишь безплодная схоластическая тонкость, и все ученіе о нихъ, составляющее довольно значительный отдѣлъ въ прежнихъ гомилетическихъ руководствахъ, должно быть признано совершенно излишнимъ. *Форма* богослужебной проповѣди одна, именно — акроаматическая. Термины же: „слово“, „бесѣда“, „поученіе“ должны быть рассматриваемы, какъ синонимы и названія одной и той же проповѣди; каждая церковно-богослужебная проповѣдь священника въ одно и то же время должна быть и „словомъ“, какъ связанное, цѣлостное изложеніе извѣстнаго предмета,—и „бесѣдой“, какъ непосредственное воздѣйствіе проповѣдника на слушателей,—и, наконецъ, „поученіемъ“, какъ пастырское средство назиданія и просвѣщенія пасомыхъ.

Отношеніе проповѣдника къ виѣшнему виду и настроенію своихъ церковно-богослужебныхъ поученій должно быть вполне свободное. Священникъ всегда можетъ давать своимъ проповѣдническимъ словамъ такой строй и видъ, какой представляется ему лучшимъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ. Стѣсняться установленными во время оно схоластическими типами проповѣдническихъ словъ церковному учителю нѣтъ никакой нужды. Если извѣстный приѣмъ въ изложеніи и раскрытіи мыслей признается проповѣдникомъ основательнѣе, удобнѣе и цѣлесообразнѣе всякаго другого, хотя бы даже и общепотребительнаго, то этотъ новый приѣмъ и пусть будетъ примѣненъ имъ къ своей проповѣди *). Тѣ формы и приѣмы, которые изобрѣтены были въ практическихъ цѣляхъ схоластиками, и которые, въ силу привычки къ нимъ, отстаиваются даже въ наше время **), не должны имѣть для проповѣдника

*) *Бруксъ Ф.*: „Проповѣдь. Характер, свойство ея и методъ ея составленія“ („Тр. К. Д. Ак.“, 1888 г., № 1).

***) Напр. *Н. Д.*: „О формѣ проповѣди“ („Рук. для с. п.“, 1885 г., № 40).—*Чепикъ М.*: „Опытъ полнаго курса Гомилетики“. М. 1893 г., стр. 13—14, 273—276.

какого-либо непререкаемаго значенія. Безплодность слѣдованія при составленіи поученій указаніямъ старо-гомилетическихъ правилъ и долгое время существовавшему у насъ на Руси типу сухихъ, безжизненныхъ проповѣдей въ настоящее время уже признана всѣми лучшими проповѣдниками. Прибѣгаютъ къ построенію проповѣдей по схоластическимъ указаніямъ обыкновенно теперь только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда приходится говорить предъ совершенно незнакомыми слушателями, въ кафедральныхъ соборахъ, по предписанію енархіальнаго начальства *). Къ чему приводитъ недугъ рабскаго слѣдованія схоластическимъ шаблонамъ, это прекрасно изобразилъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ гомилетиковъ послѣдняго времени въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „посмотрите,—говоритъ онъ,—на нашу проповѣдническую литературу—печатную и письменную. За немногими исключеніями, проповѣди всѣхъ скроены по одной казенной мѣркѣ: онѣ приличны, даже благочестивы; все въ нихъ въ порядкѣ, частныя мысли и доказательства выведены изъ одного общаго положенія и расположены по всѣмъ требованіямъ логическихъ дѣленій; языкъ гладкій, чистый и благородный. Но впечатлѣніе отъ нихъ, не на однихъ только утонченныхъ суждѣній проповѣдническаго дѣла, но и на большинство слушателей, неудовлетворительное, чтобы не сказать что-нибудь больше. Въ нихъ нѣтъ оригинальности, нѣтъ личнаго одушевленія; онѣ безличны и безхарактерны, и всѣ удивительно какъ похожи одна на другую, какъ солдаты, выстроенные по шеренгѣ и одѣтые въ одинаковый мундиръ. Онѣ не привлекаютъ къ себѣ вниманія, не показывая въ себѣ никакихъ личныхъ, характерныхъ особенностей, и многимъ скучно слушать ихъ, какъ скучно смотрѣть на невыразительныя, бездушныя фізіономіи. Деспотизмъ формалистики, предписываемой и налагаемой наукою, сдавилъ живую душу проповѣдни-

*) „Бытство отъ церковной проповѣди“ („Церк.-общ. Вѣстн.“, 1881 г., № 35).

ковъ, и отъ ихъ словъ не вѣтъ ничѣмъ животворнымъ и питательнымъ на сердца слушателей. Какъ будто въ томъ главная задача проповѣди, чтобы она стройна была по расположенію и правильна по выраженію!“ *).

Итакъ, отъ проповѣдника требуется болѣе или менѣе свободное отношеніе къ вѣшнему виду и строю своей богослужбно-храмовой проповѣди. Оригинальность и новизна вѣшняго изложенія и приемовъ церковно-богослужбныхъ поученій есть вѣрнѣйшій залогъ процвѣтанія отечественной проповѣди и лучшее средство для привлеченія нашего общества къ слушанію пастырскихъ словъ.

51. Языкъ церковно-богослужбной проповѣди.

Доступность церковной проповѣди для пониманія слушателей, ея удобопонятность, иначе называемая популярностью, стоитъ въ непосредственной зависимости отъ простоты, легкости и чистоты языка проповѣди. Отсюда ясно, что выработка простого, яснаго и чистаго языка, соответствующаго общему уровню умственнаго развитія насомыхъ и доступнаго для ихъ пониманія, должна быть одною изъ главнѣйшихъ заботъ пастыря-проповѣдника.

Однако, не смотря на очевидную для каждаго необходимость упрощенія богослужбно-храмовыхъ поученій, многіи проповѣдники и теперь еще, въ угоду старымъ схоластическимъ требованіямъ, наполняютъ свои проповѣди устарѣвшими архаическими оборотами и словами. Впрочемъ, лицъ, увлекающихся архаическими оборотами и выраженіями среди проповѣдниковъ въ послѣднее время замѣчается все меньше и меньше; и это вполне естественно: люди схоластическихъ воззрѣній на проповѣдь умираютъ, и ихъ мѣста занимаютъ люди новыхъ воззрѣній и взглядовъ на церковно-богослужб

*) *Павлицкий В.*: „Въ какомъ видѣ можетъ и должна быть поставлена кафедра Гомилетики“ („Тр. К. Д. Ак.“, 1863 г., № 5).

ную проповѣдь. Но эти новые представители современнаго проповѣдничества, отказываясь отъ устарѣвшихъ приѣмовъ и архаическихъ оборотовъ рѣчи, впадаютъ въ противоположную крайность, внося въ свои проповѣди школьный, книжный, даже научно-отвлеченный языкъ.

Всѣхъ проповѣдниковъ, церковно-богослужебныя слова которыхъ страдаютъ неясностью и отвлеченностью рѣчи, можно подраздѣлить на *три* группы. Къ *первой* относятся проповѣдники, вполне сознательно и даже намѣренно вносящіе въ свои церковно-богослужебныя проповѣди научныя обороты рѣчи и иностранныя слова, доступныя пониманію только очень и очень не многихъ слушателей, получившихъ основательное образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. „На новое наступившее лѣто,—говоритъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей проповѣдниковъ этой категоріи,—св. ап. Павелъ снова повторяетъ намъ свой вѣковѣчный урокъ—беречься, чтобы не прельстилъ насъ кто философією и пустымъ обольщеніемъ по стихіямъ міра, а не по Христу. Это уполномочиваетъ и насъ опитъ сказать вамъ нѣсколько словъ по части философіи. Это даже обязываетъ насъ очертать для васъ господствующее въ наше время направленіе философскаго суетумудрія, слѣдуя достоподражаемому и обязательному примѣру древнихъ отцовъ, которые много и сильно боролись противъ современныхъ имъ философско-еретическихъ мнѣній, часто весьма мудреныхъ. Стоя на высотѣ предмета и современнаго имъ философскаго мышленія, отцы не слишкомъ стѣснялись вопросомъ, поймутъ ли ихъ, или не поймутъ. Поймутъ умнѣйшіе, передадутъ менѣ развитымъ, и такимъ образомъ составитя общее мнѣніе, направляемое ученіемъ церковнымъ, въ противовѣсъ общему мнѣнію, которое направляется ученіемъ анти-церковнымъ, анти-христіанскимъ. Вѣдь и насадители современной анти-христіанской науки не любятъ спускаться, въ изложеніи своихъ ученій, до площадной тривіальности. Они говорятъ и пишутъ языкомъ научнымъ и серьезнымъ, напряженнымъ и мудренымъ, часто туманнымъ

и нерѣдко нарочно затмеваемымъ, чтобы туманностью иносказательной или недосказанной рѣчи прикрывать самыя радикальныя и гибельныя ученія. А второстепеннаго разряда послѣдователи главныхъ современныхъ лжеучителей разясняютъ ихъ измышленія недоучкамъ, какъ и всѣмъ желающимъ, навязывая даже нежелающимъ; иначе сказать, популяризуютъ современные теоріи и такимъ образомъ наклоняютъ общее разумѣніе на свою сторону, отклоняя отъ прямой евангельской стези отъ любомудрія христіанскаго, отъ разумѣнія мудрости божественной, мудрости по Христу* *).—Такъ говорятъ въ защиту своихъ темныхъ и неудообопонятныхъ по языку церковно-богослужебныхъ проповѣдей представители *первой* группы. Но, во-первыхъ, указаніе на примѣръ свв. отцовъ, которые „не слишкомъ стѣснялись вопросомъ, поймутъ ли ихъ, или не поймутъ“, не имѣетъ силы, такъ какъ не стѣснялись свв. отцы этимъ вопросомъ только въ своихъ философско-богословскихъ трактатахъ, а не въ церковно-богослужебныхъ проповѣдяхъ. И современнымъ духовнымъ писателямъ никто не препятствуетъ вносить въ свои учено-богословскія монографіи иностранныя слова и техническія термины, которые могутъ быть понятны только людямъ, получившимъ научное образованіе. Но иное дѣло—церковная проповѣдь; къ ней, какъ имѣющей свои особенныя задачи и цѣли, отличныя отъ задачъ и цѣлей научно-богословскихъ изслѣдованій и разсужденій, предъявляются и иные требованія. О языкѣ святоотеческихъ проповѣдей лучше всего могутъ сказать намъ сами же свв. отцы. „Я не хочу,—говорилъ о языкѣ своихъ церковныхъ поученій знаменитѣйшій изъ древнихъ проповѣдниковъ св. Іоаннъ Златоустъ,—употреблять изысканныхъ, отборныхъ словъ и выраженій,—я хочу такъ просто выражаться, чтобы меня могли легко понять всякій купецъ и корабельщикъ, всякій земледѣлецъ,

*) *Никаноръ, арх. Херсонск.*: „Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія“, III т. Одесса, 1890 г.

каждый рабъ, всякая раба. Я хочу, насколько это въ моей власти, по возможности быть краткимъ. Я стараюсь вести дѣло наставленія и обученія народа въ немногихъ словахъ, ембя въ виду достиженіе двойкой цѣли: чтобы слушатели легко и безъ труда понимали то, о чемъ я говорю, и легко удерживали это въ памяти“ *). Во-вторыхъ, на вышеприведенныя слова преосвящ. Никавора, что и „насадители современной анти-христіанской науки не любятъ спускаться „въ изложеніи своихъ ученій до площадной тривіальности“, должно замѣтить слѣдующее: съ одной стороны, литературныя приемы этихъ лжеучителей никогда не могутъ и не должны имѣть для церковнаго проповѣдника значенія какого-либо руководительнаго примѣра; а съ другой стороны, отъ проповѣдниковъ никто и не требуетъ, чтобы ихъ церковныя слова исходили „до площадной тривіальности“, — можно говорить просто и ясно, воздерживаясь какъ отъ научной туманности отвлеченности, такъ и отъ излишней вульгарности и „площадной тривіальности“. Наконецъ, въ-третьихъ, сравнивать проповѣдниковъ съ современными пропагандистами антихристіанскихъ ученій не только не основательно, но даже странно. Среди церковныхъ учителей не можетъ быть „первостепенныхъ“ и „второстепенныхъ“ проповѣдниковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это дѣленіе примѣняется къ современнымъ ученымъ представителямъ антихристіанской науки. Последнихъ еще можно раздѣлять на „первостепенныхъ“, т. е. создающихъ новыя ученія, и „второстепенныхъ“, т. е. популяризирующихъ, излагающихъ идеи первыхъ въ общедоступной формѣ. Среди же проповѣдниковъ никогда не можетъ быть въ этомъ именно смыслѣ „первостепенныхъ“ и „второстепенныхъ“ учителей, такъ какъ никто изъ церковныхъ проповѣдниковъ не создаетъ какого-либо новаго ученія, но всѣ они касаются однихъ и тѣхъ же древне-христіанскихъ, бого-

*) *Мухинъ*: „Общедоступность проповѣдей св. Іоанна Златоустаго“ („Рук. для с. п.“, 1892 г., № 18).

откровенно-евангельскихъ истинъ, излагая послѣднія по духу и смыслу Православной Церкви.

Ко второй группѣ проповѣдниковъ, затемняющихъ свои церковныя поученія отвлеченнымъ, неяснымъ, школьнымъ языкомъ, могутъ быть причислены тѣ, которые, пренебрегая насущными духовными потребностями слушателей и не обращая никакого вниманія даже на прямую цѣль церковнаго проповѣдничества, „бьютъ на эффектъ“, какъ выразился одинъ изъ современныхъ духовныхъ писателей. Не глубокое сознание долга учительства, не искреннее желаніе хотя сколько-нибудь послужить дѣлу духовно-нравственнаго просвѣщенія своихъ пасомыхъ служатъ для такихъ проповѣдниковъ главнымъ побужденіемъ къ церковному проповѣдничеству; такое побужденіе кроется почти единственно въ затаенномъ въ сердцахъ ихъ тщеславіи. „Эти проповѣдники могли-бы,—говоритъ указанный писатель,—приблизиться къ народу, если бы серьезно позаботились объ этомъ, добросовѣстно употребили на это дѣло дарованныя имъ отъ Господа силы. Но для нихъ важно, чтобы имъ удивлялись, а не то, чтобы ихъ понимали; они бьютъ на эффектъ. Достаточно двухъ словъ похвалы ихъ проповѣди и особенно похвалы печатной, и они будутъ довольны, не будутъ беспокоиться о томъ, что слово ихъ, вызвавшее похвалу образованныхъ людей, осталось непонятнымъ для массы простыхъ слушателей. Отъ этого упрека не свободны даже и такіе проповѣдники, имена которыхъ съ уваженіемъ упоминаются въ гомилетической литературѣ“ *).

(Продолженіе будетъ).

*) Русиновскій П, свящ.: „Вратскій совѣтъ мол. проповѣдникамъ“ („Руск. для с. п.“, 1884 г., № 1).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 19 января 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

ХЛII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, февраля 4-го.

Содержаніе: Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).— Аскетизмъ—ведугъ ли?—Каникулярная поездка въ Св. Землю (продолженіе).

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾.

Наконецъ, къ *третьей* группѣ должны быть отнесены проповѣдники молодые, только-что начинающіе свою проповѣдническую дѣятельность. Они готовы говорить къ своимъ слушателямъ просто, ясно, удобопонятно; они даже нерѣдко высказываютъ сожалѣніе, что, несмотря на все ихъ стараніе говорить общепонятно, ихъ проповѣди остаются неувоенными и непонятыми слушателями. Но, недавно оставивши школьную скамью, они, естественно, не могутъ еще отрѣшиться отъ книжнаго, отвлеченнаго языка, какимъ привыкли писать свои *сочиненія*. При искреннемъ желаніи быть общепонят-

¹⁾ См. № 5 за 1901 г.

ными, при серьезномъ изученіи народнаго разговорнаго, живого языка, эти проповѣдники, конечно, могутъ достигнуть полной общедоступности изложенія, что отъ нихъ и требуется.

Въ виду очевидной для всѣхъ и cadaго необходимости упрощенія церковно-богослужебныхъ проповѣдей, не можетъ быть и рѣчи объ особенномъ языкѣ для сельскихъ и особомъ для городскихъ слушателей, для „образованнаго“ общества и для людей необразованныхъ. Правда, сельскому проповѣднику приходится сплошь и рядомъ говорить о такихъ порокахъ, которые среди жителей городовъ или сравнительно менѣе распространены, или даже вовсе не замѣчаются; правда и то, что сельскому проповѣднику примѣры, сравненія и тому подобныя средства къ уясненію той или иной истины нужно избирать изъ круга предметовъ, наиболѣе доступныхъ крестьянамъ, тогда какъ городскому проповѣднику всего естественнѣе заимствовать ихъ изъ жизни городской. Но все это вмало не говорить въ пользу того, чтобы самый языкъ для городской проповѣди былъ отличнымъ отъ языка поученій къ жителямъ селъ и деревень. Большую часть городскихъ жителей составляютъ люди, или прямо вышедшіе изъ деревень, или же хотя родившіеся въ городахъ, но, по степени умственнаго развитія и по неразвитости и бѣдности своего языка, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ жителей сельскихъ. Равнымъ образомъ, въ отношеніи къ внутреннему сердечному развитію и даже въ отношеніи къ чисто внѣшнему знакомству съ богословскою наукою, такъ называемые „образованные“ люди являются нерѣдко гораздо ниже людей, считающихся „необразованными“ и довольно часто оказываются совершенно незнакомыми съ такими богословскими терминами и церковными обрядами, дѣйствіями и т. п., которые хорошо извѣстны большинству людей „необразованныхъ“.

Но проповѣдникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ *поддѣлываться* подъ простую народную рѣчь. *Поддѣлка* въ церковно-богослужебныхъ проповѣдяхъ подъ народную рѣчь

является обыкновенно только жалкою *пародією* на послѣднюю и возбуждаетъ въ слушателяхъ изъ простонародья по меньшей мѣрѣ одни недоумѣнія.

Итакъ, и для городскихъ и для сельскихъ проповѣдей языкъ въ сущности долженъ быть одинъ и тотъ же. Церковно-богослужебныя проповѣди по своему языку должны быть такими, чтобы ихъ могли понимать и люди съ научнымъ образованіемъ и люди вовсе неученые. Поэтому, на каждомъ, готовящемся къ проповѣдническому служенію, лежитъ долгъ выработать, еще начиная со школьной скамьи, такой языкъ, который бы, по своей ясности и простотѣ, былъ доступенъ пониманію *каждаго* слушателя. Простота, ясность и чистота языка служатъ, съ одной стороны, прямымъ слѣдствіемъ убѣжденности проповѣдника въ истинности излагаемаго имъ ученія, а съ другой—яснаго представленія объ излагаемомъ предметѣ. Только тотъ можетъ сообщить другимъ ясно, отчетливо и удобопонятно тѣ или иныя свѣдѣнія объ извѣстномъ предметѣ, кто самъ имѣетъ о немъ основательныя, ясныя и точныя познанія *).

Но можетъ ли быть выработанъ такой языкъ, который былъ бы понятенъ и такъ называемымъ „образованнымъ“ людямъ и простому народу? Церковный учитель не долженъ въ своихъ проповѣдяхъ спускаться до „площадной тривіальности“ и крайней вульгарности; но не долженъ также вносить въ свою рѣчь и разныхъ темныхъ, непонятныхъ словъ. Онъ долженъ заимствовать все лучшее изъ рѣчи какъ простонародной, такъ и изъ языка образованныхъ классовъ. По примѣру наиболѣе выдающихся проповѣдниковъ всѣхъ временъ, священникъ можетъ вносить въ языкъ своихъ поученій слова, хотя и простонародныя, мѣстныя, малоупотребляющіяся въ языкѣ литературномъ, но не противорѣчащія священному характеру самой проповѣди. „Для меня лучше,—говоритъ блаж. Августинъ,—если не будутъ понимать меня грамматики, чѣмъ

*) Р.: „Проповѣдь проповѣдника“ („Рук. для с. и.“, 1887 г., № 41).

если не будетъ понимать народъ. Что пользы для меня въ золотомъ ключѣ, если онъ не отпираетъ дверей туда, куда хочу я войти, и что за вредъ отъ деревяннаго ключа, если онъ отпираетъ?“. Въ нашей проповѣднической литературѣ послѣдняго времени есть не мало церковно-богослужебныхъ поученій, отличающихся сколько простотой и общедоступностью языка, столько же его изяществомъ и пріятностью*). Будущіе проповѣдники еще на школьной скамьѣ должны усердно изучать чистый и живой русскій языкъ и вырабатывать у себя рѣчь простую, ясную, общепонятную, народную—въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Вырабатывая такой общій, народный языкъ, проповѣдникъ не долженъ смущаться извѣстнымъ ходячимъ мнѣніемъ, будто-бы наши крестьяне, несмотря даже и на ясную, упрощенную, чисто-русскую рѣчь проповѣдника, все-таки не будутъ понимать его, такъ какъ еще не достаточно развиты въ умственномъ отношеніи. Крестьянинъ, по бѣдности своего языка, дѣйствительно не можетъ передать связно *все* содержаніе выслушанной имъ проповѣди. Но это не значить, будто онъ совершенно не понимаетъ ее. Чтобы удостовѣриться въ томъ, понялъ или не понялъ крестьянинъ церковную проповѣдь, достаточно предложить ему нѣсколько вопросовъ,—но не общихъ, отвлеченныхъ и неопредѣленныхъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Что говорилъ сегодня отецъ духовный? о чемъ была сегодня проповѣдь“?—а непременно вопросовъ частныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ, отвѣтъ на которые прямо слѣдуетъ изъ самаго содержанія проповѣди,—и сѣтованія на

*) Таковы, напр. поученія *Путятина Р.*, прот. („Полное собраніе поученій“. Изд. 22-е. Сиб. 1893 г.), *Нордова В.*, прот. („Святель благочестія“. 2 т. Сиб. 1891 г.), *Виссаріона*, еп. Костр. („Голосъ пастыря“. М. 1891 г.; „Черты христіанскаго ученія“. М. 1887 г. и др.), *Бьлоцвѣттова А.*, прот. („Кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году“. Сиб. 1894 г.), *Архангельскаго І.*, свящ. („Поученія къ простому народу“. Сиб. 1889 г.) и др.

непонятливость крестьянъ скажутся совершенно неосновательными *).

52. Отношеніе проповѣдника къ библейскимъ текстамъ.

По ученію гомилетовъ старой школы, во главѣ по возможности каждой церковно-богослужебной проповѣди долженъ стоять какой-либо текстъ изъ Св. Писанія. Такой текстъ, указывая главную мысль проповѣди, въ то же время свидѣтельствуегь будто-бы о священномъ и церковно-библейскомъ характерѣ ея, о томъ, что проповѣдникъ говоритъ не отъ себя лично, не отъ своего собственнаго разума, но отъ Слова Божія, съ голоса богодухновенныхъ мужей. Но если обратить на этотъ проповѣдническій обычай серьезное вниманіе, то окажется, что онъ не только не имѣетъ сколько-нибудь существеннаго значенія, а является, стчасти, даже излишнимъ. Мнѣніе, будто-бы текстъ, поставленный во главѣ проповѣди, придаетъ ей священный характеръ, совершенно произвольно и не имѣетъ никакихъ основаній. Текстъ, поставленный во главѣ поученія, не въ силахъ оградить пастырскую проповѣдь отъ тѣхъ или иныхъ недостатковъ, равно какъ не въ силахъ придать ей и особенныхъ достоинствъ. Въ нашей проповѣднической литературѣ есть не мало такихъ поученій, которыя, хотя начинаются текстомъ, тѣмъ не менѣе во многихъ отношеніяхъ слишкомъ слабы и даже проникнуты неправославными взглядами, и, наоборотъ, есть очень много такихъ поученій, которыя, хотя и не имѣютъ во главѣ своей текста, однако, по жизненности, удобопонятности и чистотѣ изложенія православнаго ученія должны быть признаны одними изъ лучшихъ. Кромѣ того, употребленіе во главѣ поученій текста есть приѣмъ схоластическій. Въ православной Греціи и Россіи, до XVII вѣка проповѣдники не имѣли обыкновенія начинать свои церковно-богослужебныя поученія текстомъ.

*) В.: „Повнимаегь ли простой народъ церковныя проповѣди?“ (Русск. паломн., 1897 г., № 34).

Обычай этот перешелъ къ намъ съ Запада въ началѣ XVII вѣка, благодаря, преимущественно, Іоанникію Голятовскому *). Гомилеты старой школы, строго говоря, и до сихъ поръ не выяснили точно, какую именно цѣль имѣеть употребленіе въ поученіяхъ вступительныхъ текстовъ. Правда, большинство признаеть такую цѣлью опредѣленіе и точное указаніе текстомъ главнаго предмета проповѣди. Но если мы обратимся къ литературнымъ памятникамъ современнаго церковно-богослужебнаго проповѣдничества, то не найдемъ почти ни одной проповѣди, гдѣ бы заглавный текстъ дѣйствительно служилъ *точнымъ* и *прямымъ* опредѣлителемъ и основателемъ содержания проповѣдническаго слова. Въ однихъ поученіяхъ вступительный текстъ приводится въ такомъ краткомъ, отрывочномъ видѣ, что не только не можетъ дать опредѣленнаго представленія о предметѣ проповѣди, но даже самъ по себѣ не ясенъ до выслушанія всей проповѣди до конца. Такъ, напр., едва ли къмъ можетъ быть усвоенъ и сразу же понятъ смыслъ слѣдующихъ заглавныхъ текстовъ: „едино тѣло, единъ духъ“; „сѣмя свято стояніе его“ и т. п. Въ другихъ проповѣдяхъ тексты, нисколько не соответствуя ихъ главному предмету, поражаютъ слушателей не только своею краткостью, но и парадоксальностью, происходящею вслѣдствіе отрывочности мысли; напр.: „что Миѣ и тебѣ, жено“? „иду рыбу ловити“ и т. п. Въ иныхъ поученіяхъ взятый проповѣдникомъ текстъ такъ мало имѣеть отношенія къ предмету проповѣди, что даже кажется прямо излишнимъ, хотя бы самъ по себѣ былъ вполне понятенъ для слушателей. Нерѣдко бываетъ и такъ, что приводимый проповѣдникомъ заглавный текстъ имѣеть одно лишь *вербальное*, а не *матеріальное* значеніе и, какъ таковой, возбуждаетъ въ слушателяхъ только недоумѣніе. Такъ, напр., одинъ проповѣдникъ свою проповѣдь въ день юбилея *баснописца* Крылова началъ текстомъ: „и глагола имъ

*) „Русское проповѣдничество. Историческій его обзоръ и взглядъ на современное его направленіе“. Спб. 1871 г., стр. 431—432.

притчами много“; другой проповѣдникъ свое слово на день тезоименитства Императрицы *Маріи* Александровны началъ словами: „и рече ей Иисусъ: *Маріе*“!—Иногда поставленный въ заглавіи текстъ относится скорѣе къ второстепенной, чѣмъ къ главной мысли проповѣди, или, по крайней мѣрѣ, скорѣе къ одной части ея содержанія, нежели ко всей совокупности его *). Вообще же, на практикѣ, заглавный текстъ служитъ для проповѣдниковъ только однимъ изъ схоластическихъ, шаблонныхъ разновидностей того *exordium'a*, о которомъ трактовали всѣ схоластическія гомиетики, начиная съ Іоаннікія Голятовскаго и кончая г. Чепикомъ, и который объясняется лишь отсутствіемъ у большинства изъ нашихъ проповѣдниковъ оригинальности и зрѣлости мысли. Привычка писать поученія на текстъ довела многихъ изъ современныхъ проповѣдниковъ до того, что они, поставивши текстъ *для начала* поученія, говорятъ затѣмъ о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ приведенному ими тексту, или, что еще хуже, совсѣмъ извращаютъ смыслъ послѣдняго. Теперь,—говорилъ еще въ свое время Фелелонъ,—„проповѣдники сочиняютъ на каждый текстъ такую проповѣдь, какую имъ угодно: мѣста изъ Свящ. Писанія они заставляютъ говорить все, что угодно, и пробавляются нѣкоторыми замысловатыми изъясненіями его, кои, будучи произвольны, не имѣютъ никакой силы для того, чтобы убѣдить людей, исправить ихъ нравы“ **). Во избѣжаніе всѣхъ указанныхъ натяжекъ, недоразумѣній, излишнихъ измышленій и т. д., проповѣдникъ нисколько не погрѣшитъ, если не будетъ совсѣмъ употреблять заглавнаго текста въ своихъ церковно-богослужебныхъ поученіяхъ, тѣмъ болѣе, что ни священнаго характера, ни духа православія отъ такого отношенія его къ завѣдомо схоластическому приему поученіе его нисколько не утратить.

*) *Кипарисовъ В.*: „Митроп. Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“ („Бог. Вѣстн.“ 1893 г., № 4).

**) *Кипарисовъ В.*: „Чѣмъ долженъ руков. пастырѣ Церкви въ словѣ обличенія“ („Церк. Вѣд.“, 1889 г., № 33).

Но избѣгать по возможности заглавнаго текста—не значить совершенно игнорировать Свящ. Писаніе. Не поставляя текстовъ въ самомъ началѣ своего поученія, проповѣдникъ, тѣмъ не менѣе обязательно долженъ сослаться въ немъ на слова богодухновенныхъ книгъ, какъ на главнѣйшій первоисточникъ христіанскаго ученія и какъ на высочайшій авторитетъ, подтверждающій истинность и справедливость своихъ словъ. Какъ на такой авторитетъ, смотрѣли на Свящ. Писаніе всѣ знаменитые проповѣдники древности и, въ силу этого, находили безусловно необходимымъ приводить, въ качествѣ основаній для тѣхъ или иныхъ догматическихъ и нравоучительныхъ положеній, въ своихъ проповѣдническихъ словахъ изреченія Свящ. Писанія. И лучшіе изъ нашихъ русскихъ проповѣдниковъ всегда относились къ Свящ. Писанію съ такимъ же благоговѣніемъ и смотрѣли на богодухновенныя книги, какъ на существеннѣйшее основаніе христіанской проповѣди. Въ настоящее время среди нѣкоторыхъ нашихъ проповѣдниковъ замѣчаются *два* нежелательныхъ крайности по отношенію къ пользованію Свящ. Писаніемъ въ церковно-богослужебныхъ поученіяхъ. Одни чисто механическимъ образомъ, такъ сказать, нанизываютъ, нагромождаютъ въ своихъ поученіяхъ разнообразнѣйшіе тексты изъ различныхъ книгъ Свящ. Писанія, часто безъ малѣйшаго вниманія къ той связи, какую эти тексты имѣютъ въ естественномъ теченіи библейской рѣчи. Существенный недостатокъ такого отношенія проповѣдниковъ къ текстамъ, на первый разъ могущаго показаться даже довольно благовиднымъ, состоитъ въ томъ, что погоня проповѣдника за многочисленными текстами для выраженія простыхъ своихъ мыслей, съ одной стороны, низводитъ Свящ. Писаніе на степень какого-то склада, или архива ординарныхъ выраженій и формулъ: а съ другой—стѣсняетъ и подавляетъ живую мысль самого проповѣдника, препятствуетъ послѣднему непосредственно высказать всю теплоту и искренность своихъ религіозныхъ убѣжденій и чувствъ. Несмотря на обиліе въ подобнаго рода проповѣдяхъ библейскихъ

текстовъ, онѣ всего менѣе бывають проникнуты истинно библейскимъ духомъ и за богатымъ наборомъ изреченій Свящ. Писанія въ нихъ всегда скрывается скудость собственной мысли проповѣдника. Истинно библейскій духъ церковно-богослужебныхъ проповѣдей состоитъ не въ механическомъ наборѣ и нанизываніи всевозможныхъ текстовъ, а въ общемъ тонѣ всего поученія, всецѣло проникнутомъ благоговѣйной молитвой, истинной вѣрой и чувствомъ глубокой, возвышенной любви. Будучи чужды какъ истинно библейскаго духа, такъ и внутренняго одушевленія самого проповѣдника, поученія, состояція почти исключительно изъ однихъ лишь текстовъ Свящ. Писанія, всегда, обыкновенно отличаются холодностью, блѣдностью и не только не производятъ на слушателей никакого благотворнаго вліянія, напротивъ—весьма часто наводятъ на нихъ даже положительную скуку. Въ послѣднюю четверть настоящаго столѣтія стало замѣтно усиливаться противоположное указанному и еще болѣе ошибочное и ложное отношеніе проповѣдниковъ къ текстамъ Свящ. Писанія. Проповѣдники этого направленія стараются совершенно отрѣшиться отъ Библии и всячески избѣгаютъ въ своихъ церковно-богослужебныхъ поученіяхъ текстовъ Свящ. Писанія, замѣняя ихъ различнаго рода естественными соображеніями и рациональными доказательствами. Совершенно не употребляютъ текстовъ въ проповѣдяхъ—значитъ подчиниться дурному направленію современной общественной мысли и жизни—какъ разъ вопреки той цѣли, какую именно должна преслѣдовать пастырская проповѣдь, т. е. постепенно, но рѣшительно освобождать людей отъ ихъ заблужденій, грѣховныхъ привычекъ и страстей. Если въ настоящее время Библия въ глазахъ многихъ изъ такъ называемыхъ „образованныхъ“ лицъ потеряла свое значеніе, то дѣло пастыря-проповѣдника поднять и возвысить ея авторитетъ и значеніе, а не унижать ее еще болѣе своимъ примѣромъ *).

*) *Пивничкій В.*: „Образъ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, какъ Учителя“ („Тр. К. Д. Ак.“, 1868 г., № 10).

проповѣдника къ текстамъ нужно признать то, которое можетъ найти себѣ оправданіе въ примѣрѣ Христа Спасителя, Его св. апостоловъ и древнѣйшихъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Евангельская исторія показываетъ, что хотя Господь Іисусъ Христосъ въ своихъ бесѣдахъ изрекалъ одну лишь чистѣйшую небесную истину, и хотя слово Его было властно и убѣдительно само по себѣ, но и Онъ находилъ нужнымъ ссылаться на книги Свящ. Писанія, съ цѣлью подтвердить и уяснить Свое ученіе. Поэтому, и современные проповѣдники въ своихъ церковно-богослужебныхъ поученіяхъ непремѣнно должны обращаться къ текстамъ Свящ. Писанія—но не для составленія изъ нихъ цѣлой рѣчи, а лишь для уясненія и подтвержденія высказанныхъ въ поученіи религиозныхъ убѣжденій своихъ и предъявленныхъ къ слушателямъ нравственныхъ требованій. При этомъ нѣтъ никакой нужды подтверждать библейскими текстами такія положенія, въ истинности которыхъ никто изъ слушателей не сомнѣвается, и которыя, такъ сказать, уже давно вошли въ ихъ плоть и кровь: тексты Свящ. Писанія, слѣдующіе въ такихъ случаяхъ за высказаннымъ положеніемъ только повторяютъ въ другой формѣ это положеніе, ничего существеннаго не прибавляя для уясненія предмета въ его основаніяхъ и дѣйствіяхъ, причинахъ и слѣдствіяхъ, а только порождая излишнее многословіе и тождество.

53. Элементъ наглядности въ церковно-богослужебныхъ поученіяхъ.

Такъ какъ одна изъ задачъ церковнаго проповѣдничества заключается въ насажденіи въ умѣ слушателей здравыхъ понятій объ истинахъ христіанской религіи, весьма желательно, чтобы и къ проповѣди былъ примѣненъ принципъ наглядности, который лежитъ въ основѣ современнаго обученія вообще, и при помощи котораго всего легче можно распространить среди народа истинно православныя религіозно-прав-

ственные познанія. „Мысли, служація исходной точкой,—говоритъ одинъ изъ французскихъ гомилетовъ,—должны всегда быть просты, естественны и популярны. Народъ ничего не смыслитъ въ вашихъ отвлеченностяхъ, въ вашихъ высокихъ умозрѣнїяхъ: для него это—непонятный языкъ. Нужно начинать съ извѣстнаго, для того, чтобы вести его къ неизвѣстному. Это математическій и логическій методъ. Слѣдуетъ отправляться отъ предметовъ всѣми ощущаемыхъ, видимыхъ и особенно дѣйствующихъ на внѣшнїя чувства для того, чтобъ потихоньку привлечь его къ предметамъ духовнымъ, невидимымъ, принадлежащимъ къ другой жизни. Этимъ, а не другимъ путемъ можно вести его далеко и возвести высоко—до самыхъ высшихъ порывовъ души и сердца, можно показать ему наглядно, что религія прекрасна, блага, истинна, божественна и потомъ, съ увлеченїемъ и силою, придти къ тому заключенію, что покоряться нравственному закону такой религіи необходимо“ *).

Чтобы быть наглядною, проповѣдь должна давать слушателямъ духовныя ощущенія. Итакъ, если проповѣднику предстоитъ развить, выяснить предъ слушателями какую-либо нравственную истину, какой-либо догматъ и т. п., то пусть онъ воспользуется для этой цѣли или соотвѣтствующимъ жизненнымъ образомъ изъ исторіи Церкви, или примѣромъ изъ обыденной жизни слушателей, или, наконецъ, какимъ-нибудь мѣткимъ сравненїемъ. Образная, картинная форма изложенїя вполне соотвѣтствуетъ складу мыслей большинства наличныхъ слушателей церковныхъ проповѣдей. Сверхъ того, образы и картины, особенно мастерски нарисованные, неотразимо приковываютъ къ себѣ наше вниманіе и тѣмъ облегчаютъ усвоеніе одухотворяющей ихъ мысли. Живо нарисованные образы и картины такъ врѣзаются въ нашей памяти, что стоитъ вспомнить одну какую-нибудь черту, и наше воображеніе до-

*) *Мюлла И.*: „Опыты того, какъ слѣд. пров. говорить къ народу“ (Херс. Еп. Вѣд., 1877 г., № 12).

рисуешь остальную часть картины. Само собою понятно, что мысль, выраженная въ подобной формѣ, глубоко западаетъ въ нашу душу, становится неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ *).

Но для того, чтобы сдѣлать свою проповѣдь наглядною, проповѣдникъ долженъ, съ одной стороны, въ совершенствѣ овладѣть предметомъ, о которомъ намѣренъ говорить къ слушателямъ, а съ другой—хорошо и близко знать ихъ жизнь, степень развитія и т. п. Кто не овладѣлъ своимъ предметомъ, для кого послѣдній не ясенъ, тотъ не въ состояніи ни самъ разобраться въ немъ, ни ясно изложить его другимъ. Съ другой стороны, проповѣдникъ долженъ знать условія жизни своихъ слушателей, ихъ занятія, природу ихъ мѣстности и т. п. и это для того, чтобы сравненія, примѣры и т. п. средства наглядности были дѣйствительно *наглядными*, *извѣстными*, *доступными* для слушателей. Картины, образы, примѣры и т. п. проповѣдникъ долженъ брать непосредственно изъ жизни своихъ слушателей. Обращаясь съ рѣчью, напр., къ поселянамъ, всякое отвлеченное понятіе онъ долженъ уяснить чрезъ сопоставленіе его съ предметами, взятыми именно изъ жизни сельской, посредствомъ примѣровъ изъ жизни именно поселянъ, а не горожанъ. Имѣя дѣло съ людьми торговыми или мастеровыми, онъ и примѣры и сравненія долженъ брать изъ ихъ, именно, жизни. Проповѣдуя среди жителей сѣвера, онъ не долженъ приводить примѣровъ изъ южной жизни, какими пользовались, напр., св. отцы, жившіе въ южныхъ странахъ: такіе примѣры, родные и знакомые грекамъ и арабамъ, для жителей сѣверныхъ губерній нашего отечества не только не послужатъ къ уясненію предмета проповѣди, но еще болѣе затемнятъ его. Если проповѣдникъ, въ цѣляхъ упрощенія рѣчи, будетъ заимствовать для своей проповѣди, картины, сравненія, образы изъ проповѣдей древнихъ, свято-

*) „При какихъ условіяхъ современная церковная проповѣдь можетъ быть популярною?“ („Рук. для с. паст.“, 1887 г., № 12). — *Мухомовъ*, „Общедоступность проповѣдей св. Іоанна Златоуста“ (тамъ же, 1892 г., № 20).

отеческихъ, то, не смотря на всю красоту и художественную простоту этихъ образовъ и картинъ, онъ останется почти непонятнымъ для слушателей, особенно если послѣдвіе—крестьяне, такъ какъ встрѣчающіяся въ святоотеческихъ твореніяхъ описанія бурнаго моря, грознаго самума, плодовой маслины, зеленѣющей виноградной лозы и т. д. взяты св. отцами изъ незнакомой сѣверному русскому человѣку жизни южной. Изъ проповѣдей святоотеческихъ русской современной проповѣдникъ можетъ заимствовать лишь духъ и методъ ученія, а не картины и образы *).

Не смотря, однако, на столь очевидную необходимость и важное значеніе привнесенія въ церковно-богослужебныя проповѣди элемента наглядности, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ находятъ обращенія къ ежедневному опыту и обыденной жизни дѣломъ, недостойнымъ проповѣди и даже унижительнымъ для нея, и потому избѣгаютъ употреблять въ своихъ поученіяхъ, для подтвержденія и уясненія высокихъ истинъ религіи и нравственности, примѣры, аналогіи и картины общедоступныя, обыденныя. Но такое отношеніе проповѣдниковъ къ средствамъ наглядности не можетъ быть признано основательнымъ. Указанный принципъ наглядности, можно сказать, въ нѣкоторомъ смыслѣ носитъ печать божественнаго установленія, такъ какъ Самъ Спаситель въ Своихъ рѣчахъ довольно часто обращался къ обыкновенному человѣческому опыту и обыденной дѣйствительности, чтобы извлечь отсюда необходимыя для Его слушателей подтвержденія и уясненія проповѣдуемыхъ Имъ истинъ и внушаемыхъ Имъ добродѣтелей. Этотъ пріемъ въ образѣ ученія Божественнаго Пастыречнаго начальника составляетъ, такъ сказать, человѣческую сторону, или человѣческій элементъ, благодаря которому и вся проповѣдь Спасителя получила живой, практической (въ лучшемъ смыслѣ слова) характеръ. Своимъ величайшимъ вліяніемъ на внѣшнее поведеніе человѣка, равно какъ и на всю его вну-

*) *Поповъ Е.*, прот.: „Письма по пастырскому богословію“, I ч., стр. 11.

треннюю жизнь, проповѣдь Спасителя въ значительной степени была обязана этому именно практическому характеру, стоявшему въ зависимости отъ элемента наглядности. Вотъ что говорить св. Іоаннъ Златоустъ о значеніи образовъ и сравненій, употребляющихся въ Свящ. Писаніи: „если бы еванг. Матѳеѣй просто сказалъ, что Христось будетъ судить каждаго за всѣ его дѣла (Матѳ. 25, 31 — 46), то слова евангелиста не такъ было бы легко понять, но такъ какъ онъ пользуется для уясненія этой мысли сравненіями, которыя возбуждаютъ вниманіе и заставляютъ сосредоточиваться, то слушатели легко усвоили его ученіе. Зачѣмъ Господь Іисусъ Христось въ Своей проповѣди пользуется выраженіями, заимствованными изъ обыденной жизни Своихъ слушателей? Въ Его устахъ слышатся слова: *умно, виноградникъ, точило, поле, сѣть* и другія общественныя слова“. Да и кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстны слѣдующія, напр., образныя изреченія Спасителя: „Зажегши свѣчу, не ставятъ ея подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего Небеснаго“ (Матѳ. 5, 15—16); „Всякаго, кто слушаетъ слова Мои сѣи, и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благо разумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ; потому что основанъ былъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сѣи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится челоуѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ: и онъ упалъ, и было паденіе его великое“ (Матѳ. 7, 24—27) и мн. др. п. Нужно ли говорить о томъ, какую красоту, жизненность и увлекательность придаютъ эти картины и сравненія проповѣди Спасителя?“ *).

* Р.: „Проповѣдь проповѣдникамъ“ (Рук. для с. п., 1887 г., № 48).

54. *Агіологическій элементъ въ церковно-богослужебныхъ проповѣдяхъ.*

На ряду съ другими средствами нагляднаго изображенія пороковъ и христіанскихъ добродѣтелей, для проповѣдника можетъ имѣть весьма важное значеніе изложеніе въ проповѣди жизни, дѣятельности, нравственной борьбы и подвиговъ св. угодниковъ, иначе сказать привнесеніе въ проповѣдь элемента агіологическаго. Примѣры изъ жизни св. угодниковъ Православной Церкви представляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ и важнѣйшихъ средствъ назиданія и убѣжденія. Къ сожалѣнію, въ теченіе 18-го и отчасти 19-го столѣтій агіологическій элементъ въ церковно-богослужебныхъ проповѣдяхъ нашихъ русскихъ проповѣдниковъ почти совершенно не имѣлъ для себя мѣста и только въ послѣдніе годы сталъ все болѣе и болѣе проникать въ нее. Внесеніе агіологическаго элемента въ церковно-богослужебную проповѣдь имѣетъ за собой весьма вѣскія и важныя основанія историческія, общественно-народныя и психологическія.

Въ до-петровское время у насъ на Руси, при отсутствіи богословской науки, исторія жизнедѣятельности св. угодниковъ, изложенная въ Четьяхъ Мисеевыхъ, прологахъ, синаксаряхъ, патерикахъ и т. д., вмѣстѣ съ многочисленными статьями, входившими въ составъ разнообразныхъ сборниковъ, въ родѣ „Златоструя“, „Маргарита“ и т. п., служила самою живою, вразумительною и увлекательною наукою вѣры и нравственности для грамотныхъ лицъ всѣхъ сословій. Эти же самыя книги не потеряли своего воспитательнаго вліянія на народное сознаніе и въ наше „просвѣщенное“ время. Житія святыхъ и доселѣ составляютъ для нашего, искони набожнаго народа самое любимое чтеніе, что, между прочимъ, отразилось и на изданіи въ послѣднее время многочисленныхъ книжекъ, содержащихъ въ себѣ изложеніе жизни и дѣятельности того или иного отдѣльнаго угодника, и цѣлыхъ сборни-

ковъ *). Въ виду той любви, съ какою народъ нашъ относится къ житіямъ святыхъ, привнесениемъ въ церковно-богослужбную проповѣдь агіологическаго элемента поученія пастырей, естественно, получаютъ въ глазахъ народа больше авторитета и важности, стануть убѣдительнѣе, назидательнѣе.

(Продолженіе будетъ).

Аскетизмъ—недугъ ли?

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Русской Мысли“ за 1900 г. напечатана статья г. Скабичевского подъ такимъ заглавіемъ: „Аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи. (По поводу трехъ женскихъ романовъ)“. Въ романахъ, вызвавшихъ появленіе этой статьи, дѣйствующими лицами являются—съ одной стороны—люди идеальныхъ стремленій, преслѣдующіе возвышенныя цѣли служенія благу народа, готовые на всякое самопожертваніе ради осуществленія своихъ альтруистическихъ идей, а съ другой стороны—люди, предпочитающіе жить личными интересами и наслаждаться всѣми радостями жизни. Первые обладаютъ слабымъ характеромъ, ничтожной силой воли, поэтому подъ вліяніемъ среды, въ которую попадаютъ, а иногда просто искушеній собственной плоти, часто отказываются отъ служенія высокимъ задачамъ, переходятъ отъ жизни самоотреченной къ жизни узко-эгоистической и даже объявляютъ открытую войну своимъ прежнимъ убѣжденіямъ; но и въ новомъ направленіи своей жизнедѣятельности они не могутъ

*) Изъ сборниковъ можно указать, напр., слѣдующіе: *Дестумисъ С.*—„Житія святыхъ. составлены по Четьи-Минеемъ и другимъ книгамъ“. 2-е изд. Сиб. 1892 г.; *ся же:* „Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ“. Сиб. 1891 г.; *Бахметева А.*—„Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четинхъ-Мивей“. М. 1891 г.; *Виноградовъ П.*—„Жизнь святыхъ, составленная по руководству Четьи-Мивей и другихъ книгъ“. М. 1880 г. и вѣк. др.

прочно утвердиться и найти себѣ удовлетвореніе: красота прежнихъ идеаловъ продолжаетъ привлекать ихъ къ себѣ, и въ результатѣ—дѣтельность ихъ пріобрѣтаетъ характеръ какой-то безпринципной суетливости. Вторые же не переживаютъ никакой борьбы, никакихъ волненій изъ-за идеаловъ, потому что таковыхъ у нихъ и нѣтъ; сознательно усвоивъ себѣ міровоззрѣніе эпикурейцевъ или же просто, слѣдуя духу времени, они заботятся только о томъ, чтобы наслаждаться настоящею жизнью и при всѣхъ обстоятельствахъ сохранять веселое настроеніе духа. Конечно, легко замѣтить, что очерченные типы представляютъ явленіе довольно заурядное въ современномъ обществѣ, особенно среди молодыхъ людей, отличающихся непрочною или даже полнымъ отсутствіемъ серьезныхъ убѣжденій; явленіе это создается совокупнымъ вліяніемъ семейнаго воспитанія, школьнаго образованія и общественной среды. Но г. Скабичевскій старается отыскать указанному явленію объясненіе болѣе глубокое, болѣе философское; онъ видитъ здѣсь не просто отсутствіе убѣжденій и слабость воли, а неотвратимое дѣйствіе какого-то закона природы, заставляющаго человѣка переходить отъ увлеченія альтруизмомъ и самоотреченіемъ къ увлеченію самолюбіемъ и эпикуреизмомъ и, подобно маятнику, направлять свою дѣтельность то въ одну, то въ другую сторону. Идеаленъ только человѣкъ уравновѣшенный, сумѣвшій примирить въ своей жизни служеніе общему благу съ служеніемъ самому себѣ; уклоненіе же въ какую-либо одну сторону есть крайность, недугъ. Двѣ возможныя въ данномъ случаѣ крайности, *аскетизмъ* и *свобода плоти*, борются между собою на протяженіи всей нашей исторіи.

Чтобы кто-нибудь не подумалъ, что слово *аскетизмъ* лишь по недоразумѣнію употребляется имъ для обозначенія предмета, не имѣющаго ничего общаго съ настоящимъ аскетизмомъ, г. Скабичевскій, заявивъ о своемъ желаніи „заглянуть глубоко въ обсуждаемый предметъ“ и „помочь читателямъ избавиться отъ навѣяннаго вѣками привычнаго образа

аскета“, такъ опредѣляетъ въ началѣ своей статьи природу аскетизма и причины его возникновенія въ исторіи. Аскетизмъ, говоритъ онъ, есть особеннаго рода психическая болѣзнь, напоминающая собою лихорадку или „еще того лучше—запойное пьянство“. Въ самомъ дѣлѣ, запойные пьяницы—или чувствуютъ неопределимое отвращеніе къ вину, или ими овладѣваетъ неутомимая жажда вина; тоже замѣчается и въ жизни аскета, который переходитъ отъ увлеченія духовными подвигами къ увлеченію чувственностью. Что касается причинъ возникновенія „аскетической болѣзни“, то главныя изъ нихъ суть: *недовольство* жизнью, порождающее пессимистическое настроеніе духа, и *пресыщеніе* благами земными. Въ частности—аскетизмъ на Руси обязанъ своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ во всѣ эпохи существованія русскаго народа, между прочимъ, и климату, и почвѣ, и всѣмъ историческимъ условіямъ, въ числѣ которыхъ важное мѣсто принадлежитъ заимствованію христіанства изъ Византіи, гдѣ „преобладали монашество и мрачные аскетическіе идеалы“.

Эти разсужденія г. Скабичевскаго, созданныя его собственнымъ воображеніемъ, свидѣтельствуютъ о его полномъ незнаніи предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ о той возмутительной развязности, съ какою въ настоящее время нѣкоторые свѣтскіе писатели принялись обсуждать въ печати вопросы богословскаго характера. Обидно становится за печатное слово, когда имъ такъ злоупотребляютъ, но обиднѣе всего за богословскую науку, съ результатами которой не хотятъ знакомиться, а предпочитаютъ обо всемъ судить по вдохновенію.

Аскетизмъ христіанскій, порицаемый г. Скабичевскимъ, недугъ ли?

Св. ап. Павелъ въ 1 Кор. 9, 24—25 называетъ аскетами всѣхъ вѣрующіхъ въ томъ смыслѣ, что они должны воздерживаться отъ всего для полученія нетлѣнныхъ вѣнцовъ подобно тому какъ и бѣгущіе на ристалищѣ (подвижники аскеты) воздерживаются отъ всего для полученія награды. Свв. отцы церкви также употребляютъ слово аскетъ о вѣру-

ющихъ вообще, и даже само христіанство иногда называютъ аскетизмомъ, какъ ученіе требующее духовнаго самоумерщвленія ветхаго человѣка. Но въ болѣе спеціальному значеніи слова аскетами принято называть отшельниковъ, подвижниковъ, монаховъ. Въ чемъ же заключается сущность христіанскаго аскетизма или подвижничества? Аскетъ есть христіанинъ, осуществляющій на землѣ требованія Евангелія черезъ участіе въ этомъ душею, съ отстраненіемъ всего, касающагося тѣла. Особенность аскетической жизни состоитъ въ стремленіи аскета жить внутреннимъ своимъ міромъ, что на языкѣ аскетической литературы называется созерцаніемъ. Послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ или нравственное совершенство подвижника, или общеніе его съ Богомъ, выражающееся въ молитвѣ. Основное свойство аскетизма—созерцаніе, опредѣляетъ и всѣ частныя его признаки. Такъ, аскетъ пренебрегаетъ тѣлесными потребностями, потому что тѣло отвлекаетъ его отъ внутренней жизни въ Богѣ: онъ ведетъ дѣвственную жизнь, потому что безгранично любитъ Бога и не можетъ наравнѣ съ нимъ полюбить какое-либо тварное существо; наконецъ, онъ ищетъ уединенія и вовсе удаляется изъ міра, потому что „мятежами и недугами, какіе обыкновенно производитъ мірская жизнь, духъ человѣчскій, будучи отвлекаемъ отъ драгоцѣннаго памятованія о Богѣ, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Богѣ, но и совсѣмъ привыкаетъ къ пренебреженію и забвенію опредѣленій Божіихъ“ (св. Василій В.)¹⁾. Понимаемый въ такомъ смыслѣ, аскетизмъ есть не „болѣзнь“, а совершеннѣйшій образъ христіанской жизни на землѣ, который могутъ „вмѣстить“ только избранники, и причинъ его происхожденія нужно искать не въ пресыщеніи жизнью или недовольствѣ, а въ высшихъ стремленіяхъ человѣческаго духа, стремленіяхъ его къ нравственному совершенству и богообщенію. Богообщеніе есть потребность нашего духа и столь

¹⁾ „Прав. Собес.“ 1899, ноябрь, стр. 501 и дал.

же мало напоминает ненормальное состояніе души, какъ добродѣтель-порокъ. Что именно въ стремленіи къ нравственному совершенству и богообщенію нужно видѣть начало аскетизма, а не „въ тяжкихъ общественныхъ кризисахъ и разочарованіяхъ“, какъ хотѣлъ бы г. Скабичевскій, это мы можемъ видѣть изъ исторіи четвертаго вѣка христіанской эры, который отмѣчается какъ время разцвѣта подвижнической жизни въ восточной Церкви, хотя по сравненію съ предшествующимъ періодомъ гоненій онъ представлялъ все условія для жизнерадостнаго наслажденія земными благами. Что же касается изначальной религіозности русскаго народа, проявлявшейся въ особенномъ почитаніи монашескаго житія, то развѣ не видѣли мы въ ней до сихъ поръ самую привлекательную сторону жизни нашихъ предковъ? Исторія распространенія христіанства на Руси свидѣтельствуетъ, что высокія нравственныя понятія евангельскія быстро и свободно привились къ семейной жизни, нравственно возвысили ее и навсегда стали завѣтнымъ условіемъ семейнаго быта православнаго народа. И если этотъ народъ старался всегда жить въ союзѣ съ Церковью и своей семейной жизни придавалъ обстановку церковную, то развѣ въ этомъ проявилась „аскетическая болѣзнь“, а не высокія качества его цѣльной, не испорченной природы?—Благодареніе Богу, русскій народъ никогда не измѣнялъ строго христіанскому идеалу жизни и не переживалъ никакой борьбы съ влеченіемъ къ жизнерадостности или—вѣрнѣе—къ нравственной распущенности, которой такъ симпатизируетъ г. Скабичевскій. Таковую борьбу переживаетъ только „передовая интеллигенція“, сегодня чувствующая потребность дать исходъ своимъ великодушнымъ порывамъ пожертвовать собою, отдать всего себя какому-нибудь общему дѣлу, напр. служенію простому народу, а завтра беззавѣтно предающаяся удовлетворенію своихъ эгонистическихъ наклонностей. Но вѣдь эти мечты интеллигенціи общему благѣ, это увлеченіе народничествомъ не имѣетъ ничего общаго ни съ религіозностью русскаго народа, ни съ

христіанскимъ аскетизмомъ. Такое печальное явленіе въ нашей жизни должно быть названо не „аскетическимъ недугомъ“, а расплывчатой сентиментальностью. *Н. Гр.*

Канникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Съ большимъ вниманіемъ также всматривался я въ Хевронъ (el Chalil). Онъ расположенъ большею частію по южному склону горы въ долину, которая шла отъ дуба Мамврійскаго (Wâdi el Chalil). Среди городскихъ построекъ видѣются бѣлыя массы Харама надъ пещерою Махпела съ минаретами и другими принадлежащими къ нему постройками ²⁾. По другому противоположному склону горы въ Хе-

¹⁾ См. № 4 за 1901 г.

²⁾ Не имѣвъ возможности посѣтить въ этотъ разъ Хевронъ, записываю здѣсь интересныя свѣдѣнія о Хевронѣ и его главной святынѣ, по лучшему въ настоящее время путеводителю Baedeker'у. Основаніе Хеврона относится къ доисторич. времени. По смерти Сарры (Быт. 23), Авраамъ купилъ для ея погребенія двойную пещеру Махпелу, гдѣ потомъ былъ погребенъ и онъ самъ, а также Исаакъ и Ревекка, Иаковъ и Лія. По завоеваніи евреями земли обѣтованной, Хевронъ отданъ былъ во владѣніе поколѣнію Халева. И для евреевъ, и для христіанъ и для магометанъ (которые считаютъ Авраама „пророкомъ“ и „другомъ Божиимъ“) эта пещера составляла и составляетъ заветную святыню. Нынешняя мечеть-харамъ передѣлана изъ христіанскаго храма. Но есть здѣсь сооруженія изъ до-христіанскаго времени. Нижняя часть стѣны вокругъ харама, состоящая изъ большихъ выглаженныхъ квадратовъ съ пилястрами и карнизомъ вверху относится къ Иродовскому періоду. Надъ нею уже мусульманами возведена верхняя часть стѣны, а по четыремъ угламъ пристроены 4 минарета (есть еще 2—въ сѣв.-зап. и ю.-вост. сторонѣ) Съ сѣв.-вост. и южной стороны выстроена вторая (новѣйшая) стѣна. Между нею и древнѣйшею стѣною на сѣв. и югѣ есть двѣ лѣстницы, которыя приводятъ на дворъ харама, лежащаго на 4½ м. высоты надъ улицей. Въ харамъ ведутъ двѣ двери: противъ восточной двери дозволяется восходить „небѣрнымъ“ до 7 ступени лѣстницы. У пятой ступени находится въ большомъ камнѣ дыра, которая, по мнѣнію іудеевъ, доходитъ до гробной пещеры. Здѣсь они по пятницамъ плачутъ, какъ у стѣны плача въ Іерусалимѣ. Съ высоты харама на сѣверѣ можно видѣть дворъ и его постройки. Внутренность харама для „небѣрныхъ“

вронскую долину тянулись всюду большіе масляные сады, среди которыхъ также видѣлись (хотя какъ будто рѣже) дома жителей. Возвратившись въ русскій домъ, я сталъ спрашивать арабку Марію, не тревожатъ ли домъ сей здѣшніе магометане? Она отвѣчала, что сначала, по основаніи дома, были съ ихъ стороны нападенія, но то было прежде, теперь же мѣстные жители нападеній и притѣсненій имъ никакихъ не дѣлаютъ. Провизію она беретъ въ Хевронѣ, и никто никогда ее не обижаетъ, да и другихъ посѣтителей, сказала она, едва ли кто обижаетъ (?). Но церкви здѣсь и теперь нельзя устроить вслѣдствіе фанатизма турокъ. Я замѣтилъ, что вѣдь можно было бы устроить ее здѣсь тайно, въ одной изъ комнатъ этого обширнаго дома. Но она отвѣтила, что скрыть о существованіи церкви, хотя бы и въ комнатахъ существующей постройки нельзя будетъ, такъ какъ сюда часто заходятъ и турки. Недавно цѣлую недѣлю здѣсь гостилъ Хевронскій каймакамъ (въ родѣ нашего исправника) со всѣмъ своимъ семействомъ.

Когда мы сошли внизъ къ дубу, то нашли двери его ограды отпертыми. Студ. М. Ив—кій пришелъ сюда раньше

недоступна: только нѣкоторымъ европейцамъ было дозволено особымъ фирманомъ султана посѣтить мечеть, напр. въ 1881 г. принцу Валлійскому. Южная часть харама заключаетъ древнюю церковь, раздѣленную четырьмя колоннами на три корабля. Въ полу церкви есть два входа, которые ведутъ прямо внизъ къ пещерѣ. Пещера, говорятъ, двойная; каждая часть ея съ особымъ входомъ. Черезъ третье отверстіе въ полу можно видѣть подземную комнату, которая кажется образуетъ прихожую къ пещерѣ, но кр. мѣрѣ въ южной стѣнѣ ея видна дверь, ведущая къ гробамъ. Первоначально церковь была выстроена ими. Юстиніаномъ; потомъ на ея мѣстѣ была сооружена крестопосцами (въ 1167—1187) другая, которая наконецъ передѣлана арабами въ мечеть. На верху имѣется шесть надгробій, которыя, по словамъ мусульманъ, находятся надъ самыми гробами Авраама, Исаака, Иакова и ихъ женъ: надгробіа Исаака и Ревекки стоятъ въ самой мечети, надгробіа Авраама и Сарры въ 8-угольной часовнѣ на дворѣ (къ сѣв. отъ церкви), надгробіа Иакова и Лии—въ камерахъ въ сѣв. части харама. Всѣ они состоятъ изъ камней, покрытыхъ зелеными покрывалами съ золотомъ и серебрянымъ тканьемъ.

* Baedeker, Paläst. u. Syrien, s. 134—136.

всѣхъ и успѣлъ уже вырѣзать для себя кусочекъ ствола тысячелѣтняго священнаго дерева (кажется, не зная, что это строго запрещено). Я съ благоговѣніемъ преклонилъ подъ дубомъ колѣна, прочиталъ молитвы: „Пресв. Троице“ и „Отче нашъ“ и помянулъ всѣхъ монаховъ родныхъ“. Дубъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покапанъ воскомъ. Здѣсь совершается литургія и молебствія ко Пресв. Троицѣ, если богомольцы прѣзжаютъ сюда въ сопровожденіи іеромонаха изъ Іерусалима или какого-нибудь путешествующаго священника. Дубъ Мамврійскій нѣкогда представлялъ собою величавое растеніе: еще и теперь можно видѣть природные его размѣры; ширина его ствола въ основаніи ок. 1 саж., въ обхватъ онъ имѣетъ ок. 4 саж. Изъ одного, главнаго ствола его выходятъ 4 большихъ вѣтви: 2 живыхъ и 2 сухихъ; изъ послѣднихъ одна обрушилась въ прошломъ году. Высота дуба, полагаю, 9—10 саж.; густыя листья его даютъ прохладную тѣнь; они не похожи на листья нашего сѣвернаго дуба: гораздо меньше (по кр. мѣрѣ въ 5 разъ), зубчаты, продолговаты и закруглены; желуди его продолговаты, какъ и наши сѣверные. Дубъ, и въ настоящее время, своими живыми вѣтвями даетъ густую тѣнь. Рядомъ со старикомъ-дубомъ, также за желѣзной перегородкой, съ правой стороны отъ входа, посажено нѣсколько молодыхъ кипарисовъ и одинъ молодой же дубокъ, потомокъ дуба Мамврійскаго.

Прощаясь съ дубравою Мамврійскою, я попросилъ себѣ на память желудей отъ дуба и получилъ въ страннопріимномъ домѣ: 1) желуди отъ самаго Мамврійскаго дуба, прошлогодняго сбора, 2) вѣтви отъ молодого дуба, который растетъ подлѣ стараго и есть, очевидно, его потомокъ, 3) большіе кусочки самаго дуба (колѣнице), какъ мнѣ сказали,—изъ *того* куска его, который въ прошломъ году обрушился ¹⁾, 4) 2 кар-

¹⁾ По словамъ арабки Маріи, обрушившаяся вѣтвь дуба была отправлена въ Россію (будто бы въ Св. Синодъ), гдѣ предполагалось употребить ее на изготовленіе иконостаса или кіота.

тинки Божоявленія Аврааму у дуба Мамврійскаго и 2 полсочка для дѣтей (и, то и другое русскаго издѣлія) и наконецъ, 5) 1 бут. прекраснаго бѣлаго вина мѣстнаго приготовленія изъ лозъ дубравы Мамврійской.

Возвратились мы отъ дуба Мамврійскаго уже часа въ два. Къ удивленію, извозчика нашего еще не оказалось. Мы ждали его около часа. Не дождались: послали за нимъ въ городъ одного араба. Прошло еще $\frac{3}{4}$ часа. Наконецъ, прибылъ и нашъ экипажъ, но только не съ тремя, а съ двумя лошадьми. Оказывается, въ Хевронѣ одна изъ лошадей заболѣла. Мы не могли оспаривать, но было сильное основаніе сомнѣваться въ вѣрности объясненія нашего возницы-еврея. Ему нужно было погостить у своихъ родственниковъ, живущихъ въ Хевронѣ, а чтобы избѣжать выговора и штрафа за промедленіе, онъ учинилъ эту комедію. Нужно замѣтить, что изъ Іерусалима въ Хевронъ онъ ѣхалъ медленно и загнать лошадей ни въ какомъ случаѣ не могъ.

Садимся въ экипажъ (ок. 4 ч. по полудни) и пускаемся въ обратный путь. Что же теперь будетъ съ программой настоящаго дня? Нужно бы теперь снѣшить къ прудамъ и въ Виолеемъ. Подогнать бы лошадей, вѣдь отдохнули жъ онѣ порядочно. Но теперь было ужъ не то. Пара лошадей бѣжали въ обратный путь медленно, чѣмъ тройка сюда.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константиинъ

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 26 января 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

Грѣдь

УЛН.

УЖЕВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1901 года, февраля 11-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія (продолже-
ніе).—Общія замѣчанія о характерѣ Богослуженія св. Четырде-
сятницы. Уроки Богослуженія первой седмицы св. Четырдесят-
ницы — Гомилегика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова
Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго правоученія ¹⁾.

*Свойства христіанской добродѣтели; ея превосходство предъ
языческою. Благодаръ и свобода.*

Каждому изъ насъ врождено непреоборимое стремленіе
къ нравственному совершенству, которое и слѣдуетъ есте-
ственнымъ основаніемъ осуществленія *добродѣтели* или выпол-
ненія идеи нравственнаго закона. Но исканіе одного личнаго
совершенства, не говоря уже о томъ, что невозможно при
извращенности нашей природы, само по себѣ превращается
или въ гордость или въ самообожаніе, если у человѣка не
будетъ другого — высшаго основанія для его добродѣтели.

¹⁾ См. № 5 за 1901 г.

Поэтому, даже языческіе мудрецы, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, искали высшихъ основъ добродѣтельной жизни въ Богѣ, въ богообщеніи, признавали добродѣтель отблескомъ Божественныхъ совершенствъ въ душѣ человѣка и полагали сущность ея въ подражаніи Богу. Какимъ же путемъ человѣкъ можетъ достигать общенія съ Божествомъ? Тогда какъ язычники искали его въ такомъ богоугожденіи, которое иногда было ниже человѣкоугодничества, христіанство указало этотъ путь въ любви. „Любящій, говоритъ ап. Іоаннъ, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ; потому что Богъ есть любовь“ (1 Іоан. 4, 8—13). Христіанство раскрыло затѣмъ содержаніе нашей любви и показало совершенное тождество ея съ идеей нравственнаго закона; любовь—„совокупность совершенства“ (Колос. 3, 14); изъ нея, какъ изъ своего корня, возникаютъ и развиваются всѣ наши добродѣтели. Потому-то Богъ и требуетъ отъ насъ сердца нашего съ его способностію любить: „сынъ Мой! взываетъ Господь къ человѣку, отдай сердце твое Мнѣ“ (Притч. 23, 26). Или въ ученіи Спасителя: „добрый человѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе“ (Лук. 6, 45). Такимъ образомъ добрыя сердечныя расположенія, вытекающія изъ любви, и суть собственно добродѣтели (1 Петр. 3, 8; Колос. 3, 12); вводящія насъ въ общеніе съ Богомъ.

Принимая во вниманіе сказанное, можно дать слѣдующее опредѣленіе добродѣтели: она есть сознательное, свободное и неизмѣнное стремленіе человѣка сообразовать свои мысли, чувства, желанія и поступки съ идеей нравственнаго совершенства или нравственнаго закона, для достиженія богообщенія въ любви къ Богу и ближнимъ. Это опредѣленіе можетъ быть названо столько же общечеловѣческимъ, естественнымъ, сколько и христіанскимъ. Но въ христіанствѣ оно принимаетъ другой характеръ, какъ это можно видѣть при разсмотрѣніи слѣдующихъ *свойствъ добродѣтели*.

Добродѣтель должна быть 1) сознательною; потому что бессознательно совершенное доброе дѣло не можетъ быть на-

звано нравственнымъ. Но отношеніе сознательности къ добродѣтели у естественнаго человѣка и у христіанина не одно и то же. Сознаніе христіанское, въ отличіе отъ естественнаго, есть сознаніе дѣйствій не только нашей личности, но и Личности Божественной, дѣйствующей въ насъ. „Безъ Меня, говоритъ самъ Иисусъ Христосъ, не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5). Христіанинъ вѣруетъ, согласно словамъ ап. Павла, что „Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе, по своему благоволенію“ (Филип. 2, 13). „Все могу, говоритъ тотъ же апостоль, въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ“ (4, 13). Но это не значить, что при живомъ богообщеніи личность наша исчезаетъ въ Богѣ съ потерей свободы. Хотя наша душа и состоитъ при этомъ подъ Божественнымъ вліяніемъ и проникается силою Божіею, однакожь не перестаетъ быть разумно-свободною, подобно тому, какъ раскаленное желѣзо, проникаясь огнемъ, не теряетъ своихъ свойствъ. Она пріобрѣтаетъ, только чрезъ это общеніе полнѣйшую и скорѣйшую силу дѣйствовать по волѣ Божіей—свободно и безпрекословно. Между тѣмъ какъ естественный человѣкъ познаетъ себя совершенно одинокимъ и беспомощнымъ при совершеніи своихъ добрыхъ дѣлъ. Изображая жалкое нравственное состояніе естественнаго человѣка, предоставленнаго самому себѣ, ап. Павелъ говоритъ: „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“ (Рим. 7, 18—19).

2) Добродѣтель должна быть дѣломъ свободнымъ; потому что невольное и несвободное совершеніе добраго дѣла не имѣетъ нравственной цѣны. „Кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя“, говоритъ Спаситель (Мрк. 8, 34). Св. Василій Великій пишетъ: „мы хвалимъ тѣхъ, которые добры по произволенію, а не тѣхъ, которые вынуждены какою либо необходимостію“. Конечно, христіанинъ совершаетъ добрыя дѣла силою благодатною; но эта Божественная помощь подается только тѣмъ, которые сами дѣйствуютъ, а не тѣмъ, которые не дѣйствуютъ. Надобно прежде употребить извѣст-

ное усиліе своей свободной воли и только тогда может прійти помощь свыше. Между тѣмъ естественный человѣкъ совершаетъ добрыя дѣла одними естественными силами своей свободы.

3) Добродѣтель должна быть неизмѣнимымъ, т. е. постояннымъ, полнымъ и всецѣлымъ, а не скоропреходящимъ, перемежающимся и временнымъ порывомъ къ добру; потому что мимолетныхъ и рѣдкостныхъ добрыхъ движеній бываютъ не чужды и люди порочные и они не ведутъ насъ къ исполненію нравственнаго закона. „Никто, вложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“, говоритъ самъ Іисусъ Христосъ (Лук. 9, 62). Только „вѣрному до смерти“ общается въ словѣ Божіемъ „вѣнецъ жизни“ (Апок. 2, 10). Это коренное требованіе добродѣтели христіанинъ исполняетъ при посредствѣ вѣры въ Искупителя. „Какъ закопъ, говоритъ ап. Павелъ, ослабленный плотію, былъ безсиленъ, то Богъ послалъ Сына своего въ подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ, и осудилъ грѣхъ во плоти, чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу“ (Рим. 8, 3—4). Мы не иначе можемъ надѣяться на неизмѣнное и полное исполненіе нравственнаго закона, какъ чрезъ усвоеніе себѣ вѣрою праведности Христовой. Очевидно естественный человѣкъ не можетъ разсчитывать на такое исполненіе нравственнаго закона. Его добрыя дѣла—это начинанія безъ окончанія, борьба съ морскими волнами утопающаго безъ возможности спасти себя отъ потопленія.

Наконецъ 4) добродѣтель должна быть осуществленіемъ идеи нравственнаго закона. Но какъ ни возышается эта идея естественною моралью, все же она слишкомъ отвлеченна и сознается иногда неясно, ошибочно и даже ложно. Напротивъ христіанинъ исполняетъ свой законъ не изъ сознанія только этой отвлеченной и не всегда ясной идеи, но изъ любви къ личности Богочеловѣка, осуществившаго эту идею наглядно, во всей полнотѣ и совершенствѣ. „Кто любитъ

Меня, говорить самъ Исусъ Христосъ, тотъ соблюдаетъ слово Мое“ (Иоан. 14, 23. Ср. ст. 15). Далѣе, эта идея сама по себѣ безсильна, и если движетъ нашу волю въ стремленіи къ осуществленію добра, то очень слабо. Напротивъ того, живая личность Богочеловѣка всесильна. „Кто пребываетъ во Миѣ, говоритъ Спаситель, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода“ (Иоан. 15, 5). Наконецъ идея эта не даетъ намъ полнаго блаженства. Напротивъ того, божественная личность Исуса Христа соединяетъ насъ съ самымъ источникомъ блага—Богомъ. „Я въ Отцѣ Моемъ, и вы во Миѣ, и Я въ васъ“, говоритъ Спаситель (Иоан. 14, 20). Отсюда уже открывается *превосходство* христіанской добродѣтели предъ естественною или языческою.

Добродѣтель естественная основывается на одномъ человѣческомъ разумѣ, который не ясно, а иногда и не вѣрно понимаетъ требованія нравственнаго закона; на внушеніяхъ человѣческой совѣсти, иногда ошибочной и заблуждающейся; на естественныхъ усиліяхъ нашей воли, слабой и немощной при выполненіи требованій нравственнаго закона. Поэтому добродѣтель естественная всегда должна являться несвободною отъ примѣси какихъ-либо омрачающихъ ее страстей; она не можетъ пролить въ сердце человѣка надежды на спасеніе и не освобождаетъ его отъ мученій совѣсти и отъ страха будущихъ мукъ (Рим. 14, 23; 7, 23—24). Напротивъ того, добродѣтель христіанская, рождаясь въ душѣ христіанина силою св. Духа, просвѣщающаго разумъ, очищающаго совѣсть и укрѣпляющаго волю, является вполне совершенною, приводитъ насъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Исусомъ Христомъ и вселяетъ совершеннѣйшую надежду спасенія. Впрочемъ, добродѣтель естественная, хотя и несовершенная, имѣетъ свое достоинство предъ Богомъ. По ученію слова Божія, „во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ пріятель Ему“ (Дѣян. 10, 35; Ср. 18, 2 и 7). „Язычники, не имѣющіе закона, говоритъ ап. Павелъ, по природѣ законное дѣлаютъ“ (Рим. 2, 14). Но для того, чтобы спастись, языч-

нику нужно было, подобно Корнилию сотнику (Дѣян. 10, 34—48), просвѣтиться истинною вѣрою и принять благодатныя силы къ совершенію добра въ христіанскихъ таинствахъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что христіанская добродѣтель есть проявленіе, съ одной стороны, *благодати* Божіей, съ другой—человѣческой *свободы*. „Благодатию вы спасены чрезъ вѣру, учитъ ап. Павелъ, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился“ (Ефес. 2, 8—9). Поэтому онъ же называетъ „плодомъ духа“ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость и воздержаніе (Гал. 5, 22—23). И ап. Іаковъ говоритъ: „всякое даяніе доброе, и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ“ (Іак. 1, 17). Однакожь благодать Божія не можетъ приносить своихъ плодовъ безъ свободнаго желанія со стороны человѣка принять ее и воспользоваться ею къ совершенію добрыхъ дѣлъ. „Се стою при двери, и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой, и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною“ (Апок. 3, 20). „Благодать, не смотря на то, что она благодать, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, спасаетъ желающихъ, а не тѣхъ, которые отвергаются ея и противятся ей“¹⁾. Отсюда совершенно ложно, какъ то мнѣніе (протестантовъ, квіэтистовъ, квакеровъ), которое утверждаетъ полнѣйшее безсиліе человѣка въ дѣланіи добра и все приписываетъ дѣйствию одной благодати, такъ и то мнѣніе (пелагианъ, социніанъ и рационалистовъ), которое считаетъ естественныя усилія разума, совѣсти и свободной воли совершенно достаточными для совершенія добрыхъ дѣлъ.

Грѣховность, увлеченіе, слабость, порокъ. Всепрощеніе Божіе, подъ условіемъ исправленія со стороны грѣшника.

Грѣхъ вообще есть противоположность добродѣтели, не въ смыслѣ только меньшей степени добра, но и въ смыслѣ

¹⁾ 80 Бесѣд. на Матѣ.

лишенія или разрушенія добра. Поэтому грѣхъ не есть только „беззаконіе“ (1 Іоан. 3, 4), т. е. неисполненіе воли Божіей, но есть положительное противленіе волѣ Божіей (Рим. 5, 19), исполненіе „закона, противоборствующаго закону ума“ нашего (7, 23).

Какъ произошелъ грѣхъ? По словамъ св. Василія Великаго, происхожденіе грѣха есть тайна грѣха. Непостижимая тайна въ объясненіи происхожденія грѣха состоитъ собственно въ трудности показать естественность перехода грѣха отъ возможности въ дѣйствительность. Поистинѣ трудно понять, какимъ образомъ существа совершенныя, одаренныя отъ Бога совершенствами невинности, находившіяся въ живомъ общеніи съ Богомъ, не смотря на все это осуществили свою возможность грѣха и извратили свою природу чрезъ грѣхъ. Слово Божіе открываетъ только намъ, что переходъ отъ возможности грѣха къ дѣйствительности не былъ необходимымъ со стороны разумныхъ тварей, но обуславливался ихъ добровольной рѣшимостію, что возможность грѣха составляла существенную черту ихъ свободы и что, наконецъ, въ родѣ человѣческомъ грѣхъ явился вслѣдствіе искушенія прародителей отъ діавола (Быт. гл. 3). Поэтому мнѣніе нѣкоторыхъ (пантенстовъ), что будто грѣхъ есть необходимый моментъ развитія человѣческаго рода и библейское сказаніе о вкушеніи первыми людьми отъ древа познанія добра и зла есть только мнѣическое представленіе начала этого развитія, мнѣніе это отрицаетъ свободу человѣка, вводитъ ложный взглядъ на первобытное (невинное) состояніе нашихъ прародителей и признаетъ Творца виновникомъ грѣха. Столько же незостоятельно мнѣніе другихъ, будто грѣхъ есть неминуемое слѣдствіе нашей ограниченности. Хотя наши силы ограничены, зато и лежащія на насъ обязательства не безконечны, а въ точности соразмѣрены съ ограниченными силами нашей природы. Если бы отъ насъ стали требовать жизни вышихъ по сравненію съ нами разумныхъ существъ, мы могли бы извиняться, неуспѣвая въ ней. Но мы дѣлаемся совершенно

безотвѣтными, если, будучи людьми, живемъ не почеловѣчески. Совершенно неосновательно, наконецъ, и то мнѣніе, будто грѣхъ есть слѣдствіе недалководности ума, его неблагоразумія, по которому онъ избираетъ себѣ ложную цѣль и употребляетъ не надлежащія средства. Конечно, все это бываетъ и въ грѣхѣ. Но разумъ въ своихъ построеніяхъ слѣдуетъ большею частію движеніямъ нашего сердца. Часто мы хорошо знаемъ, что должно дѣлать, и какъ должно дѣлать, но не дѣлаемъ именно потому, что этому противорѣчатъ движенія нашего сердца. Потому то боговдохновенный знатокъ челоѣческаго сердца молитъ Бога: „сердце чистое сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня“ (Пс. 50, 12). Илѣбивши разумъ, сердце безъ труда уже овладѣваетъ нашей волею, и такимъ образомъ является полный грѣхъ (Іак. 4, 17).

Какъ прародители наши согрѣшили оттого, что подвліяніемъ обольстителя и грѣховнаго движенія своего сердца сами пожелали быть „какъ боги“ (Быт. 3, 5), такъ, по свидѣтельству нашего сознанія, и теперь основою и корнемъ грѣха служитъ себялюбіе, т. е. эгоистическія пріятныя ощущенія, соединенныя съ желаніемъ поставить самого себя на мѣсто Бога и придать себѣ значеніе средоточія или центра въ мірѣ. „Всѣ ищутъ своего“, говоритъ ап. Павелъ (Филип. 2, 21). Но ограниченный челоѣкъ, усвоивъ себѣ безконечныя свойства, становится духовно пустъ и потому старается заполнить эту свою мучительную пустоту конечными предметами, пріобрѣтеніе которыхъ принимается имъ за послѣднюю, высочайшую цѣль жизни. Одинъ, изъ желанія избѣжать внутренней пустоты, ставитъ для себя цѣлью жизни пріобрѣтеніе напр. денегъ, другой—чувственныя удовольствія, третій—славу и пр. Такимъ образомъ себялюбіе всегда переходитъ въ ложную любовь къ міру. Потому-то ап. Павелъ говоритъ о такихъ людяхъ, что они „поклоняются и служатъ твари вмѣсто Творца“ (Рим. 1, 25).

Въ настоящемъ своемъ положеніи всѣ мы уже отъ природы носимъ въ себѣ грѣховное „пожеланіе“ или „похоть“

(по славян. тексту) (Рим. 7, 8). Такое положеніе наше называется *грѣховностію*. Въ началѣ своемъ грѣховность бываетъ въ видѣ малаго плевельнаго сѣмени. Это сѣмя, исходя изъ глубины души человѣка, чрезъ тотъ или другой видъ грѣха, проявляется во внѣ и, постоянно усиливаясь, особенно чрезъ повторенія грѣха, возрастаетъ въ большія плевелы, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе наполняютъ собою всю душу, вытѣсняя изъ нея все доброе. „Каждый искушается, говоритъ ап. Іаковъ, увлекаясь и обольщаясь собственною похотію. Похоть же, зачавши, рождаетъ грѣхъ; а сдѣланный грѣхъ рождаетъ (нравственную) смерть“ (Іак. 1, 14—15).

Св. подвижники, наблюдая за постепеннымъ развитіемъ грѣховности, подмѣтили нѣсколько моментовъ или степеней грѣховнаго состоянія¹⁾. Первая степень есть прилогъ (представленіе или мысль), когда противъ воли тѣснится въ душу грѣховная мысль или чрезъ тѣло и органы внѣшнихъ чувствъ, или чрезъ внутреннее чувство и воображеніе. Большею частію лукавое сердце есть источникъ прилоговъ. Это еще безъ грѣха, а только есть поводъ ко грѣху, и самые великіе подвижники въ самые священные моменты нерѣдко подвергались прилогамъ и борьбѣ съ ними. Дѣло христіанина измедленно вступить въ борьбу съ грѣхомъ на этой степені. Вторая степень—вниманіе, когда умъ допускаетъ въ себя прилогъ, останавливается на немъ и разсматриваетъ его. Онъ останавливается свое вниманіе потому, что прилогъ, большею частію выходя изъ сердца, находитъ отзвукъ въ немъ, затрогиваетъ его чувство. Это уже не безъ грѣха, и здѣсь еще необходимо, хотя уже труднѣе, вступить въ борьбу и одолѣть искушеніе. Третья степень есть согласіе, когда прилогъ, допущенный умомъ подъ вліяніемъ нечистыхъ пожеланій сердца, принимается волею и переходитъ въ намѣреніе совершить грѣховное дѣло. Это еще болѣе грѣховно и здѣсь еще болѣе необходима борьба, чтобы побѣдить искушеніе. Четвертая степень

¹⁾ См. Добротолубіе Филоо. Синай.

есть самоуслаждение, когда огонь грѣховнаго похотѣнія вполне загорается въ душѣ, и человѣкъ съ преступнымъ удовольствіемъ предшествующихъ наслажденій обсуждаетъ грѣхъ. Это уже полный грѣхъ внутренній, и тѣмъ необходимѣе обратить всѣ силы духа, чтобы хотя на этой степени остановиться и не пасть еще ниже и глубже. Наконецъ, пятая степень есть *увлеченіе*, когда грѣховное дѣло, совершаемое внѣшнею дѣятельностію, уже переходитъ въ міръ явленій дѣйствительныхъ.

Грѣхъ, такимъ образомъ совершенный однажды, если будетъ повторяться, обратится мало по малу въ страсть, т. е. въ такое состояніе души, когда сила излюбленныхъ грѣховныхъ представленій перевѣшиваетъ силу всякихъ другихъ представленій, и наконецъ переходитъ въ постоянную *слабость*, т. е. въ такое состояніе, когда излюбленные грѣховныя представленія совершенно подавляютъ и какъ бы уничтожаютъ всякія другія представленія. Въ этомъ послѣднемъ состояніи и наша душа и наше тѣло становятся только „орудіями“ господствующаго грѣха (Рим. 6, 13. 19). Здѣсь нужна уже великая и напряженная борьба и чрезвычайная благодатная помощь, чтобы выйти изъ этого состоянія.

Случайное уклоненіе отъ исполненія нравственнаго закона называется грѣхомъ; но уклоненіе постоянное, ставшее правиломъ нашей грѣховной дѣятельности, называется *порокомъ*. Порокъ, вообще, означаетъ порчу или поврежденіе постоянно пребывающее, будетъ ли это поврежденіе физическое или нравственное. Порокъ нравственный есть постоянное расположеніе слѣдовать превратному направленію воли. Всѣ силы нашей души и всѣ органы нашего тѣла, при порокъ, становятся только органами господствующей грѣховной слабости. Порочная жизнь нерѣдко увлекаетъ насъ въ полную власть діавола (Іоан. 8, 14), такъ что объ Іудѣ предателѣ, одержимомъ порокомъ сребролюбія, не напрасно замѣчено въ Евангеліи, что въ него „вошелъ сатана“ (Іоан. 13, 27). Виды пороковъ многочисленны, но всѣхъ ихъ ап. Іоаннъ подводитъ

подъ три слѣдующія главныя похоти: „похоть плоти (плотоугодіе, чревоугодіе, сладострастіе), похоть очей (алчность, любостыжаніе, зависть) и гордость житейская“ (высокомѣріе, гордость и гнѣвъ) (1 Іоан. 2, 16). Если присоединить къ нимъ еще лѣньность, то получится седмичное число главныхъ пороковъ, которое указывается въ символическихъ книгахъ нашей Церкви.

Но, какъ бы ни палъ человѣкъ нравственно, онъ всегда можетъ обратиться къ Богу и получить отъ Него *всепрощенье*, однакожь, не иначе, какъ подъ условіемъ своего *исправленія*. „Вотъ, ты выздоровѣлъ, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ исцѣленному Имъ разслабленному, не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою чего хуже“ (Іоан. 5, 14). „Иди, и впредь не грѣши“, говоритъ Онъ и прощенной Имъ блудницѣ (8, 11). Самая исторія обращенія грѣшника представлена Имъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. 15, 11—32). Въ этой притчѣ прежде всего указываются побужденія къ обращенію—это „великій голодъ“, поразившій блуднаго сына послѣ довольства: униженіе, которому подвергся несчастный сынъ на чужой сторонѣ; воспоминаніе о томъ довольствѣ, которое находится въ домѣ отца его и котораго не лишены даже наемники. Подъ вліяніемъ этого возбужденія, у него является глубокое сознаніе своей виновности. „Я умираю“ здѣсь „отъ голода“... „Отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже не достоинъ называться сыномъ твоимъ“. Сознаніе виновности возбуждаетъ затѣмъ въ душѣ блуднаго сына раскаяніе, т. е. желаніе сдѣлать совершившееся какъ бы несовершившимся, устранить и вознаградить оскорбленіе, нанесенное отцу. Но какъ это сдѣлать? Ему ничего болѣе не остается, какъ презрѣвъ и отрекшись самого себя, обратиться съ мольбой о прощеніи,—просить отца, чтобы онъ принялъ его не какъ сына, а какъ одного изъ наемниковъ. Притча, наконецъ, показываетъ, что отецъ завидѣлъ сына своего возвращающимся къ нему, самъ побѣжалъ ему на встрѣчу и первый палъ ему на шею, и цѣловалъ его и, едва сынъ произнесъ

предъ нимъ покаянную исповѣдь, отецъ не далъ даже докончить ее, и тотчасъ ввелъ его въ свой домъ, не какъ наемника, а какъ родного сына, приказавъ одѣть его въ лучшую одежду, и устроить для него великій праздникъ, полный веселія и радости.

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

(Продолженіе будетъ).

Общія замѣчанія о характерѣ Богослуженія св. Четырдесятницы.

Дни великаго поста преимущественно предъ другими постами суть дни сокрушенія о грѣхахъ и раскаянія; поэтому св. Церковь, какъ чадолюбивая мать, приготовивъ вѣрующихъ къ подвигамъ поста и покаянія, не оставляетъ ихъ своимъ руководствомъ и въ эти дни, служащіе „къ очищенію душамъ и тѣломъ, къ воздержанію страстей, къ надеждѣ воскресенія“ ¹⁾. Великопостнымъ Богослуженіемъ она то побуждаетъ насъ къ посту и покаянію, то изображаетъ самое состояніе души, кающейся и плачущей о своихъ грѣхахъ. Такому общему содержанію великопостнаго Богослуженія вполне отвѣчаетъ внѣшній видъ и обстановка его. Даже зовъ ко храму, звонъ, производится особеннымъ образомъ. Медленные удары колокола, своею заупычивностью напоминающіе стонъ, паводятъ „на душу, преданную страстямъ, смущеніе, невольно напоминаютъ вѣрующимъ о послѣдней трубѣ и вѣчности“ ²⁾. Церковное облаченіе священнослужителей бываетъ проще и печальнѣе обыкновеннаго, часто употребляется только одна епитрахиль; освѣщеніе храмовъ слабѣе, кажденіе оміаіомъ и отверзтіе царскихъ вратъ рѣже. Такимъ образомъ внѣшнимъ

¹⁾ Заамвонная молитва на преждеосвященной Литургіи.

²⁾ Дебольскій: Дни Богослуженія Прав. Каѳ. Вост. Ц., ч 2, стр. 29—30.

видомъ и обстановкою Богослуженія „св. Церковь поучаетъ насъ, что и во внутреннемъ храмѣ кающейся души должно быть мѣсто не радости и торжеству, а одному только смиренію и сѣтованію о грѣхахъ“¹⁾).

Непрестанно руководствуя православныхъ христіанъ въ освящающихъ подвигахъ поста и покаянія, св. Церковь предлагаетъ намъ въ эти дни больше, чѣмъ въ другое время, посвящать часовъ и на молитву. Въ Богослуженіе она вводитъ теперь самыя умиленные пѣснопѣнія, въ которыхъ все направлено къ тому, чтобы заставить грѣшника войти въ себя и сильнѣе почувствовать духовную скорбь и сокрушеніе о грѣхахъ. Съ этою же цѣлью во дни великаго поста оставляется всякая торжественность Богослуженія: пѣснопѣнія почти умолкаютъ, или слышатся изрѣдка; почти вся служба проходитъ въ чтеніи, при чемъ съ особенною настойчивостью предлагается нашему вниманію Псалтирь, которая теперь вся прочитывается въ недѣлю дважды,— и это потому, что большая часть псалмовъ исполнена молитвенными воздыханіями. Великую службу положено сопровождать поклонами съ молитвою св. Ефрема Сирина: „Не даждь ми, Господи и Владыка живота моего, духа праздности, т. е. бездѣйствія въ дѣлѣ спасенія моего, и духа унынія, когда стану чувствовать тяжесть подвиговъ покаянія; когда же буду преодолевать свои немощи, не дай миѣ духа любоначалія, чтобы я не впалъ въ гордость и не погубилъ плодовъ моего покаянія, ни духа празднословія, чтобы не согрѣшить языкомъ. Но даруй миѣ, Господи, духъ смиренномудрія, чтобы восторжествовать надъ страстями плоти и духа и перейти отъ смерти къ жизни; а для этого, прежде всего, дай миѣ, Господи, зрѣть моя согрѣшенія, чтобы исповѣдать ихъ предъ отцомъ духовнымъ. Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и сердцу, да не осуждаю братья моихъ, но да прошу имъ отъ всего сердца согрѣшенія предо мною и не посмѣюсь согрѣшеніямъ ихъ предъ Тобою.

¹⁾ Царевскій: Св. Четырдесятница. Прав Соб. 1891 г., стр. 456.

Желая сильнѣе возбудить въ насъ сознаніе своей грѣховности и чувство нашего недостоинства предъ Богомъ, св. Церковь удаляетъ отъ вѣрующихъ не только мірскія радости, но умаляетъ источникъ духовныхъ и святыхъ радостей. Во дни св. Четырдесятницы она совершаетъ литургію не полную, которая есть торжественнѣйшее христіанское Богослуженіе и оставляется только для субботъ и воскресныхъ дней, а—преждеосвященныхъ Даровъ, которая состоитъ собственно изъ вечерни и часовъ. Часы опять-таки значительно отличаются отъ обыкновенныхъ, такъ какъ на нихъ положены каѳизмы, при окончаніи которыхъ священникъ выходитъ изъ алтаря и, творя земныя поклоны, воспоминаетъ милости Господа, дарованныя нѣкогда роду человѣческому въ третій, шестой и девятый часы дня, прося исполненія этихъ милостей и надъ нами. По окончаніи часовъ, пѣвцы, подражая благоразумному разбойнику, взываютъ: „помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ“ и перечисляютъ тѣ добродѣтели, украсившись которыми, мы можемъ надѣяться на полученіе этого царствія. На вечернѣ, послѣ первой пареміи, священникъ, обратившись къ народу, и держа въ рукахъ кадила и горящую свѣчу, возглашаетъ: „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, чѣмъ указываетъ на тайный смыслъ чтеній ветхозавѣтныхъ, въ которыхъ такъ же сіяетъ свѣтъ Христовой истины, какъ и въ Писаніяхъ новозавѣтныхъ. Послѣ второй пареміи вѣрующіе, надши на колѣна, просятъ Господа принять ихъ молитвы съ благоволеніемъ, какъ благоуханіе кадила, какъ угодную Ему жертву. Въмѣсто „Иже херувимы“, при перенесеніи Святыхъ Даровъ на престолъ, поется пѣснь, которая прямо указываетъ на Жертву тайную доносимую и приглашаетъ насъ причаститься Ея съ вѣрою и любовію. Въ концѣ литургіи, вмѣсто обыкновенной заамвонной молитвы, священникъ читаетъ особенную, въ которой проситъ, чтобы Благій Господь, введшій насъ „въ пречестные дни сія“, далъ намъ „подвигомъ добрымъ подвизатися, теченіе поста совершити, вѣру нераздѣльну соблюсти, главы невиди-

ныхъ змѣвъ сокрушити... и неосужденно достигнути поклонитися святому Воскресенію“. Однимъ словомъ, на время поста св. Церковь православная смотритъ, какъ на путешествіе новаго Израиля въ пустынь, проводя чрезъ которую своихъ чадъ, она желаетъ имъ явиться побѣдителями враговъ спасенія и съ торжествомъ войти въ свѣтлые дни Пасхи, какъ въ землю Обѣтованную ¹⁾).

Уроки Богослуженія первой седмицы св. Четыредесятницы.

Православная Церковь, руководя и приготавливая вѣрующихъ къ подвигамъ поста и покаянія во дни св. Четыредесятницы, каждую недѣлю посвящаетъ особенному воспоминанію, чрезъ что вѣрующимъ даются въ Богослуженіи каждой седмицы, кромѣ общаго руководства, еще особыя нравственные уроки, вытекающіе изъ смысла и особаго значенія той или другой седмицы. Въ первой половинѣ св. Четыредесятницы Церковь возбуждаетъ къ подвигамъ поста и покаянія главнымъ образомъ чрезъ раскрытіе и восхваленіе высокаго достоинства подвига, а съ недѣли крестопоклонной она старается укрѣпить вѣрующихъ въ совершаемомъ ими подвигѣ высокими примѣрами подвижничества. Одушевленные матерними внушеніями Церкви, православные христіане проводятъ обыкновенно съ особенною строгостью первую седмицу великаго поста, называя ее „зарейю воздержанія“, „чистою недѣлею“²⁾. „Первая седмица, какъ образецъ прочихъ, какъ начало поста, въ содержаніи своего Богослуженія раскрываетъ главнымъ образомъ цѣль и качества истиннаго поста, какъ дѣйствительнаго средства къ освобожденію отъ грѣховъ, какъ основаніе и начало возвращенія человѣка къ Богу“³⁾. Св.

¹⁾ Воскр. Чт. VI т. 395.

²⁾ Дебольскій. Дни Богослуженія Прав. Каѳ. Вост. Ц., ч. 2, стр. 75

³⁾ Царевскій: Св. Четыредесятница. Прав. Соб. 1891 г., стр. 456—457.

Церковь убѣждаетъ насъ выйти изъ того грѣховнаго состоянія, въ которое чрезъ грѣхопаденіе прародителей ниспалъ весь родъ человѣческій, и которое каждый изъ насъ умножаетъ еще своими грѣхами. Въ іѣсноиѣніяхъ первой седмицы она восхваляетъ постъ, какъ „богодарованное время покаянія“, установленное для того, чтобы „Спаса умилистити“ и „получити жизнь во вѣки“ чрезъ омовеніе „скверныяже отъ сластей“. Постъ восхваляется, какъ „твердое оружіе... и щить, всякую казнь прелести вражія“ отвращающее, какъ „спасеніе душамъ“... и восхожденіе „на колесницу божественныхъ добродѣтелей“; посему то постъ и называется „временемъ благопріятнымъ и днемъ спасенія“, въ который особенно слѣдуетъ приносить „Богу дары добродѣтелей... и отложивше дѣла тьми, облещися во оружіе свѣта“. Итакъ, „душе, бодрствуй и принеси достойные плоды поста, страстей входы затвори; день поста отложеніе грѣха да будетъ ти, душе“. А истинный постъ именно и состоитъ въ отложеніи грѣха: „постъ есть злыхъ отлученіе,... всякія вещественныя страсти отчужденіе“, а посему „постищися тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ; разрѣшимъ всякій союзъ неправды... дадимъ алчущимъ хлѣбъ, и нищія безкровныя введемъ въ дома“ ¹⁾.

Для выясненія истиннаго смысла поста и значенія его предъ Богомъ Церковь предлагаетъ вниманію вѣрующаго чтеніе изъ кн. Бытія о невоздержаніи прародителей, лишившемъ ихъ райскаго состоянія, и изъ книги прор. Исаіи о постѣ лицемѣрномъ: „поста и праздниціи и новомѣсячій вашихъ... неавидитъ душа Моя..., руки бо ваша исполнены крови... отымите лукавства отъ душъ вашихъ, научитесь добро творити,... Аще не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поясть“. А чтобы вѣрующіе заботились болѣе о потребностяхъ души и не поглощались мірскими заботами, часто удаляющимися насъ отъ Бога, св. Церковь установила на первой седмицѣ великаго поста Богослуженіе продолжительнѣе обык-

¹⁾ Среда, стихира на Господи воззвахъ.

новеннаго и, такимъ образомъ, на большее время поставляетъ насъ предъ Богомъ. Продолжительность Богослуженія зависить главнымъ образомъ отъ чтенія великаго канона св. Андрея Критскаго на великомъ повечеріи. Канонъ этотъ своимъ содержаніемъ, духомъ и направленіемъ вполне соотвѣтствуетъ времени поста и покаянія и справедливо называется „покаяннымъ“ или „умилительнымъ“,—содержаніе его, по словамъ церковнаго синаксаря, преисполнено „неисчетнымъ умиленіемъ“. Въ этомъ канонѣ св. Андрей воскрешаетъ предъ нами всѣ выдающіяся событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, излагаетъ ихъ въ духѣ глубокаго сердечнаго сокрушенія и, съ необыкновеннымъ искусствомъ прилагая каждое изъ нихъ къ нравственному состоянію души кающагося грѣшника, извлекаетъ самыя сильныя побужденія къ покаянію и нравственному исправленію. „Канонъ сей, выражаясь словами того же синаксаря, толико есть сладкогласный, яко и саму жесточайшую душу доволенъ умягчити и къ бодрости благой воздвигнути“.

Предписывая въ первую седмицу особенно строгій постъ, чтобы дать понять вѣрующимъ, что они за свою грѣховность не достойны и земныхъ радостей, св. Церковь, во вниманіе къ немощамъ человѣческимъ, въ концѣ недѣли нѣсколько умѣряетъ строгость покаянныхъ подвиговъ и общее сѣтованіе о грѣхахъ двумя духовными торжествами. Субботу этой седмицы она посвящаетъ памяти св. Θεодора Тирона, который сохранилъ христіанъ въ дни поста отъ оскверненія идоложертвеннымъ. Въ память великомученика поставляется коливо,—та самая пища, которую христіане должны были употреблять вмѣсто обыкновенныхъ яствъ, оскверненныхъ, по повелѣнію Юліана Отступника, на торжищѣ кровью языческихъ жертвъ. Такимъ воспоминаніемъ св. Церковь еще болѣе утверждаетъ насъ въ подвигахъ поста, ибо воспоминаніе служитъ очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, что постъ угоденъ Богу, и что постящіеся находятся подъ особеннымъ благодатнымъ промысломъ. Въ воскресенье же первой седмицы Церковь

свѣтло празднуетъ торжество Православія въ память того, что вѣра наша, не смотря на козни враговъ, преодолѣла всѣ ереси, разоблачила и поразила всѣ заблужденія враговъ небесной истины и непоколебимо сохраняется во всей чистотѣ и неприкосновенности ¹⁾. Для большаго утвержденія вѣрующихъ въ православіи, св. Церковь торжество Православія сопровождаетъ благословеніемъ послушныхъ и осужденіемъ непокорныхъ Церкви, чтобы обличеніемъ и удаленіемъ изъ своего общенія враговъ Церкви спасти тысячи неопытныхъ чадъ своихъ. Апостольскимъ чтеніемъ этого дня мы научаемся тому, что сила христіанскихъ подвиговъ заключается въ вѣрѣ, которая давала торжество и древнѣйшимъ сынамъ Церкви, ветхозавѣтнымъ праведникамъ, а Евангеліе даетъ намъ образцы новозавѣтныхъ исповѣдниковъ вѣры въ лицѣ апостоловъ Филиппа и Наѳанаила. Здѣсь же слышимъ укрѣпляющее насъ высокое обѣтованіе Господа о томъ, что небо будетъ отверсто для вѣрующихъ, откуда православные христіане и должны почерпать силы для храненія своей вѣры.

(Продолженіе будетъ).

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія²⁾.

Помимо историческихъ и общественно-народныхъ основаній, внесеніе въ церковно-богослужебную проповѣдь агіологическаго элемента имѣетъ за собой еще другія, болѣе глубокія, психологическія основанія. Живой наглядный примѣръ живыхъ людей бываетъ всегда и для всѣхъ дѣйственнѣе и поучительнѣе, чѣмъ самыя краснорѣчивыя, но отвлеченныя, теоретическія наставленія и правила. Въ силу этого психологическаго закона, и примѣры изъ жизни свв. угодниковъ, приводимые проповѣдникомъ въ поученіяхъ, должны дѣйствовать на слушателей сильнѣе и глубже, такъ какъ въ этихъ

¹⁾ Прав. Соб. 1881 г., т. I, стр. 458—459.

²⁾ См. № 6 за 1901 г.

примѣрахъ нравственныя и религіозныя истины христіанства представляются для духовнаго взора слушателей въ самыхъ наглядныхъ и осязательныхъ чертахъ, являются какъ бы воплощенными въ лицахъ и дѣйствіяхъ. Кромѣ того, люди вѣрующіе, въ примѣрахъ богоугодной и благочестивой жизни свв. угодниковъ увидятъ не только то, *что* нужно дѣлать для полученія вѣчной жизни и спасенія, узнаютъ не только однѣ теоретическія истины, но увидятъ также и то, *какъ* нужно жить по заповѣдямъ, *какъ* слѣдуетъ прилагать нравственныя и вѣроучительныя истины христіанства къ жизни,—узнаютъ тотъ путь, по которому должно итти духовно-нравственное усовершенствованіе человѣка. Примѣры, заимствованные изъ жизни и богоугодной дѣятельности святыхъ, дѣйствуютъ особеннымъ, животворнымъ образомъ на настроеніе и на все вообще душевное состояніе человѣка, ободряя и возбуждая энергію въ людяхъ, начинающихъ истинно христіанскую жизнь, укрѣпляя и поддерживая слабыхъ и немощныхъ въ вѣрѣ и благочестіи и, какъ нельзя лучше, утѣшая людей твердо вѣрующихъ и добродѣтельныхъ. Хорошо, поэтому, сдѣлаетъ тотъ изъ готовящихся къ проповѣдническому служенію, кто заблаговременно ознакомится съ довольно богатой отечественной агіологической литературой *).

Но, привнося въ церковно-богослужебную проповѣдь агіологическій элементъ, какъ весьма полезный и необходимый, должно однако избѣгать при этомъ нѣкоторыхъ крайностей.

Прежде всего, проповѣдникъ долженъ твердо помнить, что ознакомленіе слушателей съ жизнію того или иного святого, его подвигами, добродѣтелями и т. д. служить только

*) Это знакомство можно получить какъ чрезъ непосредственное изученіе самыхъ Четвѣ-Миней, прологовъ и т. д., такъ и чрезъ чтеніе житій святыхъ въ переложеніяхъ на современный языкъ; въ послѣднемъ случаѣ для кандидатовъ священ. всего полезнѣе будутъ слѣдующія книги: *Филаретъ*, арх. Черн.—„Житія святыхъ (на русскомъ языкѣ). чтимыхъ Православною Церковію“. Изд. Тузова. Сиб. 1892 г. *Дестунисъ С.*—„Житія святыхъ, составлены по Четвѣ-Минеймъ и другимъ книгамъ“. 2-е изд. 1892 г.

средствомъ къ приведенію слушателей къ истинно-христіанской жизни чрезъ подражаніе угодникамъ Божиимъ, а не *цѣлью*, какъ думали нѣкоторые изъ гомилетовъ старой школы *). Для наиболѣе живого, нагляднаго представленія христіанскихъ истинъ и жизненнаго, практическаго указанія пути ко спасенію, проповѣдникъ долженъ избирать изъ Четив-Миней и другихъ агіологическихъ книгъ для своихъ поученій лишь такія житія и изъ житій—такіе образы и примѣры, которые дѣйствительно были бы въ состояніи оказывать на слушателей сильное, разительное вліяніе и могли бы имѣть живое приложеніе не только къ духовно-нравственной жизни слушателей, но и къ ихъ общественному положенію и состоянію, такъ чтобы въ своей практической жизни слушатели дѣйствительно могли руководиться примѣромъ свв. угодниковъ и подражать имъ.

Затѣмъ, проповѣдникъ необходимо долженъ имѣть въ виду, что въ богослужебно - храмовой проповѣди онъ можетъ ссылаться и указывать на примѣры свв. мужей и женъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда предъ нимъ находятся слушатели, преданные Церкви и вѣрующіе въ ея ученіе въ простотѣ сердца; для тѣхъ же слушателей, которыхъ коснулось уже сомнѣніе или вольнодумство, примѣры изъ жизни чтимыхъ Церковію свв. угодниковъ, конечно, не будутъ имѣть особеннаго значенія, не будутъ убѣдительны. Но и предъ глубоко вѣрующими слушателями, каковыми являются преимущественно простолюдины, проповѣдникъ не долженъ излагать житія святыхъ въ ихъ цѣломъ составѣ. Въ обыкновенныхъ проповѣдяхъ онъ можетъ лишь указывать на какой-либо одинъ болѣе или менѣе разительный фактъ изъ жизни того или другого святого, непосредственно относящійся къ предмету проповѣди. Полное изложеніе житія извѣстнаго угодника Божія проповѣдникъ можетъ предложить вниманію своихъ слушателей лишь въ день, посвященный его памяти. Но и въ этомъ

*) Напр., *Амфитратровъ Я.*: „Чтенія о церковной словесности“ I ч., стр. 261 и дал.

постѣднемъ случаѣ не должно забывать главной цѣли, съ какою надлежитъ знакомить вѣрующихъ съ жизнію св. людей: не должно забывать также и того, что церковно-богослужебная проповѣдь—не историческое изслѣдованіе, а средство назиданія, убѣжденія, приведенія слушателей ко спасенію. Поэтому, изложеніе жизни извѣстнаго святого въ пастырскомъ поученіи должно носить преимущественно характеръ воссозданія его подвижническаго образа, такъ чтобы слушатели могли ясно видѣть своимъ мысленнымъ взоромъ весь постепенный ростъ духовной жизни праведника, всѣ добродѣтели и труды его, могли представить себѣ всю подлинно христіанскую его настроенность. Притомъ, необходимо представить и уяснить ходъ нравственной жизни святого такъ, чтобы слушатели могли приобрѣсть увѣренность въ томъ, что спасеніе предназначено Богомъ *всѣмъ* людямъ и возможно, при условіяхъ исполненія нравственнаго христіанскаго закона и живой вѣры въ Бога, для каждаго христіанина, во всякомъ званіи и состояніи.

55. *Краткость поученій; замѣчанія о частныхъ приемахъ въ проповѣди.*

Заботясь о томъ, чтобы сдѣлать свои проповѣди ясными и доступными для пониманія слушателей и избѣгая съ этой цѣлью схоластической сухости, отвлеченности и безжизненности, проповѣдникъ, особенно сельскій, долженъ обратить серьезное вниманіе еще на одинъ недостатокъ нашихъ прежнихъ проповѣдей и стараться по возможности избѣгать его. Недостатокъ этотъ—растянутость и расплывчатость изложенія и обиліе мыслей въ проповѣдяхъ.

Простой народъ нашъ, какъ не привыкшій къ умственной работѣ и притомъ, болѣе или менѣе уже утомленный продолжительностью церковной службы, не можетъ долго держать своего вниманія въ напряженіи, такъ что быть недослушанной—это обыкновенная участь всякой проповѣди, болѣе

или менѣе длинной и пространной *). Поэтому, пастырѣ долженъ стараться предлагать народу поученія, насколько возможно краткія. „Вѣрите мнѣ,—говорилъ католическій святой Францискъ де-Саль,—по опыту—и долговременному опыту—говорю вамъ это: чѣмъ больше вы скажете, тѣмъ меньше слушатели ваши удержатъ въ памяти своей. Чѣмъ меньше скажете, тѣмъ больше будетъ пользы отъ словъ вашихъ; обременяя память слушателей вашихъ, вы ее разрушаете, подобно тому, какъ, наливая слишкомъ много масла въ лампу, погашаютъ ее, или неумѣренно поливая цвѣты, заглушаютъ ихъ. Когда проповѣдь слишкомъ длинна, то конецъ заставляетъ забывать середину, а середина—начало. Самые посредственные проповѣдники терпимы, когда они кратки, и отличными тяготятся, когда они продолжительно говорятъ“. По наблюденіямъ опытныхъ лицъ, проповѣдь къ простому народу, равно какъ и къ низшему классу населенія городовъ никогда не должна продолжаться долѣе пяти и, въ крайнемъ лишь случаѣ, семи минутъ, т. е. въ печатномъ видѣ она ни въ какомъ случаѣ не должна быть болѣе *three pages* in 8° умѣренной печати; обыкновенный же ея размѣръ долженъ быть одна—двѣ страницы. Весьма возможно, что противъ такой краткости кто-нибудь возразитъ: развѣ можно сказать что-нибудь обстоятельно и убѣдительно въ какія-нибудь 5 или даже 7 минутъ, и какъ притомъ возможно достигнуть, чтобы проповѣдь въ одно и то же время была и краткою, и цѣлостною, и живою, и увлекательною?—На *первый* вопросъ можно дать слѣдующій отвѣтъ: правда, 5 минутъ—небольшое время; но и въ это время можно сказать очень много, гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ, если только проповѣдникъ знаетъ и ученіе вѣры, и творенія св. отцевъ, и жизнь человѣческую, и

*) К. М.—Рецензія на „Полное собраніе поученій протоіерея Р. Путятина“ („Рук. для с. п.“, 1868 г., № 50), „Какая лучшая въ настоящее время форма проповѣди къ сельскимъ прихожанамъ?“ („Рук. для с. п.“, 1868 г., № 14).

своихъ пасомыхъ и т. д.; притомъ же, весьма часто бываетъ виолнѣ достаточно нѣсколькихъ словъ для того, чтобы воодушевить, потрясти души слушателей и произвести на нихъ огромное впечатлѣніе. Что касается *второго* вопроса, то на него такъ отвѣчаетъ одинъ изъ французскихъ гомилетовъ: „сократить проповѣди можно очень легко, и притомъ безъ всякаго вреда чему бы то ни было. Отнимите у проповѣди вашей ни къ чему не ведущія разсужденія во вступленіи, бесполезныя доказательства въ срединѣ и пространныя и безсодержательныя фразы въ заключеніи ея, укоротите это излишество словъ, изгоните этихъ паразитовъ—прилагательныя, допускайте только такія, кои дѣйствительно усиливаютъ значеніе существительнаго; будьте воздержны въ словахъ, въ фразахъ; берегите слова ваши такъ, какъ скупой бережетъ свои червонцы. Народъ очень любитъ мысли выраженныя даже въ одномъ словѣ,—и эти *одни* слова часто дѣйствуютъ на него сильнѣе, чѣмъ длинныя ваши рѣчи“ *).

Но краткостью должны отличаться не тѣ только церковно-богослужебныя проповѣди, которыя обращаются къ людямъ „простымъ“, недостаточно развитымъ въ умственномъ отношеніи, а и тѣ, которыя предлагаются лицамъ, болѣе или менѣе привыкшимъ къ умственному труду. Продолжительность и растянутасть проповѣдей большинство нашихъ проповѣдниковъ, особенно городскихъ, обуславливается преимущественно тѣмъ, что наше духовенство все еще продолжаетъ держаться порожденнаго на западѣ и занесеннаго къ намъ на Русь Голятовскимъ ложнаго воззрѣнія, будто весь долгъ пастырскаго проповѣдничества заключается въ учительствѣ только съ церковной каѳедры, и будто и самое церковно-богослужебное учительство вызывается не дѣйствительными потребностями пасомыхъ, а есть лишь, такъ сказать, своего рода богослужебная роскошь. Притомъ, замѣчено, что наибольшую растянутасть отличаютъ проповѣди священниковъ, которые

*) *Мюлюа И.*: „Опыты того, какъ сл. проп. говор. къ народу“ (Херс еп. вѣд., 1877 г. № 14).

произносятъ свои поученія въ годъ только два—три, и потому хотять въ этихъ двухъ—трехъ проповѣдяхъ изложить предъ слушателями всѣ свои богословскія познанія. Но если священникъ не понимаетъ своего проповѣдническаго долга такъ узко, и если церковно-богослужебную проповѣдь онъ находитъ необходимою во время каждой литургіи или даже за каждымъ богослуженіемъ, то, естественно, и свой проповѣдническій матеріалъ онъ распредѣлитъ на много частныхъ проповѣдей и тѣмъ сдѣлаетъ свои поученія и доступнѣе для слушателей и плодотворнѣе. Такой проповѣдникъ не будетъ стараться о томъ, чтобы каждая отдѣльная его проповѣдь поражала слушателей обиліемъ мыслей: онъ возьметъ лишь какойнибудь одинъ частный предметъ изъ области вѣры и нравственности и постарается изложить его слушателямъ въ живыхъ, наглядныхъ и цѣльныхъ чертахъ. Да и вообще проповѣдникъ не долженъ наполнять свои проповѣди множествомъ разнообразныхъ предметовъ и мыслей. Проповѣдь, основательно, наглядно и цѣлостно раскрывающая одну лишь мысль даетъ уму и сердцу слушателей гораздо болѣе, чѣмъ проповѣдь, слишкомъ обильная мыслями. Опытные учителя не находятъ умѣстнымъ съ пользою для слушателей раскрывать въ проповѣди болѣе одной мысли; только при одной главной идѣе въ проповѣди слушатели могутъ вынести цѣльное представленіе о сказанномъ. Изреченіе: „лучше не много, но часто, чѣмъ много, да рѣдко“ должно быть болѣе всего прилагаемо именно къ богослужебно-проповѣднической практикѣ православнаго священника *).

(Продолженіе будетъ).

*) „При какихъ условіяхъ соврем. церк. проповѣдь можетъ быть популярною?“ („Руск. для с. п.“, 1887 г., № 12).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константиинъ

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 1 февраля 1901 г.

Цензоръ, экстр.-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, февраля 18-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія.—Уроки Бого-
служенія второй седмицы св. Четырдесятницы.—Уроки Богослуже-
нія третьей седмицы св. Четырдесятницы.—О необходимости пере-
смотра церковно-гражданскихъ законоположеній о совершеніи бра-
ковъ.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова
Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго правоученія¹⁾.

О частныхъ нравственныхъ обязанностяхъ христіанина.

Приложеніе требованій нравственнаго закона къ взаим-
ной дѣятельности свободно-разумныхъ существъ, находящихся
между собою въ живомъ союзѣ, даетъ бытіе ихъ частнымъ
обязанностямъ. Обязанность есть именно сознательное прило-
женіе требованій нравственнаго закона къ дѣятельности на-
шей въ отношеніи къ другимъ свободно-разумнымъ сущест-
вамъ, находящимся съ нами въ живомъ союзѣ.

Такъ какъ въ понятіи личностей, связанныхъ между со-
бою живымъ союзомъ, мы различаемъ прежде всего .Личность

¹⁾ См. № 7 за 1901 г.

Безконечную, Божественную, затѣмъ личности другихъ людей, а наконецъ и свою собственную личность, то отсюда всѣ обязанности въ царствѣ личностей, соединенныхъ между собою живымъ союзомъ, можно раздѣлить на обязанности къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому. Ап. Павелъ указываетъ намъ это раздѣленіе обязанностей, когда говоритъ: „явилась благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвергнувъ нечестіе и мірскія похоти, *умоудренно* (обязанности къ себѣ самому), праведно (къ ближнимъ) и благочестиво (къ Богу) жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ“ (Тит. 2, 11—12). Это же раздѣленіе обязанностей предполагается и заповѣдію Спасителя о любви къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ. (Мѡ. 22, 37—39).

О Богопочтеніи.

Нѣкоторые (напр. Кантъ) отвергаютъ бытіе нравственныхъ обязанностей нашихъ къ Богу на томъ основаніи, что между нами, ограниченными существами, и Богомъ, Существомъ Безконечнымъ, не можетъ быть никакихъ взаимныхъ обязательствъ. Богъ, какъ Существо Высочайшее, по нимъ, имѣетъ въ отношеніи къ намъ только право, а не обязанности; а потому и мы не имѣемъ въ отношеніи къ Нему никакихъ нравственныхъ обязанностей. Но мы имѣемъ обязанности не только къ тѣмъ, которые равны съ нами по своимъ правамъ, но и къ тѣмъ, которые имѣютъ власть насъ обязывать. Кто же болѣе имѣетъ такой власти, кромѣ Существа Высочайшаго?

Всѣ обязанности наши къ Богу обнимаются общимъ понятіемъ *Богопочтенія*. Христіанство впервые научило насъ знать Бога, какъ Отца Небеснаго и даровало намъ право „называться и быть дѣтьми Божиими“ (I Иоан. 3, 1). Поэтому христіанское Богопочтеніе есть отношеніе Отца къ дѣтьми и дѣтей къ Отцу.

Основаніе Богопочтенія лежитъ въ самой природѣ чело-
вѣка, который носитъ въ себѣ постоянное и неискоренимое
стремленіе къ Существу Безконечному, съ которымъ онъ хо-
четъ быть во взаимномъ живомъ союзѣ. Это живое взаимо-
дѣйствіе души человѣческой съ Божествомъ прекрасно объяс-
нилъ ап. Павелъ, сказавши, что Богъ назначилъ народамъ
„предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы
они искали Бога, не ощутить ли Его и не найдутъ ли; хотя
Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ,
и движемся, и существуемъ“ (Дѣян. 17, 26—28). По ученію
апостола, предопредѣленные народамъ времена и предѣлы
обитанія ихъ служатъ только поводомъ или средствомъ къ
исканію непосредственнаго взаимнаго союза между ними и
Богомъ. Это непосредственное взаимообщеніе и есть та все-
общая или промыслительная благодать Божія, о которой учитъ
св. Церковь. Она то и служитъ глубочайшею основою почи-
танія Бога, хотя дурно понятое и ложно истолкованное оно
приводило ихъ часто къ неразумному богопочтенію. Но хри-
стіане, кромѣ этой общей благодати, имѣютъ еще особенную
евангельскую благодать, сущность которой тотъ же апостоль
выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „всѣ, водимые Духомъ
Божіимъ, суть сыны Божіи. Потому что вы не приняли духа
рабства, чтобы опять жить въ страхѣ, но приняли духа усы-
новленія, которымъ взываемъ: Авва, Отче! Сей самый Духъ
свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи“ (Рим. 8,
14—16). Эта обильнѣйшая, сугубая христіанская благодать и
служитъ еще болѣе глубокою основою нашего Богопочтенія.

Побужденіями къ Богопочтенію у христіанъ, достигшихъ
вышей нравственной зрѣлости, служатъ: „праведность, миръ
и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17), т. е. „благодат-
ное оправданіе“ предъ Богомъ, сообщаемое имъ Св. Духомъ
черезъ крещеніе и другія таинства, плодомъ котораго быва-
ютъ душевное спокойствіе или „миръ“ со всѣми ближними и,
наконецъ, „духовная радость“, не нарушаемая даже скорбя-
ми и лишеніями земной жизни. Но христіанство не исклю-

чаетъ и другихъ побужденій къ Богопочтенію: потому что „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (I Тим. 4, 8).

Каковы свойства истиннаго Богопочтенія? „Богъ есть Духъ, говоритъ Иисусъ Христосъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. 4, 24). Такимъ образомъ свойства истиннаго Богопочтенія Спаситель поставляетъ въ неразрывной связи съ понятіемъ о Богѣ, какъ Духѣ. Богъ есть Духъ вездѣсущій и вѣчный, а потому и наше Богопочтеніе не должно ограничиваться извѣстнымъ только мѣстомъ и временемъ, но должно быть повсюднымъ и всегдашнимъ. Богъ есть Духъ премудрый, всеблагій, премилосердный и пр., а потому и наше Богопочтеніе должно быть благоразумно, исполнено милости и добрыхъ дѣлъ. Богъ есть Духъ, сугубо оживотворяющій христіанъ, т. е. находящійся съ ними въ живомъ, особенномъ союзѣ ради безцѣнныхъ заслугъ единороднаго Сына Своего, въ силу которыхъ мы можемъ взывать къ Нему: Авва, Отче! А потому и наше Богопочтеніе должно быть проникнуто дѣтскою искренностію, довѣрчивостію, и даже, если совѣсть не зазритъ намъ, дѣтскимъ дерзновеніемъ. Очевидно, только въ христіанствѣ возможно истинное Богопочтеніе; потому что только оно одно сообщаетъ истинное понятіе о Богѣ и устанавливаетъ чисто нравственное отношеніе наше къ Нему.

Имѣя душу и тѣло, мы должны прославлять Бога и въ тѣлахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ, которыя равно „суть Божіи“ (I Кор. 6, 20). Отсюда истинное Богопочтеніе должно имѣть внутреннюю и внѣшнюю сторону. Внутренняя сторона его состоитъ въ душевныхъ чувствованіяхъ, мысляхъ и желаніяхъ, а внѣшняя—въ обнаруженіи сокровенныхъ движеній души видимыми дѣйствіями и знаками. Безъ внутренней стороны Богопочтеніе было бы безжизненнымъ, безцѣльнымъ и даже лицемѣрнымъ, почему и самъ Богъ изъясняетъ негодованіе на такое Богопочтеніе: „приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ; сердце же

ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Но тщетно чтутъ Меня“ (Мѣ. 15, 8—9). Безъ внѣшней же стороны Богочтеніе было бы неполнымъ и недѣйственнымъ. Отвергающіе внѣшнее Богочтеніе, какъ ненужное, обыкновенно не знаютъ и внутренняго.

Свящ. Н. Стеллецкій.

Уроки Богослуженія второй седмицы св. Четыре- десятиницы.

Во вторую седмицу св. Четыредесятницы Церковь, продолжая располагать своими пѣснопѣніями и молитвословіями вѣрующихъ къ ревностному продолженію подвиговъ поста, выясняетъ имъ силу и важность христіанскаго поста и, исчисляя его плоды, восхваляетъ истинный постъ. „Пріидите, очистимъ себе милостынями и щедротами убогихъ, не трубяще, ни являюще наше благотвореніе, да не увѣсть шуйца десницы дѣло, да не расточитъ тщеславіе плоды милостыни“¹⁾; „востани, омый твое лице покаяніа слезами, и елеемъ благотворенія свѣщу просвѣти... Нынѣ день спасенія: страстоубійца бо постъ настоящій и жизни вѣчныя ходатай намъ есть постный подвигъ“²⁾. Въ канонѣ понедѣльника указываются изъ священной исторіи примѣры необычайныхъ слѣдствій поста, показывающіе благотворное значеніе поста въ дѣлѣ нашего спасенія: постъ Моисея содѣлалъ боговидцемъ, Ілію во пламени вознесъ на небо, Павла сдѣлалъ созерцателемъ таинствъ небснаго домостроительства; „тѣмъ же постимся отъ злобы, и на высоту безстрастіа и мы восхитимся“ (9 пѣснь).

Въ концѣ второй недѣли, какъ и на первой, Церковь утѣшаетъ и ободряетъ постящихся особыми торжествами. Въ субботу поминовеніемъ усопшихъ отцевъ и братій нашихъ она укрѣпляетъ вѣрующихъ надеждою, что и по отшествіи изъ

¹⁾ Стихиры воскресной вечерни.

²⁾ Каноны четв. и пятва.

міра они не лишены будуть молитвъ ея, а въ воскресенъе воспоминаеть подвиги св. Григорія Паламы, обличившаго ересь Варлаама, который не признавалъ божественности свѣта Преображенія Христова. Въ апостольскомъ чтеніи вѣрующіе слышатъ обѣтованіе предстательства и помощи ангеловъ, которые суть *служебніи души, въ служеніе посылаемы за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1,14), а Евангеліе снова призываетъ *подвизающихся* въ покаяніи и постѣ къ вѣрѣ и утѣшаетъ ихъ примѣромъ разслабленнаго, которому, ради вѣры его и вѣры послужившихъ ему, Господь даровалъ душевное и тѣлесное здравіе.

Уроки Богослуженія третьей седмицы св. Четырехдесятиницы.

Богослуженіе третьей седмицы есть какъ бы продолженіе предыдущей: въ немъ такъ же, какъ и въ Богослуженіи второй недѣли, воспѣвается польза поста и предлагаются побужденія къ ревностному продолженію подвиговъ его; а въ субботу также совершается молитвенное поминовеніе усопшихъ. Но воскресное Богослуженіе этой недѣли представляетъ замѣчательную особенность, именно, предлагается торжественное прославленіе креста Христова и величественное поклоненіе ему. Въ срединѣ Четырехдесятиницы св. Церковь, какъ мудрая и попечительная мать, укрѣпляетъ вѣрующихъ торжествомъ, благовременность и цѣль котораго лучше всего выясняетъ сама же Церковь въ синаксарѣ недѣли: „понеже бо четырехдесятодневнымъ постомъ, образомъ нѣкимъ и мы распинаемся, предлагается честный и животворящій крестъ, ... облегчая болѣзни наша предложеніемъ владычныхъ скорбей“... Крестъ святой, поясняется въ томъ же синаксарѣ, предлагается вѣрующимъ, какъ многолиственное тѣнистое дерево, подъ сѣнью котораго они получаютъ духовное отдохновеніе отъ подвиговъ въ теченіе первой половины поста, и получа-

ють духовное подкрѣпленіе своимъ силамъ на продолженіе постническаго подвига во вторую половину св. Четырдесятницы.

Торжественнымъ выносомъ св. Креста изъ алтаря на средину храма, пѣніемъ крестопоклонныхъ стихирь и всѣмъ вообще Богослуженіемъ этой седмицы, въ которомъ, на ряду съ пѣснопѣніями покаяннаго характера, слышатся и торжественныя пѣсни въ честь животворящаго Креста, Церковь желаетъ глубже запечатлѣть въ сердцѣ вѣрующихъ это знаменіе нашего спасенія, сохраняющее насъ на землѣ и отвергающее входъ въ горнее наше отечество. Церковь хочетъ, чтобы мы сильнѣе почувствовали силу любви къ намъ Распятаго Господа, предавшаго Себя на крестный подвигъ ради нашего спасенія, чтобы сознаніе этой любви побудило и насъ принести къ подножію Креста духъ сокрушенный и смиренный и въ немъ искать силы для того, чтобы возлюбить не легкій путь покаяннаго подвига... Апостоль, указывающій на крестныя страданія Спасителя, какъ на средство примиренія нашего съ Богомъ, и заповѣдующій, чтобы мы съ полною надеждою на скорую помощь обращались къ этому Ходатаю, ибо Онъ Самъ испыталъ всѣ немощи нашего естества и потому всегда готовъ помочь приходящимъ къ Нему: Евангеліе, проповѣдующее о необходимости для каждаго христіанина нести въ жизни крестъ свой,—все свидѣтельствуетъ о томъ, что Церковь съ истинно мудрою отеческою заботливостью относится къ немощамъ слабаго человѣка. Сосредоточивъ въ Богослуженіи предыдущихъ недѣль, особенно первой, все самое строгое и скорбное, что можетъ и устрашить грѣшника и растрогать самое окаменѣлое сердце, въ срединѣ труднаго поприща св. Четырдесятницы она предлагаетъ столь необходимое для поддержанія слабѣющихъ силъ великое утѣшеніе и ободреніе ¹⁾. Съ другой стороны, въ Богослуженіи слѣдующихъ дней седмицы, на ряду съ похвалами животворящему

¹⁾ Прав. Соб. 1891 г., т. I, стр. 460.

Кресту и молитвенными воплями къ Распятому на немъ Господу, Церковь напоминаетъ достигшимъ середины подвиговъ великаго поста о смиреніи мытаря и превозношеніи фарисея ¹⁾, чтобы гордостью и фарисейскимъ возношеніемъ по случаю своихъ успѣховъ они не погубили плодовъ покаянія и не потеряли оправданія предъ Богомъ.

О необходимости пересмотра церковно-гражданских законоположений о совершении браковъ.

Въ №№ 44 и 45 „Церковнаго Вѣстника“ за 1882 г. напечатана уже была нами статья по указанному въ заголовкѣ, такъ сказать, „жгучему“ для нашего приходского духовенства вопросу. Но такъ какъ относительно этого вопроса и доселѣ еще не послѣдовало никакихъ измѣненій, такъ какъ и по настоящую пору повторяется не мало случаевъ, что за совершеніе незаконныхъ и недѣйствительныхъ браковъ священно и церковно-служители подвергаются суду и отвѣтственности, а въ иныхъ случаяхъ даже отрѣшенію отъ священнической должности, безъ права быть опредѣляемыми къ приходу (Уст. Дух. Конс., ст. 188—190: т. XV, ст. 1577 Свод. Зак. изд. 1885 г.); то рѣшаемъ еще разъ въ подробности рассмотреть указанный вопросъ и тѣмъ вызвать на разсмотрѣніе его лицъ, болѣе свѣдущихъ въ церковно-гражданскихъ законоположеніяхъ.

Всегда обыкновенно наказанія, налагаемыя за совершеніе незаконныхъ и недѣйствительныхъ браковъ, на причты, ихъ совершившіе, мотивируются такъ: „за несоблюденіе предбрачныхъ законныхъ предосторожностей“. Но нужно сказать правду, что изъ сотни совершенныхъ городскими, а часто и сельскими, причтами браковъ едва ли найдется десять такихъ,

¹⁾ См. стихиры на стиховныхъ повед., вторн., четв.; канонъ вторника; стихиры на Господи воззвахъ въ пятокъ..

при совершении которых были бы соблюдены *все* предбрачные законныя предосторожности,—не говоримъ уже о несоблюдении постановлений Церкви. Судится же за несоблюдение этихъ „предосторожностей“ причтъ только тогда, когда откроется, что онъ совершилъ бракъ или въ близкомъ родствѣ, или отъ живой жены или живого мужа и т. п. 1).

Намъ кажется, что пора уже обратить вниманіе на безвинныя кары причтовъ за совершенно независящія отъ нихъ ошибки при совершении браковъ и пересмотрѣть всё церковно-гражданскія законоположенія, безусловно не выполняемыя на практикѣ, нѣкоторыя измѣнить, нѣкоторыя разъяснить, а нѣкоторыя вовсе отмѣнить, какъ требуетъ того въ настоящее время жизнь.

Не считая себя въ правѣ указывать, что слѣдовало бы измѣнить, разъяснить и отмѣнить въ брачныхъ постановленіяхъ, укажемъ здѣсь на тѣ препятствія и затрудненія, какія встрѣчаютъ причты да и сами брачующіеся на практикѣ. Такъ—

1) По ст. 3 т. X ч. 1 Свод. Зак. изд. 1887 г., „запрещается вступать въ бракъ лицамъ мужескаго пола ранѣе восемнадцати, а женскаго—шестнадцати лѣтъ отъ рожденія“. Впрочемъ, епархіальнымъ архіереямъ, по примѣч. къ 3 ст., предоставлено право разрѣшать, по личному ихъ усмотрѣнію, вступление въ бракъ, когда жениху и невѣстѣ недостааетъ полугодія до узаконеннаго на этотъ случай совершеннолѣтія 2).

Избѣгать повѣнчанія недостигшихъ законнаго на вступление въ бракъ совершеннолѣтія всегда возможно, если только

1) Пересмотрѣвши обыски всѣхъ церквей и приложенные къ обыскамъ документы, можно вполне убѣдиться, что всё причты совершали браки, большею частью, безъ соблюденія если не *всѣхъ*, то нѣкоторыхъ предбрачныхъ предосторожностей, и всё ихъ (причты) слѣдовало бы послать въ монастыри, если только не подвергнуть гораздо болѣе высшимъ наказаніямъ (по ст. 188—190 Уст. Дух. Конс. и 1577 ст. Угол. Зак.).

2) Въ Указѣ Св. Син. отъ 31 мая 1857 г. архіереямъ предоставлено право разрѣшать такіе браки по представленію родителями брачующихся: уважительныхъ причинъ.

причь будетъ требовать представленія метрическихъ выписей о тѣхъ женихахъ, въ паспортахъ которыхъ показаны лѣта 18 или 19, а невѣстѣ—16, 17 или 18 лѣтъ¹⁾. Но не смотря на такія предосторожности, все же иногда можно обвинять несовершеннолѣтнихъ. Въ Харьковской епархіи былъ, напр., такой случай. Въ 1881 г. одинъ крестьянинъ, желая женить своего сына Θεодора, заявилъ недавно поступившему въ этотъ приходъ священнику, что означенный сынъ его родился въ 1862 г.; заявленіе отца, по справкѣ въ метрической книгѣ, оказалось вѣрно, и бракъ былъ совершенъ причтомъ, такъ какъ, и послѣ троекратнаго оглашенія, никто никакихъ препятствій къ браку не объявилъ. Спустя два года одинъ изъ односельчанъ, поссорившись съ отцомъ обвиняннаго, заявилъ священнику, что онъ введенъ въ обманъ, такъ какъ обвинянный имъ Θεодоръ родился въ 1864 г., а у отца обвиняннаго былъ другой сынъ, тоже Θεодоръ, который родился въ 1862 г., но въ 1863 г. умеръ. Священникъ съ псаломщикомъ, за совершеніе этого брака, на основаніи 188 ст. Уст. Дух. Конс., были наказаны посылкою въ монастырь „за несоблюденіе предбрачныхъ предосторожностей“, а бракъ оставленъ въ силѣ, на основаніи 39 ст. т. X и 219 ст. Уст. Дух. Конс.²⁾.

¹⁾ Опытъ показалъ, что въ паспортахъ часто лѣта прибавляютъ.

²⁾ К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражданского права“, ч. 2 изд. 1871 г., говоритъ, что недостижіе гражданского совершеннолѣтія на вступленіе въ бракъ не разлучаются, и бракъ ихъ не признается недѣйствительнымъ, а послѣдствіемъ совершенія такого брака можетъ быть только взыскаіе съ лицъ повѣнчавшихъ. А указомъ Св. Синода отъ 31 января 1838 г. за № 662 циркулярно предписано, что, на основаніи указовъ 31 іюля 1779 г. (П. С. З. № 14899) и 19 января 1810 г. (П. С. З. № 2491), разлученные по несовершеннолѣтію браки, въ случахъ обоюднаго согласія продолжать брачное сожителство, возстановлять по чиноволоженію съ повтореніемъ вопросовъ и отвѣтовъ относительно обоюдности желанія на вступленіе въ бракъ и съ повтореніемъ молитвъ, напечатанныхъ въ требникѣ въ концѣ вѣнчанія. Но если разлученные не пожелаютъ продолжать супружескую жизнь, то, на основаніи того же циркулярнаго указа Св. Синода отъ 31 января 1838 года, расторгается ли бракъ ихъ?

2) По ст. 5 т. X, „запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими“.¹⁾

Безумными, по ст. 365 т. X ч. 1 Свод. Зак. изд. 1887 г., признаются немѣющіе здраваго разсудка съ самаго младенчества; сумасшедшими почитаются тѣ, безуміе которыхъ происходитъ отъ случайныхъ причинъ и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, и потому требуетъ особеннаго за ними надзора (тамъ же, ст. 366). Сумасшедшіе или безумные, по освидѣтельствованіи ихъ во врачебномъ отдѣленіи при губернскомъ правленіи, по представленію означеннаго отдѣленія, признаются таковыми Правительствующимъ Сенатомъ, а крестьяне—губернскимъ правленіемъ (тамъ же, ст. 374). По смыслу приведеннаго закона, не слѣдуетъ вѣнчать только такихъ лицъ, которые признаны безумными и сумасшедшими Сенатомъ или губернскимъ правленіемъ. Но если причту достовѣрно извѣстно, что женихъ или невѣста не обладаютъ здравымъ умомъ и по временамъ выказываютъ даже сумасшествіе, но не признаны сумасшедшими на основаніи 374 ст. т. X, а ихъ родители, родные и поручители завѣряютъ противное, то можно ли вѣнчать такихъ лицъ? ¹⁾

3) По ст. 6 т. X, „запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ, или попечителей“; а въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, по ст. 7, „если отецъ и мать, имѣя въ своемъ опекунскомъ управленіи имѣніе, принадлежащее совершеннолѣтней дочери, будутъ препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судъ и съ его разрѣшенія вступить въ бракъ“. Ст. 8 т. X замѣнена 1540 ст. Улож. о наказ. по изд. 1885 г.

¹⁾ Въ настоящее время часто повторяются случаи, что лицъ, совершившихъ уголовное преступленіе, по экспертизѣ, на основаніи психіатриі, признають совершившими его не въ здоровомъ умѣ, и, по вердикту присяжныхъ засѣдателей, судъ оправдываетъ такихъ преступниковъ. Спрашивается: можно ли, напр., лицъ, подобныхъ дѣвицамъ Ульрихъ и Грюнбергъ, вѣнчать? Вѣдь такія лица и во время совершенія бракосочетанія могутъ быть не въ здоровомъ умѣ?

Эта послѣдняя статья строго караетъ жениха и невѣсту, вступившихъ въ бракъ безъ дозволенія родителей или опекуновъ и попечителей, при чемъ самое меньшее наказаніе— пребываніе въ монастырѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ; а повѣнчавшій такой бракъ священникъ, по ст. 1552 того же Уложенія, наказывается по церковнымъ правиламъ; но если будетъ доказано, что онъ въ чемъ-либо способствовалъ браку, то навсегда извергается изъ духовнаго сана и подвергается наказанію по ст. 119 того же Уложенія. А между тѣмъ, по ст. 12 т. X, „бракъ не можетъ быть законно совершенъ безъ взаимнаго и непринужденнаго согласія сочетавающихся лицъ; по сему, запрещается родителямъ своихъ дѣтей и опекунамъ—лицъ, ввѣренныхъ ихъ опеку, принуждать ко вступленію въ бракъ противъ ихъ желанія“. Лица, достигшія гражданскаго совершеннолѣтія—21 года, могутъ вступать въ бракъ безъ согласія родителей (и, конечно, и опекуновъ) въ томъ случаѣ, если послѣдніе не пекутся о бракѣ ихъ (т. X, ч. 1, ст. 221 изд. 1887 г.; Инстр. благоч. § 18, п. 4). Высоч. утвер. опред. Св. Синода 28 окт. 1842 г. № 16708 разрѣшено обратившихся въ православіе дѣтей раскольниковъ вѣнчать съ православными безъ согласія ихъ родителей. Въ Кормчей Книгѣ, п. 12 и 15, и Гражд. Зак. гр. 4 гл. 48 сказано: „самовластный сынъ, совершенъ имѣя возрастъ, и безъ отча совѣщанія женится; самовластная дщи, совершенъ имущи возрастъ, и не хотящу отцу ея, законнымъ бракомъ идетъ замужъ“. Повидимому, и въ Черниговской и въ Полтавской губерніяхъ слѣдовало бы дѣвцамъ, достигшимъ 21 года, разрѣшить безъ дозволенія суда вступать въ бракъ.

Примѣч. Въ старину, даже почти до половины пятидесятихъ годовъ, въ Харьковской епархіи родители, опекуны, попечители (а за смертью ихъ такъ называемый „вмѣненный за отца“) приводились къ присягѣ въ томъ, что они дозволяютъ своимъ дѣтямъ вступать въ бракъ и не принуждаютъ ихъ къ тому, и что между ихъ дѣтьми ни плотскаго, ни духовнаго родства, ни другихъ препятствій на вступленіе ихъ

въ бракъ не имѣется ¹⁾). И не смотря на то, что присяга эта еще 5 августа 1775 г. навсегда отмѣнена, она и доселѣ практикуется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Желательно было бы, чтобы, въ огражденіе священниковъ, означенная присяга была восстановлена, или было бы вмѣнено родителямъ въ обязанность *лично* представлять священнику письменныя дозволенія своимъ дѣтямъ на вступленіе въ бракъ, а отсутствующіе родители должны присылать такія письменныя дозволенія, засвидѣствованныя ихъ приходскимъ священникомъ или кѣмъ либо другимъ, имѣющимъ на то право.

4) По ст. 9 т. X, „запрещается состоящимъ въ службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, вступать въ бракъ безъ дозволенія начальствъ, удостовѣреннаго письменнымъ свидѣтельствомъ“. Спрашивается: если женихъ, еще не достигъ 21 года, то слѣдуетъ ли ему, сверхъ дозволенія своего начальства на бракъ, испрашивать, на основаніи 6 ст. т. X, дозволеніе родителей или опекуновъ и попечителей?

Примѣч. Въ настоящее время многія дѣвицы и вдовы состоятъ на службѣ, напр., въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ, въ женскихъ гимназіяхъ и т. п.:—слѣдуетъ ли имъ, при вступленіи въ бракъ, представлять письменное дозволеніе своихъ начальствъ?

5) По ст. 20 т. X, „запрещается вступать въ бракъ во время существованія перваго“; а по ст. 21—„и въ четвертый бракъ“. По ст. 22 т. X, „для предупрежденія двойныхъ и четвертыхъ браковъ постановлено: 1) въ паспортахъ, выдаваемыхъ купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ для отлучекъ, всегда означать, кто женатъ, или холостъ, а если вдовъ, то послѣ котораго брака. 2) На такихъ паспортахъ и другихъ видахъ, въ случаѣ вступленія сихъ лицъ въ бракъ, отмѣчать о томъ рукою священника съ означеніемъ—съ кѣмъ именно, когда и въ какой церкви совершено вѣнчаніе. Сообразно съ сими отмѣтками, военныя и гражданскія начальства, при перемѣнѣ или возобновленіи упомянутыхъ паспортовъ и видовъ,

¹⁾ Форму этой присяги прилагаемъ въ концѣ настоящей статьи.

означаютъ въ нихъ и брачное состояніе тѣхъ лицъ, коимъ они выдаются; и 3) солдатскихъ вдовъ вѣнчать не иначе, какъ по сообщеніи священникамъ удостовѣреній о смерти ихъ мужей“.

До изданія новыхъ правилъ объ учетѣ нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота, отставные солдаты получали указы, а уволенные въ безсрочный отпускъ—билеты, въ которыхъ прописывалось ихъ семейное состояніе; въ настоящее время нижніе чины снабжаются не указами, а свидѣтельствами объ исполненіи воинской повинности, которыя видами на жительство не могутъ служить; а потому, и увольнительные билеты въ запасъ нижнихъ чиновъ не служатъ видами на жительство, и въ билетахъ этихъ означается только, холосты ли уволенные, или женаты, и свѣдѣніе это берется изъ приемныхъ формулярныхъ списковъ, составленныхъ въ присутствіи по воинской повинности, при поступленіи на службу. Во избѣжаніе же недоразумѣній, по военному вѣдомству разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ увольняемаго въ запасъ нижняго чина, или состоящаго въ запасѣ, не поступало никакого документальнаго заявленія объ измѣненіи его семейнаго положенія¹⁾, то въ вышеупомянутыхъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ при отставкѣ, должно означаться только то, что по послужному списку, составленному въ такомъ-то году, онъ значится холостымъ или женатымъ. Потому, указомъ Св. Синода отъ 7 сентября 1888 г. предписано, что отъ состоящихъ въ запасѣ нижнихъ чиновъ, при вступленіи ихъ въ бракъ, священники обязаны требовать такіе документы, какіе должны быть представляемы прочими лицами, не бывшими въ военной службѣ.

Опредѣленіемъ Св. Синода 20 марта—27 апрѣля 1890 г. постановлено, что „свидѣтельства, выдаваемые изъ дух. кон-

¹⁾ Но всѣ наши священники, на основаніи 22 ст. X т., и по настоящее время, обвинявши состоящаго въ запасѣ или отставкѣ нижняго чина, неопустительно дѣлаютъ надписи объ этомъ на отставкахъ и билетахъ, равно какъ и о смерти ихъ женъ. Какіе же еще документы о перемѣнѣ семейнаго состоянія, послѣ поступленія своего въ военную службу, можетъ представить состоящій въ запасѣ?

систорій, на основаніи 511 ст. т. IX Свод. Зак. изд. 1876 г., дѣтямъ духовенства, не могутъ служить документами, достаточными для безпрепятственнаго ихъ повѣнчанія“. Повидимому, дух. консисторіи могли бы прописывать въ этихъ документахъ, кто холостъ или женатъ, или вдовъ, дѣвицы ли, или вдовы, и по какомъ бракѣ, такъ какъ всѣ такія лица состоятъ записанными въ клировыхъ вѣдомостяхъ (ст. 1130, т. IX Свод. Зак. изд. 1876 г.; II. С. З., 26 мая 1869 г., № 47138), тѣмъ болѣе, что въ томъ же опредѣленіи Св. Синода сказано: „тѣмъ не менѣе въ случаѣ представленія такого свидѣтельства въ числѣ прочихъ брачныхъ документовъ, священникъ, совершавшій бракосочетаніе даннаго лица, обязанъ при возвращеніи свидѣтельства сдѣлать на немъ надписи о времени совершенія брака“.

Въ настоящее время во всѣхъ большихъ городахъ и въ селахъ, особенно фабричныхъ и заводскихъ, а также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ много живетъ обоюга лица изъ разныхъ, часто самыхъ отдаленныхъ, губерній и уѣздовъ. Такія лица, какъ временно проживающія, не пишутся въ исповѣдныхъ росписяхъ. Пожелавши вступить въ бракъ, они въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ представить предбрачное свидѣтельство, чаще же всего представляютъ только свои паспорта. Хорошо, если въ паспортахъ ясно прописано все то, что требуется 21 и 22 ст. т. X; такихъ лицъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ другихъ предосторожностей, можно вѣнчать: но что дѣлать, если въ паспортахъ прописано: „не женатъ“, „не состоитъ“, „не замужняя“, „вдовъ“ или „вдова“—но по какомъ бракѣ, не прописано? Остается только одно—предъявителей такихъ паспортовъ не вѣнчать,—и они часто вступаютъ въ такъ называемый гражданскій бракъ или переходятъ въ штунду ¹⁾). Если найдется священникъ, который

¹⁾ На основаніи ст. 9, 11, 18 и 108 п. 1 и ст. 142 п. 3 т. XIV Полож. о вид. на житѣльство, 3 іюня 1894 г., въ паспортныхъ книжкахъ и въ годовыхъ паспортахъ прописывается только, состоитъ ли, или состоялъ ли въ бракѣ предъявитель или предъявительница (и всегда безъ имени жены

рисковать повѣнчать такихъ лицъ, и впослѣдствіи окажется, что онъ обвинчалъ при живой женѣ, при живомъ мужѣ или четвертымъ бракомъ, то, конечно, онъ справедливо понесетъ должное наказаніе. Но спрашивается: за что судять и приговариваютъ къ наказанію тотъ причтъ, который, на основаніи ясно прописаннаго въ паспортахъ, съ соблюденіемъ прочихъ предбрачныхъ предосторожностей, обвинчалъ, если потомъ откроется, что женихъ имѣетъ живую жену, или невѣста—вдова по третьемъ бракѣ?

Отъ всѣхъ лицъ обоего пола, бракъ которыхъ расторгнутъ съ предоставленіемъ одному изъ разведенныхъ лицъ права вступить въ новый, на основаніи указа Св. Синода отъ 28 іюня 1888 г. за № 10, причты должны требовать, въ числѣ прочихъ документовъ, надлежаще засвидѣтельствовавшую копію съ указа Св. Синода о расторженіи брака. Въ указѣ Св. Синода сказано, чтобы на документахъ разведенныхъ лицъ съ воспрещеніемъ имъ вступать въ новый бракъ дух. консисторія дѣлала объ этомъ надпись и въ то же время сообщала подлежащимъ сословнымъ учрежденіямъ или начальствующимъ лицамъ, которымъ подвѣдомы осужденные на безбрачіе, такія надписи должны потомъ вноситься въ новые документы¹⁾. Все это такъ, и, конечно, ни одинъ священникъ не повѣнчаетъ такое лицо, если только не введутъ его

или мужа, что во многихъ случаяхъ нужно). Но, къ сожалѣнію, въ формѣ паспортной книжки не сказано, что, на основаніи X т. Свод. Зак. изд. 1887 г. ст. 22, слѣдуетъ прописывать, если кто вдовъ или вдова, то по которомъ бракѣ. Хорошо бы было, если бы въ паспортахъ прописывалось, кто къ какой церкви принадлежитъ приходомъ: тогда священникамъ легко было бы сноситься между собою при совершеніи браковъ и другихъ требъ.

¹⁾ Слѣдовало бы чтобы въ дух. консисторіяхъ дѣлалась соответствующая надпись на документѣ разведеннаго лица съ дозволеніемъ ему вступить въ новый бракъ, тогда лицо это могло бы, при вступленіи въ новый бракъ, предъявить, сверхъ копій указа Св. Синода о разводѣ, и свой документъ. Но виновенъ ли будетъ священникъ, если обвинчаетъ разведенное лицо, которое предъявитъ ему только одинъ свой документъ безъ надписи о его разводѣ и о дозволеніи вступить въ новый бракъ?

въ оманъ, представивши какіе-либо фальшивые документы. Но спрашивается: слѣдуетъ ли включать въ число трехъ—послѣдовательно дозволенныхъ браковъ—бракъ расторгнутый или признанный незаконнымъ и недѣйствительнымъ? На вопросъ этотъ мы не нашли отвѣта ни въ Кормчей Книгѣ, ни въ Уставѣ Дух. Консисторій, ни въ Сводѣ Законовъ и указахъ Св. Синода, ни даже въ разныхъ руководствахъ, до послѣдняго времени изданныхъ, и только въ изданной въ 1896 г. г. Григоровскимъ книгѣ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ церковно-гражданскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ“, на 11 стран., прочитали, что 1) въ протоколѣ Св. Синода 18 февраля 1848 г. за № 83 сказано: „іудею, состоявшему въ двухъ послѣдовательныхъ бракахъ, совершенныхъ по закону іудейскому, принявшему послѣ смерти второй жены православіе и вступившему въ бракъ съ лицомъ православнаго христіанскаго исповѣданія, по смерти этой (по счету третьей) жены и пожелавшему вступить въ новый (по счету въ четвертый) бракъ, Св. Синодъ опредѣлилъ: „изъ трехъ послѣдовательныхъ браковъ, въ которыхъ состоялъ проситель, обратившійся въ православіе, долженъ считаться законнымъ лишь тотъ, въ который онъ вступилъ по принятіи христіанства“,— и разрѣшилъ ему вступить во второй бракъ“ 1). 2) Въ той же книгѣ г. Григоровскаго сказано, что протоколомъ Св. Синода 23 июня 1808 г. за № 91 казачкѣ, разведенной съ первымъ мужемъ по неспособности его къ брачному сожитію и бывшей затѣмъ послѣдовательно еще два раза замужемъ, вступить въ новый (по счету въ четвертый) бракъ отказано. На тѣхъ же основаніяхъ, говоритъ г. Григоровскій, Св. Синодъ отказывалъ въ разрѣшеніи на вступленіе въ новый бракъ и такому лицу, которое ранѣе состояло послѣдовательно въ трехъ бра-

¹⁾ Слѣдовательно, по смыслу этого опредѣленія Св. Синода, совершенный въ іудействѣ бракъ лица, принявшаго православіе, не считается, если только не присоединится къ православію вмѣстѣ съ нимъ и жена и не пожелаетъ съ нимъ жить. Но что если она, съ согласія мужа пожелаетъ жить съ нимъ въ супружествѣ, оставаясь въ іудействѣ, и послѣ умереть?

кахъ, хотя одинъ изъ нихъ и былъ расторгнутъ, по безвѣстному отсутствію другого супруга (протоколъ Св. Синода марта 1804 г.).

До XIX столѣтія, говоритъ г. Григоровскій, въ число трехъ браковъ, изъ которыхъ одинъ былъ признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, исключался лишь тотъ, въ который вовлечено лицо по невѣдѣнію о незаконности (протоколы Св. Синода 13 янв. 1723 г. и 1735 г. и отъ 24 сент. 1792 г.). Въ XIX же столѣтіи вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли бракъ, признанный незаконнымъ и недѣйствительнымъ, включать въ число трехъ браковъ, послѣдовательно дозволенныхъ Св. Синодомъ, постановлено: „браки, совершенные въ церкви по чиноположенію, но потомъ, по законномъ разсмотрѣніи, расторгнутые, принимать и впредь, какъ издревле донныя Греческою и Россійскою Церковію принимаемы были, въ число трехъ браковъ, послѣдовательно дозволенныхъ“. Изясненно заключеніе Св. Синода 27 апрѣля 1830 г. было доложено Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ Его Императорскому Величеству и о такомъ докладѣ Оберъ-Прокуроръ 29 того же апрѣля объявилъ Св. Синоду для зависящаго по сему предмету распоряженія (дѣло Св. Сив. 1824 г. по архиву № 1078). „Отчего приведенное разрѣшеніе Св. Синода, — говоритъ г. Григоровскій, — столь важнаго вопроса не было своевременно оглашено и осталось архивною тайной, намъ невѣдомо?“ А между тѣмъ, многіе священники, по невѣдѣнію, расторгнутые по какимъ бы то ни было причинамъ браки не включаютъ въ число трехъ послѣдовательно дозволенныхъ и потому вѣнчаютъ иногда и четвертымъ бракомъ, особенно тѣхъ лицъ, бракъ которыхъ признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Полагаемъ, что постановленіе, записанное въ архивномъ, за № 1078, протоколѣ, не извѣстно и духъ Консисторіямъ.

6) По ст. 23 т. X, „запрещается вступать въ бракъ въ степеняхъ родства и свойства, церковными законами возбраненныхъ“. Это камень преткновенія для духовенства—оо

бенно городскихъ церквей, фабричныхъ и желѣзнодорожныхъ мѣсть—и не потому, что священники не знаютъ степеней родства и свойства, возбраняющихъ бракъ, а потому, что часто женихъ и невѣста бываютъ родомъ изъ разныхъ уѣздовъ и даже губерній; много также живетъ въ большихъ городахъ разнаго сословія семействъ—приписанныхъ и неприписанныхъ по городу, но не имѣющихъ своихъ домовъ и живущихъ на квартирахъ, и такія семьи, переходя изъ квартиры въ квартиру, часто по нѣскольку разъ въ годъ, хотя и исполняютъ долгъ исповѣди и причастія св. Тайнъ, но въ исповѣдныхъ росписяхъ не пишутся ни въ какой церкви; сюда же слѣдуетъ причислить и обоего пола прислугу, пришлыхъ изъ разныхъ губерній. Являются подобныя лица къ священнику и просятъ обвѣнчать ихъ. Изъ документовъ, кромѣ паспортовъ, въ которыхъ ясно прописано ихъ семейное состояніе, а иногда метрическихъ свидѣтельствъ и всегда свидѣтельства о бытіи у исповѣди и причастія св. Тайнъ, болѣе ничего не представляютъ. Скрѣпя сердце, полагаясь на нихъ, ихъ родныхъ и поручителей, что между ними нѣтъ никакого родства или свойства и другихъ препятствій къ браку, священники вѣнчаютъ. А между тѣмъ, случалось, что черезъ годъ или болѣе такіе супруги просятъ развода на томъ основаніи, что они до брака состояли въ близкихъ степеняхъ родства, но скрыли отъ вѣнчавшаго ихъ причта. За что же причтъ, обвѣнчавшій такой бракъ, подвергается суду и строгой отвѣтственности по законамъ, когда паспорта жениха и невѣсты исправны? Бываетъ и такъ, что женихъ имѣетъ письменное дозволеніе отъ своего начальства, паспортъ невѣсты представленъ, троекратное оглашеніе сдѣлано, никто никакихъ препятствій къ браку не объявилъ, только не могли почему-либо представить предбрачное свидѣтельство; женихъ, невѣста и поручители обоихъ подписались подъ обыскомъ, принявъ на себя строгую отвѣтственность, если что подписанное ими окажется не справедливо. Какъ этотъ, такъ и другіе причты совершили десятки браковъ безъ предбрачныхъ свидѣтельствъ,

а только по паспортамъ, съ соблюденіемъ вышепронисанныхъ предосторожностей, и не подвергались суду.

7) По ст. 25 т. X, „желающій вступить въ бракъ долженъ увѣдомить священника своего прихода письменно или словесно объ имени своемъ, прозваніи и чинѣ или состояніи, равно, какъ объ имени, прозваніи и состояніи невѣсты“. „По сему увѣдомленію,—на основаніи 26 ст. X т.,—производится въ церкви оглашеніе въ три ближайшія воскресенія и другіе, встрѣчающіеся между оными, праздничные дни, послѣ литургіи, и затѣмъ составляется обыскъ... Если невѣста принадлежитъ къ другому приходу, то оглашеніе должно быть произведено и въ ея приходской церкви“. По ст. 27 т. X, „по оглашеніи всѣ, имѣющіе свѣдѣнія о препятствіи къ браку, обязаны дать знать о томъ священнику письмомъ или в словахъ немедленно и никакъ не далѣе сдѣланнаго въ церкви послѣдняго изъ трехъ оглашеній“. Но едва ли найдется хоть одинъ причтъ, который,—конечно, по независящимъ отъ него причинамъ,—выполнилъ бы приведенный 26 ст. законъ об оглашеніи. Что дѣлать причту, если желающіе вступить въ бракъ заявляютъ объ этомъ за недѣлю или въ рѣдкихъ случаяхъ за двѣ, большею же частью за четыре, три дня передъ наступающимъ воскресеньемъ, а иногда за нѣсколько дней передъ наступающимъ постомъ, между тѣмъ женихъ и невѣста представили всѣ документы и даже предбрачное свидѣтельство? Что въ такомъ случаѣ дѣлать? ¹⁾ Просить архіепастырскаго разрѣшенія на обвинчаніе безъ оглашенія? Но подобными просьбами пришлось бы обременять архіепастыря нѣсколько разъ въ мѣсяцъ и отвлекать его отъ заведеній болѣе важными дѣлами. А потому, сдѣлавши оглашеніе въ одинъ день на всенощной, ранней и поздней литургіяхъ,

¹⁾ Женихъ, получившій дозволеніе своего начальства на вступленіе въ бракъ, пріѣхавъ въ извѣстный городъ, можетъ ли ожидать, когда сдѣлаютъ троекратное оглашеніе въ три воскресные дни, если на эти недѣляхъ нѣтъ праздниковъ?

²⁾ Епископъ имѣетъ право разрѣшать вѣнчаніе и безъ троекратнаго оглашенія.—Кормч., ч. 2, гл. 50, „О тайнѣ суур.“

а гдѣ совершается только одна литургія, то на ней и все-нощной,—причты и вѣнчаютъ. Но нужно сказать и то, что оглашенія эти не приводятъ къ желаемой цѣли. Въ продолженіе нашей личной пятидесяти-семи-лѣтней—въ санѣ священника—службы не было ни одного случая, даже по трое-кратномъ въ три воскресные дни оглашеніи, чтобы кто-либо заявилъ о препятствіи къ совершенію брака. А между тѣмъ, не мало бываетъ случаевъ, что черезъ мѣсяць, а иногда и черезъ годъ, тѣ же лица, которыя были въ церкви во время оглашенія, заявляютъ, что такой-то бракъ обвѣнчанъ въ близкомъ родствѣ: случалось и такъ, что мужъ и жена, черезъ годъ или два,—вѣроятно, наскучивъ другъ другу,—заявляли, что они обвѣнчаны въ близкомъ родствѣ, и просили развода. Едва только священникъ или дьяконъ, по отпускѣ Божественной литургіи, начнетъ дѣлать оглашеніе, всѣ бывшіе въ храмѣ, не слушая, спѣшать выходить, одни только любопытствующіе спрашиваютъ, въ которомъ часу будетъ совершаться бракосочетаніе, будетъ ли хоръ пѣвчихъ и какой, и т. п.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей *Іоаннъ Чижевскій.*

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

Что касается формулы обращенія проповѣдника къ слушателямъ, то въ настоящее время самыми обычными, самыми распространенными являются слѣдующія: „слушатели“, „благочестивые слушатели“, „христіане“, „православные христіане“. Такія формулы обращенія мало общаго имѣютъ съ тѣми, которыя слышались христіанами первыхъ вѣковъ отъ древнихъ знаменитыхъ церковныхъ учителей. Своимъ происхожденіемъ современныя холодныя и сухія формулы обязаны позднѣйшему времени—времени раціонализма, охлаж-

¹⁾ См. № 7 за 1901 г.

денія релігійознаго чувства и ослабленія любвеобильныхъ братскихъ, истинно-христiанскихъ отношеній между членами Церкви. Когда между священникомъ и пасомыми не существуетъ живыхъ, искреннихъ отношеній, а установились отношенія лишь чисто оффиціальныя, холодныя; то вполне понятно, что проповѣднику нѣтъ возможности никакъ иначе называть своихъ слушателей, какъ именно ничего невыражающимъ, безцвѣтнымъ и сухимъ именемъ „слушателей“ (чравносильно выраженію: „милостивые государи“), или „христiанъ“ (какъ будто самъ проповѣдникъ не-христiанинъ!). И вѣдь отношенія между пастыремъ и пасомыми должны бы были быть полны братской, чистой, святой любви; пастырь, всецѣло преданный своей паствѣ, любящій ее до самозабвенія и самотверженія, уже по самому чувству любви, никогда не обратится къ своимъ пасомымъ съ наименованіемъ: „слушатели или только „христiане“; онъ изберетъ такую формулу, которая дышала бы искреннею любовью и всего сильнѣе выразила бы духъ и характеръ тѣхъ отношеній, какія должны по заповѣди Спасителя, существовать между членами Церкви. А такую формулой является формула библейская и вмѣстѣ святоотеческая, т. е. та самая, которую употребляли послы любви къ людямъ апостолы и древніе свв. отцы. По этой библейско-святоотеческой формулѣ всѣ слушатели въ отношеніи къ проповѣднику являются не „слушателями“ и „христiанами“ только, но „братьями“, „возлюбленными братьями“, „возлюбленными“ и т. п. Эту формулу обращенія указалъ проповѣдникамъ Самъ Спаситель, когда сказалъ апостоламъ: „не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ; всѣ же вы братья“ (Мѡ. 23, 8); и апостолы—Петръ, Іаковъ и Павелъ, дѣйствительно, не иначе обращались своимъ слушателямъ, какъ называя ихъ „мужами-братьями“ (Дѣян. 13, 26 и 38; 15, 7 и 13) и „братьями“ (Дѣян. 20, 3); точно также и въ своихъ посланіяхъ, обращаясь къ читателямъ-христiанамъ, апостолы называли ихъ „братьями“ (2 Пет. 1, 10; Римл. 1, 13; 1 Кор. 1, 10; 2 Кор. 1, 8; Гал. 1.

и мн. др.), „возлюбленными братьями“ (Іак. 1, 19; 1 Кор. 15, 58 и др.), „братьями возлюбленными и вождельными“ (Филип. 4, 1), „братьями святыми“ (Евр. 3, 1 и др.), также просто „возлюбленными“ (1 Іоан. 2, 7; 3, 2; Іуд. 1, 3 и 17; 1 Петр. 1, 13; 2, 11; Евр. 6, 9 и др.). Правда, эти же самыя формулы („братіе“, „возлюбленные братіе“, „братіе-христіане“) употребляются иногда и въ наше время, но, во-первыхъ, онѣ не имѣютъ преимущественнаго значенія предъ другими формулами, а во-вторыхъ—не служатъ все-таки выраженіемъ дѣйствительно существующихъ между пастыремъ и пасомыми отношеній и употребляются по одной лишь традиціи *). Чтобы наименованія: „братіе“, „возлюбленные братіе“ въ устахъ проповѣдника не звучали холодно, лицемѣрно и неестественно, священникъ дѣйствительно долженъ горячо и искренне любить своихъ пасомыхъ. Нѣкоторые изъ духовныхъ писателей употребленіе слова „братіе“ молодыми священниками—и притомъ въ присутствіи въ храмѣ слушателей, почтенныхъ чиномъ и лѣтами, находятъ неумѣстнымъ и неестественнымъ **). Но этотъ взглядъ на библейско-святоотеческую формулу обращенія проповѣдника къ слушателямъ могъ образоваться, именно благодаря лицемѣрному и холодному употребленію ея современными проповѣдниками. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда слова: „братіе“, „братіе-христіане“ и т. п. являются въ проповѣди не пустымъ звукомъ, а дѣйствительнымъ выраженіемъ искренняго христіанскаго чувства братской любви проповѣдника къ пасомымъ, о неестественности и неумѣстности употребленія этой древней формулы нечего и говорить, и молодому пастырю не будетъ никакой нужды смущаться за свою юность: „никто да не пренебрегаетъ юностію твою“, писалъ ап. Павелъ Тимоѳею (1 Тим. 4, 12),—тѣмъ

*) *Павлинскій В.*: „Порядки и обычаи, соблюдавшіеся при сказываніи проповѣдей въ древней Церкви (въ III—V вѣкахъ)“ („Тр. К. Д. Ак.“, 1886 г., № 1).

**) См., напр.: „Русское проповѣдн., историч. его обзоръ и взглядъ на соврем. его направленіе“. Спб. 1871 г., стр. 439.

болѣе, что въ истинной Церкви Христовой не можетъ быть никакого различія людей по чинамъ и сословіямъ. Предъ пастыремъ, проникнутымъ глубокою любовью къ ближнимъ и ведущимъ благочестивую жизнь, лица всѣхъ чиновъ и сословій, забывая свое общественное положеніе и сословное происхожденіе, чувствуютъ себя только мірянами, только грѣшниками.

Любовь пастыря къ пасомымъ,—любовь истинно-христіанская, братская, самоотверженная,—должна опредѣлять собою и всѣ прочіе частныя приемы въ церковно-богослужебной проповѣди. По силѣ этой любви, всѣ истинные пастыри, живя не своею только личною жизнью, но преимущественно жизнью пасомыхъ, переносили на себя всѣ слабости и нравственныя недостатки своихъ пасомыхъ, считали эти грѣхи, лежавшіе на совѣсти пасомыхъ, своими собственными. Движимые такою любовію къ пасомымъ, они даже въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ, направленныхъ противъ слабостей и нравственныхъ недостатковъ, говорили объ этихъ грѣхахъ, какъ бы о тяготѣвшихъ и на нихъ, хотя на самомъ дѣлѣ были вполнѣ отъ нихъ свободны. Они не говорили слушателямъ: „вы не исполняете заповѣдей“, „вы нарушаете слова Господни“ и т. п.; но замѣняли эти выраженія болѣе снисходительными: „мы не исполняемъ“, „мы нарушаемъ“ и т. д. И только въ тѣхъ случаяхъ выдѣляли себя, когда обращались съ обличеніемъ къ людямъ, уже порвавшимъ свое единство съ Церковію, когда говорили о грѣхахъ, прямо несомѣстимыхъ съ званіемъ христіанина и члена Церкви,—о тѣхъ грѣхахъ, которые названы апостоломъ „грѣхами къ смерти“.—Такъ долженъ поступать и современный проповѣдникъ. (Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 февраля 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, февраля 25-го.

Содержаніе: Рѣчь, произнесенная Преосвященнѣйшимъ Сергіемъ, Епископомъ Уманскимъ, въ торжественномъ годичномъ и общемъ собраніи „Кіевского Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви“.—Религіозные обычаи у Сербовъ и ихъ значеніе въ народной сербской жизни.—О необходимости пересмотра церковно-гражданскихъ законоположеній о совершеніи браковъ (окончаніе).—Замѣтка.

Рѣчь, произнесенная Преосвященнѣйшимъ Сергіемъ, Епископомъ Уманскимъ, въ торжественномъ годичномъ и общемъ собраніи „Кіевского Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви“.

Отъ лица „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви“ обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ тѣмъ, кому поручено завѣдываніе устройствомъ чтеній и увеселеній для простаго народа, относиться къ этому трудному дѣлу со всевозможною осторожностью. При устройствѣ этихъ увеселеній руководятся обыкновенно убѣжденіемъ, будто весь русскій простой

народъ, какъ въ большинствѣ безграмотный, рѣшительно темный народъ. Но въ этомъ убѣжденіи есть сильное преувеличеніе. Это убѣжденіе похоже на то, когда необразованный человѣкъ начинаетъ читать какую-нибудь книгу, напримѣръ, философскаго содержанія, и, не понимая ни глубины философскихъ мыслей, ни философской терминологіи, называетъ книгу пустою: я этой книги не понимаю, слѣдовательно эта книга пустая. Какъ простолюдину трудно возвыситься до пониманія мыслей и чувствъ людей образованныхъ, такъ и наоборотъ. Подумайте, что труднѣе: читать лекцію или давать урокъ людямъ, къ этимъ лекціямъ и урокамъ подготовленнымъ, или обучать грамотѣ малютку? Безъ сомнѣнія, послѣднее много труднѣе. А отсюда уже заключите, какъ должно быть трудно просвѣщать взрослого простеца, у котораго уже сложилось извѣстное міросозерцаніе, иногда рѣшительно недоступное для самого просвѣтителя. Кромѣ сего, развѣ наши простецы крестьяне до того темны, что не имѣютъ истинно-христіанскихъ чувствъ любви и привязанности? Развѣ они поголовно не имѣютъ понятія о чести? Развѣ они, отпуская своихъ дѣтей, напр., на заработки, не умоляютъ ихъ хранить цѣломудріе, быть правдивыми, не брать ничего чужого, не срамить ихъ родительскихъ, сѣдыхъ головъ? Развѣ они, въ громадномъ большинствѣ, не хвалятъ нерушимо узы брачнаго союза, столь хрупкія нынѣ у людей образованныхъ? Все это у нашихъ крестьянъ-простецовъ есть, и всю эту ихъ святыню мы должны стараться сохранить въ нихъ. Но это не будетъ достигнуто, если на подмосткахъ народнаго театра будутъ представляться такія произведенія мнимаго искусства, какъ напр., „Наймычка“, и будутъ забыты такія произведенія истиннаго искусства, доступныя для народа, которыя возвышаютъ духъ, примиряютъ съ тяготою жизни и возбуждаютъ къ дѣятельности, въ которыхъ мы слышимъ напр., такія слова: „безъ денегъ, моль, мнѣ жить на свѣтѣ незачѣмъ! Какой глупый-то! Да развѣ жизнь-то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ,

что-ли? Нѣтъ, тому она рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость: всякая жизнь и бѣдная и горькая— все радость. Озябъ, да согрѣлся— вотъ и радость. Вотъ я теперь бѣдную племянницу замужъ отдаю, на бѣдной свадьбѣ пировать буду, — развѣ это не радость“?... Въ театральныхъ представленіяхъ для народа долженъ быть совершенно забытъ пресловутый реализмъ въ искусствѣ, который лишаетъ искусство идеальнаго изображенія жизни и дѣлаетъ его лишь грубой и плохой поддѣлкой подъ жизнь. Идеализмъ въ искусствѣ развышаетъ жизнь, а реализмъ развращаетъ ее, уничтожая все святое, развѣнчиваетъ великое и обезображиваетъ прекрасное и тѣмъ самымъ приводитъ къ нелѣпому выводу, что всегда были, есть и будутъ дурные люди, безъ нихъ обойтись нельзя, а все великое стало великимъ только въ человѣческомъ воображеніи, и потому намъ не укоръ быть людьми, полными недостатковъ; но это, конечно, есть развращеніе, а не воспитаніе. Неужели мы забыли, какъ дѣйствовали на насъ первые уроки по Священной исторіи? Какъ презирали мы книжниковъ и фарисеевъ и какъ любили Христа Спасителя? какъ хотѣли быть для него добрыми дѣтьми? Неужели мы забыли, какое дѣйствіе производили на насъ первыя, прочитанныя нами повѣсти, которыя, конечно, съ разборомъ давали намъ читать наши руководители? Какъ копошились мы тогда въ нашихъ маленькихъ душахъ, какъ хотѣли подражать добрымъ, какъ начинали бояться зла и ненавидѣть его? Возьмите въ примѣръ, нравственнаго, изящнаго молодого человѣка, воспитанника высшей или средней школы, съ какимъ увлеченіемъ читаетъ онъ литературныя произведенія искусства русскія и иностранныя, какъ неволью дѣлается онъ поклонникомъ то Гёте, то Шиллера, то Шекспира, то Пушкина, то Тургенева, то Достоевскаго и т. п. и какъ копошится онъ въ своей душѣ, создавая въ себѣ внутреннее миросозерцаніе и опредѣляя для себя будущій кругъ своей общественной дѣятельности.

Вѣдь все это съ вами было, все это должно быть и съ простецами, которыхъ хотимъ просвѣщать, ибо законы ихъ душевной жизни тѣ-же, что и у насъ, такъ какъ и они, простецы, носятъ въ себѣ тотъ же образъ и подобіе Божіе. Дайте же имъ въ театрѣ пищу здоровую, возбуждающую къ самодѣятельности къ нравственному усовершенствованію, а не одно только увеселеніе. Вѣдь ни одинъ хорошій драматургъ, ни писатель, ни исполнитель, ни за что не согласится назвать свой литературный и артистическій трудъ—скоморошествомъ, такъ какъ всякій хорошій драматургъ считаетъ театръ школою, а не мѣстомъ пустого развлечения. Конечно, считаютъ театръ школою и тѣ, которые хотятъ посредствомъ театра просвѣщать и развивать народъ. Но если театръ есть школа,—а въ школахъ вечеромъ подъ праздники занятій не бываетъ,—то и театровъ для народа подъ праздники давать не должно.

Это даетъ мнѣ поводъ сказать о томъ, что при доставленіи народу даже и нравственныхъ, возвышающихъ душу удовольствій, отнюдь не должно допускать нарушенія добрыхъ обычаевъ, установленныхъ св. Церковію. Если мнѣ скажутъ въ опроверженіе того, о чемъ я хочу сказать, что театральныя представленія подъ воскресные дни дозволены правительствомъ, то я заранѣе оговариваюсь, что такое дозволеніе отнюдь не можетъ быть распространяемо на театральныя представленія для простого народа.

Нравственное достоинство всякаго дѣйствія, должно быть опредѣляемо тѣмъ побужденіемъ, по которому оно совершается. Нашъ простой русскій народъ пріобыкъ праздновать дни Господни, посѣщая храмъ Божій во время всенощной, смотря по мѣстному обычаю совершаемой или съ вечера или съ утра, и предстоять въ храмъ въ день праздничный за Божественною литургіею, а по окончаніи молитвы, угостить себя лучшею, по возможности, пищею и употребленіемъ вина во славу праздника Господни. Но къ прискорбію бываетъ иногда, что послѣднее угощеніе, при добромъ побужденіи въ началѣ, переходитъ границу и изъ праздничнаго „утѣшенія“, по вы-

раженію церковнаго устава, обращается въ пьянство. О пьяницахъ, вообще, конечно, въ данномъ случаѣ не говорю и думаю, что театральными представленіями ихъ едва-ли можно исправить; но къ людямъ, такъ сказать, случайно упивающимся, вотъ тутъ-то и можно подойти съ предложеніемъ, конечно, истинно нравственнаго удовольствія и образованному свѣтскому человѣку съ любовью прійти на помощь къ простецу, иногда рѣшительно не знающему, что дѣлать съ своимъ праздничнымъ досугомъ.

Какую же помощь, въ этомъ случаѣ, можетъ оказать простецу образованный свѣтскій человѣкъ? Прежде всего, конечно, отнюдь простецу не должно показывать въ лицедѣйствѣ пороковъ самаго образованнаго общества, да еще иногда въ дурныхъ литературныхъ произведеніяхъ, возводимыхъ въ достоинство добродѣтели. Такое обученіе возбудитъ или недобріе къ учителямъ, или расшатаетъ нравственныя основы учениковъ. А равно не должно показывать пороковъ и вообще во всей ихъ неприглядной наготѣ (реализмъ). Придите, образованные свѣтскіе люди, въ праздничный вечеръ къ простецамъ съ разумнымъ чтеніемъ, которое познакомитъ ихъ съ окружающею природою, приласкайте ихъ слухъ звуками великорусскихъ и малорусскихъ мелодій въ переложеніи хорошихъ композиторовъ въ противовѣсъ появившимся пошлымъ новымъ мотивамъ, заглушающимъ нашу чудную народную пѣсню; предложите имъ и театр¹⁾, но безъ реализма, избирая такія произведенія искусства, гдѣ острота не озлобляетъ и не приводитъ въ отчаяніе, гдѣ веселіе есть радость, а не вакханалія, гдѣ любовь есть нравственное влеченіе и долгъ, а не сладострастіе и т. п.—все это можно найти въ нашей русской литературѣ. Покажите имъ въ лицахъ русскую исто-

¹⁾ Если насъ обвинять, что мы это говоримъ, то говорить о воспрещеніи театровъ для народа уже поздно, ибо театры для народа уже открыты на Печерскѣ, въ Контрактовомъ домѣ на Подолѣ, на Соломенкѣ, на Шулявкѣ, на Лукьяновкѣ—въ Кіевѣ; во многихъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, да и по всей Россіи.

рію, но отнюдь не такую, гдѣ историческіе дѣатели тенденціозно представляются или въ смѣшномъ, или въ жалкомъ и вообще, невѣрномъ исторіи видѣ.

Но если вы, доставляя и эти удовольствія народу, будете научать его въ то же время нарушать св. обычаи Церкви; давая представленія въ навечеріе праздничныхъ дней, то не принесете ему пользы, а лишь одинъ вредъ. Нельзя ставить все въ одинъ рядъ: и церковно-общественную молитву, и школу, и удовольствія, ибо всякой вещи свое время подъ небомъ. Человѣкъ, утомленный напряженіемъ вниманія въ вечеръ субботній надъ какимъ-нибудь чтеніемъ или театральнымъ представленіемъ болѣе, чѣмъ отъ здороваго труда физическаго, а иногда и прямо развращенный безъ разбора предложеннымъ увеселеніемъ, или проснитъ равную праздничную Божию службу, или возбужденный до бессонницы сильно раздражившими его нервы впечатлѣніями, тоже не пойдетъ на службу Божию: а развѣ такого послѣдствія учителя могутъ пожелать для своихъ учениковъ? И будетъ тогда послѣдняя лестъ горше первой.

Прошу, какъ истинно русскій человѣкъ, совѣтую, какъ знающій жизнь народную, умоляю, какъ христіанинъ, и говорю со властію, какъ архіерей, отнюдь не предлагайте народу никакихъ увеселеній въ навечерія праздничныхъ и воскресныхъ дней и будьте какъ можно разборчивѣе въ выборѣ для народа удовольствій для наполненія его праздничнаго досуга“.

Религіозные обычай у Сербовъ и ихъ значеніе въ народной сербской жизни.

Въ жизни Сербскаго народа, такъ же какъ и нашего русскаго, Православная вѣра всегда имѣла весьма важное значеніе: она была основаніемъ его духовнаго развитія, источникомъ его нравственной крѣпости и оплотомъ его національной самобытности. Много пережилъ этотъ народъ историче-

скихъ эпохъ, частію свѣтлыхъ и славныхъ, частію же мрачныхъ, критическихъ и тяжкихъ. Православная вѣра, ставши воспитательницею его при самомъ началѣ историч. жизни (собств. съ IX в.), была ему спасающей и укрѣпляющей стіхіей во всѣ времена, какъ политическаго его могущества и славы, такъ и политическихъ невзгодъ и рабства, продолжающагося отчасти и до сей поры (въ неосвобожденныхъ сербскихъ областяхъ въ Турціи, въ оккупированныхъ Австріей, а также издавна входящихъ въ составъ Австро-Венгрии). Проникая всѣ стороны его жизни, она способствовала его духовно-политическому росту, а въ пору тяжелаго рабства спасала его отъ совершеннаго упадка духа, потери національнаго сознанія и поглощенія его чуждыми народностями. Сами Сербы всегда сознавали это значеніе Православія въ ихъ жизни; не даромъ сложилось у нихъ убѣжденіе, что кто отпалъ отъ Правосл. вѣры, тотъ пересталъ быть и сербомъ. Какъ тѣсно связаны Правосл. вѣра и сербская народность, нагляднымъ примѣромъ служатъ нѣкоторые религіозные ихъ обычаи. Для серба они составляютъ завѣтную святыню. Онъ крѣпко держится ихъ, такъ какъ знаетъ, что съ потерей этихъ обычаевъ, онъ дѣлаетъ въ своей жизни пустоту, которою не замедлитъ воспользоваться всякій врагъ сербской народности. Въ виду духовнаго и племеннаго родства нашего съ сербскимъ народомъ, считаемъ не безынтереснымъ и даже поучительнымъ познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ обычаевъ, каковы: „слава или праздникъ крсного имени“, „церквена слава“, „завѣтина“ и „побратимство“.

1. *Крсно име* ¹⁾).

Всякій сербъ имѣетъ по одному дню въ году, который онъ празднуетъ съ возможно большимъ торжествомъ въ церкви

¹⁾ Свѣдѣнія о крестномъ имени сообщаются нами 1) по ст. В. Караджича объ этомъ предметѣ, 2) по кн. Миросл. Наумовича „Војничке врлине (дѣла) у примерима... Пожаревацъ, 1900 г. стр. 167—169 и 3) изъ ж. „Просвѣта“ 1899 г. св. VI.

и дома, и этотъ праздникъ называется „крсно име“, „свето“, „благдан.“, „служба“ ¹⁾...

Праздникъ этотъ наиболѣе характеренъ и своеобразенъ. Только Сербы одни „славятъ славу“; гдѣ бы сербъ ни былъ и что бы съ нимъ ни случилось въ жизни, онъ считаетъ себя обязаннымъ праздновать и дѣйствительно празднуетъ „славу крестнаго имени“; это уже выражено въ общеупотребительной сербской поговоркѣ: „где је слава, ту је србин“. Происхожденіе „славы кр. имени“ кроется въ глубинѣ первыхъ вѣковъ Сербской христіанской Церкви. Въ языческой періодъ у Сербовъ было много боговъ, и каждое сербское племя имѣло своего домашняго бога, которому праздновался одинъ день въ году, какъ защитнику племени и дома. Съ принятіемъ христіанской вѣры Сербы вмѣсто этихъ домашнихъ своихъ боговъ приняли, въ день своего крещенія, ходатаями предъ Единымъ и Всемогущимъ Богомъ истиннымъ тѣхъ его св. угодниковъ, въ дни которыхъ они были крещены. Такимъ образомъ, тѣ Сербы, которые крестились въ день св. Архангела Михаила, взяли своимъ покровителемъ сего Архангела; а тѣ, которые крестились въ день св. великомуч. Георгія, его и стали почитать и праздновать и т. д. Этотъ древній обычай празднованія дня своего крещенія или крестнаго имени у Сербовъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе неизмѣнно. Такъ и нынѣ Сербы православные и даже многіе Сербы-католики празднуютъ „крсно имя“; а нѣкоторые изъ Сербовъ магометанъ и донинѣ чтутъ то крестное имя, которое праздновали ихъ предки. Сербская церковь установила и обрядъ, который священникъ совершаетъ въ церкви и домахъ, гдѣ бы

¹⁾ Въ Черногоріи, въ Герцевинѣ, Босніи онъ называется „Крсно име“, въ Сремѣ, Банатѣ, Бачкой—именемъ того святого, которому сербъ „славить славу“, въ Ст. Сербіи, около Косова и Призрена „слава“ называется „Свети“. На юг.-в. Ст. Сербіи и Македоніи обыкновенно спрашиваютъ: „Коју службу служиш?“ или: „шта чиниш?“ и на это отвѣчаютъ: „Ја служимъ светог Николу“ или: „Ја чинимъ светог Јована“.

ваетъ это празднованіе, во славу Божию и того святого, которому „славится слава“¹⁾).

„Слава“ для серба есть самый священный и большой праздникъ. Домохозяинъ старается и готовится цѣлый годъ, какъ и чѣмъ нужно отпраздновать крестное имя („славити крсно име“). Въ виду приближающагося праздника уже за нѣсколько дней домохозяинъ—„свечар“ начинаетъ дѣлать приготовленія къ празднику,—запасаетъ въ домъ ладону (тамълан), восковыхъ свѣчей и провизіи для угощенія: обыкновенно, убиваетъ вола, или овна, или свинью, рѣжетъ барашка, цыплятъ и т. п. А если „слава“ приходится въ постъ, то покупаетъ постнаго масла (зејтина), соленой рыбы, рису, кофе и т. д.

Наканунъ „славы“ женщинамъ въ домѣ полныя руки дѣла, п. ч. нужно прилично убрать жилище; кромѣ того, хозяйкѣ нужно замѣсить и испечь хлѣбъ для кануннаго вечера, называемый „вечерня“, и для самой „славы“, называемый „колачъ“²⁾, а также приготовить коливо³⁾. Вечерня и колачъ замѣшиваются водою, которую священникъ освятилъ за нѣсколько дней передъ „славой“. Въ день передъ крестнымъ именемъ кто-либо изъ домашнихъ (обыкновенно, подростокъ или парень) идетъ по селу и созываетъ всѣхъ односельянъ, которые этого кр. имени не празднуютъ; передъ всякимъ домомъ онъ снимаетъ шапку и, обыкновенно, говоритъ такъ: Божій домъ и вашъ! привѣтствуетъ васъ отецъ (или братъ); приходите вечеромъ на „чашу ракије“, побесѣдовать и сколько-нибудь провести вмѣстѣ вечеръ; что принесъ св. Николай (или др. празднуемый святой), прятать не будемъ; приходите, не откажитесь“. Такъ какъ празднующихъ одному и тому же

¹⁾ О немъ сказано будетъ ниже.

²⁾ Колачъ—это круглый хлѣбъ, изъ чистой пшеничной муки, квасный, съ крестомъ вверху.

³⁾ Коливо—сваренная чистая пшеница, которая заливается виномъ, засахаривается и ѣтся.

святому въ селѣ бываетъ нѣсколько, то и приглашеній одинъ и тотъ же домохозяинъ можетъ получить нѣсколько.

Вечеромъ, къ нѣкоторымъ изъ пригласившихъ идетъ самъ хозяинъ, къ другимъ посылаетъ сына, къ инымъ слугу или другого кого изъ дому (женщины вечеромъ рѣдко выходятъ). Пріятели и родственники изъ другихъ селъ приходятъ къ празднику, и не будучи зваными. Въ самый канунъ „славы“ приносятъ въ церковь на вечерню стаканъ масла (зејтина), ладонъ и свѣчи. Въ домѣ же поставляется столъ. На немъ посрединѣ ставится „вечерня“, свѣча, солянка, ладонъ и бѣкетъ васильковъ. Затѣмъ зажигается предъ иконою свѣча и полагаются на столъ ложки и вилки. Также готовится и питье (вино и ракије). Затѣмъ отворяются двери и начинаютъ собираться гости, которые называются *званице*. При входѣ въ домъ, они, обыкновенно, такъ привѣтствуютъ домохозяина („свечара“) „добрый вечеръ и честной тебѣ праздникъ („свето“)! праздновать тебѣ его много лѣтъ и годовъ въ здоровьѣ и весельи“.

Священникъ или, если его нѣтъ, то болѣе почетный гость занимаетъ главное мѣсто за столомъ, остальные гости размѣщаются по своему желанію, но такъ, что самые молодые садятся въ концѣ стола. Затѣмъ встаетъ хозяинъ (домаѣни), беретъ кадильницу съ ручкой, наполненную ладонемъ. Всѣ гости встаютъ, снимаютъ шапки и крестятся три раза; хозяинъ окажываетъ сначала праздничную икону, („икону свечеву“), затѣмъ столъ и гостей, а наконецъ комнату и домъ крестообразно. Это служитъ знакомъ, чтобы пили первую „чашу вина или ракин“, затѣмъ вечеряютъ и разговариваютъ между собою. Послѣ второй чаши всѣ опять крестятся три раза, зажигается восковая свѣча и ставится въ солянку. Послѣ этого хозяйка обходитъ весь домъ и кадитъ, а напослѣдокъ ставитъ кадильницу на столъ. Прочитавши нѣсколько молитвъ, хозяинъ даетъ самому старшему гостю стаканъ вина, оба цѣлуются („се полюбѣ“) и гость поднимаетъ тостъ съ благожеланіями хозяину и гостямъ. При этомъ поется ка-

кая-нибудь праздничная („славская“) пѣсня. Далѣе хозяинъ предлагаетъ и третью чашу вина и разрѣзаетъ „вечернюю“, которую съѣдаютъ съ разными церемоніями и молитвами. Затѣмъ продолжается яденіе и питье съ разными тостами (здравице) и пѣснями, пока гости не разойдутся послѣ полуночи. При уходѣ гостей, хозяинъ говоритъ каждому: „приходите и утромъ на чашу ракије“. И такъ ихъ въ теченіе трехъ дней приглашаетъ съ вечера на завтракъ, а съ завтрака на обѣдъ, а прибывшіе изъ другихъ селъ его родственники и пріятели остаются у него и на слѣдующіе дни. День наканунѣ „славы“ называется „навече“.

Въ самый день „славы“ женщины въ домѣ встаютъ уже на зарѣ, приводятъ въ порядокъ то, что осталось неубранымъ отъ вчерашняго пиршества и варятъ обѣдъ. Между тѣмъ, самъ домохозяинъ идетъ въ церковь. Кто ниб. изъ молодыхъ (момак) несетъ въ церковь корзинку съ колачемъ, коливомъ, восковой свѣчей, просфорой и виномъ, и всѣ эти предметы во время совершенія службы полагаются предъ алтаремъ. Послѣ совершенія службы священникъ совершаетъ „чинъ прекаде“ (буквально „окаживанія“), т. е. освящаетъ колачъ, разсѣкаетъ его по церковнымъ обрядамъ, а молодой человѣкъ, между тѣмъ, зажигаетъ свѣчу и крестится. Тогда же освящается коливо и совершается поминовеніе умершихъ сродниковъ, послѣ же служенія раздается щедрая милостыня бѣднымъ за успѣхъ дома, за спасеніе души хозяина и домашнихъ его и за упокой сродниковъ его.

Впрочемъ, „чинъ прекаде“ и освященія колива чаще всего совершается въ домѣ въ присутствіи гостей и при участіи самаго хозяина. Здѣсь же съ утра собираются гости на завтракъ, а немного позже на обѣдъ. Передъ обѣдомъ или на обѣдъ нужно, чтобы пришелъ и священникъ „покадитъ“ и прочитаетъ молитву надъ коливомъ („да прекади и очати коливо“) ¹⁾.

¹⁾ „Прекадити“—совершить особый чинъ молебнаго пѣнія ко Господу и святому, патрону дома. „Очатити коливо“ или что другое—читать молитву на освященіе его изъ книги.

„Чинъ прекаде“ состоитъ въ слѣдующемъ. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и возглашаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“, затѣмъ кадитъ хлѣбъ и вино и всѣхъ присутствующихъ, читаетъ „Святый Боже“, поетъ трижды „Богъ Господь“, тронарь и кондакъ святому. Затѣмъ благословляетъ хлѣбъ и вино, говоря: „Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, благослови хлѣбъ и вино сіе Духомъ Твоимъ Святымъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. Потомъ рѣжетъ *колачъ* и говоритъ: „Во имя Отца и Сына и Св. духа. Аминь“. Затѣмъ поливаетъ *колачъ* виномъ крестообразно со словами: „Во славу и честь святого, имя рекъ (напр., св. Михаила) приносимъ ти сія, Господи Боже, его же молитвами приими. Всецдре, жертву сію въ пренебесный Твой жертвенникъ“. Послѣ того онъ съ хозяиномъ возноситъ и кругообразно пращаетъ *колачъ* при пѣніи: „Святїи мученицы“ и т. д.; „Слава Тебѣ, Христе Боже“... и „Исаіе ликуй“. Затѣмъ разламываетъ *колачъ* съ хозяиномъ дома и говоритъ съ любовію три раза: „Христось посреде насъ“, а тотъ отвѣчаетъ: „есть и будетъ“! Далѣе священникъ ставитъ *колачъ* на тарелку, беретъ крестъ въ лѣвую руку и раздаетъ хлѣбъ всѣмъ присутствующимъ, поя: „Слава: Молитвами Святителя (святого).. И нынѣ: Молитвами Богородицы, помилуй насъ, Боже, и стихиру: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“... Затѣмъ читаетъ ектенію: „Помилуй насъ Боже“, въ которой упоминаетъ и всѣхъ домашнихъ (какъ членовъ семьи, такъ и прислугу) и—отпустъ ¹⁾).

Если этотъ чинъ совершается дома, то онъ, естественно, соединяется съ трапезою. Когда уже бываетъ около половины обѣда ²⁾, то зажигается восковая свѣча, приносится *тамбон* (ладонь) и вино, затѣмъ встаютъ *у славу*, т. е. молятся Богу. Ъдятъ коливо и пьютъ по чину вино „за славе небеске, која може до нам поможе“ (за небесное торжество, которое мо-

¹⁾ См. „Просвѣта“, 1899 г. св. VI, ст. „Крсно име и негов значај“.

²⁾ Сообщаетъ Вукъ Карадѣличъ въ ст. о Крсномъ имени.

жетъ и намъ послужить въ помощь), затѣмъ ломають (хозяинъ съ священникомъ или съ кѣмъ-либо другимъ, если священника нѣтъ) *крстни колач*, который долженъ быть изъ шпеничной муки и квасный. Одну четвертую часть колача даютъ священнику, другую—хозяйкѣ, а двѣ съѣдаютъ присутствующіе и поють по два вмѣстѣ „у славу“:

„Тко пије вино за славе божје,
Помоз' му Боже и славо божја!
А шта је љепше од славе божје
И од вечере с правдом стечене? 1).

Потомъ садятся опять и за ѣдой и за питьемъ бесѣдуютъ, говорятъ тосты (здравице) и такъ проводятъ время въ веселіи до сумерекъ и даже долѣе, до полуночи. Хозяинъ не садится за столъ, но стоитъ съ открытой головою и угощаетъ гостей виномъ и ракіей. Если случится гусларь, то имъ поются гостямъ юнацкія пѣсни. Когда гости разойдутся по домамъ, то прежде, чѣмъ свечари (т. е. члены дома, въ которомъ празднуется крсно име) лягутъ спать, хозяинъ беретъ стаканъ съ виномъ, которымъ былъ полить колачъ при разрѣзываніи его въ церкви, льетъ нѣсколько капель его на свѣчу и, такимъ образомъ, гаситъ ее. Такъ празднуются три дня, только въ слѣдующіе дни не встають больше „у славу“; второй день крстнаго имени называется *појутарје*, а третій—*устаџи*; пріятели уходятъ изъ гостепрѣимнаго дома только уже на 4-й день 2).

1) „Кто пьетъ вино во славу Божию, помоги ему Боже и „слава Божія“! А что есть лучше славы Божіей и трапезы (вечери), правдою пріобрѣтенной?“

2) Въ Герцеговинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гости сидятъ до тѣхъ поръ, пока у хозяина есть вино, а когда онъ вынесетъ послѣднее вино на столъ, то выноситъ вмѣстѣ съ нимъ и пустой скрученный мѣшокъ, въ которомъ былъ принесенъ напитокъ изъ другихъ мѣстъ. Когда его увидятъ гости, то вынивши все, что есть на столѣ, всякій беретъ свое ружье и уходитъ.

Такъ, вообще, Сербь празднують славу, но въ отдѣльныхъ областяхъ сербскихъ есть и нѣкоторыя особенности въ славскихъ обычаяхъ. Горожане такимъ же образомъ празднують свой родовой праздникъ, только у нихъ многіе знаменательные его обряды вышли изъ обычая. Гости, приходящіе въ домъ на „славу“, угощаются коллвомъ, сладостями, виномъ или ракіей и закусками; на послѣдокъ подается кофе и этимъ все и заканчивается. Принятые гости тотчасъ уходятъ, чтобы дать мѣсто другимъ.

Празднованіе крестнаго имени имѣетъ у Сербовъ великое значеніе какъ для религіозно-нравственной жизни, такъ и для народности. Память о крещеніи предковъ, о патронахъ—небесныхъ ходатаяхъ, защитникахъ и покровителяхъ, силою молитвъ которыхъ пользовались цѣлыя поколѣнія въ прежнее время, и которые хранятъ сербскія племена и дома и въ настоящее время, умиляютъ душу серба и расширяютъ его сердце на все доброе. Онъ набожно идетъ въ церковь Божию съ приношеніями, молитъ Бога о своемъ счастіи и успѣхахъ, объ упокоеніи усопшихъ, проситъ церковнаго благословенія на все, что въ его домѣ есть; вечера и цѣлый рядъ угощеній съ трогательными обрядами проникнуты религіознымъ духомъ. Сербъ во имя Бога и празднуемаго своего покровителя щедро угощаетъ всѣхъ званныхъ и незванныхъ, своихъ и чужихъ, односельянъ, кумовей, друзей и сродниковъ и пришлыхъ, гостей и странниковъ; онъ раздаетъ бѣднымъ милостыню. Въ день крестнаго имени домъ хозяина открытъ для всякаго гостя безразлично, какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго, какъ для брата, такъ и для чужеземца. Сердце *сечарей* открыто для Бога и людей. „Слава“ укрѣпляетъ серба въ Правосл. вѣрѣ, утверждаетъ его въ благочестіи; располагаетъ его къ сооруженію и украшенію храмовъ Божіихъ, во славу Бога и св. Его угодниковъ, ходатаевъ и молитвенниковъ предъ Богомъ, усиливаетъ въ немъ чувство братолюбія и готовности къ благотворенію.

Не меньшее значеніе этотъ праздникъ имѣеть для сербской народности. Онъ служитъ существенною принадлежностью только сербской народной жизни, такъ что можно заключать: гдѣ есть слава, тамъ есть и сербъ. Самая большая слава есть день св. Николая, день св. Іоанна Предтечи, д. св. великом. Георгія, д. св. Архангела и нѣк. др. Дни эти никогда Сербами не измѣняются, но переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поэтому всѣ тѣ племена Сербскія, которыя празднуютъ одному святому, рассматриваются какъ одинъ родъ и родственники, и имѣють общее названіе по имени святого: „Архангеловцы“ („Арханджеловиштаци“), Николаевцы („Николаевштаци“), Георгіевцы („Джурджевиштаци“) и т. д.

Этотъ сербскій родовой праздникъ оказываетъ сильное вліяніе и на сохраненіе сербской народности, п. ч. сербъ подъ гнетомъ иноземцевъ можетъ потерять свой языкъ и обычаи, но никогда не потеряетъ своей прекрасной „славы“, которая и всегда его будетъ хранить отъ забвенія своей народности, такъ какъ, по народной пѣснѣ, „ко славу подиже, нѣму Богъ и слава помаже“ („кто будетъ хранить свой родовой праздникъ, тому Богъ и сей праздникъ, или вѣриѣ св. патронъ поможетъ“). Эта слава ему, дѣйствительно, и помогала въ трудныхъ и скорбныхъ обстоятельствахъ жизни; ея силу онъ многократно испыталъ на протяженіи десяти вѣковъ слишкомъ своего существованія послѣ своего окончательнаго просвѣщенія „Правосл. вѣрою“, и свою вѣру въ помощь „славы“ онъ выразилъ во многихъ пѣсняхъ въ честь крестнаго своего имени. Особенно ясно выражена вѣра въ защитника своего и его чудотворную помощь тѣмъ, которые прославляютъ и обращаются къ нему во дни „славы“ съ вѣрою и любовію, въ народной сербской пѣснѣ: „Ко крсно име слави оном и помаже“. Изъ нея лучше всего видно, какъ дорога сербу слава крестнаго имени и какая глубокая вѣра въ силу ея. Вотъ ея содержаніе. Пѣсня сначала въ поэтической формѣ сообщаетъ о жалобномъ воплѣ одного несчастнаго узника воеводы Тодора. Заключенъ онъ въ бѣломъ градѣ

Соколѣ, въ темницѣ Петра Маркоича (должно полагать одного изъ старыхъ феодаловъ сербскихъ). Горько сѣтуетъ онъ рано въ недѣлю до восхода солнца яснаго на свою судьбу несчастную. Сидитъ онъ теперь въ тяжелой неволѣ. Завтра у него крсно име свето, крсно име, св. Георгій (свети Джеорджије), а нечѣмъ ему святого праздновать (прославити). Вотъ онъ умоляетъ привратника молодого: „Ради Бога, брате, молодой привратниче! Отвори мнѣ врата темничныя,—я пойду къ Петру Маркоичу, попрошу его, чтобы онъ отпустилъ меня за поручительствомъ самого Бога, пойти къ торговцамъ на базаръ, попросить хлѣба и вина и накормить узниковъ въ темницѣ ради Бога и крстнаго имени. Привратникъ ради Бога согласился, отпустилъ воеводу Тодора, пустилъ его къ Петру Маркоичу; дозволилъ ему и Петръ Маркоичъ за поручительствомъ Самого Бога. Пошелъ, затѣмъ, Тодоръ на базаръ къ торговцамъ; у Тодора ничего нѣтъ, кромѣ ножа позолоченнаго. Вынулъ онъ ножъ предъ купцами, тѣ стали цѣнить его: одинъ даетъ ему два дуката, другой даетъ три дуката, третій знаетъ Бога и душу, далъ ему четыре дуката. За одинъ дукатъ взялъ онъ хлѣба бѣлаго, за другой—вина и ракіи, за третій дукатъ—всякихъ яствъ и питій, а также ярко горящихъ свѣчей, а четвертый дукатъ оставилъ, чтобы раздать узникамъ въ темницѣ ради Бога и крстнаго имени. Вотъ зажегъ Тодоръ свѣчу и спустился внизъ въ темницу и поставилъ узникамъ вечерю; вечеряють, пьютъ вино холодное, хорошо воспоминаютъ славу Божию. Всталъ Тодоръ и говоритъ тостъ въ честь славы: „О радость, милая слава Божія! Св. Георгіе, крстно имя мое! Освободи меня изъ темницы провлятой“. Въ то время, какъ Тодоръ говорилъ тостъ въ честь славы, прибылъ къ темницѣ витязь (юнак) и зоветъ къ себѣ воеводу-узника: „Послушай, братъ, воевода Тодоре. Выйди ко мнѣ изъ темницы, скажу тебѣ два—три слова“.— „Если-бъ ты, незнакомецъ—витязь“, отвѣчаетъ ему воевода. „освободилъ меня отсюда, то я съ радостію выпелъ бы къ тебѣ; но это ужасное мѣсто съ сумерекъ затворено, и ключи

ко двору отнесены“. Но витязь говоритъ ему: „выйди ко мнѣ, воевода Тодоре, уже открыты двери“... Вотъ выходитъ воевода Тодоръ; предъ темницею—чудной красоты юнакъ, на молодецкомъ конѣ, на немъ чистая зеленая одежда (зелен скерлет), на головѣ его краснаго цвѣта шлемъ (самур-калпак), въ шлемѣ птичье—страусово крыло; тѣнь шлема покрываетъ коня и витязя, чтобы лице его не загорѣло отъ солнца. И говоритъ витязь: „Послушай, братъ, воевода Тодоре, уходи ты сейчасъ изъ темницы, но не иди по краю моря синяго, п. ч. тамъ частая стража у латыняпъ; боюсь, чтобы тебя не поймали, лучше иди чрезъ горы черныя, пока не придешь къ своему двору господскому“. Опомнился воевода Тодоръ, чтобы дать чашу вина чудному витязю, но вдругъ не стало ни коня, ни витязя! Спустился Тодоръ внизъ въ темницу и рассказываетъ объ этомъ узникамъ. Когда увидѣли тридцать узниковъ надъ темницею двери отворенными, то оставили и хлѣбъ и вино. Разошлись всякій въ свою сторону. Шелъ Тодоръ чрезъ горы черныя. Когда пришелъ онъ къ своему двору господскому, жена его крстно имя праздновала, созвала гостей, и родныхъ, и кумовой и пріятелей. Вотъ хозяйка крстно имя празднуетъ (служи), вотъ хозяйка говоритъ тостъ въ честь славы: „Помоги, Боже и св. Георгіе, Крстно име господина моего! Освободи его изъ темницы проклятой“! Въ это время вдругъ приходитъ Тодоръ къ дому своему, беретъ чашу отъ жены своей и пьетъ ее во славу Божию. Праздновалъ онъ крстно име свое, да въ своемъ домѣ бѣломъ, угощалъ гостей и сосѣдей (званице), и кумовой и всѣхъ пріятелей ¹⁾.

Сербы, вообще, дорожатъ своими обычаями, этимъ драгоценнымъ достояніемъ предковъ, а на первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ родовой праздникъ—слава, въ которомъ они выражаютъ свою увѣренность во всегдашней помощи Божіей и св. Его угодника.

И. Петрушевскій.

¹⁾ См. ст. Вука Кароджича „Крстно име“.

О необходимости пересмотра церковно-гражданских законоположений о совершении браков¹⁾.

8) По ст. 31 т. X, „законный брак между частными лицами совершается въ церкви въ личномъ присутствіи сочетающихся²⁾, во дни и время для сего положенные, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ... и во всемъ сообразно съ правилами Православной Церкви“. На основаніи 25 ст. т. X, „бракъ долженъ быть совершаемъ въ приходской церкви жениха, а гдѣ какъ принято—или церкви невѣсты“; а на основаніи Регламента гл. 11 о мужск. особ. п. 12 ст. 79 и указовъ Св. Синода 29 ноября 1731 г. (П. С. З., № 3169), „бракъ долженъ быть вѣнчанъ въ той приходской церкви, къ которой принадлежитъ хотя одинъ изъ брачующихся, за исключеніемъ лицъ разныхъ ипостранныхъ исповѣданій, которымъ указомъ 12 ноября 1792 г. (П. С. З., № 17333, XI) предоставлено вѣнчаться въ той церкви, въ которой они желаютъ“. Въ указѣ Св. Синода 5 августа 1775 г. (П. С. З., № 14356) сказано: „всѣмъ и каждому, какого бы кто званія и состоянія ни былъ, какъ по городамъ, такъ и въ селахъ, въ другой какой церкви, кромѣ той самой, въ которой женихъ или невѣста въ приходѣ жительство имѣютъ, отнюдь не вѣнчать“. Въ настоящее же время какъ въ столицахъ такъ и во всѣхъ большихъ городахъ очень часто вѣнчаютъ въ церквахъ, состоящихъ при казенныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, которыя (церкви) не имѣютъ ни обыскной книги, ни второй части метрической книги. Слѣдовательно, законъ существуетъ только на бумагѣ, а можетъ

¹⁾ См. № 8 за 1901 г.

²⁾ Въ Харьковѣ былъ случай, что вмѣсто спавшаго пьянаго жениха обвинчанъ былъ подставленный сторонній человекъ. Вѣнчавшій священникъ не замѣтилъ этого подлога, а свидѣтели и присутствовавшіе въ церкви не заявили.

же случиться, что за неисполненіе его будутъ судить, кого слѣдуетъ.—Но что же дѣлать тѣмъ причтамъ, въ приходѣ которыхъ въ услуженіи на фабрикахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ магазинахъ, у домохозяевъ и т. п. проживаетъ много обоего пола лицъ, родомъ изъ разныхъ, часто изъ самыхъ отдаленныхъ, губерній, когда такія лица, представляя свои паспорта, просятъ обвѣнчать ихъ, предбрачнаго же свидѣтельства, за отдаленностью отъ родины, не могутъ представить, а если иногда и просятъ выслать имъ таковое, то всегда получаютъ отвѣтъ, что, за выбытіемъ ихъ изъ прихода назадъ тому около пяти или десяти лѣтъ, они исключены изъ исповѣдныхъ росписей,—и причты, опасаясь, что отказомъ своимъ въ повѣнчаніи дадутъ поводъ этимъ лицамъ вступить въ такъ называемый „гражданскій бракъ“ или перейти въ штунду, вѣнчаютъ? А между тѣмъ, въ § 18 Инструк. благоч. запрещается священнику вѣнчать чужеприходныхъ, если бракъ можетъ совершить свой причтъ. „Священниковъ изъ чужого прихода или епархіи къ вѣнчанію не употреблять“, сказано въ указѣ 5 августа 1775 г. п. 1.

Временемъ для вѣнчанія, по смыслу § 19 Благоч. Инструк., полагается вообще время не позднее, такъ какъ брачующіе должны, по Кормчей книгѣ, не ѣвши и не пивши передъ вѣнчаніемъ исповѣдываться и причащаться, или, по крайней мѣрѣ, не ѣвши и не пивши днемъ, а не поздно вечеромъ (Прот. Св. Синода 3 дек. 1742 г. № 28)¹⁾. Да не дерзнетъ іерей никакоже вѣнчать по обѣдѣ, ниже вечеръ, но порану ничто же ядшихъ, ниже пившихъ абіе по Божественной литургіи“, сказано въ Кормчей Книгѣ (гл. 50, ч. 1). Это правило въ наше время исполняется только въ селахъ, въ столичныхъ же и большихъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ бракосочетаніе совершается всегда по совершенномъ захожденіи солнца, въ восемь и девять часовъ. Слѣдовательно, и

¹⁾ См. книгу Нечаева: „Практическое руководство для священнослужителей“, изд. 1892 г.

это постановление Церкви не исполняется,—а за неисполнение его могут отвѣчать священники ¹⁾).

Въ заключеніе скажемъ то же, что сказали и въ началѣ. Въ наше время, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ и, вообще, при измѣненіи всей общественной жизни, пора пересмотрѣть устарѣлыя церковно-гражданскія узаконенія, которыя излишне стѣсняютъ желающихъ вступить въ бракъ, возбуждаютъ между ними и духовенствомъ недовѣріе, несогласіе, а иногда даже вражду, а священно-церковно-служителей нерѣдко безвинно судятъ и подвергаютъ строгому наказанію. Лучше всего было бы составленіе обысковъ передать какому-либо свѣтскому правительственному учрежденію или лицу ²⁾, оставивъ за духовенствомъ только самое совершеніе таинства брака въ церкви и запись его въ метрическую книгу; или, по крайней мѣрѣ, не подвергать причты суду и наказаніямъ за совершеніе незаконныхъ и недѣйствительныхъ браковъ, которые совершены съ соблюденіемъ должныхъ предо-

¹⁾ Въ 1828 году Харьковская дух. консисторія, за повѣнчаніе въ семь часовъ вечера, оштрафовала ректора Харьковского коллегіума, настоятеля собора, протоіерея Андрея Прокоповича 25 р. Св. Синодъ, оправдавши Прокоповича, отмѣнилъ этотъ штрафъ (ук. Св. Снн. 29 іюня 1828 г., № 1169). То же можетъ случиться и со всякимъ другимъ священникомъ.

²⁾ Въѣдъ согласно Высочайше утвержденному 11 мая 1891 года положенію Комитета Министровъ, бракъ лица римско-католическаго исповѣданія съ лицомъ православнаго исповѣданія можетъ быть оглашенъ въ одной только православной церкви; но чтобы лицо католическаго исповѣданія, вступающее въ бракъ съ православнымъ, представило причтѣ православной церкви, имѣющему совершать бракъ, взаимныя предбрачныя свидѣтельства, удостовѣреніе мѣстной полиціи о вѣдѣрномъ его состояніи и правоспособности ко вступленію въ бракъ. Чины полиціи при выдачѣ такихъ удостовѣреній руководствуются метрическими свидѣтельствами о рожденіи такихъ лицъ, паспортами, легитимационными книжками и другими видами на жительство, а при доказанной невозможности представить таковыя и показаніемъ не менѣ какъ двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Объ исполненіи этого чинами полиціи, сообщено г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно губернаторамъ отъ 28 сентября 1893 г. за № 5728.

сторожностей, за исключеніемъ приложенія къ обыску предбрачнаго свидѣтельства, котораго ни женихъ, ни невѣста не имѣли никакой возможности достать и представить. Въ формѣ обыска, приложенной къ 26 ст. т. X, въ пунктѣ 10-мъ сказано: „что все показанное здѣсь о женихѣ и невѣстѣ справедливо, въ томъ *удостоверяютъ* (а не *удостоверяемъ*)¹⁾ своею подписью какъ они сами, и по каждомъ три или два поручителя, съ тѣмъ, что если что окажется ложнымъ, то подписавшіеся повинны въ томъ суду по правиламъ церковнымъ и по законамъ гражданскимъ“. Вотъ этихъ-то лицъ, подписавшихся подъ обыскомъ, если откроется, что бракъ совершенъ незаконно, и должно подвергать ответственности на основаніи 1553 и 1556 ст. Улож. о наказ. т. XV изд. 1885 г., а священно-церковно-служители должны только въ тѣхъ случаяхъ подвергаться суду и наказаніямъ, если завѣдомо участвовали въ совершеніи незаконнаго или недѣйствительнаго брака и даже способствовали ему. Слѣдовало бы самому духовенству всѣхъ епархій всесторонне разсмотрѣть жгучій вопросъ о бракахъ на общенархіальныхъ съѣздахъ и просить своихъ благопопечительныхъ архипастырей ходатайствовать, передъ кѣмъ слѣдуетъ, о пересмотрѣ церковно-гражданскихъ узаконеній о бракахъ и объ освобожденіи духовенства отъ производства обысковъ, или, главное, отъ строгости безвинныхъ наказаній за совершеніе бракосочетаній.

Ф О Р М А

обыскной предбрачной присяги, которая должна записываться въ обыскную книгу²⁾).

Азъ нижепоименованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ, что желающій сочетаться нынѣ бракомъ сынъ мой, или дочь моя (а другіе

¹⁾ Священно-церковнослужители только *производятъ* обыскъ.

²⁾ Форма эта заимствована нами изъ брошюры, изданной по указу Кіевской дух. консисторіи 31 декабря.

сторонніе поручители говорятъ сынъ, или дочь такого-то), или внукъ, или племянникъ въ сыновномъ лицѣ, при мнѣ (при немъ) обрѣтающіеся, такой-то (означивъ чинъ и мѣсто служенія его и прозваніе, ежели онъ изъ такого состоянія), будучи нынѣ холостъ (или вдовъ по первой женѣ, такой-то, тогда-то умершей, тамъ-то и такимъ-то священникомъ погребенной) приѣмлетъ въ жену себѣ дѣвицу такую-то, такого-то дочь (или вдову, бывшую за такимъ-то въ первомъ замужествѣ и тогда-то умершимъ, и тамъ-то, такимъ-то священникомъ погребеннымъ) съ вѣдома и позволенія моего (родителей), имѣя собственное свое доброе и непринужденное согласіе и крѣпкую на то мысль, усердное желаніе и непревратное намѣреніе, я честно по достоянію тайны сія, въ супружество съ нею совокупиться хочеть, и что они не пришельцы какіе-либо или стороннія лица, но оба суть единого такого-то прихода и сродства между оными духовнаго или плотскаго, и присвоенія, до супружества не допускающаго, и иного никакого правильнаго препятствія, супружеству возбраняющаго, не обрѣтается, и отъ меня (и отъ родителей и сродниковъ) оному сочетававшемуся (или оной выходящей въ замужество) ни единого къ тому съ оною персоною супружеству принужденія никакимъ образомъ напредъ сего не происходило и нынѣ нѣтъ, и лѣтъ оба тѣ вступающіе въ бракъ лица совершенныхъ и сверсныхъ: ибо жениху отъ роду N, а неvěсть N. И сіе клятвенное изъявленіе заключаю тако: ежели хотя едино что отъ выше реченнаго явится когда неистинно, повиненъ я за то церковному и политическому истязанію. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего и подписуюсь.

Подписаться должно тако:

Къ сему клятвенному обѣщанію отецъ или дѣдъ, или дядя, въ родительскомъ лицѣ, вступающаго въ бракъ такого-то (такой-то) руку приложилъ.

Такожде и мать, бабка или тетка того-же самаго тако-го-то (такая-то) руку приложила.

А такимъ-же образомъ, подписываются и родители, или родственники въ лицѣ ихъ, невѣсты.

Къ сему клятвенному обѣщанію поручители:

Со стороны жениха тако-го-то, такой-то (означивъ мѣсто служенія, чинъ, имя и прозваніе) руку приложить.

Со стороны невѣсты такой-то (означивъ также мѣсто служенія, чинъ, имя и прозваніе) руку приложить.

Поручителей-же съ каждой стороны должно быть по два или до три чело-вѣка, такъ какъ, по Господню гласу, при двою или тріехъ свидѣтеляхъ станеть всякъ глаголь.

Примѣчаніе: если кто изъ нихъ неграмотенъ, то должно тутъ-же кому-нибудь другому постороннему (только не изъ причта) расписаться за неграмотнаго.

А безъ точнаго соблюденія всего слѣдуемаго по сей формѣ и предписанія, при коемъ она прилагается, священно и церковно-служители приступать къ вѣнчанію брака,—не взирая ни на какое лицо, и ни на какія словесныя увѣренія, подъ какимъ-бы то благовиднымъ предлогомъ они ни были,—отнюдь да не дерзають.

Протоіерей *Іоаннъ Чижевскій*.

ЗАМѢТКА.

Забытыя сокровища. Подъ такимъ заглавіемъ въ Сяѣб. Еп. Вѣд. помѣщена статья, заслуживающая особеннаго вниманія какъ духовенства, такъ и всѣхъ любителей душе-спасительнаго чтенія. Авторъ обращаетъ вниманіе любителей духовно-правственнаго чтенія на *древне-учительныя Сборники*, выдержки изъ которыхъ помѣщаются въ приложеніи къ журналу „Странникъ“ подъ названіемъ „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“, именно изъ Пролога, Златоуста и др. За что и для чего забыты эти Сборники, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось то прочное, зиж-

дущееся на религіи, міровоззѣніе русскаго человѣка, которымъ онъ отличался всегда и которое характеризуетъ его и по нынѣ. Представленные въ своей первоначальной христіанской чистотѣ, эти чтенія изъ Пролога имѣли бы громадное нравственно-воспитательное воздѣйствіе на народъ именно тѣмъ воодушевленіемъ, которое всегда отличало рѣчи древнихъ отцовъ и учителей нашей Церкви.

Чтенія изъ Пролога и другихъ древнѣйшихъ Сборниковъ этого рода удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ правильно составленной и вполне результатной проповѣди. Отличительной чертой всѣхъ этихъ чтеній служитъ крайняя простота ихъ рѣчи; главное предложеніе составляетъ наиболѣе частую форму выраженія мысли; придаточныхъ предложеній, придающихъ слогу періодическую форму, очень мало; при томъ всѣ они изложены замѣчательно понятно и просто. Съ внутренней своей стороны, со стороны содержанія, древнія поученія очень элементарны и по убѣдительности своей положительно изумительны (на нихъ похожи отчасти наши Троицкіе Листья, напр. „О еже не осуждати“ „Златоустъ“, Слово преп. Анастасія). Кромѣ краснорѣчія, столь присущаго древнимъ образцамъ изъ Пролога, они отличаются особенно эрудиціей по знанію Св. Писанія и Св. Отецъ, причемъ приводятся примѣры изъ жизни святыхъ разныхъ временъ и народовъ,—съ глубочайшею вѣрою въ то великое дѣло, которое дѣлали проповѣдники.—Дай Богъ, чтобы эти *сокровища*, которыя справедливо авторъ называлъ *забытыми*, поскорѣе перестали быть забытыми и попали въ руки каждаго іерея Божія: это—такіе добрые друзья, которые готовы дать намъ помощь и добрый совѣтъ каждый часъ, каждую минуту во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни. (Ниж. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 19 февраля 1901 г.

Цензоръ, экстр.-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

ПРОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, марта 4-го.

Содержаніе: Грѣхъ осужденія ближнихъ.—Уроки Богослуженія четвертой недѣли св. Четырдесятницы.—Уроки пятой недѣли св. Четырдесятницы.—Религіозные обычаи у Сербовъ и ихъ значеніе въ народной сербской жизни.—Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

ГРѢХЪ ОСУЖДЕНІЯ БЛИЖНИХЪ.

Многотруденъ и многоскорбенъ былъ путь земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Всю жизнь прискорбна была душа Его, но эти скорби душевныя съ особенною силою объяли Его естество человѣческое въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ, гдѣ Онъ, надал „съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами“ (Евр. 5, 7) лицомъ на землю, молился, да аще возможно мимоидеть отъ Него чаша страданій (Мѡ. 26, 39), гдѣ потъ кровавый падалъ съ пречистаго лица Его. Вслѣдъ затѣмъ начался для Него рядъ страданій, безъ перерыва слѣдовавшихъ одно за другимъ: предательство „единого отъ обюнадесяте“—Иуды Искаріотскаго, узы, судъ, и, наконецъ, несправедное осужденіе на смерть—и на какую смерть?—мучитель-

ную, позорную, крестную, „посредѣ двою разбойнику“. Единородный Сынъ Божій, сіяніе славы и образъ Упостаси Вседержителя, Іисусъ сладчайшій, утѣшеніе рода человѣческаго,—сей Іисусъ, отверженный міромъ, осмѣянный, поруганный, презрѣнный, предается на муки крестныя. Господь славы, имѣющій славу у Отца „прежде міръ не бысть“ (Іоан. 17, 5), носящій всяческая глаголомъ силы своея (Евр. 1. 3), выставляется неблагодарнымъ Іерусалимомъ предъ небомъ и землею на древѣ крестномъ, какъ человѣкъ, на которомъ лежитъ страшное наказаніе (Ис. 53, 5), какъ жертва грѣха ужаснаго (2 Кор. 5, 21). Божественный Наставникъ мудрости, на то родившійся и на то пришедшій въ міръ, да свидѣтельствуесть истину, величайшій Другъ и Благодѣтель человѣчества, проходившій грады и веси и всюду оставлявшій слѣды своей благодати, величайшій Праведникъ и Подвижникъ въ добродѣтели, считавшій для Себя истиннымъ брашномъ—творить волю Отца Своего Небснаго,—не имѣеть ни вида, ни доброты, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ (Ис. 53, 2—3) и весь изъязвленный, окровавленный виситъ на позорномъ крестѣ.

Казалось, теперь должны были-бы кончиться всѣ преслѣдованія Господа; казалось, самые лютые враги должны были бы успокоиться, взирая на тѣ великія страданія и вмѣстѣ на ту безмѣрную кротость и любовь ко всѣмъ, съ какими умиралъ на крестѣ Невинный Божественный Страдалецъ. Но не то было на самомъ дѣлѣ. Слухъ сладчайшаго Спасителя и Бога нашего и въ тяжкія предсмертныя минуты не перестаетъ терзаться осужденіями и поношеніями неблагодарнаго народа. „Уа, разоряяй церковь и трети денми созидай—вопіяли, покиваяюще главами своими, преслѣдователи Господа—спасися самъ и сниди со креста... Ины спасе—говорили съ насмѣшкою другіе—себе ли не можетъ спасти“ (Марк. 15, 29—31).

Не будемъ слишкомъ удивляться злобѣ распинателей Господа, и на крестѣ не оставившихъ въ покоѣ величайшаго

изъ праведниковъ своимъ осужденіемъ. То, что дѣлали съ Господомъ ослѣпленные іудеи, не познавшіе своего Творца и Спасителя, ежедневно, можно сказать, дѣлаемъ и мы въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ. Явная и тайная гордость, съ какою мы небрежно относимся къ подобнымъ себѣ и не терпимъ высшихъ себя, постоянная зависть къ малѣйшему совершенству ближнихъ, особенно когда его нѣтъ въ насъ самихъ, нѣкое злорадство по поводу огорченій и неудачъ не только совершенно чуждыхъ намъ людей, но и самыхъ близкихъ и друзей нашихъ,—развѣ все это не обычное явленіе въ жизни нашей? Взамѣнъ чистой и возвышенной любви христіанской, которую во всей полнотѣ открыла намъ Божественная Премудрость въ Голгоѣскихъ страданіяхъ Сына Божія, и которая—по Апостолу—всегда *„допотерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ. вся любитъ, всему вѣру еметъ, вся уповаеетъ, вся терпитъ“* (1 Кор. 13, 4—7), замѣнъ этой любви, мы всюду вокругъ себя ощущаемъ бурное дыханіе ненависти и злобы. Злобы и ненависти исполнено и собственное сердце наше. Не загораются ли взоры наши яростію и завистію всякій разъ, какъ только видимъ, что кто-либо изъ ближнихъ нашихъ возвышается надъ нами своими достоинствами? Не стараемся-ли мы тогда всѣми силами обнести этого ближняго своего, омрачить честь его, унижить его въ глазахъ всѣхъ, и злой и вредоносный языкъ нашъ не становится-ли тогда въ собственномъ смыслѣ скоплицемъ неправды, огнемъ геенскимъ, воспламеняющимъ кругъ жизни своей и брата своего? И достойно замѣчанія, что въ этомъ отношеніи и самые близорукіе умы бываютъ весьма дальнорукі, смѣтливы и сообразительны, и самые недѣятельные люди проявляютъ поразительную неутомимость въ изслѣдованіи чужихъ дѣлъ и намѣреній. Въ какомъ бы несчастіи находился ближній нашъ, какія бы тяжкія скорби ни переживалъ онъ, но, если онъ дѣйствовалъ вопреки нашимъ

желаніямъ, если своею добродѣтелию онъ осуждалъ нашу порочную жизнь, мы не оставляемъ его своимъ осужденіемъ и среди самыхъ страданій его. Судить и осуждать жизнь и дѣла ближняго сдѣлалось какъ бы нашею второю природою, и многіе изъ насъ не считаютъ это даже и за грѣхъ.

А между тѣмъ для всякаго благочестиваго мыслителя должно быть ясно, какъ предосудительно и грѣшно судить и осуждать ближнихъ своихъ. Вѣдь никто изъ насъ не можетъ сказать о себѣ, что онъ въ совершенствѣ знаетъ пороки ближняго своего. Въ большинствѣ случаевъ мы судимъ о людяхъ и ихъ дѣйствіяхъ лишь по слуху, чрезъ другихъ людей. Но кому неизвѣстно, что такое молва людская? Кто не знаетъ, на что способны бываютъ злоба и ненависть враговъ? Тутъ часто самая пустая догадка о поступкѣ ближняго выдается за несомнѣнную истину, тутъ нерѣдко самая добродѣтель обращается въ порокъ. Исторія земной жизни Господа Спасителя полна разительныхъ тому примѣровъ. Припомнимъ какіе слухи о Немъ, святѣйшемъ изъ людей, распространяли въ народѣ враги Его, исполненные злобы и зависти къ Нему. Онъ проходитъ города и веси и свидѣтельствуетъ истину, а они ученіе Его почитаютъ богохульнымъ (Мѡ. 9, 3); Онъ божественною силою своею творитъ чудеса—изгоняетъ бѣсовъ, слѣпымъ подаетъ зрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ хожденіе, мертвымъ жизнь,—а о Немъ говорили, что таковыя знаменія Онъ совершаетъ токмо о вельзевулѣ князѣ бѣсовствѣмъ (Мѡ. 12, 24); Онъ чудотворитъ и благодворитъ въ субботу, а враги возглаголюють: *нѣсть сей человекъ отъ Бога, яко не хранитъ субботу* (Іоан. 9, 16); Онъ обращаетъ заблудшихъ и прилетъ кающихся, а враги называютъ Его за это другомъ митарей и грѣшниковъ (Мѡ. 11, 19). А св. апостолы и всѣ вообще истинные проповѣдники и исповѣдники Христа? Сколько хуленій, оскорбленій, притѣсненій претерпѣвали они отъ злобы и ненависти людей міра сего за истину Евангельскую, за то же дѣло, за которое преслѣдовали всю жизнь и, наконецъ, предали крестной смерти и Самого Господа Спасителя

„Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вѣмнихомся якоже овцы заколенія“ — исповѣдуетъ великій апостоль языкъ (Римл. 8, 36).

Даже и въ томъ случаѣ, если бы мы сами видѣли и хорошо знали жизнь и дѣла ближняго своего, мы далеко не виѣ возможности погрѣшать въ своихъ сужденіяхъ о немъ. Вѣдь то, что внутри человѣка, знаетъ *точію духъ человѣка живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11). Человѣческое сердце—это исходище живота, этотъ источникъ, откуда съ одной стороны пронстекають „*помышленія злая, убійства, татбы, лжесвидѣтельства, хулы* и вообще все сквернящее человѣка (Мѣ. 15, 19), а съ другой исходитъ и все возвышенное, прекрасное, высоконравственное,—недоступно непосредственному наблюденію нашему: мы видимъ только виѣшнюю жизнь, виѣшнія дѣйствія ближняго нашего, а по виѣшной жизни всегда ли мы можемъ безошибочно и вѣрно судить и о внутреннемъ состояніи души его? И кто знаетъ: можетъ быть, тотъ, котораго мы считаемъ въ этой жизни самымъ порочнымъ и погибшимъ человѣкомъ, отъ котораго съ презрѣніемъ отворачиваемся, будетъ гораздо выше насъ въ отечествѣ небесномъ, гдѣ послѣдніе могутъ оказаться первыми и первые послѣдними (Мѣ. 20, 16)? Кто знаетъ, можетъ быть, въ то самое время, когда мы смотримъ съ отвращеніемъ на великаго грѣшника, онъ въ эти минуты въ тайнѣ своего сердца глубоко въздыхаетъ и проливаетъ горячія слезы раскаянія и умиленія предъ своимъ Создателемъ, и милосердый Господь, предъ Которымъ не бываетъ забыта ни одна капля слезная, Которому извѣстны всѣ наши вздохи и Который съ любовію взираетъ и на самыя наши добрыя намѣренія, невидимо прощаетъ ему его согрѣшенія и даруетъ ему Свою всеильную благодать, чтобы, при ея помощи, извлечь его изъ бездны порока и поставить на путь Христовъ, на спасительную стезю къ жизни вѣчной? Вспомнимъ дивную повѣсть о преподобной Маріи Египетской. Жизнь преподобной Маріи, до времени ея обращенія на путь спасенія, представляла собою

поразительный примѣръ полчаго рабства грѣху, примѣръ всецѣлаго подчиненія владычеству надъ грѣшникомъ исконнаго врага человѣческаго спасенія. И однако чтоже? Тотъ, Кто оставляетъ девяносто девять овецъ и ищетъ одной заблудшей (Мѡ. 18, 12), Кто не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему (Иезек. 33, 11), дивными и непостижимыми путями Своей премудрости и благодати извлекаетъ несчастную грѣшницу изъ бездны паденія, пробуждаетъ въ ней святое чувство покаянія, осіаваетъ мрачную душу ея свѣтомъ Своей благодати—и прежняя жена-грѣшница достигаетъ высшей ступени чистоты и святости. Сколько и другихъ великихъ грѣшниковъ посредствомъ покаянія содѣлались людьми святыми! Быть можетъ, и осуждаемые нами давно уже сбросили съ себя всѣ узы грѣха, давно начали покаяніе и оправданы Божественною благодатию, а мы продолжаемъ преслѣдовать ихъ злорѣчіемъ и клеветать на нихъ, оправданныхъ самимъ Господомъ.

Предположимъ, что ближніе наши дѣйствительно имѣютъ какіе нибудь нравственные недостатки: должны-ли мы и въ такомъ случаѣ презирать и осуждать ихъ? Есть у нихъ свой судія, правда и любовь Божія. Стоять-ли они? Своему Господу стоятъ. Нападаютъ-ли? Своему Господу падаютъ, и Онъ всегда спленъ возставитъ ихъ. *„Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ глаголетъ Господь“* (Римл. 12, 19). *„Никтоже бо насъ себѣ живеть, и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь. На сіе бо Христосъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ. Ты же почто осуждаеши брата твоего, или ты что уничижаеши брата твоего, вси бо предстанемъ судиши Христову. Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣстася Богови. Тѣмъже убо кіиждо насъ о себѣ слово дастъ Богу. Не тому убо другъ друга осуждаемъ: но сіе наче судите еже не полагати претыканія брату, или соблазна“* (Римл.

14, 7—14). Правда, творить судъ и нѣкоторые люди, но они получаютъ на это право отъ Самого Бога и притомъ служатъ только орудіемъ исполненія Его судовъ. Такъ, для устроения земного благополучія людей, Господь поставляетъ блюстителей общественнаго порядка, а для руководства къ небесному отечеству—духовныхъ пастырей и учителей, облакая ихъ властію вязать и рѣзать грѣхи. Но мы какое имѣемъ право судить и осуждать ближнихъ нашихъ?

Не нужно, наконецъ, забывать намъ и того, что и сами мы, всегда готовые на осужденіе ближняго своего, подвержены слабостямъ, свойственнымъ поврежденной природѣ человѣческой. Кто можетъ сказать о себѣ, что онъ непороченъ и святъ? Никто, хотя бы и одинъ день житія его былъ на земли. Нѣкогда фарисеи и книжники, не разъ обращавшіеся къ Небесному Наставнику мудрости съ разными хитрыми совопросничествами въ цѣляхъ уронить авторитетъ Его предъ народомъ и показать предъ всѣми силу своего ума и знанія, привели къ Господу Иисусу *„жену въ прелюбодѣянїи яту и, поставивше ю посредь, глаголаша Ему: учителю, сія жена ята есть нынѣ въ прелюбодѣянїи. Въ законъ же намъ Моисей повелъ таковыя каменїемъ побивати: ты же что глаголеши?..* И что же отвѣтилъ имъ Учитель благодати? *„Иже есть безъ грѣха въ васъ, прежде верзи камень на ню“.* И ревнители закона, услышавъ это, *совѣстію обличаемы, исхождаху единъ по единому...* (Іоан. 8, 3—9). Истинно и неподлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣтъ человѣка безъ грѣха: всѣ мы въ большей или меньшей мѣрѣ заражены этою духовною болѣзнію, такъ-что *„аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ“* (1 Іоан. 1, 8). Какъ же послѣ этого намъ судить и осуждать за грѣхи ближнихъ нашихъ? Достаточно съ насъ и нашихъ собственныхъ грѣховъ, которые еще не осмотрѣны, не исчислены нами, остаются безъ уврачеванія и со дня на день дѣлаются глубже и неисцѣльнѣе. Да, свои собственныя прегрѣшенія—вотъ на что мы

должны взирать всегда, взирать и употреблять всё средства не впадать въ новые грѣхи, въ новую пагубу.

Итакъ, представляя себѣ, какъ ошибочны бываютъ иногда наши наблюденія надъ жизнью и дѣлами ближнихъ нашихъ, мы должны соблюдать великую осторожность въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, чтобы въ противномъ случаѣ не уподобиться намъ врагамъ-распинателямъ Господа, которые не удержались отъ осужденія Его и тогда, когда злоба ихъ нашла для себя полное удовлетвореніе,—мы должны глубоко проникнуться и всецѣло исполниться зановѣданнымъ намъ со креста чувствомъ любви, прощенія и молиться за всѣхъ, даже враговъ нашихъ,—мы должны, оставивши фарисейскую гордость, всею душою послѣдовать примѣру нашего Господа Спасителя, Который, будучи Самъ святъ, никогда не презиралъ грѣшниковъ и, вися на крестѣ, не осуждалъ даже самыхъ нераскаянныхъ злодѣевъ—своихъ распинателей, а еще молился за нихъ, говоря: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдять бо что творятъ“* (Лук. 23, 34). Пусть правиломъ нашей жизни будутъ слѣдующія наставленія великаго апостола: *„Тѣмже отложите лжу, глаголите истину кѣждо ко искреннему своему: зане есмь другъ другу удове. Гнѣвайтесь и не сокрушайте... ниже дадите мѣста діаволу... Всяко слово гнию да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слушающимъ... Всяка горестъ, и гнѣвъ, и яростъ, и кльчъ, и хула, да возмется отъ васъ, со всякою злобою: бывайте же другъ ко другу блази милосерди, прощающе другъ друга, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ“* (Еф. 4, 25—26, 29, 31—32).

Преп. В. С—кій.

Уроки Богослуженія четвертой недѣли св. Четыредесятницы.

Съ четвертой недѣли начинается вторая половина св. Четыредесятницы. Не переставая руководить прав. христіанъ въ подвигахъ поста и покаянія, св. Церковь съ этой недѣли укрѣпляетъ ихъ въ подвигѣ, главнымъ образомъ, высокими примѣрами подвижничества. Предложивъ въ третью недѣлю поста для нашего утѣшенія и назиданія св. крестъ, она въ теченіе всей слѣдующей—четвертой, или, такъ называемой, крестопоклонной недѣли воспѣваетъ побѣдныя пѣсни во славу креста Христова, который есть „человѣковъ оружіе непобѣдимое и христіанскаго спасенія пристанище“. Въ то же время въ воскресенье четвертой седмицы Церковь указываетъ намъ на препод. Іоанна Лѣствичника, какъ на живой примѣръ того, какъ надо воплощать въ себѣ этотъ крестъ и сдѣлать его лѣстницею для восхожденія къ Богу ¹⁾). Будучи, какъ и мы, немощенъ плотию, св. Іоаннъ совершилъ въ своей жизни изумительные подвиги самоотверженія и духовнаго преусиженія въ добродѣтели, такъ что „постомъ, бдѣніемъ и молитвами“ содѣялся и „въ тѣлеси“, яко „ангелъ“, и „восприемши крестъ свой, Всевидцу послѣдовалъ“ ²⁾).

Ободряя постящихся примѣромъ преп. Іоанна, Церковь предлагаетъ имъ новое утѣшеніе въ апостольскомъ и евангельскомъ чтеніяхъ. Въ первомъ она внушаетъ, чтобы мы не ослабѣвали въ подражаніи праведникамъ и имѣли твердое упованіе на полученіе во Христѣ благословенія, доставляющаго царство небесное; такъ какъ основаніе этого упованія, учитъ апостоль, есть обѣтованіе Божіе, подтвержденное клятвою. Евангеліе же говоритъ объ исцѣленіи Спасителемъ глухонѣмого отрока и предлагаетъ для ободренія постящихся на-

¹⁾ Пройдя крестный путь въ своей жизни, пр. Іоаннъ описалъ и для насъ этотъ путь въ Лѣствицѣ, именемъ которой и самъ называется.

²⁾ См. тропарь святаго, стихиры на Господи возвахъ.

ставленіе о томъ, что и духъ злобы изгоняется изъ челоуѣка
только молитвою и постомъ.

Уроки Богослуженія пятой недѣли св. Четыредесятницы.

Въ Богослуженіи пятой недѣли св. Четыредесятницы Церковь, съ одной стороны, напоминаетъ о томъ, что мы впади въ грѣхи, которые такъ же опасны для души, какъ разбойники для тѣла ¹⁾,—съ другой, утѣшаетъ и ободряетъ постящихся тѣмъ, что они перешли уже половину поста, и побуждаетъ, чтобы мы „преполовивше священный пощения путь, радостно текли къ будущему воскресенію“ ²⁾. „Понеже къ концу приближается св. Четыредесятница, читаемъ въ синаксарѣ, да не чловѣцы лѣниви бывше къ духовнымъ подвигамъ, небрежно забудутся“, Церковь, въ четвергъ пятой седмицы, снова возбуждаетъ духъ нашъ къ покаянію чтеніемъ великаго канона св. Андрея Критскаго. Въ канонѣ этомъ подобраны всѣ побужденія къ посту и покаянію,—и Церковь повторяетъ его теперь въ полномъ составѣ, чтобы вдохнуть въ насъ новыя силы къ успѣшному окончанію поста. Съ тою же цѣлью возбужденія силъ и вниманія кающихся, читается на утрени житіе св. Маріи Египетской, которое, по замѣчанію синаксаря, „умиленіе предлагаетъ безчисленное и прегрѣшившимъ утѣшеніе даетъ многое“. Примѣръ св. Маріи, бывшей блудницы, а потомъ покаяніемъ и плачемъ заслужившей помилованіе и достигшей высокой степени святости, убѣдительно всего даетъ твердую опору кающимся въ ихъ надеждахъ на всепрощающую безконечную благость Божию. Церковь смотритъ на этотъ день подвиговъ, какъ бы на духовное торжество, а потому ослабляетъ постъ и разрѣшаетъ совершать литургію, хотя и Преждеосвященныхъ Даровъ.

¹⁾ См. канонъ вторника.

²⁾ Стихиры на Господи возвахъ, вечеръ поведѣльника.

Той же цѣли—возбужденія усталыхъ силъ кающихся и укрѣпленія въ нихъ надежды на неизреченное милосердіе Божіе—служить и особенность субботняго Богослуженія пятой седмицы, на которомъ читается Акаѳистъ Божіей Матери или „Похвала Богородицы“. Это Богослуженіе, установленное въ Греціи въ благодарность небесной Заступницѣ рода христіанскаго за неоднократное избавленіе Ею Цареграда отъ враговъ, теперь совершается Церковью для большаго утвержденія кающихся въ надеждѣ на помощь небесной Заступницы, Которая, избавляя вѣрныхъ отъ враговъ видимыхъ, тѣмъ болѣе поможетъ имъ въ борьбѣ съ врагами невидимыми, могущими самую душу погубить.

Богослуженіе воскреснаго дня пятой недѣли посвящено воспоминанію и прославленію подвиговъ строго-христіанской жизни св. Маріи Египетской. Дивная жена эта, говоритъ одинъ писатель ¹⁾, изъ бездны порока внезапно переступившая въ состояніе раскаянія и достигшая духовнаго совершенства, является намъ въ 5-е воскресенье, какъ разительный примѣръ того, что усерднымъ покаяніемъ можно спастись самымъ великимъ грѣшникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь устрашаетъ нерадивыхъ указаніемъ на печальную участь богача Евангельской притчи ²⁾ и поучаетъ, что царствіе Божіе есть „не брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ“ (Рим. 14, 17): „тѣмъ же не богатіи видуть“ въ царствіе Божіе, но „елицы сокровища своя въ руки нищихъ влагають..., сія же вся къ наказанію нашему писашася, яко да постыщеся благостыню творимъ, и дасть намъ Господь вмѣсто земныхъ небесная“ ³⁾; страждущимъ же и немущимъ Церковь указаніемъ на Лазаря внушаетъ терпѣніе и великодушіе при постигающихъ бѣдствіяхъ. Наконецъ, къ утѣшенію и ободренію нашему въ пятую недѣлю Церковь апостольскимъ

¹⁾ Муравьевъ. „Письма о Богослуженіи Вост. Каѳол. Церкви“, стр. 137.

²⁾ Канонъ недѣли.

³⁾ Стихиры на хвалитѣхъ.

и евангельскимъ чтеніями напоминаетъ намъ о приближающейся радости Воскресенія Христова. Апостоль говоритъ о спасительной силѣ крови Христовой, очищающей „совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ“ (Евр. 9, 11—14), а Евангеліе повѣствуетъ о послѣднемъ путешествіи Господа Иисуса Христа на праздникъ Пасхи, когда Онъ Своею кровью искупилъ родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и смерти.

Религіозные обычаи у Сербовъ и ихъ значеніе въ народной сербской жизни.

2. Церковна слава (храмовой праздникъ) ¹⁾.

Что для извѣстнаго рода „слава крсног имена“, то для всякой церкви и прихода есть „церковна слава“, совершающаяся въ память того святого, или же событія изъ жизни Христіанской Церкви, которому посвященъ св. храмъ. У Сербовъ этотъ праздникъ совершается съ особенною торжественностью и обыкновенно при многочисленномъ стеченіи окрестнаго населенія. Еще наканунѣ церковной славы, когда еще солнце стоитъ высоко, народъ начинаетъ прибывать къ церкви. На коняхъ, на возахъ, и ѣшскомъ стремятся сюда мѣръ Божій со всѣхъ сторонъ; всякій озабоченъ, чтобы найти удобное мѣсто, гдѣ бы поставить возъ, и размѣстить свою семью, или гдѣ положить свою торбу; всякій смотритъ, чтобы быть поближе къ своимъ сосѣдямъ, къ своимъ знакомымъ. Тѣ, которые желаютъ все видѣть на семъ торжественномъ собраніи (на соборѣ), прибыли еще раньше, захватили и закупили удобныя мѣста, и устроили костры съ сошицами для варки кофе и приготовленія снѣдей.

¹⁾ Послѣдующія свѣдѣнія изложены по кн. М. Наумовича. „Војничке врлине у примерима“, Пожаревацъ, 1900 г., и двумъ статьямъ „О церковној слави и завѣтници“, уч.-ля Станко Булатовича, „Просвјета“, 1899 г. св. VI.

Съ ранняго утра идетъ въ церкви торжественная служба. Послѣ литургіи выносятъ изъ церкви кресты, свѣтильники, хоругви (церкв. заставе), икону чтимаго теперь святого или праздничнаго событія и др. св. предметы, которые священниками въ полномъ облаченіи обносятся три раза вокругъ церкви совмѣстно съ народомъ; при этомъ непрестанно поется тропарь празднуемому святому или св. событію, а торжественный колокольный звонъ, сливаясь съ благочестивыми пѣснями и молитвами христіанъ, увеличиваются въ нихъ благоговѣйныя чувствованія и еще больше укрѣпляютъ въ нихъ убѣжденіе, что поистинѣ „нема вјере больше от хришћанске.

Послѣ церковнаго торжества начинается собственно-народная слава, слава христіанскаго единенія, братства и любви. Вокругъ церкви зажигаются безчисленные костры, на которыхъ варятъ кофе, жарятъ и варятъ мясо и др. снѣди; всюду начинаютъ точить вино и куда ни помотришь, вездѣ угощаются кофе. Около полудня или немного позже начинается обѣдъ. Если какой хозяинъ имѣетъ около церкви нарочно построенное помѣщеніе, то садится здѣсь обѣдать, а у кого такого помѣщенія нѣтъ, тотъ располагается гдѣ ниб. въ холудку подъ деревомъ и здѣсь обѣдаетъ и отдыхаетъ. За обѣдомъ говорятъ тосты „у славу“ и тогда стрѣляютъ изъ ружей и звонятъ въ церковные колокола. Послѣ обѣда старики пьютъ и разговариваютъ, а затѣмъ немного прогуливаются среди собравшагося народа; молодежь остается у возовъ, играетъ и веселится. И такъ цѣлый день вокругъ церкви бывають взаимныя угощенія, сопровождаемыя братскою бесѣдою о разныхъ предметахъ церковной и гражданской жизни, а также развлеченіями молодежи ¹⁾. Всѣ прихожане и гости суть какъ бы одно братское общество, собравшееся во имя Бога, всегда благодѣющаго народу Своему, и св. Его угодниковъ.

¹⁾ Парни и дѣвцы водятъ хороводы, силачи показываютъ свою ловкость, бросаютъ камни, бѣгаютъ въ перегонку, иногда даже стараются обогнать одинъ другихъ на возахъ.

Самыя многолюдныя собранія („сабори“) къ церковной славѣ бывають на Троицу, Преображеніе, Успеніе и Рождество Пресв. Богородицы (Велика и мала Госпођа), Спасовъ день, Благовѣщеніе и Пасху. На эти собранія стекается народъ не только изъ ближнихъ, но часто и изъ весьма далекихъ странъ; а если бываетъ хорошая погода, то обыкновенно отправляется вся семья, а дома оставляется лишь прислуга.

„Церквена слава“ всегда имѣла для серба важное значеніе. Въ дни 500-лѣтняго турецкаго рабства она была ему первою и наиболѣе близкою участницею въ его отчаянномъ положеніи. Въ ту мрачную эпоху, когда подозрительность непріятели возбраняла Сербамъ какія бы то ни было народныя сборища, „церквена слава“ была для нихъ очень кстати. Здѣсь они подъ предлогомъ религіознаго торжества могли болѣе безпрепятственно собираться вмѣстѣ, жаловаться другъ другу на свою горькую судьбину, поддерживать и утѣшать другъ друга взаимнымъ сочувствіемъ, повѣрять свои завѣтныя думы о лучшемъ будущемъ и проникаться рѣшимостью къ сверженію ненавистнаго ига. На этихъ храмовыхъ собраніяхъ съѣзжались знатные люди и старшины народныя и договаривались о народныхъ дѣлахъ. Здѣсь же можно было слышать сербскаго пѣвца, который воспѣвалъ геройскіе подвиги предковъ и одушевлялъ слушателей къ борьбѣ за вѣру и свободу. На такихъ собраніяхъ сербскіе юнаки горячо хватались за мечи, съ готовностью душу свою положить за свою вѣру и и народъ; а священники давали благословеніе ихъ намѣреніямъ и проклинали того, кто сломаетъ эту вѣру, а многіе изъ нихъ были и главными руководителями народныхъ возстаній противъ турокъ. Вообще эти храмовыя торжества у Сербовъ до освобожденія были единственными собраніями, на которыхъ поддерживалась искра сознанія о величій и славѣ сербскаго царства: на нихъ высказывались надежды на лучшую будущность, и наконецъ, рѣшались и самыя возстанія противъ турокъ.

3. „Церквена завѣтина“ (церковныя обѣтныя службы).

Всякая церковь или село въ Сербіи имѣеть какого ниб. Божія угодника, которому они „се завѣтовали“, т. е. посвящены для всегдашняго благодарнаго памятованія, по случаю какихъ ниб. чудесныхъ событій и знаменій въ этихъ мѣстахъ. Случалось напр., что христіане этой мѣстности въ день памяти того или иного угодника Божія избавлялись отъ какого ниб. общественнаго бѣдствія—отъ града, труса, потопа, болѣзней и т. п.; приписывая это чудо помощи того святого, они дали обѣтъ всегдашняго благодарнаго памятованія и почитанія. Случалось также, что Сербы одерживали чудеснымъ образомъ побѣду надъ непріятелемъ и, приписывая это помощи того святого, котораго была тогда память, „завѣтовали себя“ ему. Такой случай напр. былъ у Вассоевичей (въ Черногоріи), которые, одержавъ побѣду надъ турками въ день св. благов. кн. Александра Невскаго, ему и завѣтовали. Т. обр. „церквена завѣтина“ есть нѣкоторый родъ благодарственной жертвы ¹⁾).

Къ церковной завѣтинѣ относится и обычай „ношенія креста“. Этотъ обычай напоминаетъ нашъ русскій обычай хожденія по полямъ съ церковной процессіей и молебнымъ пѣніемъ о благораствореніи воздухонъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Обыкновенно, принадлежащіе къ одному приходу, забираютъ кресты, обѣтную икону и прочую святиню и исходятъ изъ церкви для совершенія молебствія священникомъ, а затѣмъ ходятъ по окрестности, по полямъ и посѣвамъ съ приличными церк. пѣснопѣіями и молитвами объ урожаѣ. Въ Сербскомъ княжествѣ молебствіе съ водосвятиемъ совершается часто подъ какимъ ниб. большимъ, красивымъ и развѣсистымъ деревомъ въ селѣ, на стволѣ втораго вырѣзанъ крестъ и которое называется „запис“. На это дерево смотрятъ, какъ

¹⁾ Она, очевидно, напоминаетъ наши мѣстные обѣтныя праздники по случаю избавленія отъ какихъ ниб. обществ. несчастій.

на нѣкоторую святыню: считается грѣхомъ подниматься на него или обтрушивать плоды его, если они уродили, а чтобы срубить его,—это было бы самымъ тяжелымъ преступленіемъ, на которое никто не рѣшится. Въ самый день завѣтки собираются подъ „запис“ все мѣстные селяне. Священникъ читаетъ молитву и освящаетъ воду. Затѣмъ народъ съ святынею и обнаженными головами идетъ прежде всего чрезъ свое село, затѣмъ по полямъ и лугамъ. Впереди несется рядомъ съ иконой святого большой крестъ; посему то люди, обходящіе съ крестомъ поля свои, называются „крстоноше“, а самый обычай—„нести крст“. Во время этого обхожденія села и полей „крстоноше“ идутъ и поютъ, по два рядомъ, молитвы объ урожаѣ. Объ этомъ между прочимъ поется и въ пѣсни народной:

„Крстоноше крсте носе, Господи помилуј,
Крсте носе, Бога моле, Господи помилуј,
Да имъ ниве родомъ роде, Господи помилуј“ и т. д.

Этотъ христіанскій обычай пользуется уваженіемъ и у Сербовъ магометанской вѣры, такъ какъ и они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пристають при обнесеніи креста къ христіанамъ, иногда даже просятъ пройти съ крестомъ черезъ ихъ поля и посѣвы. По обхожденіи окрестностей и полей „крстоноше“ возвращаются опять подъ „запис“. Священникъ снова читаетъ положенныя молитвы и совершается такъ называемое „обновленіе запис“,—чрезъ срѣзываніе того, что на вырѣзанномъ крестѣросло за цѣлый годъ. Затѣмъ бываетъ угощеніе, которое устраиваютъ либо каждый годъ болѣе зажиточные хозяева, либо всякій „крстоноша“ приноситъ изъ дому что ниб. изъ яствъ и питій. Гдѣ въ селѣ есть церковь, тамъ крстоноши отъ нея исходятъ и къ ней возвращаются, и тамъ предлагаютъ и угощеніе.

4. Побратимство и посестримство.

Побратимство есть сочетаніе братскими узами („избрѣтмляванье“) двухъ друзей, которые не состоятъ ни въ ка-

комъ кровномъ родствѣ. Это сочетаніе совершается такимъ образомъ: вступающіе въ братскій союзъ ѣдятъ вмѣстѣ соль и хлѣбъ, пьютъ вино или ракію изъ одного стакана („чаши“) и затѣмъ троекратно лобызаются, а по нѣкоторымъ краямъ сербскимъ примѣшиваютъ въ вино и ракію нѣсколько капель крови изъ своихъ правыхъ рукъ и такимъ образомъ пьютъ вино или ракію съ кровью. Съ того часа они становятся связанными тѣсными узами родства, такъ что побратимъ считается такъ же, какъ и родной братъ. Его обязанность охранять побратима, какъ свое самое дорогое сокровище, и считать для себя священной всякое нанесенное ему зло или его смерть. Побратимство было не только между мужчинами или между женщинами; но и женщины имѣли своихъ побратимовъ, которые имъ всегда служили въ помощь въ несчастіи, а мужчины имѣли своихъ посестримовъ, которые считались имъ какбы кровными сестрами.

Этотъ союзъ часто освящала и Церковь Сербская. Священникъ предъ алтаремъ читалъ о побратимахъ молитву, и тѣмъ еще крѣпче скрѣплялъ союзъ ихъ. Побратимство и посестримство существуетъ только у Сербовъ: ни у одного другого народа нѣтъ такого прекраснаго обычая. Значеніе побратимства прекрасно можно видѣть изъ пѣсни о дочери князя Милутина Иконія и ея побратимѣ Груицѣ Новаковичѣ ¹⁾. Какъ побратимство, такъ и посестримство было препятствіемъ къ браку, какъ и братство кровное.

¹⁾ Вотъ ея содержаніе. Пишетъ наша изъ Загорья къ князю Милутину на Грахово поле. Требуется у него для себя прекрасной дочери его Иконія, да еще тридцать дѣвицъ для своей свиты. Поникло сердце Милутина. Что же Иконія? Она—спокойна: велитъ скорѣй готовиться ко встрѣчѣ наши и его свиты, а сама между тѣмъ обращается за помощью къ своему побратиму гайдуку Груици Новаковичу; пишетъ ему немедленно выбрать изъ своей дружины 30 красивыхъ молодыхъ дружинниковъ и послѣднить къ ней во дворецъ. Груица отозвался на призывъ посестрими. Прибылъ съ 30-ю дружинниками, одѣтыми, какъ и онъ самъ, въ женскую одежду. Самъ онъ очень походилъ на свою посестриму. Ждетъ онъ теперь съ дружиною нашу и его товарищей, велитъ каждому

Представленные здѣсь религіозные обычаи Сербовъ, конечно, не могутъ быть въ цѣлости приняты у насъ, потому что условія нашей жизни иныя, чѣмъ тѣхъ. Но въ частностяхъ есть у нихъ много и для насъ поучительнаго. Какъ трогательна память этого народа о томъ днѣ, въ который его предки свергли съ себя скверну язычества! Глубока вѣра его также въ небесныхъ покровителей—св. Божіихъ угодниковъ. Чутко сердце его къ благодѣяніямъ Божіимъ. Достоинно вниманія важное значеніе въ его жизни „церквенной славы“. Не долженъ ли храмовой праздникъ и у насъ служить прекраснымъ поводомъ къ болѣе тѣсному сплоченію прихожанъ въ одно братство для дружнаго дѣйствованія во всемъ благомъ и противодѣйствія всему дурному (напр. проникающему или проникшему въ приходъ сектантству)? Достоинно также вниманія присутствіе въ изображенныхъ выше обычаяхъ братскаго начала. Если у насъ не имѣетъ значенія побратимство и посестримство въ частномъ видѣ, то за то для насъ крайне необходимо оно въ видѣ союза въ цѣлыхъ обществахъ для достиженія религіозныхъ и благотворительно просвѣтительныхъ цѣлей (братства, благотв. общества, попечительства и пр.). Гдѣ больше единодушія, тамъ больше и силы!

II. Петрушевскій.

угощать своего гостя виномъ и ракіей въ особой комнатѣ и ждать сигнала отъ него для общей мести. Вотъ прибылъ наша съ великою пышностью. Началось угощеніе. Самъ Груица занялся нашей, угощалъ его виномъ и ракіей. Также дѣлали и другіе съ своими гостями. Наша видѣла предъ собой лишь князю Иконію... Но вдругъ молодой гайдукъ хватается его за бороду и такъ говоритъ ему: „О, кровожадная поганая тварь! Я не прекрасная Иконія, а я самъ Груица“... Выхватилъ князь изъ пояса, закололъ нашу, выбѣжалъ изъ свѣтлицы, выстрѣлилъ изъ своего муккета, далъ сигналъ дружинѣ. Въ тотъ же часъ слетѣло и другихъ тридцать турецкихъ головъ въ тридцати комнатахъ княжескаго дома. Поскидали тогда молодцы женскую одежду, сѣли пировать за готовою трапезой. Щедро одарилъ князь Милутичъ „свое посиниче (усыновленнаго) Гружо“ и красавица Иконія своего побратима и его дружинниковъ. Затѣмъ она братски поцѣловалась съ нимъ. „Пошелъ Гружа въ горы Рохвиці, а дѣвица въ бѣлую свѣтлицу“.

ГОМИЛЕТИКА

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

II. Сообщение церковно-богослужебной проповѣди слушателямъ.

56. Способы сообщенія народу церковно-богослужебныхъ проповѣдей.

Вопросъ о сообщеніи церковно-богослужебной проповѣди народу является однимъ изъ весьма важныхъ гомилетическихъ вопросовъ. Казалось-бы, что священникъ, достаточно богословски образованный, искренно вѣрующій и проникнутый глубокою любовью къ пасомымъ, сознавая свой долгъ учительства и искренно желая паствѣ душевнаго спасенія, могъ бы за каждой литургіей не затрудняясь говорить слушателямъ о тѣхъ или иныхъ истинахъ вѣры и нравственности, подобно тому, какъ, вы мало не стѣсняясь и вполне свободно, говорить отецъ съ своими дѣтьми. Но такое живое слово, всегда примѣнимое къ проповѣди педагогической, гдѣ священникъ, обращаясь съ рѣчью къ дѣтямъ, чувствуетъ себя, дѣйствительно, вполне свободно и непринужденно, въ отношеніи къ проповѣди церковно-богослужебной оказывается для многихъ дѣломъ, трудно осуществимымъ и даже почти совершенно не выполнимымъ. Трудность сообщенія народу религіозно-нравственныхъ истинъ съ церковной кафедрой обуславливается, прежде всего, самымъ составомъ слушателей, внимающихъ церковному проповѣднику. Тогда какъ проповѣдь педагогическая выслушивается, исключительно, лишь одними дѣтьми и, вообще, учащимися, которые по умственному развитію всегда стоятъ несравненно ниже проповѣдника, проповѣдь церковно-богослужебная предлагается людямъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ положеній и состояній, всѣхъ

¹⁾ См. № 8 за 1901 г.

степеней умственного развитія и образованія. Затѣмъ, въ числѣ условій, увеличивающихъ трудность сообщенія церковно-богослужебной проповѣди, нужно поставить и самый взглядъ народа и проповѣдниковъ на такую проповѣдь, какъ на рѣчь цѣлостную, осмысленную, болѣе или менѣе связную и отъ начала до конца не прерывающуюся,—взглядъ, конечно, вполне правильный и, къ тому же, унаслѣдованный отъ древнихъ вѣковъ. Тогда какъ, обращаясь съ педагогической проповѣдью къ дѣтямъ, священникъ, съ одной стороны, для болѣе яснаго и разительнаго внушенія дѣтямъ тѣхъ или иныхъ истинъ, а съ другой—какъ бы и для собственнаго отдыха и облегченія труда, можетъ прерывать въ извѣстныхъ случаяхъ рѣчь вопросами, обращаемыми къ дѣтямъ, и вслушиваться отъ послѣднихъ отвѣты, равно какъ можетъ и вѣсколько разъ повторять одну и ту же исторію и т. п., все дѣлая рѣчь свою проще и проще, все болѣе и болѣе уясняя предметъ,—въ церковно-богослужебной проповѣди священникъ не можетъ прерывать свою рѣчь вопросами и ожидать отъ слушателей отвѣтовъ, не можетъ онъ также и повторять отъ начала до конца одно и то же нѣсколько разъ: онъ долженъ ясно, просто и цѣлостно изложить предъ слушателями извѣстный предметъ, какъ говорится, съ одного раза. Такимъ образомъ, сообщеніе церковно-богослужебной проповѣди гораздо труднѣе, чѣмъ сообщеніе проповѣди педагогической, и проповѣдники, за весьма рѣдкими исключеніями, обыкновенно письменно излагаютъ тѣ мысли, которыя предполагаютъ раскрыть предъ слушателями, и затѣмъ уже читаютъ, не отрываясь, по тетрадкѣ *). Но проповѣдь, читаемая по тетрадкѣ, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должна быть, т. е. *рѣчью* и *проповѣдью* въ собственномъ смыслѣ. Такая метода произнесенія проповѣдей противорѣчитъ существенному характеру *рѣчи*, которая есть живое взаимодействіе между проповѣдникомъ и слушателями, и не удобна потому, что не можетъ быть жи-

*) *N N.* (Лебедевъ А., проф.) „О проповѣдническомъ словѣ“ („Богосл. Вѣсти“, 1892 г. № 12).

вого и свободнаго дѣйствованія проповѣдника, когда онъ привязанъ глазами къ тетради, а въ случаѣ близорукости даже долженъ поднимать ее и держать обѣими руками *). Да и самое произнесеніе проповѣди во всѣхъ такихъ случаяхъ бываетъ обыкновенно сухимъ, безцвѣтнымъ, безжизненнымъ, совершенно чуждымъ той увлекательной и обаятельной свѣжести, какою отличаются поученія, приносимыя безъ тетрадокъ. Читая по рукописи выраженія, въ которыя проповѣдникъ прежде облекъ свои мысли и чувства, онъ самъ уже не ощущаетъ въ себѣ тѣхъ внутреннихъ движеній души, каковыя сопровождалось, такъ сказать, рожденіе его мыслей и чувствъ, а потому и въ другихъ не можетъ возбуждать подобныхъ движеній. Поученіе его является не непосредственнымъ выраженіемъ, а только лишь механическимъ воспроизведеніемъ по тетради прежнихъ размышленій и ощущеній **). Затѣмъ, выходя на кафедру съ тетрадкой, проповѣдникъ вполнѣ приковывается къ ея буквѣ, вслѣдствіе чего ему по-неволѣ приходится сплошь и рядомъ молчать о томъ, что въ известное время само собою вызываетъ его на благовременныя наставленія, но чего онъ напередъ не предвидѣлъ, а потому и не могъ заранѣе изложить въ своей тетради. Только на кафедрѣ уже, во время самаго произношенія поученія, проповѣдникъ видитъ, что нѣкоторыя мысли въ поученіи слѣдовало бы изложить въ болѣе краткой формѣ, а иныхъ и совсѣмъ не касаться, въ виду утомленія и охлажденія вниманія слушателей; что о нѣкоторыхъ предметахъ слѣдовало бы сказать проще и прямѣе, безъ всякихъ излишнихъ отвлеченно-логическихъ обосновываній, а на иныхъ мысляхъ, въ виду усиливающейся вниманія слушателей, остановиться по-

*) *Пьяницкій В.*: „Теорія краснорѣчія Шотта“ („Тр. К. Д. Ак“, 1897 г. № 9).—„О поученіяхъ къ простому народу“ („Церк.-общ. Вѣсти.“, 1880 г., № 142).

**) *Фаворовъ Н.*: „Руководство къ церковн. собесѣдованію,“ стр. 170—171.—*Г. Бумашевъ*: „Къ вопросу о проповѣднической импровизаціи“ („Рук. для с. п.“, 1884 г. № 36).

дольше и разъяснить ихъ сравнительно больше, чтобы тѣмъ усилить впечатлѣніе и т. п. Сознывая и видя все это, проповѣдникъ въ то же время чувствуетъ, что дѣло уже сдѣлано, дополнять и измѣнять написанное некогда, остается только пожалѣть, что то или другое не было предусмотрено. Но таково, именно, свойство жизни, что ея движеній, переливовъ, вспышекъ нельзя напередъ предвидѣть изъ кабинета *).

Въ виду этого, необходимо, чтобы проповѣдь церковно-богослужебная не читалась, а непременно произносилась проповѣдникомъ, по возможности, безъ всякихъ тетрадокъ и книжекъ. Правда, среди нашихъ простолюдиновъ замѣчается довольно странный и совершенно своеобразный взглядъ на пастьерскую проповѣдь, по которому они не только не цѣнятъ изустно произносимыхъ проповѣдей, но и не стѣсняются даже прямо высказывать недовольство такими поученіями **). По подобное отношеніе простого народа къ изустнымъ поученіямъ не должно смущать проповѣдника, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ выходить на церковную кафедру съ евангеліемъ въ рукахъ, по которому и можетъ читать необходимые въ по-

*) *Амеросій арх. Харьк.* Живое слово. Харьк. 1892 г., стран. 33.—*Ниворовъ Н.* Руков. къ церк. собесѣдованію, стр. 171.

**) Такъ, напр., въ „Запискахъ сельскаго священника“, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ за 1880 г., между прочимъ, говорится, что когда авторъ въ рождественскій праздникъ сказалъ въ церкви поученіе безъ книги и тетрадки, то писарь и управляющій (вся мѣстная интеллигенція) похвалили его за проповѣдь, а старики, напротивъ, настоятельно требовали, чтобы онъ такихъ поученій не говорилъ.—„Наши прежніе поны читали намъ отъ Божьяго Писанія, по большой книгѣ; а что говоришь ты—кто тебя знаетъ? Этакъ-то и всякій говорить умѣеть, какъ ты говорилъ. А ты намъ читай“.—Да развѣ вы не поняли, что говорилъ я? Я вамъ говорилъ-то отъ Божьяго Писанія, только что не по книгѣ. „—Этакъ-то ты и теперь говоришь; такъ въ церкви не говорятъ, тамъ только читаютъ. Ты читай по книгѣ, мы и будемъ знать, что ты читаешь божественное; а то что? Говорить, не знай что, да глядѣть на людей.“—Изъ церковной книги вы ничего не поймете!—„Это все равно. Мы будемъ знать, что батюшка говоритъ намъ Божье писаніе“ („Русск. Стар.“ 1880 г., № 7).—То же самое подтверждается и статьей: „Сельскій священникъ Н. Взглядъ крестьянъ на изустную проповѣдь (Литовск. еп. вѣд., 1883 г., № 37).

ученіи тексты. Впрочемъ, простой народъ относится съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ и недовольствомъ къ изустнымъ поученіямъ, главнымъ образомъ, только лишь проповѣдниковъ, не имѣющимъ по своему образу жизни и поведенію въ его глазахъ большого авторитета и не пользующимся среди своихъ прихожанъ хорошей нравственной репутаціей. Строго нравственная жизнь проповѣдника—одно изъ главнѣйшихъ условій дѣйственности его проповѣди *).

Итакъ, произношеніе съ церковной кафедрой проповѣдей должно совершаться священникомъ безъ помощи тетрадокъ и книжекъ. Оно можетъ быть *двоякаю* рода: или проповѣдникъ можетъ предложить вниманію слушателей слово, приготовленное дома и записанное на бумагѣ, но предварительно заученное имъ наизусть; или же можетъ говорить, незадолго предъ тѣмъ *обдуманное* и совсѣмъ *незаписанное* слово. Проповѣди послѣдняго рода называются *импровизаціями*, проповѣди же перваго рода можно назвать проповѣдями *заученными*.

Импровизаціи (отъ *improvisio*—непредвидѣнно, неожиданно) представляютъ собою высшій и совершеннѣйшій видъ церковно-богослужебной проповѣди, въ полномъ смыслѣ то *живое слово*, которымъ и должна быть по самому существу своему пастырская проповѣдь. Импровизованныя рѣчи, предметъ которыхъ подсказывается проповѣднику потребностью настоящей же минуты, бываютъ самыми увлекательными, самыми жизненными. Жизненность и увлекательность импровизацій понятна сама собою. Тихое внутреннее настроеніе, которое переживаетъ проповѣдникъ въ послѣдніе часы предъ богослуженіемъ; торжественная тишина, которая царитъ въ праздничное утро и нарушается однимъ лишь призывнымъ звономъ колоколовъ; церковныя гѣсногѣнія и молитвы, кото-

*) *Гичевичъ А.*, свщ.: „Нѣсколько словъ по поводу статьи—„Взглядъ крестьянъ на изустную проповѣдь“ („Литовск. еп. вѣд.“, 1883 г., № 43).—*Поповъ Е.*, прот.: „Изустныя проповѣди“ („Рус. для с. п.“, 1871 г., № 25).—„О поученіяхъ къ простому народу“ („Церк.-общ. Вѣстн.“, 1880 г., № 142).

рыя предшествуютъ проповѣди и способствуютъ благоговѣйно-религіозной настроенности народа; тотъ самый народъ, который окружаетъ церковную кафедру и ждетъ отъ проповѣдника удовлетворенія живымъ потребностямъ своей души; наконецъ, высокое напряженіе душевныхъ силъ проповѣдника, которое переживаетъ онъ въ минуту появленія своего на церковной кафедрѣ,—все это возвышаетъ иногда проповѣдника-импровизатора до такихъ оригинальныхъ и глубокихъ мыслей и сильныхъ, разительныхъ изреченій, какія не могли бы придти ему въ голову при спокойномъ кабинетномъ размышленіи *). Будучи въ большей части своей плодомъ вдохновенія только даннаго момента, импровизованная рѣчь проповѣдника, послѣ ея произнесенія, не можетъ быть въ точности воспроизведена даже имъ самимъ, потому что жизнь, которую жилъ тогда импровизаторъ, улетаетъ при логическомъ анализѣ мыслей. Всѣ, происходящія въ душѣ импровизатора движенія и волненія такъ или иначе и въ большей или меньшей степени сообщаются и его слушателямъ и послѣдніе, внимая словамъ проповѣдника и слѣдя за его рѣчью, живутъ въ то время его жизнию, вмѣстѣ съ нимъ волнуются и даже боятся за него. Самыя незначительныя остановки импровизатора озачиваютъ ихъ, всякое же удачное, красивое, а тѣмъ болѣе разительное выраженіе его радуетъ. Благодаря этому-то психологическому явленію, для большинства слушателей не бываетъ замѣтна въ рѣчи импровизатора та непослѣдовательность, нестройность, тѣ повторенія и т. д.—словомъ всѣ тѣ литературныя недостатки, которые непременно окажутся въ импровизаціи, когда она будетъ записана стенографически.

(Продолженіе будетъ).

*) *Ильницькій В.*: „Теорія краснорѣчія Шотта“ („Тр. К. Д. Ак.“ 1897 г., № 9).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ
 Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 25 февраля 1901 г.
 Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.
 Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, марта 11-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго правоученія (продолже-
ніе).—Простой отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему священникъ не
долженъ посѣщать спектаклей и другихъ увеселительныхъ зрѣлищъ.—
Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).— Гомилетика,
или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго правоученія¹⁾.

Внутреннее Богопочтеніе.

Сущность *внутренняго Богопочтенія* указана въ словахъ ап. Павла: „теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь“ (1 Кор. 13, 13). Эти три главныя добродѣтели, опредѣляющія именно извѣстныя отношенія наши къ Богу, обыкновенно называются „богословскими“, въ отличіе отъ другихъ, выражающихъ отношенія наши къ себѣ самимъ и къ ближнимъ.

Вѣра въ Бога.

Главную черту *внутренняго Богопочтенія* составляетъ *вѣра въ Бога*. „Безъ вѣры, говоритъ ап. Павелъ, угодить Богу

¹⁾ См. № 8 за 1901 г.

невозможно“ (Евр. 11, 6). Христіанская вѣра есть внутреннѣйшее, свободное сочетаніе духа нашего съ Божественнымъ откровеніемъ, а отсюда—съ самимъ Божествомъ, разумѣется, при посредствѣ безцѣнныхъ заслугъ Иисуса Христа и Его благодати. Такая вѣра есть ощущеніе въ себѣ жизни Христовой. „Испытайте самихъ себя, пишетъ ап. Павелъ, въ вѣрѣ ли вы... Или вы не знаете самихъ себя, что Иисусъ Христосъ въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть“ (2 Кор. 13, 5). Такая вѣра есть первоначальный актъ принятія жизни вѣчной. „Сія же есть жизнь вѣчная да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа“ (Іоан. 17, 3). Такою вѣрою человѣкъ вселяетъ въ себя Христа и живетъ Его жизнію (Еф. 3, 16—17), какъ жилъ этою жизнію св. ап. Павелъ, который говорилъ о себѣ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20). Очевидно, что такая вѣра, отличаясь отъ непосредственной достовѣрности или знанія, съ его характеромъ выпущденности и необходимости (отъ вѣры „бѣсовской“—Іак. 2, 19), можетъ быть только даромъ благодати Божіей. Она не только даруется человѣку туне, вслѣдствіе благодатной евангельской вѣсти, или, какъ говорится въ свящ. Писаніи, „вѣра отъ слышанія,¹ а слышаніе отъ слова Божія“ (Рим. 10, 17), но и виѣдряется, укрѣпляется и исполнѣ разцвѣтаетъ при дѣйствіи Духа Святаго на сердце человѣка и при благодатномъ вліяніи св. таинствъ, изъ которыхъ, какъ изъ горнила, она каждый разъ выходитъ совершенно обновленною. Но, хотя вѣра есть даръ св. Духа, однакожъ въ то же время она есть и наша личная добродѣтель, есть дѣйствіе нашей воли, свободно, а не по какому-либо принужденію, рѣшающейся на принятіе ея (Рим. 1, 5. Ср. 6, 17), есть нравственная, сердечная вѣрность (Рим. 10, 10) или преданность Отцу Небесному во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ.

Свойства истинной вѣры, какъ сердечнаго убѣжденія, составляютъ 1) разумность. Разумность вѣры прежде всего проявляется въ изслѣдованіи ея, какъ и Спаситель заповѣ-

дуютъ: „изслѣдуйте Писанія; ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную“ (Іоан. 5, 39). Держась своей вѣры на разумныхъ основаніяхъ, мы не должны „вѣрить всякому духу, но—испытывать духовъ, отъ Бога ли они; потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ“ (1 Іоан. 4, 1),—не должны быть „младенцами“ въ вѣрѣ, „колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія“ (Еф. 4, 14). Эта же разумность вѣры состоитъ, далѣе, въ приобрѣтеніи способности и всегдашней готовности дать отвѣтъ всякому вопрошающему о нашемъ упованіи (1 Петр. 3, 15); въ постепенномъ достиженіи Духа премудрости и откровенія въ познаніи Бога и въ просвѣщеніи очей своего сердца (Еф. 1, 15—18). Сначала наше знаніе вѣры бываетъ очень мало, подобно сѣмени; по потомъ надобно давать свободу произрастанія этого сѣмени. Путей къ познанію вѣры—два: научный и практической. Первый, проходимый всегда болѣе или менѣе теоретически, не можетъ быть всеобщимъ. Что же касается второго пути, то онъ доступенъ каждому и ведетъ къ опытному познанію нашей вѣры. Ап. Іоаннъ, указывая на тѣсную связь между любовію, началомъ практическимъ, и познаніемъ, началомъ теоретическимъ, говоритъ: „кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога“ (1 Іоан. 4, 8).

2) Жизненность вѣры, которая состоитъ не въ одномъ только теоретическомъ созерцаніи истинъ вѣры, но и въ проведеніи ихъ въ жизнедѣятельность нашу. Это положеніе обстоятельно раскрываетъ ап. Іаковъ, говоря, что хотя вѣра (теоретическая) — „дѣло хорошее“, но, взятая помимо подтвержденія ея соотвѣтствующими ей „дѣлами“, она—„мертва“ (Іак. 2, 19—20). Въ доказательство истинности своихъ словъ онъ ссылается на оправдавшихся своими дѣлами Авраама и Раавъ блудницу, (ст. 21—25). Вѣру онъ же уподобляетъ тѣлу, а дѣла—душѣ: какъ душа оживляетъ тѣло, такъ дѣла—вѣру (ст. 26). Словомъ „вѣра достигаетъ совершенства, по апостолу, только „дѣлами“ (ст. 22).

Наконецъ 3) неизмѣнность или постоянство вѣры, обусловливающееся потребностями нашего духа и составляющее отличительную особенность восточнаго православія. Мы должны восходить отъ мѣры вѣры въ мѣру вѣры, но самый предметъ ея долженъ оставаться неизмѣннымъ, постояннымъ. Ап. Павелъ пишетъ: „бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды“ (1 Кор. 16, 13).

Совершенство христіанской вѣры—въ благоговѣніи. Когда при посредствѣ вѣры постепенно открывается въ душѣ нашей безпредѣльный ликъ Божества, тогда вмѣстѣ съ этимъ съ силою возникаютъ въ нашемъ сознаниіи обязательныя для насъ чувства и расположенія къ Богу, какъ Существу высочайшему, совершеннѣйшему, премудрому, всеблагому и пр. Душѣ нашей предстоятъ тогда и удивленіе предъ безконечными совершенствами Божества, и радостный страхъ при сопоставленіи своего ничтожества съ безмѣрнымъ величіемъ Божиимъ, и чувство хваленія и прославленія, и крѣпкая, неборимая и непоколебимая покорность Богу во всей своей жизни. Всѣ эти чувства, въ своей совокупности, и составляютъ то, что называется благоговѣніемъ. Само собою разумѣется, благоговѣніе имѣетъ разныя степени. Начинаясь мысленнымъ созерцаніемъ Божества, оно постепенно переходитъ въ нѣкоторое таинственное ощущеніе Его (1 Кор. 6, 17), хотя и никогда не достигаетъ на землѣ ясности видѣнія (2 Кор. 5, 7; 1 Кор. 13, 12). Какъ утомленный путникъ находитъ свое успокоеніе въ кругу своихъ родныхъ, дитя—на лонѣ своей матери, другъ—въ своемъ задушевномъ другѣ,—такъ и благоговѣнный духъ нашъ находитъ свой покой, свою радость и свое блаженство въ нѣкоторомъ живомъ общеніи съ Богомъ и сердечномъ обращеніи къ Нему. „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, взываетъ Псалмопѣвецъ, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ (Пс. 41, 1—2). Такимъ образомъ благоговѣнная вѣра есть не только живое стремленіе къ Божеству, но и предвкушеніе блаженства будущаго Боговидѣнія.

Надежда на Бога.

Вторая черта внутренняго Богопочтенія есть *надежда на Бога*. Подъ именемъ христіанской надежды разумѣется радостное желаніе и постоянное ожиданіе благъ, обѣщанныхъ Богомъ, соединенное съ твердою увѣренностію, что Отець нашъ Небесный, по своей благодати, дастъ намъ все обѣщанное. Какъ такая, она есть столько же даръ св. Духа, сколько и плодъ нашей самодѣятельности. Уже христіанская вѣра въ Отца Небеснаго приводитъ къ несомнѣнной надеждѣ на Него. Но наша надежда есть и непосредственный даръ благодати Божіей и даруется намъ, какъ „залогъ духа въ сердца наши“ (2 Кор. 1, 21). По этому внутреннему дару или залогу благодати въ сердцахъ своихъ, христіане и въ настоящей жизни уже предвкушаютъ блаженство исполненія Божественныхъ обѣтованій. „Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи“... и „наслѣдники“ жизни вѣчной (Рим. 8, 16—17). Потому-то ап. Павелъ и молится о насъ, чтобы „Богъ надежды исполнилъ насъ всякой радости и мира въ вѣрѣ, дабы мы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою“ (Рим. 15, 13). Однакожь надежда есть и наша собственная добродѣтель; потому что развитіе, укрѣпленіе и совершенствованіе ея зависитъ отъ нашихъ добрыхъ сердечныхъ расположеній, отъ нашей свободы и самодѣятельности. Поэтому-то ап. Петръ, обращаясь къ нашей самодѣятельности, говоритъ: „совершенно уповайте на подаваемую вамъ благодать въ явленіи Иисуса Христа“ (1 Петр 1, 13).

Христіанская надежда имѣетъ высокія основанія своей достовѣрности. Это прежде всего есть самъ Богъ, какъ Онъ открылся намъ въ откровеніи, Его вѣрность въ обѣтованіяхъ, Его всемогущество, благодать, премудрость, словомъ всѣ тѣ свойства, по которымъ мы признаемъ въ Немъ своего Отца Небеснаго. Самъ Иисусъ Христосъ говоритъ: „если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отець небесный дастъ Духа Святаго просящимъ у Него“

(Лук. 11, 13). Въ особенности же основаніемъ нашей надежды служить самъ Господь Спаситель, ради безцѣнной любви и заслугъ Котораго дѣлаются для насъ несомнѣнными всѣ обѣтованія Божіи. „Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, говоритъ ап. Павелъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего?“ (Рим. 8, 32).

Предметъ христіанской надежды составляютъ осуществленіе идей нравственнаго совершенства или Богоуподобленіе, и проистекающее отсюда блаженство вѣчное. „Возлюбленные: взываетъ св. ап. Іоаннъ, мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2). Съ этимъ главнымъ предметомъ нашей надежды находятся въ связи: благодать Божія, благодатное присутствіе среди насъ Господа и всѣ благодатныя дарованія, силы и средства, помогающія нашему безсилію въ дѣлѣ нашего спасенія и Богоуподобленія (1 Петр. 1, 13; Филип. 1, 6). Сюда же въ частности относится прощеніе грѣховъ и помилованіе каждаго, обращающагося къ Богу грѣшника. Наконецъ, предметомъ христіанской надежды являются и земныя блага, насколько они необходимы для пріобрѣтенія благъ духовныхъ. Самъ Господь въ Своей молитвѣ заповѣдуетъ намъ молиться не только о томъ, чтобы въ насъ и чрезъ насъ святилось имя Божіе и свято исполнялась нами воля Божія, но молиться и о хлѣбѣ насущномъ и объ избавленіи насъ отъ искушеній и отъ всякаго зла (Мѡ. 6, 9—13).

Такая надежда возможна только въ христіанствѣ. О язычникахъ ап. Павелъ говоритъ, что они „не имѣютъ“ истинной „надежды“ (1 Тес. 4, 13). Одно только христіанство, примиряя насъ съ Богомъ, подавая намъ силы, яже къ животу и благочестію и вводя насъ въ непосредственный союзъ съ источникомъ и подателемъ всякаго блага—Богомъ, и укрѣпляетъ нашу надежду, и оживляетъ ее, и дѣлаетъ ее даже несомнѣнною. Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ Своимъ послѣдователямъ: „Допынѣ вы ничего не просили во имя

Мое: просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ вы попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23—24),

Любовь къ Богу.

Третью и послѣднюю черту внутренняго Богопочтенія составляетъ *любовь къ Богу*. Христіанская любовь къ Богу есть такое расположеніе духа, въ которомъ человѣкъ, сознавая и чувствуя себя чадомъ Божіимъ (Рим. 8, 16; Гал. 3, 26), стремится къ соединенію съ Нимъ, находитъ свое счастье и блаженство въ угожденіи Ему и пламенно желаетъ, чтобы и другіе люди правильно познавали, истинно любили и достойно чтили Его (Мѡ. 5, 16). Какъ такая, она не есть плодъ однихъ только естественныхъ усилій человѣка, старающагося воспроизводить въ себѣ представленія, способныя оживлять любовь къ Богу (Іоан. 3, 16; 1^о Іоан. 4, 9 и др.; Рим. 5, 8), но даруется намъ свыше и „изливается въ сердца наши Духомъ святымъ, даннымъ намъ“ (Рим. 5, 5).

Отношеніе любви къ вѣрѣ и надеждѣ.

Въ рѣшеніи вопроса объ *отношеніи любви къ вѣрѣ и надеждѣ* прежде всего должно сказать, что только изъ любви христіанской могутъ протекать и животворная вѣра, и несомнѣнная надежда, и всѣ христіанскія добродѣтели, разумѣется, при содѣйствіи благодатной помощи. Въ этомъ случаѣ любовь есть и начало и „совокупность“ всякаго нашего „совершенства“ (Кол. 3, 14). Кромѣ того, вѣра и надежда суть только спутники христіанина въ настоящей жизни, а любовь сопровождаетъ его во всю вѣчность. А потому мы вправѣ усвоить первенствующее или самое большое значеніе не вѣрѣ, или надеждѣ, но любви: „любовь изъ нихъ больше“, говоритъ ап. Павелъ (1 Кор. 13, 13).

Вышнее Богопочтеніе.

Съ внутреннимъ Богопочтеніемъ необходимо соединяется и *вышнее*, которое состоитъ въ проявленіи внутреннихъ чувствъ и расположеній души въ соответствующихъ имъ вышнихъ дѣйствіяхъ и знакахъ; ибо душа наша тѣсно соединена съ тѣломъ, и чѣмъ правильнѣе и полнѣе течетъ духовная жизнь ея, тѣмъ точнѣе, цѣлостнѣе и полнѣе внутреннія дѣйствія ея выражаются во вышнихъ. Отсюда уже открывается, что вышнее Богопочтеніе получаетъ значеніе и достоинство свое отъ внутренняго, и безъ внутренняго Богопочтенія оно бываетъ или безжизненно или лицемѣрно. Но и вышнее Богопочтеніе имѣетъ весьма важное значеніе для внутренняго; потому что вышнія дѣйствія наши обыкновенно поддерживаютъ, возбуждаютъ и усиливаютъ внутреннее расположеніе души. Вышнее Богопочтеніе раздѣляется на Богослуженіе домашнее или молитву и Богослуженіе общественное.

Богослуженіе домашнее или молитва.

Св. Церковь опредѣляетъ молитву и какъ благоговѣнное возношеніе ума и сердца къ Богу, и какъ благоговѣнное собесѣдованіе души человѣка съ Богомъ. Въ этомъ собесѣдованіи мы прославляемъ Бога за его безконечныя совершенства (Мѡ. 11, 25; Рим. 15, 6), благодаримъ за Его благодѣянія (Фил. 4, 6) и просимъ Его о своихъ нуждахъ (Мѡ. 7, 7; Іоан. 16. 22—24). Такіе виды молитвы указываются именно въ заповѣди о ней ап. Павла: „прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія“ (1 Тим. 2, 1).

Молитва есть высочайшая нравственная сила. Она есть не только оружіе или средство для полученія тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ тѣлесныхъ или духовныхъ благъ, но и состоитъ въ общемъ оживотвореніи нашего духа, въ оживленіи или возгрѣваніи личной нашей жизни въ Богѣ. Но этого мало. Молитвою человѣкъ возлетаетъ къ престолу благодати

и здѣсь почерпаетъ для себя столько благодатныхъ силъ, сколько бываетъ сильна его молитва. „Кто-то, замѣчаетъ преосвященный Теофанъ, опредѣляетъ молитву дыханіемъ духа. Она и есть дыханіе духа... Какъ въ дыханіи расширяются легкія и тѣмъ привлекаютъ животворныя стихіи воздуха, такъ и въ молитвѣ разверзаются глубины нашего сердца и духъ возносится къ Богу, чтобы приобщеніемъ къ Нему воспріять соотвѣтственный даръ. И какъ тамъ кислородъ, принятый дыханіемъ, чрезъ кровь расходуется потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятая отъ Бога сила входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ всё“¹⁾.

Но, чтобы молитва дѣйствительно была великою нравственною силою, надобно соблюдать слѣдующія главнѣйшія условія и свойства ея. 1) Она должна быть выраженіемъ благочестивой жизни человѣка. „Грѣшниковъ, говорится въ словѣ Божіемъ, Богъ не слушаетъ, но кто читъ Бога и творить волю Его, того слушаетъ“ (Іоан. 9, 31). „Кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, пишетъ Премудрый, того и молитва—мерзость“ (Притч. 22, 9. ср. Ис. 59, 2). 2) Она должна быть чужда сомнѣнія. Сомнѣніе губитъ и всякую духовную силу; оно же разрушаетъ и силу молитвы. „Человѣкъ съ двоящимися мыслями, говоритъ ап. Іаковъ, не твердь во всѣхъ путяхъ своихъ. Да не думаетъ таковой человѣкъ получить что нибудь отъ Господа“ (Іак. 1. 8. сл. 7). 3) Она должна быть совершаема съ усиленнымъ напряженіемъ духа. Нашей испорченной грѣхомъ природѣ врождена дебѣлость и косность, своего рода законъ тяготѣнія, который всегда влечетъ насъ къ землѣ и препятствуетъ полѣту духа. Непрерывно поднимается изъ нашей грѣховной плоти туманъ, который застигаетъ духовное солнце предъ нашимъ внутреннимъ взоромъ. Поэтому молитва должна явиться нѣкоторымъ сильнымъ дѣйствиемъ воли, которое давало бы возможность прозрѣвать сквозь туманъ и разсѣвать его. Но этого напря-

¹⁾ Начертаніе, еп. Теофана, стр. 394—395.

женія духа не иначе можно достигнуть, какъ чрезъ нѣкоторое подавленіе и умерщвленіе плоти. Потому то Спаситель, заповѣдавшій намъ молитву, предохраняетъ насъ отъ того, чтобы „сердца наши не были отягчены объяденіемъ и пьянствомъ“ (Лук. 21, 34). 4) За возбужденіемъ напряженности духа, по наблюденію подвижниковъ, слѣдуетъ собранность мыслей, которая противопоставляется разсѣянности. Эта собранность мыслей, это господство надъ своими представленіями и ощущеніями, достигается нерѣдко продолжительными усиліями воли. По крайней мѣрѣ, даже величайшіе подвижники жаловались иногда на нѣкоторую разсѣянность во время молитвы. Чтобы избѣжать этой разсѣянности, надобно надлежащимъ образомъ „приготовить себя“ къ молитвѣ (Сир. 18, 23) и отрѣшиться отъ всего того, что можетъ отвлекать мысли отъ нея. „Когда молишься, говоритъ самъ Іисусъ Христосъ, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему“ (Мѣ. 6, 6). 5) Если успѣшно соблюдено это условіе, тогда требуется умиротвореніе духа, полная жертва нашихъ личныхъ желаній и чувствованій, которыя должны замѣниться молитвенными желаніями и чувствованіями. „Жертва Богу духъ сокрушенный, сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь“, говоритъ Псалмопѣвецъ (Пс. 50, 19). Моментъ, когда духъ нашъ умиляется отъ духовнаго умиротворенія и отъ духовной жертвы хваленія и прославленія, и есть именно тотъ, когда молящійся приближается къ престолу благодати. Наконецъ 6) за умиротвореніемъ духа слѣдуетъ самая благоуспѣшность молитвы, когда Господь сообщаетъ молящемуся Духа Своего, сообщаетъ ему Свою силу, когда, по словамъ Спасителя, Отецъ Небесный и Онъ самъ „приходятъ“ къ молящемуся и „творятъ у него свою обитель (Іоан. 14, 23). Въ качествѣ духовнаго опыта, свидѣтельствующаго о благоуспѣшности нашей молитвы, почти всѣ великіе молитвенники указываютъ на внутренній „миръ Божій, превышающій всякій умъ“, на внутреннее озареніе и укрѣпленіе духовныхъ силъ

при всей нашей немощи ¹⁾. Впрочемъ бываютъ иногда случаи, когда благоуспѣшность молитвы на время скрывается отъ взора молящагося, когда, по ученію подвижниковъ, Господь отвергаетъ на время своихъ слугъ въ горнило искушеній, отнимаетъ у нихъ благодатную радость и „заключаетъ отъ нихъ Свое небо“, или для того, чтобы испытать твёрдость ихъ вѣры, искренность ихъ желаній, или для другихъ, Ему только вѣдомыхъ цѣлей (Мѡ. 15, 28. ср. Быт. 32, 26). Но это бываетъ только временно. Раньше или позже, посредственно или непосредственно, неотступная молитва непременно скажется благодатными дарами. Господь Иисусъ Христосъ окончилъ притчу свою о неправедномъ судѣ и бѣдной вдовѣ слѣдующими словами: „Богъ ли не защититъ избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ“ (Лук. 18, 7).

Среди внутреннихъ и вѣшнихъ молитвенныхъ опытовъ и намѣренныхъ усилій воли постепенно приобрѣтается молитвенное настроеніе или та непрестанная молитва, которую заповѣдуетъ намъ св. ап. Павелъ: „непрестанно молитесь“ (1 Тес. 5, 17. Ср. Еф. 6, 18). Это есть высшій молитвенный даръ, который, какъ и всякій духовный даръ, можетъ развиваться, умножаться и совершенствоваться. По замѣчанію подвижниковъ, молитвенный даръ развивается и совершенствуется молитвою же, какъ дерево разгорается и воспламеняется отъ тренія о дерево-же.

Особеннаго своего совершенства и дѣйственности достигаетъ молитва, когда совершается во имя Иисуса Христа, даровавшаго намъ право сыновъ Божіихъ. „Донынѣ вы ничего не просили во имя Мое, сказалъ Спаситель ученикамъ; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна“ (Иоан. 16, 24). Но наша молитва не только должна со-

¹⁾ Прекрасное изображеніе подобаго духовнаго опыта находится въ извѣстномъ стихотвореніи нашего отечественнаго поэта (Лермонтова) — „Молитва“.

вершаться во имя Иисуса Христа, но и по образцу Имъ данной молитвы, т. е. или словами молитвы Господней, или въ духѣ и съ искренностію этой молитвы. Эта чудная молитва („Отче нашъ“), которая обнимаетъ собою всѣ степени духовной зрѣлости, и съ одинаковою искренностію можетъ быть произносима, какъ маленькимъ ребенкомъ, такъ и величайшимъ изъ апостоловъ, впервые научила насъ молиться Отцу Небесному не единолично, но въ союзѣ со всѣми членами благодатнаго царства Христова. Поэтому она есть образцовая для всѣхъ насъ молитва. Впрочемъ св. Церковь указываетъ намъ и другіе образцы молитвъ, частію находящихся въ книгахъ Ветхаго и Новаго Заветъа, а частію входящихъ въ составъ нашего домашняго и общественнаго Богослуженія. Особенно же примѣромъ древней Церкви освящено для насъ употребленіе псалмовъ царя Давида, въ которыхъ боговдохновенно выражены всѣ молитвенныя состоянія человѣческаго духа. Св. Церковь не возбраняетъ и нашихъ собственныхъ молитвъ, лишь бы онѣ и по предмету, и по духу своему достойны были того, чтобы обращаться съ ними къ Богу.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

Простой отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему священникъ не долженъ посѣщать спектаклей и различныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ.

Въ № 3 „Руководства для сельскихъ пастырей“ за настоящій 1901 годъ помѣщена небольшая замѣтка г. Самойловича по вопросу о томъ, почему Церковь воспрещаетъ священнику присутствовать при увеселительныхъ зрѣлищахъ. Соображенія автора очень уже туманны, такъ какъ они—теоретичны. Дѣло рѣшается гораздо проще, и рѣшаетъ его сама жизнь, даже сама паства.

Когда я учился еще въ академіи,—учился, будучи въ священномъ санѣ,—то часто бывалъ въ одномъ домѣ, у весьма

почтеннаго, занимавшаго весьма высокое общественное положеніе, человѣка. Онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства, отличавшагося чисто русскимъ радушіемъ и устраивавшаго частыя дружескія собранія. На этихъ собраніяхъ музыкъ и пѣнію отводилось главное мѣсто: нерѣдко велись также весьма оживленныя пренія по тѣмъ или инымъ вопросамъ, волновавшимъ образованное общество въ данный моментъ. Ко мнѣ, какъ священнику—студенту академіи, относились весьма внимательно, особенно потому, что я всякій спорный вопросъ изъ жизни старался всегда рѣшать на почвѣ жизни же, а не соображеніями діалектическаго свойства, которымъ всегда можно противопоставить сколько угодно искусно-построенныхъ возраженій.

Во время одного изъ такихъ собраній зашла рѣчь по вопросу о томъ, почему духовное начальство не разрѣшаетъ и „въ нашъ просвѣщенный вѣкъ“ бывать священникамъ въ театрѣ?—„Вѣдь это,—говорили,—положительно необходимо для пастырей нашихъ“.—„Въ самомъ дѣлѣ,—одушевленно замѣтила, обращаясь ко мнѣ одна дама—собесѣдница:—какъ вы, пастыри, будете вліять на насъ, исправлять наши недостатки, жизнь нашу направлять въ сторону христіанскихъ идеаловъ, когда жизни—то нашей вы не видите и не знаете? Нѣтъ, если бы вы жили съ нами одною жизнію, бывали въ клубахъ, въ театрѣ, на концертахъ, то несомнѣнно пользовались бы большимъ духовнымъ вліяніемъ“.

Я на это шутливо замѣтилъ, что такъ доказывать необходимость для священника бывать въ театрѣ—это все равно, какъ если бы стали уговаривать священника пить и воровать, чтобы услышише потомъ вліять на пьяницъ и воровъ... „Но допустимъ,—сказалъ я затѣмъ,—что вмѣстѣ съ вами я сижу въ театрѣ, слушаю оперу, восхищаюсь балетомъ, внимательно слѣжу за драмой, плачу или смѣюсь, вмѣстѣ съ вами рукоплещу актерамъ, выкрикиваю *bis*, *bravo* и т. п. Вмѣстѣ съ вами, въ самомъ веселомъ настроеніи, оставляю, по окончаніи спектакля, театръ и возвращаюсь домой. Возвращаетесь

домой и вы. Но вдругъ дома съ вами дѣлается страшный нервный или какой другой припадокъ, такъ что требуется немедленное присутствіе у вашего одра не только врача, но и священника“. Собесѣдница моя была женщина вѣрующая и доброй жизни.—„Скажите, положи руку на сердце,—спросилъ я ее,—позовѣте вы тогда для напутствованія васъ—быть можетъ, въ вѣчность—меня, театрала—священника, или нѣтъ“?—„*Нѣтъ, такого мнѣ тогда не надо*“, нервно и быстро отвѣтила она.—„Итакъ, нашъ споръ конченъ, и вопросъ рѣшенъ“, замѣтилъ я.

Никогда послѣ мы не поднимали уже объ этомъ рѣчи. Искренній и простой отвѣтъ вѣрующей души христіанской исключалъ всякое мудрованіе по этому дѣлу.—Вотъ почему, друзья мои—сопастыри, намъ не слѣдуетъ бывать въ театрѣ.

Тацитовъ.

Баникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Когда мы приѣхали къ *прудамъ Соломоновымъ*, то было уже къ вечеру. Мы съ удивленіемъ разсматривали эти грандіозныя сооруженія. Самая мѣстность вообще не лишена интереса. Передъ нами была узкая скалистая долина, вѣвскрывающаяся въ извилинѣ. При началѣ ея, не далеко отъ дороги стоитъ небольшое четырехъугольное укрѣпленіе съ башнями по угламъ (сооруж. въ 17 в. для защиты отъ бедуиновъ). По самому дну долины идуть одинъ за другимъ три огромныхъ пруда. Вблизи насъ слышался шумъ воды, подобный тому, который бываетъ отъ колесъ водяной мельницы при ея дѣйствіи. Самой журчащей воды мы, впрочемъ, не видѣли. Дѣло сейчасъ объяснилось. У самой дороги выше прудовъ и крѣпости есть подъ землею источникъ: вода здѣсь вырывается изъ подъ скалы и течетъ внизъ по водопроводу съ большою

¹⁾ См. № 6 за 1901 г.

силою: это и есть „источникъ запечатлѣнный“, названный такъ по относимому къ нему выраженію кн. Пѣснь пѣсней: „вертоградъ заключенъ сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ“ (IV. 12). Ниже этого источника есть еще одинъ, также подземный, соединяющійся въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе съ первымъ въ колодезь, изъ котораго вода регуляторомъ направляется въ верхній прудъ. Кромѣ этихъ двухъ подземныхъ источниковъ, гораздо ниже по долинѣ, по ту сторону крѣпости, мы потомъ замѣтили еще два, которые такъ же, какъ и первый, подземными путями вливаются въ пруды Соломоновы¹⁾. Самые пруды устроены по дну долины въ одинаковомъ почти разстояніи одинъ отъ другого (въ 48—49 м. = ок. 23 саж.), при томъ—такъ, что каждый слѣдующій лежитъ ниже предшествующаго на 6 м. (=8,4 арш.). Каждый прудъ въ отдѣльности имѣетъ видъ огромнаго резервуара, наполненнаго водой: длина каждаго изъ нихъ имѣетъ саж. 50 слишкомъ, шир. саж. 30, а глубина отъ 2 до 6 саж. Они высѣчены большею частію въ скалахъ, а отчасти выложены тесаннымъ камнемъ и совнутри укрѣплены контрфорсами; къ востоку каждый прудъ заканчивается крѣпкою поперечною стѣною. Отъ этихъ прудовъ проведена вода подземными каналами на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ Иерусалимъ; каналы эти или водопроводы идутъ по двумъ различнымъ направленіямъ и соединяются линіею въ долинѣ сыновъ Гининовыхъ у моста, подъ Иерусалимъ. Отсюда вода идетъ уже однимъ общимъ каналомъ по южному скату западнаго холма Иерусалима (Сіона) къ горѣ Моріа. Говорятъ, и нынѣ тамъ получается вода изъ этого источника. Изъ двухъ водопроводовъ, снабжавшихъ въ древности водою столицу Еврейскаго царства, тотъ, который идетъ вправо, надъ долиною прудовъ Соломоновыхъ, устроенъ болѣе

¹⁾ Изъ нихъ ближайшій къ крѣпости питается водою верхнихъ источниковъ и есть собственно старый водопроводъ; онъ называется 'Ain Sâlih. Христіане въ древности искали здѣсь „запечатлѣнный источникъ“. II. Пѣсней IV, 12.

искусно и есть, несомнѣнно, и болѣе древній. Быть можетъ онъ и есть сооруженіе собственно Соломона. Правда, мнѣнія ученыхъ о времени происхожденія этихъ сооружений очень разнорѣчивы. Нѣкоторые даже совсѣмъ не признаютъ ихъ сооруженіемъ Соломона, равно какъ не согласны и съ мнѣніемъ о томъ, что въ долину (Artâs), лежащей ниже прудовъ, находились сады Соломоновы, и относятъ происхожденіе ихъ либо ко временамъ рим. владычества, либо къ позднѣйшимъ, арабскимъ. Иосифъ Флавій говоритъ объ одномъ водопроводѣ, постройку котораго предпринялъ самъ Понтій Пилать; для этого онъ взялъ сокровища храма, что вызвало возмущеніе между Іудеями. Но Пилать, какъ полагаютъ, исправлялъ лишь старые водопроводы; арабамъ же приписывать сооруженіе этихъ водопроводовъ—еще менѣе основаній. Если дѣйствительно есть сходство этихъ водопроводовъ съ тѣми которые сооружены арабами въ Испаніи, то это не доказываетъ, что здѣшніе водопроводы были построены ими же. Скорѣе они могли подражать этой постройкѣ.

Спускаясь отъ прудовъ къ востоку въ долину, можно говорить, встрѣтитъ иногда водопроводъ открытымъ, такъ что изъ него можетъ быть зачерпнута вода. Намъ чрезвычайно заинтересовало это чудное сооруженіе. Какихъ громадныхъ усилий и искусства требовалось, чтобы приспособить прорывающуюся здѣсь изъ глубинъ земныхъ воду къ водоснабженію столицы Іуд. царства и, полагаю, также къ орошенію попутной мѣстности! Пустынность и мертвая тишина вокругъ, среди которой лишь слышно подземное журчаніе источниковъ, давали для меня чѣмъ-то таинственнымъ, неразгаданнымъ навѣвали на меня мечты о быломъ величій народа Божія, объ усиліяхъ великаго изъ царей его, Соломона, создать себѣ въ своемъ родѣ земной рай, о чудныхъ его сооруженіяхъ, водоемахъ, садахъ, многочисленной прислугѣ, всевозможныхъ населеніяхъ, и наконецъ—о томъ горькомъ чувствѣ разочарованія, которое онъ такъ трогательно выразилъ въ одномъ изъ своихъ произведеній: „Сказалъ я въ сердцѣ моемъ: дай

испытаю тебя (мудрость) веселіемъ, и насладись добромъ... Я предпринялъ большія дѣла, построить себѣ дома, насадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи, насадилъ въ нихъ всякія плодовиыя деревья: сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія въ нихъ роцвей, произрастающихъ деревья... Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія; потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ; и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ. Вѣдь и меня здѣсь,—разсуждаетъ онъ дальше,—постигнетъ та же участь, что и глупаго,—смерть, и мудраго не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго,—въ грядущіе дни все будетъ забыто... И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ, мудрый ли онъ будетъ или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился, показавъ себя мудрымъ подъ солнцемъ. И это—суета! (Екклез. II, 1, 4—13). Какою грустью отзывались въ сердцѣ моемъ, въ этихъ мѣстахъ, слова премудраго царя! И кому въ самомъ дѣлѣ досталось теперь распоряженіе этимъ его созданіемъ?!...

Изъ прудовъ Соломоновыхъ потокъ несомнѣнно нѣкогда шелъ далѣе по долину, именуемой „*вертоградъ заключенный*“. Въ ней, по преданію, во времена Соломона были прекрасныя царскія сады, улаждавшія чувства пріятностью вида и благоуханіемъ растительности. Здѣсь же были великолѣпныя дворцы Соломона и жены его, и самъ онъ, полагаютъ, проводилъ въ этомъ эдемѣ время, предаваясь удовольствіямъ, пока не почувствовалъ всей душой той мучительной тоски и томленія духа, которыя онъ съ такимъ сокрушеніемъ сердца излилъ въ своей кн. „Екклезіастъ“. Въ этомъ же мѣстѣ онъ могъ писать еще раньше кн. „Пѣснь пѣсней“ и брать для нея образы (кедры, кипарисы, мирровый пучекъ, кисть кипера, нарцисъ Саронскій, лилія долины, гранатовыя яблоки, баль-

замъ, см. напр. 5, 12, 13 и дал. 7, 13, 14). Попятно было наше желаніе проникнуть въ глубь этой долины, гдѣ, говорятъ, и нынѣ прекрасная растительность. Я и студ. Ив—кій пошли отъ третьяго пруда внизъ по долинѣ. Мы прошли такъ минутъ 10. Видъ этой долины въ началѣ ничѣмъ не оправдывалъ связанныхъ съ нею преданій: по ту и другую стороны ея видны были только обвалившіеся камни; даже потока по этой долинѣ не видно было. Очевидно, красивая и болѣе благодатная часть ея была еще впереди. Мы, однако, должны были поспѣшить назадъ къ нетерпѣливо ожидавшимъ насъ спутникамъ.

Садимся въ экипажъ и продолжаемъ путь въ Виеземъ. Были уже сумерки, когда мы прибыли во градъ Іудовъ. Съ большимъ трудомъ пробиралось наше ландо по узкимъ улицамъ города. Мы остановились на площади передъ *храмомъ Рождества Христова* и поспѣшили по узкому переулку въ греч. монастырь, который находится при южной части храма. Мы не успѣли теперь ни ориентироваться въ окружающей мѣстности, ни даже сколько-нибудь отчетливо рассмотреть наружный и внутренній видъ храма. Меня, какъ и моихъ спутниковъ, конечно, влекло къ себѣ прежде всего то святѣйшее мѣсто, которое первое пріяло въ себя Бога невмѣстимаго, сошедшаго на землю насъ ради человѣкъ и нашего спасенія. Мы нашли греч. іеромонаха, который тотчасъ провелъ насъ въ храмъ, а затѣмъ въ пещеру. Онъ отслужилъ намъ по славянски краткій молебенъ съ чтеніемъ Евангелія о Рожд. Христовомъ и помянулъ въ ектеніи всѣхъ насъ, между прочимъ и моихъ родныхъ. Было уже темно, когда мы вышли изъ пещеры и храма. Удовлетворивъ первымъ движеніямъ своего сердца на этомъ мѣстѣ, мы, конечно, далеки были отъ мысли ограничиться этимъ кратковременнымъ, почти минутнымъ, пребываніемъ здѣсь и молитвою. Весьма жаль было бы, если бы священное это мѣсто и городъ, изъ котораго изыде Великій Вождь въ новомъ Израилѣ, остались нами не осмотрѣнными. Поэтому я и большинство моихъ спутниковъ, по совѣщаніи

съ кавасомъ Христо, готовы были остаться здѣсь въ греч. монастырѣ на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на утро отслушать здѣсь литургію и даже отговѣться. Къ сожалѣнію, этотъ планъ не осуществился вслѣдствіе протеста одного изъ нашихъ спутниковъ г. Раз—го (Орловскаго дровяного торговца), который говорилъ: „вамъ хочется здѣсь остаться, а мнѣ больше ничего здѣсь не нужно. Экипажъ у насъ общій; мы выѣзжали съ тѣмъ, чтобы возвратиться сегодня же въ гостинницу (въ Іерус.). Я не согласенъ тутъ быть больше“... Пришлось ѣхать въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы съѣздить сюда вторично, если кто захочетъ. Возвратились мы въ миссію уже довольно поздно.

16 іюля, пятн. Вслѣдствіе вчерашней неудачи я сегодня рѣшился съѣздить вторично въ Виѳлеемъ. Со мною отправился и студ. Ив—кій. Раннимъ утромъ кавасъ Христо заказалъ для насъ верховыхъ лошадей, и мы вдвоемъ черезъ часъ снова были въ Виѳлеемѣ. Теперь мы въѣзжали съ сѣв.-запада по отлично шоссеванной дорогѣ, тянувшейся сначала по окраинѣ холма, круто скатывавшаяся къ востоку. Влѣво виднѣлись тучныя поля и пастбища, которыя съ древнѣйшихъ временъ сообщали особый характеръ этому городу. Самое имя Виѳлеемъ съ евр. языка означаетъ „мѣсто хлѣба“. Многія событія св. исторіи Ветх. и Нов. Завѣта связываются съ тѣми или иными частностями патріархальнаго земледѣльческаго быта. На поляхъ Виѳлеемскихъ разыгралась идиллія книги Руѳъ. Здѣсь на одномъ изъ холмовъ при въѣздѣ въ городъ былъ домъ Іессея, сына Вооза и Руѳи, отца Давидова. На поляхъ Виѳлеемскихъ возрасталъ и укрѣплялся физически и духовно будущій побѣдитель Голіаѳа, а потомъ царь и пророкъ, Давидъ. Здѣсь было отечество Пресв. Дѣвы Маріи и обручника Ея Іосифа. Здѣсь, по чудному смотрѣнію Божію, благоволилъ родиться на земли и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но не какъ царь земной, въ чести и славѣ отъ міра, а въ глубокомъ униженіи, въ вертепѣ для загона скота, находившемся за городомъ. Какъ глубоко смиреніе Богочеловѣка! И сколько здѣсь въ эти дни совершилось чудныхъ и страшныхъ событій,

которыя Богоматерь слагала въ сердцѣ своемъ: явленіе ангеловъ пастухамъ на поляхъ Внолеемскихъ, поклоненіе волхвовъ, прибывшихъ изъ далекихъ восточныхъ странъ, поклоненіе пастырей, а затѣмъ—явленіе ангела Іосифу, бѣгство Св. Семейства въ Египеть, избіеніе младенцевъ лукавымъ Иродомъ.— все это знаменовало первые дни Царствія Божія на землѣ. Сугубо священнымъ сталъ этотъ городъ въ христіанской Церкви. Въ 330 г. имп. Константинъ Вел. построилъ великолѣпную базилику. Въ IV, V и VI вѣкахъ здѣсь было много церквей и монастырей. Въ періодъ мусульманскаго владычества городъ много терпѣлъ разореній отъ враговъ вѣры Христовой. Въ концѣ XI в., при приближеніи крестоносцевъ, онъ былъ разрушенъ арабами, но скоро возстановленъ франками которые основали при монастырѣ замокъ. Въ 1244 г. онъ былъ опустошенъ Харезмійцами, въ 1489 г. было срыто укрѣпленіе и разрушены стѣны и монастырь. Однако базилика Константина Вел. сохранилась. Значеніе Внолеема особ. поднялось въ послѣднее столѣтіе. Споры христіанъ съ Хевронскими и др. сосѣдними мусульманами приводили къ частымъ кровопролитіямъ. Мусульмане, которые въ Внолесмѣ занимали особый кварталъ, въ 1831 г., по случаю возстанія изъ за новой подати, были изгнаны изъ города, и ихъ кварталъ, послѣ новаго возмущенія въ 1834 г., былъ, по повелѣнію Ибрагима Паши, разрушенъ. Съ того времени и понынѣ городъ заселенъ почти исключительно христіанами.

Внолеемъ лежитъ на двухъ продолговатыхъ холмахъ—восточномъ и западномъ, которые соединяются между собою короткимъ узломъ. Главная святыня города—*храмъ и пещера Рождества Христова* находится въ концѣ города на восточномъ холмѣ, недалеко отъ крутого спуска въ долину. Мы оставили лошадей на площади у лавокъ перламутровыхъ издѣлій и отправились въ храмъ. Теперь мы замѣтили, что это вообще величественное сооруженіе, достойное временъ Константина Вел. или Юстиніана. Отмѣчаю здѣсь важнѣйшія событія въ исторіи этого святилища. Преданіе о пещерѣ Рож-

дства Хр. на семь мѣстѣ восходитъ къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства. Что нынѣшняя базилика есть сооруженіе Константина Вел., доказываютъ вообще единствомъ и цѣльностью общаго стили и отсутствіемъ отличит. признаковъ Юстиніановской постройки. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ единствѣ стили доказательство сильной реставраціи при Юстиніанѣ Вел (527—565 г.). Въ 1010 г. этотъ храмъ чудеснымъ образомъ избѣжалъ разрушенія мусульманъ (при Гакемѣ). Въ 1101 г. здѣсь короновался король Балдуинъ. Еще при крестоносцахъ храмъ этотъ исправился и украшался; усердіемъ Визант. императора Мануила Комнена (1143—1180 г.) стѣны его были украшены мозаикой по золотому полю. Исполненіемъ ихъ руководилъ архитекторъ Ефремъ, помѣстившій изображенія императора въ разныхъ мѣстахъ храма. Храмъ покрытъ былъ оловомъ. Въ концѣ XV в. обнаружилась порча крыши и потребовались новыя ремонтныя работы¹⁾. Въ концѣ XVII в. турки сняли съ крыши свинецъ и перелили его въ нули. Мозаики еще раньше 17 в. стали осматываться. Въ 1852 г., благодаря насильственному вмѣшательству Наполеона III, католики, не смотря на свое количественное ничтожество въ то время, пріобрѣли снова права на церковь и съ тѣхъ поръ очень здѣсь усилились. Заступничество Россіи вызвало крымскую войну 1855 г., столь тяжелую, но и славную для нея, показавшую, на какія великія жертвы готовъ русскій народъ для защиты дорогихъ его сердцу святынь.

Въ настоящее время вся мѣстность вокругъ храма Рождества Хр. занята православными, армянами и католиками. По правую или южную сторону храма находятся монастыри греческій и армянскій,— послѣдній ближе къ западному входу и площади; по лѣвую же сторону храма расположенъ боль-

¹⁾ Онѣ и были исполнены съ пожертвованіемъ средствъ и со стороны западныхъ государей Эдуарда IV Англійскаго и Филиппа Бургундскаго.

шой францисканскій монастырь съ госпиталемъ, школою и красивой новой церковью. Предъ главнымъ входомъ съ запада находится большая вымощенная камнемъ площадь, на которой еще и теперь открываются слѣды древняго двора (атріума) базилики, окруженнаго рядами колоннъ, съ цистернами посреди для пользованія водою при омовеніяхъ и крещеніи. Изъ трехъ дверей, прежде ведшихъ въ притворъ, осталась только средняя и то въ самомъ жалкомъ видѣ: большая часть ея заложена; оставленъ лишь низкій и узкій входъ, который въ этомъ громадномъ зданіи напоминаетъ маленькую щелочку въ большомъ ульѣ.

(Продолженіе будетъ).

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія*).

Въ минуты произнесенія проповѣдникомъ-импровизаторомъ поученія, слушатели не тѣмъ были заняты, чтобы критиковать его: они жили его жизнію, сами участвовали въ его возбужденіи, проникались его ощущеніями. Въ этомъ, между прочимъ, кроется тайна увлеченія, съ какимъ относятся понимающіе слушатели къ импровизованнымъ поученіямъ, и производимаго послѣдними на сердца слушателей сильнаго и неотразимаго впечатлѣнія, которое, будучи поддерживаемо обыкновенно молвою, быстро усиливаетъ значеніе проповѣдниковъ-импровизаторовъ въ народѣ, покоряетъ имъ умы и дѣлаетъ ихъ властителями сердець**).

*) См. № 10 за 1901 г.

**) *Амеросій*, архіеп. Харьковский: „Живое слово“. Харк. 1892 г., стр. 37—38.

Что касается произнесенія наизусть ранѣе составленныхъ и заученныхъ на-память поученій, то этотъ способъ, хотя отличается и меньшею жизненностью въ сравненіи съ подлинно *живымъ*, импровизованнымъ словомъ, тѣмъ не менѣе также имѣетъ свои достоинства и долженъ быть поставленъ значительно выше простаго общепринятаго чтенія поученій по тетрадкѣ или по книгѣ. Правда, проповѣдникъ, предварительно записывающій свои проповѣди, не можетъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ потребностей и настроеній, какія будутъ у его слушателей въ день и даже въ самый моментъ произнесенія поученія; за то, обдумывая дома предметъ поученія и записывая послѣднее, онъ имѣетъ полную возможность дать извѣстную мѣру раскрытія каждой мысли, всѣ мысли свои расположить въ строгой системѣ и послѣдовательности и выразить ихъ болѣе точно, правильно и сильно. Въ этомъ отношеніи заранѣе составленныя произносимыя наизусть поученія имѣютъ, можно сказать, своего рода преимущество даже предъ проповѣдями импровизованными. Въ сравненіи же съ чтеніемъ по тетрадкѣ произнесеніе наизусть имѣетъ вообще высокія преимущества. Когда проповѣдникъ произноситъ поученіе по тетрадкѣ, онъ скрываетъ отъ слушателей свое лицо и глаза, въ которыхъ всего болѣе выражается внутренняя жизнь и сила воодушевленія; постоянно обращаясь за содержаніемъ рѣчи къ тетрадкѣ, проповѣдникъ тѣмъ самымъ связываетъ и свободу выраженія своихъ мыслей и чувствъ въ тѣлодвиженіяхъ и даже въ самомъ голосѣ. Напротивъ, произнося наизусть, онъ смѣло и безпрепятственно смотритъ на слушателей во всѣ стороны, вліяетъ на предстоящихъ силой и огнемъ своего внутренняго воодушевленія, отражающагося въ его глазахъ и на лицѣ, слѣдитъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на слушателей его проповѣдь, и, сообразно съ этимъ впечатлѣніемъ, то усиливаетъ, то ослабляетъ свой голосъ. Сверхъ того, основательно заучивши заранѣе составленное поученіе наизусть, проповѣдникъ, во время произнесенія, можетъ даже свободно вносить въ него новыя мысли, не пре-

дусмотрѣнныя раньше и озарившія его уже на самой кеендрѣ, равно какъ—и замѣнять одни выраженія другими, болѣе мягкими и удачными *).

57. Личность проповѣдника, какъ главный факторъ въ выборъ способовъ сообщенія богослужебныхъ поученій.

На первыхъ порахъ по принятіи священнаго сана и поступленіи на приходъ, священникъ, естественно, долженъ избрать тотъ способъ произнесенія поученій, который наиболѣе легокъ и доступенъ для всѣхъ проповѣдниковъ, именно—произнесеніе наизусть заранѣе составленныхъ и записанныхъ поученій; въ качествѣ же импровизатора онъ можетъ выступить только лишь по истеченіи извѣстнаго времени, такъ какъ говорить импровизованныя проповѣди—дѣло далеко не легкое.

(Продолженіе будетъ).

*) *Пьяницкій В.*: „Теорія краснорѣчія Шотта“ („Тр. К. Д. Ак.“ 1897 г., № 9).—*Амеросій*, арх. Харк.: „Живое слово“, стр. 29-30.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб. съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевои
духовной Семинаріи.

1901 года, марта 18-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолженіе).—
Уроки Богослуженія шестой недѣли св. Четырехдесятиницы.—Петръ
Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ.—Каникулярная
поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоученія ¹⁾.

Общественное Богослуженіе.

Служить и поклоняться Богу мы должны не только въ уединеніи или частнымъ образомъ въ „комнатѣ своей“, по выраженію Спасителя (Мѡ. 6, 6), но и въ общественныхъ собраніяхъ вѣрующихъ, въ особо освященныхъ мѣстахъ и при участіи въ совершеніи священодѣйствій лицъ, особенно приготовленныхъ на служеніе Богу и обладающихъ нужными для того дарованіями. Если и земныя цѣли людей успѣшнѣе достигаются соединенными силами общества, то противно было бы разуму, если бы достиженіе цѣлей высшихъ духовныхъ было предоставлено только частной дѣятельности каждаго.

¹⁾ См. № 11 за 1901 г.

Эти цѣли успѣшнѣе всего достигаются при *общественномъ Богослуженіи*; потому что общественная молитва имѣетъ великую силу, по обѣщанію Самого Господа быть тамъ особенно, „гдѣ двое или трое собраны во имя Его“ (а собираться во имя Его—тоже, что собираться для молитвы) и исполнить всякое прошеніе, о которомъ совѣщаются двое на землѣ (Мт. 18, 19—20). Молитва одного сильна настолько, насколько силенъ онъ одинъ, и если онъ не отчуждается отъ общей молитвы; а если нарочито отчуждается отъ нея, то его одиночная молитва совсѣмъ ничтожна. Въ молитвѣ же общей молитва каждаго столько сильна, сколько сильны вмѣстѣ всѣ молящіеся. Кромѣ того, нигдѣ мы не можемъ чувствовать такой полноты духовной жизни въ себѣ, какъ въ совокупномъ съ другими моленіи Господу Богу своему. Когда мы „одними устами и однимъ сердцемъ“ возносимъ Ему хвалы, благодаренія и прошенія, то каждый изъ насъ проникается общимъ молитвеннымъ духомъ, каждый назидается другимъ и назидаетъ другого, всѣ живутъ одною жизнію, исходящею отъ Самого Источника жизни, и то, о чемъ нѣкогда Самъ Иисусъ Христосъ молилъ Отца Своего Небеснаго, взывая къ Нему: „да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Іоан. 17, 21),—болѣе, чѣмъ когда либо осуществляется въ это время видимымъ образомъ на землѣ. Потому-то первенствующіе христіане постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ (Дѣян. 2, 42. 46. ср. Гал. 1, 14; 2, 1). Они выносили изъ своихъ молитвенныхъ собраній такой богатый запасъ духовнаго утѣшенія, духовной силы и бодрости, что способны были радоваться среди мірскихъ напастей и не ощущать страха отъ самыхъ близкихъ и страшныхъ опасностей (2 Кор. 4, 8. 16; 5, 6; 6, 10; 12, 10). Самъ Господь Иисусъ Христосъ, цѣня всю важность и достоинство общественнаго Богослуженія, молился не только въ уединеніи, но и предъ народомъ (Іоан. 11, 41) и среди учениковъ своихъ (Іоан. 17, 1).

Почитаніе храма.

Для того, чтобы общественное Богослуженіе было совершаемо съ подобающимъ благоговѣніемъ, назначаются особо посвященныя мѣста—храмы Божіи. Поэтому къ обязанностямъ вѣшняго Богопочтенія относится *почитаніе храма*. Храмъ есть, по свидѣтельству слова Божія, „мѣсто жилища славы Божіей“ (Пс. 25, 8 и др.), мѣсто для возношенія общихъ молитвъ Господу (Мѡ. 21, 13; Мрк. 11, 17; Лук. 19, 46; Іоан. 2, 16) и для полученія благодати Божіей чрезъ таинство причащенія и другія (1 Кор. 11, 22 и дл.). Все это обявываетъ насъ любить храмъ Божій и благоговѣнно почитать его.

Еще во времена Вѣтхаго Завѣта мѣста Богослуженія и Богоявленія были окружены почитаніемъ и благоговѣніемъ. Патриархъ Іаковъ, увидѣвши таинственную лѣстницу, съ священнымъ страхомъ воскликнулъ: „какъ страшно сіе мѣсто! Это не иное что, какъ домъ Божій, это врата небесныя“ (Быт. 28, 17). Моисею самъ Богъ внушалъ страхъ и почитаніе къ святому мѣсту: „не подходи сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая“ (Исх. 3, 5), и гору Синай повелѣлъ обвести чертою и, подъ страхомъ смерти, запретилъ народу прикасаться къ подошвѣ ея (Исх. 19, 12). Такимъ же почитаніемъ пользовалась и скинія. Народъ могъ молиться только во дворѣ скиніи; внутренность же ея для него была недоступна. Христіанскіе храмы должны быть окружены еще большимъ почитаніемъ.

Почитаніе это вѣрующій христіанинъ выражаетъ тѣмъ, что, проходя мимо храма, обнажаетъ голову и совершаетъ крестное знаменіе,—ограждаетъ храмъ отъ всего несогласнаго съ достоинствомъ его, запрещая напр. устраивать на церковномъ погостѣ игры и курить табакъ, открывать вблизи него питейные дома, приносить въ него мяса и т. п.—часто посѣщаетъ храмъ, и время, посвященное въ немъ Богослуженію,

почитаетъ самымъ дорогимъ для себя временемъ (Пс. 25, 8 и др.),—входить въ него въ благопристойномъ видѣ и присутствуетъ въ немъ съ благоговѣніемъ и страхомъ, какъ на мѣстѣ таинственнаго обитанія Божія (Пс. 5, 8). „Возрадовался я, когда сказали мнѣ: пойдемъ въ домъ Господень“ (Пс. 121, 1), должны говорить мы всѣ съ царемъ Давидомъ. Почитаніе храма выражается еще въ заботливости о внѣшнемъ его благоустройствѣ. Въ храмѣ Божіемъ все должно быть благопристойно и чинно (1 Кор. 14, 40). Хотя вся „слава“ Церкви „внутри ея“, въ живомъ союзѣ вѣрующихъ между собою, подъ общою всѣмъ главою Христомъ-Спасителемъ, однакожь и внѣшнее благолѣпіе, насколько оно возможно, подобаешь тому, что совершается во славу Божію. Церковь желаетъ, чтобы мѣста Богослуженія по самому виду своему сколько можно болѣе соотвѣтствовали высокому назначенію своему, чтобы внутри храма стоящіе дѣйствительно „мнили“ стоять на небѣ, какъ поется въ одной церковной пѣсни „въ храмѣ стояще, на небесахъ стояти мнимъ“. Мудрѣйшій изъ царей израильскихъ Соломонъ приложилъ наиболѣе старанія къ построенію, достойнаго величія Божія, храма. И Господь чудеснымъ образомъ открылъ благоволеніе Свое при освященіи этого величественнаго храма (3 Цар. 5—9, 15). Такъ какъ для внѣшняго благоуукрашенія храма нужны матеріальныя средства, то каждый христіанинъ долженъ удѣлять отъ своего достатка въ пользу храма. Примѣръ тому имѣемъ въ лицѣ бѣдной вдовы, положившей въ даръ Богу отъ скудости своей двѣ лепты (Мрк. 12, 41—44; Лук. 21, 1—4). Самъ Іисусъ Христосъ уплатилъ на храмъ требующуюся отъ іудея дидрахму, хотя и считалъ Себя, какъ Сына Божія, свободнымъ отъ храмовой подати (Мѡ. 17, 24—27). И св. Церковь молится о создателяхъ св. храмовъ, почитая ихъ достойными „присной памяти“, равно и о всѣхъ плодоносящихъ и добродѣлающихъ для храмовъ.

Почитаніе въ храмъ святыхъ, какъ то: креста, евангелія, иконъ и мощей. Противоположность иконопочитанія идолопоклоненію.

Почитая храмъ Божій, мы естественно должны *почитать* и всё его *святыхъ*, какъ освященныя орудія благодатныхъ дѣйствій. Въ храмъ въ особенности почитаются крестъ, евангеліе, иконы и мощи.

Въ дохристіанской древности *крестъ*, какъ орудіе жестокой и позорной казни, былъ предметомъ ужаса и отвращенія; но съ того времени, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ освятилъ его Своими страданіями и смертію, онъ сдѣлался знаменіемъ нашего спасенія и предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Ученіе о крестѣ и его особенномъ значеніи и силѣ уже всесторонне раскрыто въ Свящ. Писаніи (Мѡ. 10, 38; 1 Кор. 1, 17—18 и др.). Оригенъ, учитель Церкви 3 вѣка, пишетъ: „такова сила креста, что, если положимъ его предѣ глазами и вѣрно будемъ содержать его въ умѣ своемъ, такъ что очами ума будемъ созерцать самую смерть Христову, то никакое пожеланіе, никакая страсть, никакая зависть не одолѣють тебя“ (Ad. Rom. c. I.). Какъ было общеупотребительно почитаніе креста въ древней Церкви, это всего лучше видно изъ того, что невѣрующіе іудеи и язычники 2 и 3 вѣковъ даже упрекали христіанъ въ обожаніи креста („Нов. Скриж.“, гл. XI, §§ 2 и 3). Однако первые христіане вообще воздерживались отъ открытаго почитанія креста изъ опасенія, чтобы онъ не подвергся поруганію со стороны язычниковъ. Съ Константина Вел. почитаніе его сдѣлалось всеобщимъ и повсемѣстнымъ. Св. отцы VI вселенскаго собора пишутъ: „поелику животворящій крестъ явилъ намъ спасеніе, то подобаетъ намъ всякое тщаніе употреблять, да будетъ воздаема подобающая честь тому, чрезъ что мы спасены отъ древняго грѣхопаденія. Посему и мыслию, и словомъ, и чувствомъ мы должны приносить ему поклоненіе“ (Прав. 73).

Честный крестъ полагается теперь на престолѣ (иногда ставится и за престоломъ), вѣнчается собою иконостасъ и куполь храма, дается каждому при крещеніи для постоянного ношенія на тѣлѣ и служитъ какъ бы печатью всѣхъ предметовъ, посвященныхъ Богу.

Святое *евангеліе* издревле почиталось, въ особенности, предъ другими священными книгами, такъ какъ оно есть для насъ какъ бы живая проповѣдь Господа Спасителя. Заключая въ себѣ благую вѣсть о Спасителѣ и совершенномъ Имъ спасеніи, евангеліе естественно напоминало вѣрующимъ о Самомъ Спасителѣ, и они всегда взирали на него съ особенною вѣрою, и свое благоговѣніе къ нему выражали въ различныхъ знакахъ и дѣйствіяхъ. Въ храмѣ читать его могутъ теперь только лица освященныя, а не простые чтецы. При чтеніи его всѣ вѣрующіе стоятъ съ наклоненными головами въ знакъ всецѣлой покорности Господу; предъ евангеліемъ возжигаются свѣчи, и епископъ стоя выслушиваетъ чтеніе его, знаменуя тѣмъ присутствіе Самого Верховнаго Пастыреначальника; послѣ чтенія (за всенощной и молебномъ) прикладываются къ священнымъ изображеніямъ, украшающимъ его; по произнесеніи присяги цѣлуютъ письма его, какъ слова Христа Спасителя.

Святыми *иконами* называются живописныя изображенія Самого Бога въ томъ видѣ, какъ Онъ являлся нѣкоторымъ изъ св. пророковъ (напр. Исаи, Іереміи и др.), изображенія воплотившагося Сына Божія, какъ Онъ явился людямъ на землѣ, Пресвятой Матери Его и другихъ святыхъ и ангеловъ, равно какъ и изображенія священныхъ событій изъ исторіи царства Божія на землѣ. Естественное чувство любви требуетъ особеннаго вниманія и уваженія къ изображеніямъ тѣхъ лицъ, которыя дороги сердцу. И потому, если мы дорожимъ изображеніями нашихъ земныхъ благодѣтелей и покровителей, то тѣмъ болѣе дороги и священны должны быть для насъ изображенія небесныхъ покровителей и особенно Самого Господа, Творца и Спасителя. По началу своему, почитаніе иконъ

восходитъ къ глубочайшей древности. Уже въ Ветхомъ Заветѣ, на ряду съ запрещеніемъ, во второй заповѣди, дѣлать кумиры, дано было самимъ же Богомъ повелѣніе поставить въ скинии, въ святомъ святыхъ, надъ ковчегомъ завета, золотыя изображенія херувимовъ, которыя потомъ были поставлены и надъ дверями храма Соломонова (Исх. 25, 18; 3 Цар. 6, 25). Почитаніе иконъ въ Церкви христіанской освящено самимъ Иисусомъ Христомъ, Который, по преданію, чудеснымъ образомъ изобразилъ на платѣ Божественный Ликъ Свой и отдалъ это „нерукотворенное“ изображеніе живописцу, бывшему въ числѣ пословъ къ Нему отъ Авгаря, князя Едесскаго, который, находясь въ тяжелой болѣзни, просилъ Господа посѣтить и исцѣлить его. По другому преданію, евангелистъ Лука былъ живописецъ и написалъ изображеніе Спасителя и Божіей Матери, также изображенія св. Апостоловъ и Пророковъ. („Нов. Скрижалъ“, гл. XII, § 3). Но почитаніе иконъ въ древней Церкви не было обширно потому же, почему не было и открытаго почитанія креста. Съ 4 вѣка христіане стали свободно строить свои храмы, иконы начали входить въ широкое церковное употребленіе. Въ гоненіе на иконы, воздвигнутое императоромъ Львомъ Исавромъ, догматъ иконопочитанія былъ запечатлѣнъ кровью многихъ мучениковъ и исповѣдниковъ и, наконецъ, рѣшительно утвержденъ голосомъ всей Церкви на VII вселенскомъ соборѣ. Многія изъ св. иконъ прославлены чудесами и этимъ самъ Господь ясно показываетъ, что почитаніе иконъ Ему благоугодно.

Почитаніе святыхъ *мощей* имѣетъ тѣсную связь съ почитаніемъ св. угодниковъ Божіихъ. Мы почитаемъ св. мощи потому, что они были чистыми сосудами благодати Господней. „Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранилась благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія, такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитала благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею на другихъ“¹⁾. Особенная сила Хри-

¹⁾ Филаретъ Москов. „Слова и рѣчи“, изд. 1848 г., т. I, стр. 297.

стова, обитавшая въ свѣтлѣхъ, вопреки всеобщему закону тлѣнія, обнаруживается по блаженной кончинѣ ихъ. въ нетлѣннѣ тѣлѣ ихъ ¹⁾, и въ совершеніи отъ нихъ чудесь. Въ 4-й книгѣ Царствъ разсказывается, что отъ одного прикосновенія къ костямъ пророка Елисея умершій тотчасъ воскресъ (гл. 13, 21. Ср. Сир. 48, 14—15). Слѣды уваженія къ остаткамъ святыхъ замѣтны еще во времена ветхозавѣтныхъ. Іудеи почитали гробы праотцевъ и пророковъ, и Господь не осуждалъ ихъ за это. Въ христіанской Церкви гробы апостоловъ Петра и Павла свято, хотя и тайно, были хранимы и чтимы уже съ перваго вѣка ²⁾. На мѣстѣ, гдѣ хранились кости священномученика Поликарпа, смиренскіе христіане собирались для „веселаго и радостнаго провожденія дня мученическаго рожденія его“ ³⁾. Кровь священномученика Кипріяна діаконъ собирали ораями, какъ святыню. Православная Церковь, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, постоянно выражаетъ почитаніе св. мощей благоговѣйнымъ собираніемъ и храненіемъ ихъ. торжественнымъ открытіемъ и перенесеніемъ ихъ. построеніемъ надъ ними храмовъ, установленіемъ праздниковъ въ память ихъ открытія или перенесенія, украшеніемъ самыхъ гробницъ, въ которыхъ почиваютъ мощи; и постояннымъ правиломъ поставляетъ—полагать части мощей святыхъ въ антиминсы и въ основаніе св. престоловъ и безъ того не освящать храмовъ. Въ послѣднемъ случаѣ она руководствуется Откровеніемъ св. Іоанна Богослова, который видѣлъ на небесахъ жертвенникъ, и подъ жертвенникомъ души убиенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли (Апок. 6, 9), и—тѣмъ, что кровь св. мучениковъ, послѣ крови Христовой, служитъ какъ бы вторымъ основаніемъ Церкви, служатъ какъ бы багрянницею и виссономъ ⁴⁾.

¹⁾ См. объ этомъ Д. И. Протопопова „О нетлѣннѣ св. мощей“. М. 1889 г.

²⁾ Кирилл. Алек. противъ Юліана, кн. 10.

³⁾ Окруж. посланіе смирен. христіанъ о мучен. кончинѣ Поликарпа.

⁴⁾ Чинъ освященія храма—тропарь при крестномъ ходѣ.

Относительно одной изъ названныхъ святынь христіанскаго храма, именно—иконъ, нѣкоторые утверждаютъ, что иконопочитаніе запрещается второю заповѣдію, какъ идолопоклоненіе. Но эта заповѣдь запрещаетъ дѣлать истуканы или кумиры, почитать ихъ богами, поклоняться и служить имъ, какъ истинному Богу, но нисколько не запрещаетъ почитанія св. иконъ. Иконы отличаются отъ кумировъ тѣмъ, что кумиры суть изображенія какой-нибудь твари, напр. человѣка, солнца, быка и пр., или какого-нибудь вымышленнаго существа, въ которыхъ видятъ Бога и которымъ поклоняются и служатъ вмѣсто Бога; а иконы суть изображенія истиннаго, хотя и невидимаго, Бога и святыхъ Его, жившихъ на землѣ и теперь живущихъ на небѣ и ходатайствующихъ о насъ предъ Богомъ. Язычники боготворили самыя кумиры: христіане же, почитая св. иконы, не считаютъ ихъ богами, и если поклоняются имъ, то кланяются не краскамъ и дереву, а тѣмъ святымъ лицамъ, которыя на нихъ изображены. Кромѣ того, повелѣніе Самого Бога поставить въ скинии надъ ковчегомъ завѣта золотыя изображенія херувимовъ показываетъ, что почитаніе св. иконъ нисколько не противорѣчитъ второй заповѣди. Это повелѣніе дано было тому же пророку Моисею, чрезъ котораго дана была заповѣдь, запрещающая кумиры, и при томъ въ одно и то же время. Слѣд. *иконпочитаніе совершенно противоположно идолопоклоненію.*

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

**Уроки Богослуженія шестой недѣли св. Четыре-
десятницы.**

Шестая седмица есть послѣдняя и заключительная недѣля св. Четыредесятницы. Въ пятокъ этой недѣли св. Церковь уже влагаеть въ уста вѣрующихъ молитву: „душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую седмицу страсти

Твоея просимъ видѣти, Человѣколюбче!“¹⁾ и приготовляетъ ихъ къ воспоминанію величайшихъ и спасительнѣйшихъ событій земной жизни Господа Иисуса Христа. Еще въ среднѣй Четырдесятницы она собирала чадъ своихъ вокругъ креста Господня, указывая въ немъ благодатную силу, жизнь и спасеніе, теперь же она хочетъ подробно раскрыть намъ спасительныя тайны креста, желаетъ провести вѣрующихъ по всему скорбному и въ то же время торжественному пути Господа, отъ Вифаніи до Голгофы, чтобы дать намъ почувствовать всю безмѣрную любовь Искушителя и всю важность предстоящихъ страшныхъ событій, и, такимъ образомъ, сдѣлать насъ полными участниками спасительныхъ страстей Его и воскресенія.

Предъ праздниками воскресенія Лазарева, входа Господня въ Иерусалимъ и страстную седмицею, Церковь приглашаетъ „усердно начинающихъ шестую отъ честныхъ постовъ седмицу“ къ достойному срътенію Господа, грядущаго на вольныя страсти и смерть крестную, чтобы Своею смертию воскресить всѣхъ. Св. Церковь молится, чтобы Жизнодавецъ и намъ даровалъ жизнь и здравіе, какъ Лазарю²⁾, приглашаетъ и насъ нести въ срътеніе Сыну Давидову „добродѣтелей вѣтви“³⁾ и поучаетъ насъ умерщвленіемъ страстей очистить себя къ достойному созерцанію страстей Христовыхъ⁴⁾. Свои подготовительныя воспоминанія Церковь начинаетъ съ воскресенія Лазаря, „зане святіи и богоносніи отцы наши. паче же святіи апостолы... сіе чудо начало и вину наипаче обрѣтоша іудейскаго на Христа неистовства“, говорится въ синокарѣ Лазаревой субботы. Все богослуженіе субботы представляетъ собою торжественную пѣснь въ честь Господа, воздвигшаго Лазаря и тѣмъ увѣрающаго „общее воскресеніе“. Но мысли свв. творцовъ канона, Лазаревой субботы воскресеніе Лазаря прославляется, какъ доказательство божествен-

¹⁾ Стихира на Господи воззвахъ.

²⁾ Стихира вечерни понед.

³⁾ Сѣдал. по каѳ. въ понед. и 9 п. канона, вторн.

⁴⁾ Трипѣсн. понед.

ной силы Иисуса Христа, какъ удостовѣреніе въ воскресеніи Господа и въ общемъ воскресеніи всѣхъ умершихъ, что выражается и въ тропарѣ праздника. Этимъ же чудомъ Господь утверждаетъ насъ въ надеждѣ возстанія отъ сна грѣховнаго: ибо „Лазарь бысть паки бытія преображеніе спасительное“. По мысли Церкви, Лазарь, во гробѣ лежащій, есть образъ человѣка грѣшнаго, мертваго душою и смердящаго грѣхами своими, и Господь, воззавшій къ Лазарю: „гряди вонъ“, и душѣ грѣшника взываетъ: гряди вонъ отъ грѣховнаго гроба; посему и Церковь въ этотъ день влагаетъ въ уста вѣрующихъ молитву: „мертва смердяща Лазаря воздвигнувый Христе четверодневна, возстави мя умерша нынѣ грѣхи мои и положена въ ровѣ и тѣни смертнѣй“¹⁾.

Богослуженіе недѣли Вайи воспоминаетъ событіе Царскаго входа Господня въ Иерусалимъ, въ которомъ Церковь видитъ исполненіе пророчествъ о Христѣ и потому начинаетъ свое торжество высокими пророчествами патріарха Іакова, прор. Софоніи и прор. Захаріи. Утреннее Евангеліе повѣствуетъ о событіи Царскаго входа Господня и о злобѣ завистливыхъ книжниковъ іудейскихъ, которые при восклицаніяхъ народа: „осанна сыну Давидову,—негодоваша“. Особенность въ богослуженіи этого праздника состоитъ въ томъ, что на утрени освящаются вербныя вѣтви и раздаются народу для того, чтобы живѣе представить срътеніе Господа, бывшее прежде шести дней Пасхи. Стихиры на Господи возвахъ, хвалитны и стиховны, канонъ праздника—все полно историческими воспоминаніями торжественнаго входа и призываетъ насъ воспѣвать „Грядущаго во славу со областію, въ Немъ же утвердися Церковь“. Зеленныя вѣтви и свѣчи, которыя мы держимъ на утрени, служатъ, какъ говоритъ молитва на освященіи вайи, „знаменіемъ воскресенія“ Господа, а вмѣстѣ съ Нимъ и вѣрующихъ. Вручая намъ вайи, Церковь желаетъ, чтобы мы возстали отъ сна грѣховнаго, какъ вѣтви пробуж-

¹⁾ Суббота, 5 пѣснь канона.

даются отъ зимняго покая, чтобы, обновившись, мы могли стать участниками радости, которая послѣдуетъ для праведниковъ за общимъ воскресеніемъ. Соотвѣтственно радостному характеру воспоминаемаго событія, апостоль призываетъ вѣрующихъ къ радости о Господѣ: „братіе, радуйтесь всегда о Господѣ. и наки реку, радуйтесь“ (Филип. 4, 4—9). Плодами этой радости должны быть добрыя качества души, особенно же кротость и смиреніе: „кротость ваша, говоритъ апостоль, да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкомъ“; творя добро, учить онъ, не унывайте: „Господь близъ“, заботы о мірскомъ удалите отъ себя, и „миръ Божій соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша“ отъ злыхъ похотей и помысловъ. Для большей торжественности праздника Ваій, Церковь и литургію совершаетъ Іоанна Златоуста; причемъ внушаетъ намъ принести Господу Іисусу вмѣсто ваій милостыню, взять вѣтви добродѣтелей и принять Христа въ домъ души, какъ въ Іерусалимъ¹⁾.

Итакъ, правосл. Церковь, высоко почитая св. Четырдесятницу, какъ учрежденіе божественное, какъ время святое, очистительное и безмѣрно важное для христіанина, съ истинно мудрою предусмотрительностью и послѣдовательностью, все направляетъ къ тому, чтобы мы достойно совершили душеполезную Четырдесятницу и, примиренные съ Богомъ, съ ближними и съ своею совѣстью, свѣтло и радостно, съ чистою душою и открытымъ сердцемъ, встрѣтили дни страстей Господнихъ и славнаго Его воскресенія, какъ такихъ событій, въ представленіи безконечнаго значенія и величія которыхъ теряется слабая мысль человѣка.

¹⁾ Дебольскій. Дни Богосл. Шрав. Каѳох. Вост. Ц. ч. 2, стр. 131.

Петръ И.льичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ.

Послѣднее двадцатипятилѣтіе недавно окончившагося XIX вѣка, особенно 13-лѣтній періодъ царствованія Императора Александра III, ознаменовалось въ Россіи сильнымъ подъемомъ и развитіемъ національнаго искусства вообще, и въ частности православно-церковнаго искусства во всѣхъ его видахъ. Въ это именно время создано у насъ много, какъ въ области церковнаго зодчества и живописи, такъ и въ области церковнаго пѣнія. Общее оживленіе и укрѣпленіе національнаго самосознанія, а также подъемъ церковной жизни и просвѣщенія въ духѣ церковности, которыми отмѣчено благословенное царствованіе Императора Александра III, въ связи съ распространеніемъ и успѣхами музыкальнаго образованія, отразились самымъ благотворнымъ образомъ и на направленіи церковно-музыкальнаго творчества.

Подъ вліяніемъ указанныхъ выше условій, началось отрицательное отношеніе къ господствовавшему у насъ западному стилю церковнаго пѣнія и весьма замѣтное движеніе въ пользу возстановленія въ пѣвческой практикѣ и надлежащей разработки древнихъ церковныхъ напѣвовъ, которые, по общему признанію людей, обладающихъ музыкальными познаніями и серьезнымъ вкусомъ, полны глубокаго содержанія и неуязвимой красоты. Постепенно начинаетъ проникать и утверждаться въ умахъ та мысль, что церковно-музыкальное творчество не можетъ быть дѣломъ однихъ дилетантскихъ опытовъ въ композиціи, но что оно, при всей своей простотѣ и отсутствіи техническихъ трудностей, помимо таланта, требуетъ самаго солиднаго музыкальнаго образованія и должно основываться на серьезномъ историко-археологическомъ изученіи церковныхъ напѣвовъ. Въ это время церковно-музыкальному творчеству стали посвящать свои силы композиторы, отличающіеся высокимъ дарованіемъ, солиднымъ музыкальнымъ обра-

зованіемъ или стяжавшіе себѣ славу въ области музыки, баковы—Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Львовскій, Кастаньскій и др. Даже Придворная Пѣвческая Капелла, твердо хранившая до того времени преданія старой школы итальянизированной церковнаго пѣнія, какъ оно поставлено было еще Д. С. Бортнянскимъ и его послѣдователями, стала обнаруживать въ своей дѣятельности стремленіе въ сторону національности и церковности, когда во главѣ ея стали такіе крупные и серьезные, по своему направленію, музыкальные таланты, какъ М. А. Балакиревъ и Н. А. Римскій-Корсаковъ. Параллельно съ этимъ идетъ научная разработка церковнаго пѣнія, появляются дѣльные труды по исторіи, археологій, теоріи и гармонизаціи церковнаго пѣнія Ю. К. Арнольда, С. В. Смоленскаго, о. В. Металлова и др.

Таковы особенности, стремленія и задачи, которыми характеризуется развитіе церковнаго пѣнія въ послѣднюю четверть только что истекшаго столѣтія. Онѣ могутъ служить добрымъ предзнаменованіемъ относительно дальнѣйшихъ успѣховъ въ этой области искусства, дорогой для церкви и отечества. То, что уже сдѣлано въ этой области, можетъ служить залогомъ достиженія конечной цѣли, т. е. выработки своего національно-церковнаго стиля пѣнія. „Эти данныя говоритъ извѣстный изслѣдователь церковнаго пѣнія С. В. Смоленскій, не могутъ не укрѣплять надежды, что появится же, наконецъ, свѣтлый умъ и сильный талантъ, который скажетъ русскимъ музыкантамъ, недостающее намъ, краткое, простое и ясное слово о нашихъ ладахъ и ритмахъ,—столь же вразумительное, глубокомысленное и понятное, какъ понятны простой церковный древній напѣвъ и народная пѣсня, родная сестра того древняго напѣва, выражающаго задушевнѣйшія русскія мысли въ сферѣ созерцательнаго самоуглубленія,—въ вдохновеніи религиозномъ“¹⁾.

¹⁾ „Обзоръ историч. концертовъ Синодальнаго училища цер. пѣнія въ 1895 г.“, стр. 76.

Въ этой общей работѣ и движеніи въ пользу національно-церковнаго и художественнаго пѣнія, въ этомъ отрешеніи русскихъ пѣвцовъ отъ увлеченія несвойственной православному богослуженію музыкой, видная заслуга принадлежитъ и знаменитому русскому композитору П. И. Чайковскому ¹⁾.

Петръ Ильичъ Чайковскій родился 25 апрѣля 1840 г. въ Воткинскомъ заводѣ Вятской губерніи, гдѣ отецъ его, горный инженеръ, состоялъ на службѣ. Съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ чрезвычайную нервность и впечатлительность. Въ немъ очень рано проснулась своя внутренняя жизнь и весьма рано также стала проявляться наклонность высказываться, найти живое выраженіе въ словѣ или въ музыкальныхъ звукахъ тому, что его волновало и занимало.

Раннее дѣтство будущаго гениальнаго композитора протекло при условіяхъ благоприятныхъ, какъ для общаго духовнаго его развитія, такъ и въ частности для пробужденія въ немъ музыкальнаго дарованія. Окруженный въ семьѣ общимъ вниманіемъ и любовью, онъ съ самаго начала попалъ въ руки способнаго и достойнаго воспитателя. Первымъ его наставникомъ была, до сихъ поръ еще живущая во Франціи, г-жа Фанни Дюрбахъ, которая въ теченіе 4-хъ лѣтъ была гувернанткой въ семьѣ Чайковскихъ и сохранила о своемъ знаменитомъ воспитанникѣ самыя теплыя воспоминанія. Занятія съ маленькимъ Чайковскимъ начались, едва ему минуло 4 года и по его настоятельной просьбѣ. Уступая его слезамъ и просьбамъ, мать однажды привела его въ комнату, гдѣ занимались старшіе его братья и сестры, и онъ началъ учиться наравнѣ съ ними, не допуская никакого снисхожденія къ себѣ или ослабленія въ занятіяхъ. Скоро онъ поровнялся въ ученіи съ

¹⁾ Сохранились весьма подробные и интересные матеріалы для біографіи П. И. Чайковскаго, которые въ настоящее время разрабатываются и издаются братомъ композитора, Модестомъ Ильичомъ. Еще раньше М. И.—чь напечатать не мало свѣдѣній о композиторѣ, на основанія которыхъ можно составить о его личности опредѣленное представленіе. Этими матеріалами и мы пользовались.

старшими, такъ что при случаѣ могъ помогать другимъ, и шести лѣтъ совершенно свободно читалъ по французски и по нѣмецки. Его наставница, г-жа Дюрбахъ, передаетъ, что „въ классѣ нельзя было быть старательнѣе и понятливѣе, во время же рекреаций никто не выдумывалъ болѣе веселыхъ забавъ; во время общихъ чтеній для развлеченія никто не слушалъ внимательнѣе, а въ сумерки подъ праздникъ, когда я собирала своихъ питомцевъ вокругъ себя и по очереди заставляла рассказывать что-нибудь, никто не фантазировалъ прелестнѣе“. Вообще о природной индивидуальности Петра Ильича его наставница отзывалась такимъ образомъ: „впечатлительности его не было предѣловъ, поэтому обходиться съ нимъ надо было очень осторожно. Обидѣть, задѣть его могъ каждый пустякъ. Это былъ стеклянный ребенокъ. Въ выговорахъ и замѣчаніяхъ (о наказаніяхъ по отношенію къ нему и рѣчи не было) то, что другія дѣти пропускаютъ мимо ушей, у него глубоко западало въ душу и при малѣйшемъ усиленіи строгости разстраивало его такъ, что становилось страшно“.

Первыя музыкальныя впечатлѣнія будущій композиторъ получилъ отъ привезеннаго отцомъ изъ Петербурга въ Волкинскъ небольшого механическаго органа или, такъ называемой, оркестрины, которая разыгрывала разныя итальянскія аріи. По собственному сознанію его, онъ не могъ вдосталь наслушаться ея и старался подражать ей. Пяти лѣтъ онъ уже по слуху совершенно вѣрно подбиралъ на фортепіано то, что играла оркестрина. Любовь къ музыкѣ у него на столько сильна была, что, по словамъ Дюрбахъ, „послѣ урока его постоянно тянуло къ фортепіано. Предоставленный самъ себѣ, онъ охотнѣе шелъ къ музыкѣ, принимался за чтеніе или за сочиненіе стиховъ“. Г-жа Дюрбахъ передаетъ одинъ фактъ, весьма интересный для характеристики музыкальной впечатлительности маленькаго Чайковскаго. „Послѣ занятій, или долгихъ фантазировацій на фортепіано, онъ приходилъ всегда нервный и разстроенный. Однажды у Чайковскихъ были гости и весь вечеръ прошелъ въ музыкальныхъ развлеченіяхъ.

Вслѣдствіе праздника дѣти были со взрослыми. Петя сначала былъ очень оживленъ и весель, но къ концу вечера такъ утомился, что ушелъ на верхъ ранѣе обыкновеннаго“. Когда гувернантка черезъ нѣсколько времени пришла въ дѣтскую, онъ еще не спалъ, и съ блестящими глазами, возбужденный, плакалъ. На вопросъ, что съ нимъ, онъ отвѣчалъ: „О, эта музыка, музыка! Избавьте меня отъ нея! Она у меня здѣсь“, рыдая и указывая на голову, говорила мальчикъ,—она не даетъ мнѣ покоя!“

Эта выдающаяся музыкальность Чайковскаго рано обратила на себя вниманіе его родителей, вообще не склонныхъ къ музыкѣ, и они постарались взять для него учительницу музыки, какою можно было найти въ Воткинскѣ.

Правильныя занятія музыкой пачались уже въ Исторбургѣ, куда вскорѣ Чайковскіе переѣхали. Кромѣ правильнаго обученія подъ руководствомъ хорошихъ учителей, здѣсь молодой Чайковскій имѣлъ возможность также часто слушать хорошую музыку въ образцовомъ исполненіи. Тяжелая нервная болѣзнь, вскорѣ перенесенная имъ, прервала на время музыкальныя занятія, которыя, хотя и возобновились по выздоровленіи, но уже не составляли предмета заботъ для родителей, вообще не имѣвшихъ въ виду артистической карьеры для своего сына. Однако, природный музыкальный талантъ все заявлялъ о себѣ въ прежней склонности къ импровизованію, къ которому теперь побуждаетъ его, кромѣ смутнаго художественнаго стремленія, также постоянное грустное настроеніе, утрата прежней душевной ясности, какъ послѣдствіе тяжелой болѣзни. По выраженію одного его письма, онъ игралъ, „когда ему грустно“.

Такъ постепенно еще въ дѣтскомъ возрастѣ П. И. Чайковскій привыкалъ, въ силу внутренней потребности своего духа, выражать музыкальнымъ языкомъ впечатлѣнія и состоянія своей души,—такъ уже въ раннемъ возрастѣ проявлялись характеристическія особенности художнической личности этого пѣвца грусти.

Десяти лѣтъ П. К. Чайковскій поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія. Въ этомъ привилегированномъ учебномъ заведеніи на музыку всегда обращалось большое вниманіе; училищное начальство приглашало хорошихъ учителей для обученія музыкѣ и всячески поощряло музыкальныя занятія воспитанниковъ. Тѣмъ не менѣе 9-лѣтнее пребываніе въ Училищѣ Правовѣдѣнія не оказало замѣтнаго вліянія на развитіе и образованіе музыкальнаго дарованія Чайковскаго. Гораздо важнѣе было значеніе Училища Правовѣдѣнія для воспитанія въ молодомъ Чайковскомъ религіознаго настроенія, а также въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые онъ познакомился съ церковнымъ пѣніемъ, къ которому онъ никогда уже не терялъ интереса.

По словамъ брата покойнаго композитора, М. П. Чайковскаго, на Петра Ильича сильное впечатлѣніе производилъ законоучитель Училища Правовѣдѣнія, извѣстный богословъ, протоіерей М. Богословскій, своимъ краснорѣчіемъ и удивительнымъ благолѣпіемъ служенія въ церкви. „Нельзя себѣ представить, говоритъ Модестъ Ильичъ, ничего болѣе чиннаго, истоваго, величаваго, какъ священнодѣйствіе о. Михаила. Петръ Ильичъ особенно любилъ его чтеніе св. Евангелія и покаяннаго канона Андрея Критскаго на первой недѣлѣ великаго поста. Та любовь къ церковнымъ службамъ и пѣнію, которая заставляла Петра Ильича до самой кончины по возможности не пропускать обѣдни въ праздничные дни, да и интересъ къ церковной музыкѣ, желаніе что-нибудь сдѣлать для нея—имѣли, несомнѣнно, источникомъ впечатлѣніе, произведенное на него о. Михаиломъ Измайловичемъ Богословскимъ ¹⁾).

Учителемъ пѣнія въ Училищѣ Правовѣдѣнія былъ тогда извѣстный регентъ и церковный композиторъ Г. І. Ломакинъ, который не могъ не обратить вниманія на выдающіяся музы-

¹⁾ См. Рус. Муз. Газ. 1897, мартъ или Сѣв. Вѣст. январь 1897, статьи: „Юность и молодость П. И. Чайковскаго“.

кальвныя способности Чайковскаго и выбралъ его въ хоръ пѣвчихъ. Но Ломакинъ не велъ систематическихъ занятій съ Чайковскимъ; онъ просто пользовался имъ, какъ полезнымъ по своей музыкальности хористомъ, поручая ему болѣе трудныя партіи и не выключая его изъ хора даже въ періодъ перехода его голоса. Тѣмъ не менѣе Ломакинъ впервые ввелъ Чайковскаго въ новую для него область музыкальнаго искусства, въ область музыки религіозной.

Насколько тонкимъ слухомъ и впечатлительностью отличался Чайковскій, видно уже изъ того, что, по словамъ его брата М. И—ча, „въ хорѣ сосѣдство фальшивившихъ товарищей доставляло ему прямо страданія“¹⁾.

Въ младшихъ классахъ училища Петръ Ильичъ однажды участвовалъ, при архіерейскомъ служеніи въ день св. Екатерины, въ пѣніи „исполня эти деспота“, исполняя партію 2-го дисканта; а позже, въ V классѣ (въ 1854 г.), онъ исполнялъ альтовую партію въ тріо „Да исправится молитва моя“. Пробовалъ онъ также управлять училищнымъ хоромъ, но его ретентскіе опыты были неудачны: ему недоставало самоувѣренности и силы характера, чтобы подчинить себѣ пѣвчихъ. Вообще, обладая нѣжнымъ, скромнымъ и весьма застѣнчивымъ характеромъ, онъ и впоследствии, находясь на верху своей славы, едва въ послѣдніе годы жизни могъ рѣшиться выступить публично въ качествѣ дирижера своими собственными произведеніями.

Окончивъ усѣбно въ 1859 г. Училище Правовѣдѣнія, Чайковскій девятнадцатилѣтнимъ юношей поступилъ въ департаментъ юстиціи. Этотъ выборъ службы согласовался болѣе съ желаніями отца, чѣмъ съ планами и задушевными стремленіями самого Петра Ильича. „Для него музыка, говоритъ одинъ изъ біографовъ Чайковскаго, уже и въ эти молодые годы далеко не была предметомъ одного только удовольствія; онъ уже и тогда видѣлъ въ ней осуществленіе своихъ тайныхъ

¹⁾ Тамъ же, сентябрь.

помысловъ и идеаловъ⁴⁾). Понятно, что его артистическій темпераментъ долго не могъ вынести того рода дѣятельности, который онъ долженъ былъ избрать противъ своего желанія, и скоро онъ рѣшился оставить службу и пойти по той дорогѣ, на которую его влекло его дарованіе. Въ это время, именно въ 1862 году, по инициативѣ А. Г. Рубинштейна, была открыта въ Петербургѣ первая въ Россіи консерваторія и Чайковскій, лично уже извѣстный Рубинштейну, поступилъ въ нее. Благодаря значительной музыкальной подготовкѣ, онъ былъ принятъ прямо въ классъ контрапункта, которымъ завѣдывалъ проф. Заремба. Черезъ три года Чайковскій блестяще окончилъ курсъ консерваторіи по классу композиціи, при чемъ за сочиненіе на заданную тему (кантата на стихотвореніе Шиллера „Къ радости“) былъ удостоенъ медали. Это первое произведеніе Чайковскаго было исполнено при выпускѣ емъ на публичномъ актѣ консерваторіи.

Съ окончаніемъ Чайковскимъ курса въ Петербургской консерваторіи совпадаетъ, по времени, открытіе второй консерваторіи—въ Москвѣ, во главѣ которой сталъ другой Рубинштейнъ, Н. Г. Сюда-то Чайковскій и былъ назначенъ профессоромъ по теоріи музыки. Понавѣ въ благопріятную для музыкальныхъ занятій среду и пользуясь совѣтами и поддержкою Н. Г. Рубинштейна, Чайковскій серьезно принялся въ Москвѣ за композицію. Не смотря на неблагопріятные отзывы, которыми встрѣтила критика еще въ Петербургѣ его первыя произведенія, Петръ Ильичъ вѣрилъ въ свой талантъ и потому работалъ усердно и настойчиво, въ надеждѣ все таки быть признаннымъ и обществомъ и критикой. И онъ скоро добился признанія себя выдающимся русскимъ композиторомъ. Чувствуя призваніе исключительно къ творческой музыкальной дѣятельности и будучи уже достаточно обезпеченъ своими сочиненіями въ матеріальномъ отношеніи, Чайковскій въ 1879 г. совершенно оставляетъ педагогическое поприще

⁴⁾ В. Баскинъ. „П. И. Чайковскій“, стр. 18.

и всецѣло отдается композиціи. Но и его профессорская дѣятельность не прошла безслѣдно: плодомъ ей было изданіе его двухъ учебниковъ по гармоніи—полнаго, принятаго въ консерваторіи въ качествѣ руководства, и другого краткаго, приспособленнаго къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Чайковскій написалъ много произведеній—74 opus'a, и кромѣ того, не мало сочиненій, не занумерованныхъ никакимъ опусомъ. Онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ и формахъ музыкальнаго сочиненія и во всѣхъ родахъ музыки создалъ высоко-художественныя произведенія. Длинный рядъ превосходныхъ музыкальныхъ созданій Чайковскаго закончился днѣвою его 6-й симфоніей (назыв. „патетической“), которая была его лебединой пѣснью. Въ 1893 г., послѣ перваго исполненія этой симфоніи подъ его личнымъ управленіемъ, Чайковскій неожиданно скончался въ полномъ разцвѣтѣ своего таланта и славы.

В. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Каникулярная поѣздка въ Св. Землю).

Притворъ Виолеемскаго храма Рождества Хр. занимаетъ ширину средняго корабля зданія, а по высотѣ равняетъ вышинѣ боковыхъ кораблей, такъ что остроконечная крыша храма гораздо выше его. Притворъ темень и стѣнами подѣленъ на нѣсколько частей. Изъ него съ лѣвой стороны выходъ въ армянскій монастырь. Прежде внутри храма вело три двери, теперь осталась также одна. Средняя часть храма представляетъ громадной величины залу, раздѣленную четырьмя рядами колоннъ краснаго мрамора съ бѣлыми жидками (по 11 колоннъ въ каждомъ) на пять продольныхъ кораблей (средней шириною 10,40 м., а два боковыхъ съ каждой стороны въ 4,20 м. и 3,75 м. шир.); полъ выложенъ

¹⁾ См. № 11 за 1901 г.

большими каменными плитами. Выше на стѣнахъ видны остатки мозаики времени императора Мануила Комнена (1143 — 1180 г.). Онѣ представляютъ ряды изображеній предковъ Иисуса Христа (полуфигуры), важнѣйшихъ всел. и помѣст. соборовъ, между которыми разсѣяны фантастич. группы украшеній изъ листьевъ, фризы изъ листьевъ съ жемчугомъ, между окнами лики ангеловъ, а выше опять изображенія соборовъ въ видѣ закрытыхъ алтарей съ евангелиемъ вверху или же церковей въ разрѣзѣ съ надписями изъ опредѣленій различныхъ вселен. и помѣст. соборовъ¹⁾. По краткости времени мы не могли рассмотреть подробностей этихъ интересныхъ изображеній. Намъ поразила пустота, царящая въ этой части церкви. Здѣсь не видно никакихъ приспособленій для Богослуженія. Очевидно, здѣсь не совершается теперь никакихъ торжествъ. Только католики устроили въ стѣнѣ съ лѣвой стороны проломъ для прохода черезъ западныя врата храма въ свой монастырь. Средняя часть храма отдѣляется глухою стѣною отъ третьей части древняго храма, въ которой помещается греческій храмъ надъ пещерою Рожд. Христова. Стѣна эта выстроена греками въ 1812 г. Черезъ нее ведутъ двое дверей. Какое-то грустное, сиротливое чувство испытывалось, когда мы шагали по каменнымъ плитамъ этого мѣста къ поперечной стѣнѣ, чтобы пройти въ церковь надъ пещерою Рожд. Хр. Что заставило раздѣлить это величественное святилище глухою стѣною? То ли было прежде, когда весь храмъ представлялъ одно цѣльное зданіе и собиравшійся сюда многочисленный народъ могъ во всѣхъ частяхъ храма славить Рождшагося здѣсь Господа едиными усты и единымъ сердцемъ?.. Третья часть храма представляетъ собственно продолженіе средняго корабля, пересѣкаемаго поперечнымъ: каждый изъ нихъ заканчивается абсидой или полукружіемъ, выступающимъ за предѣлы главныхъ стѣнъ зданія. Оба корабля образуютъ форму латинскаго креста; по угламъ ихъ пересѣ-

¹⁾ Palästina u. Syrien, v. Baédeker, S. 122—123.

ченія стоятъ четыре пилястра: въ абсидѣ главнаго средняго корабля находится греческій алтарь и престоль, отдѣленный отъ западной части храма небольшимъ амвономъ и иконостасомъ. Въ правомъ выступѣ (абсидѣ) поперечнаго корабля устроена главная дверь, чрезъ которую спускаются въ церковь изъ греч. монастыря по кругловиднымъ ступенямъ; въ лѣвомъ же выступѣ (абсидѣ) имѣется сзади (къ западу) дверь въ латин. церковь св. Екатерины, а впереди (къ востоку) армянскій алтарь; кромѣ того, съ правой и лѣвой стороны греч. храма имѣется еще два алтаря—съ правой—греческій, а съ лѣвой—армянскій. Нѣкогда вся внутренняя сторона этой части храма была украшена мозаиками, изображавшими исторію жизни Иисуса Христа: теперь имѣются только остатки нѣкоторыхъ изображеній, напр., входа Господня въ Иерусалимъ (въ южн. абсидѣ поперечн. корабля), явленіе воскресшаго Господа Апостоламъ для увѣренія Фомы (въ сѣв. абсидѣ), вознесеніе Иисуса Христа на небо и др.

По правую и лѣвую сторону: соеи правосл. алтаря есть двѣ широкія лѣстницы, ведущія въ *пещеру Рождества Христова*: правая (южная) и теперь принадлежит православнымъ, а лѣвая (сѣв.)—латинянамъ¹⁾. Самая пещера Рождества находится подъ правосл. алтаремъ. Она продолговата (12,4 м. длины съ запада на вост., 3,9 м. шир. и 3 м. выс.). Въ восточномъ концѣ ея ниша, которая сіяетъ множествомъ огней. Это и есть мѣсто Рождества Христова. Въ ней стоитъ престоль, а надъ престоломъ серебряная звѣзда съ надписью во кругъ: „hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est“. Во кругъ ниши пылаетъ 15 лампадъ (6 греч., 5 армян. и 4 латин.). Здѣсь-то Господъ нашъ пришелъ на землю; Живый во свѣтѣ непреступнѣмъ явилъ намъ образъ величайшаго смиренія и доказательство любви Своей къ намъ, грѣшнымъ... „Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтитя и тма его не объятъ“ (Іоан. 1,4—5). Съ

¹⁾ Захвачена нѣсколько лѣтъ тому назадъ латинянами путемъ открытаго насилія.

умилеиіемъ сердца преклонилъ я колѣна и со слезами облобызалъ мѣсто, гдѣ совершилось великое таинство явленія Бога го плоти. И какъ сладко было здѣсь слышать пѣніе тропаря Рождеству Христову! Провожавшій насъ греч. іеромонахъ указалъ намъ три подсвѣчника передъ нишей Рождества Хр.: изъ нихъ по одному принадлежитъ грекамъ, армянамъ и латинянамъ, и больше здѣсь не полагается ни отъ кого принимать. Для предупрежденія вѣроисповѣдныхъ распрей здѣсь, на мѣстѣ рожденія Князя мира и Царя любви, постоянно стоить на часахъ турецкій солдатъ съ ружьемъ.

Выраво отъ мѣста Рожд. Хр. и южной лѣстницы есть особенная *капелла яслей*. Она находится въ особой пещерѣ, въ которую мы спустились по тремъ ступенямъ. Здѣсь у самаго входа влѣво есть *ясли*; дно ихъ изъ бѣлаго мрамора, а передняя стѣна изъ сѣраго камня. Это уже не тѣ ясли, въ которыхъ былъ положенъ Христось: раньше здѣсь были еще другія, и то не подлинныя; онѣ были перенесены св. Елевою изъ Рима. Вообще, въ теченіе вѣковъ какъ ясли, такъ и капелла испытывали различныя перемѣны. Здѣсь же къ западу есть латинскій *престолъ поклоненія волхвовъ* съ иконою сего событія.

II. *Петрушевскій.*

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 11 марта 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, марта 25-го.

Содержаніе: Истина свободить вы. Іоанн. 8, 32.—Общія замѣчанія о характерѣ Богослуженія срастной седмицы.—Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ (продолженіе).—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Истина свободить вы. Іоан. 8, 32.

Въ евангельскомъ повѣствованіи о страстяхъ Христовыхъ мы всегда съ чувствомъ неизъяснимой скорби и тяжелаго раздумья останавливаемся на слѣдующихъ словахъ еванг. Марка: „Пилать же хотя народу хотѣніе сотворити, пусть имъ Варавву, и предаде Ісуса, бивъ, да пропнутъ Его“. Въ недоумѣніи мы спрашиваемъ себя: какъ могъ Пилать, этотъ образованный правитель Іудеи, облеченный властью верховнаго суда надъ всей страной и пользовавшійся прочнымъ довѣріемъ римскаго императора, сообразоваться съ хотѣніемъ неустойчивой толпы іудеевъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ осужденіе на смерть Галилейскаго Учителя, въ ученіи и дѣлахъ Коего не было ничего предосудительнаго съ точки зрѣнія закона? „Кую вину приносите на челоуѣка сего?“ во-

прошаетъ Пилать іудеевъ и получаетъ отвѣтъ, въ которомъ слышится не ревность о нарушенной святости Моисеева закона, о попоранной правдѣ Божіей, но чувство личнаго раздраженія, подогрѣтаго ненавистью къ Іисусу Христу іудейскихъ первосвященниковъ, фарисеевъ и книжниковъ: „аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ“ (Іоан. 18, 30); сего обрѣтохомъ развращающа языкъ нашъ и возвращающа Кесареви дань даяти, глаголюща себе Христа быти“ (Лук. 23, 2). Не трудно было понять цѣну этихъ обвиненій, и Пилать послѣ бесѣды съ Іисусомъ всенародно объявляетъ свой судъ: „никоеже обрѣтаю вины въ челоуѣкѣ семѣ“. Мало этого, выслушавъ ученіе Спасителя о царствѣ Божіемъ и будучи предупрежденъ своей женой о томъ, что она много пострадала во снѣ за Праведника сего, Пилать, какъ челоуѣкъ съ искуснымъ умомъ и не совсѣмъ испорченнымъ сердцемъ, сталъ прозрѣвать въ несправедливо обвиняемомъ Учителѣ необыкновеннаго Посланника Божія. „Отъ сего искаше Пилать пустити Его“ (Ін. 19, 12). Такимъ образомъ, рѣчь шла не о какомъ-нибудь сомнительномъ случаѣ судебной практики, а о требованіи первосвященниковъ и народной толпы, очевидно несправедливомъ, богопротивномъ.

Что же заставило Пилата учинить несправедливый судъ и произнести смертный приговоръ Тому, Кто есть сама жизнь? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ евангельская исторія открываетъ намъ область тѣхъ интересовъ, которыми было побѣждено въ Пилатѣ чувство правды. Св. еванг. Іоаннъ повѣствуетъ, что когда Пилать рѣшилъ освободить Іисуса Христа, то іудеи стали кричать: „аще сегопустиши, вѣси другъ Кесаревъ. Всякъ иже царя себе творить, противится кесарю“. Смущенный этими словами, Пилать вывелъ Обвиняемаго къ народу и сказалъ: „се царь вашъ!“ На это іудеи неистово закричали: „вѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря!“ Какъ острый мечъ, вонзилось имя кесаря въ сердце Пилата и онъ постыдно отступилъ отъ своего рѣшенія. „Тогда убо предаде Его имъ, да распнется“.

Итакъ, внутренняя причина несправедливости Пилата заключается въ его опасеніи за свое житейское благополучіе, за свое выдающееся, по чести и матеріальному обезпеченію, мѣсто службы.— „Что станется со мною и съ моею семьею, если разъяренные первосвященники въ самомъ дѣлѣ отправятъ въ Римъ доносъ на меня, если кесарь, внявъ ихъ доносъ, предастъ меня позорному суду, отставитъ отъ мѣста и соплетъ куда-нибудь? ... Вотъ какія мысли волновали правителя Иудей, когда его лиоостротонъ оглашался криками „распи, распи Его!“ И онъ, при очевидной невинности Иисуса и при всемъ своемъ желаніи отпустить Его, не могъ устоять противъ искушеній житейскихъ и покорился хотѣнію народа, опозоривъ себя самымъ несправедливымъ актомъ суда и навсегда погубивъ свою душу.

Размышляя объ этомъ богопротивномъ дѣяніи Пилата, наша мысль углубляется въ прошедшія судьбы человѣчества и находитъ, что въ осужденіи Иисуса Христа Пилатомъ сказалося дѣйствіе того исконнаго начала зла и разрушенія, которое св. ап. Павелъ такъ опредѣляетъ: „плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть; сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите“ (Гал. 5, 17). Въ первомъ человѣкѣ Богъ гармонически сочеталъ стремленія духа и требованія плоти, поставивъ ему цѣлью постепенное одухотвореніе плотскаго начала до уничтоженія въ немъ вещественныхъ свойствъ тлѣнія и разрушенія (1 Кор. 15, 46). Но это дивное согласіе между духомъ и плотью заключало въ себѣ немалую опасность для духа—забыть о своихъ высшихъ запросахъ въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ тѣла. И эта опасность, къ безконечнымъ бѣдствіямъ міра, превратилась въ дѣйствительность на самыхъ первыхъ порахъ человѣческой жизни. Духъ подчинился искушеніямъ плоти и нарушилъ заповѣдь Божию. Съ этого момента плоть стала сильнѣе духа и, въ борьбѣ съ послѣднимъ, одерживала побѣду за побѣдой. Игнорировавши духъ, плоть сдѣлала его послушнымъ своимъ рабомъ и стала пользоваться его силами для удовлетворенія

только своихъ земныхъ стремленій. Въ такомъ рабскомъ служеніи плоти духъ потерялъ свою первобытную красоту; осталось въ немъ только сознаніе своей зависимости отъ Бога и своего неземного происхожденія: сознаніе это проявлялось въ видѣ дѣйствій совѣсти и въ видѣ влеченія къ небу, создавашаго все, что было въ изыскомъ мірѣ великаго, истиннаго, прекраснаго. Но эти слѣды первоначальнаго величія человѣка создали для него то печальное положеніе, въ какомъ оказался онъ предъ пришествіемъ Спасителя, въ какомъ оказался и несправедливый судья Христовъ, Пилать. Желаніе свободы отъ временныхъ условій земной жизни и стремленіе къ истинѣ и правдѣ—съ одной стороны, роковая привязанность къ мелкимъ житейскимъ интересамъ, къ средствамъ добыванія хлѣба и безсиліе соединить съ этимъ служеніе истинѣ и правдѣ—съ другой стороны: что можетъ быть печальнѣе этого состоянія человѣка? Последній чувствовалъ себя какъ бы заключеннымъ въ мрачномъ подземельѣ, откуда не было никакого выхода на свѣтъ Божій; онъ безуспѣшно бросался то въ одну, то въ другую сторону, и вездѣ встрѣчалъ тѣ же бѣдствія, тѣ же разочарованія. Въ концѣ концовъ имъ овладѣло полное отчаяніе „Окаянень азъ человѣкъ, кто мя избавить отъ тѣла смерти сея!“ (Рим. 7, 27).

Въ отвѣтъ на этотъ вопль отчаянія послышался кроткій голосъ Галилейскаго Пророка: „прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою“. Трепетно забилась сердца людей отъ этой благой вѣсти. Со всѣхъ сторонъ жаждущіе спасенія устремились къ водѣ, текущей въ животъ вѣчный. И Господь совершилъ обновленіе людей. Онъ вывелъ вѣрующихъ изъ темницы на свободу, „даровавъ вся яже къ животу и благочестію“. Онъ послалъ имъ св. Духа, Который наставляетъ ихъ на всякую истину и тѣмъ освобождаетъ духъ человѣческій отъ служенія плоти, возвращаетъ ему первоначальную свободу и сообщаетъ его стремленіямъ къ добру святую рѣшимость, ненобѣдимое мужество. „Аще пребудете въ

словеси Моемъ воистину ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы“ (Іоан. 8, 32).

Кто хочетъ видѣть, какъ истина Христова дѣлаетъ вѣрующихъ свободными отъ житейскихъ привязанностей и мужественными въ преслѣдованіи высшихъ стремленій духа, пусть обратится къ исторіи христіанскихъ мучениковъ. Вотъ предъ нами встаетъ кроткій образъ св. Стефана первомученика. Онъ увѣровалъ и позналъ истину Христову и ея безконечное величіе; эта истина сдѣлала его мужественнымъ въ исповѣданіи своей вѣры: нѣтъ у него недостойныхъ мірскихъ привязанностей, не боятся онъ опасностей; въ виду смерти лицо его похоже на лицо ангела, а устремленный вверхъ взоръ видитъ Іисуса, сидящаго одесную Бога, и въ послѣднія минуты жизни онъ находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы стать на колѣни и предать свою душу Богу. За первомуч. Стефаномъ слѣдуютъ цѣлыя сонмы мучениковъ и исповѣдниковъ, столь же свободныхъ и мужественныхъ. „Христіанъ ко львамъ! стало обычнымъ крикомъ языческой черни во 2-мъ вѣкѣ, но этотъ крикъ никого не пугалъ. Молодая, нѣжнаго тѣлосложенія, св. Перпетуя была матерью и ей говорили: „сжался надъ твоимъ малюткой, сжался надъ сѣдинами твоего отца и надъ младенчествомъ твоего ребенка“.—Нѣтъ, отвѣчала она.—„Такъ, значить, ты—христіанка?“—Да!.. „И мы, рассказываетъ она, были приговорены къ растерзанію дикими звѣрями. Съ сердцами, исполненными радости, вернулись мы въ темницу“.—А вотъ еще примѣръ мужественной свободы, не знающей страха въ дѣлѣ исповѣданія своей вѣры. „Теперь я становлюсь послѣдователемъ Христа“, говоритъ св. Игнатій Богоносець. „Пусть мнѣ угрожаетъ огонь, распятіе, нападеніе дикихъ звѣрей, пусть мнѣ переломають кости, исковеркають члены, истерзають все мое тѣло, пусть муки діавола обратятся на меня—только бы я приобрѣлъ Христа Іисуса“.

Истина Христова и донинѣ рождаетъ мужественно свободныхъ людей, поднимающихся надъ малоцѣнными привязанностями къ міру и всѣмъ доказывающихъ примѣромъ сво-

ей жизни, что въ мірѣ есть нѣчто высшее, чѣмъ спокойствіе и удовольствія, что слѣдованіе за толпой въ погонѣ за внѣшнимъ благосостояніемъ не составляетъ необходимаго элемента человѣческой жизни. Какъ во время пророка Іліи, вокругъ насъ живутъ праведники, которые не преклоняютъ своихъ колѣнъ предъ Вааломъ, предъ міромъ зла, но готовы безстрашно вести съ нимъ борьбу во имя Христова ученія, во имя неизмѣнно прекрасныхъ, вѣчныхъ благъ царства Божія. Ихъ мужество иногда выражается въ пассивномъ терпѣніи, иногда въ рѣшительной борьбѣ противъ тиранніи, иногда состоитъ въ открытомъ признаніи истины. Но, на ряду съ этими избранниками Божиими, мы встрѣчаемъ великое множество людей трусливыхъ, страдающихъ отсутствіемъ мужества, когда жизнь вызываетъ ихъ на исповѣданіе своей вѣры, на защиту послѣдней отъ враговъ. Люди эти находятъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы вести самую острую борьбу изъ-за удобствъ житейскихъ, но совершенно безпомощны тамъ, гдѣ истина и вѣра должны быть засвидѣтельствованы, какъ безцѣнная сокровища нашего духа.

Гдѣ же лѣкарство противъ такого оскудѣнія въ насъ духа христіанской свободы, противъ такого нашего безвоія и трусости?—Конечно, въ истинѣ Христовой, ибо слово Спасителя одинаковое имѣетъ значеніе для всѣхъ вѣрующихъ и для всѣхъ временъ. Но истина Христова только въ томъ случаѣ сдѣлаетъ насъ мужественно свободными, если мы воспримемъ ее всѣмъ своимъ существомъ, вполне уразумѣемъ ее своимъ умомъ и возлюбимъ своимъ сердцемъ. Ставши достояніемъ нашего сердца, она превратится въ могущественнѣйшее побужденіе для нашей воли къ исполненію Закона Божія. Входитъ же она въ наше сердце и овладѣваетъ имъ не иначе, какъ путемъ непрестаннаго размышленія о ней и неустанной работы надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Размышленіе объ истинѣ Христовой открываетъ въ ней столько глубины, силы, величія и привлекательной красоты, что сердце невольно плѣняется ею. Древніе подвиж-

ники представляют намъ наиболѣе разительный примѣръ того, какъ богомысліе содѣйствуетъ проникновенію нашего духа истиной Христовой. Но при этомъ размышленіе не должно быть бездѣлительнымъ, иначе оно превратится въ пустую мечтательность; чтобы раждать въ нашемъ духѣ мужество христіанскаго исповѣданія, чтобы вести насъ къ свободному служенію Богу, размышленіе всегда должно сопровождаться усиліями показывать на дѣлѣ, что мы владѣемъ истинною и стремимся жить только для нея. Чѣмъ настойчивѣе и непрерывнѣе мы будемъ упражнять въ этомъ свою волю, тѣмъ легче станетъ для послѣдней исполненіе Закона Христова, тѣмъ легче будетъ нашему духу вести борьбу съ плотью и тѣмъ мужественнѣе мы будемъ чувствовать себя среди опасностей жизни. А мужество всегда рождаетъ добродѣтели, составляя ихъ необходимую принадлежность; съ добродѣтелями же приходятъ къ намъ и земныя блага, столь привлекательныя для людей нашего вѣка. Исключительная забота о пищѣ и питѣ, съ забвеніемъ высшихъ потребностей духа, если и даетъ иногда, повидимому, блестящіе результаты, то во всякомъ случаѣ результаты непрочныя, временныя, быстро исчезающіе и смѣняющіеся полнымъ разочарованіемъ. Есть древнѣе преданіе, что Пилать, дорожившій мнѣніемъ Рима о себѣ и пожертвовавшій истиной, ради своего спокойствія и благополучія, не удержался на мѣстѣ правителя. Іудей, но былъ сосланъ римскимъ императоромъ въ Галлію и здѣсь, послѣ безчисленныхъ страданій и бѣдствій отъ мучительнѣйшихъ угрозеній совѣсти и отъ тѣлесныхъ лишеній, окончилъ свою жизнь самоубійствомъ, бросившись въ пропасть съ одной пустынной скалы. Поучительный примѣръ для всѣхъ, забывающихъ о судѣ и правдѣ, объ истинѣ и добродѣтели, и своею жизнью проповѣдующихъ, что пища выше души, а одежда выше тѣла.

Н. Гр.

Общія замѣчанія о характерѣ Богослуженія страстной седмицы.

Страстною седмицею называется послѣдняя недѣля предъ Пасхою, посвященная воспоминанію страданій, смерти и погребенія Господа; она называется еще великою не потому, какъ говоритъ Іоаннъ Златоустъ, „что дни ея дольше, или ихъ больше числомъ, но потому что во дни ея совершены Господомъ нашимъ великія дѣла. Въ эту великую недѣлю разрушено долговременное царство діавола, истреблена смерть, низложенъ сильный, расхищены его орудія, побѣжденъ грѣхъ, снято проклятiе, отверзтъ рай, небо сдѣлалось доступнымъ человѣкамъ“ ¹⁾. Закончивъ поприще св. Четырдесятницы, Церковь непосредственно переходитъ къ воспоминаніямъ и невыразимо скорбнымъ и въ то же время несказанно торжественнымъ и радостнѣйшимъ для христіанина. Въ виду этого, Церковь внушаетъ своимъ сынамъ въ эту седмицу быть особенно внимательными къ себѣ: „пріидите убо и мы, очищенными смысла шестествуемъ Христу и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейскимъ стластемъ“ ²⁾, да и оживемъ съ Нимъ. Возбуждая къ духовному бодрствованію, Церковь въ эти дни положила на утрени пѣснь: „се женихъ грядетъ въ полнощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдища..., блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши и царствія внѣ затворишия“; мы же, въ сознаніи своего недостойнства, какъ не украсившіе себя достойно свѣтлаго пира вѣри въ Царствіи Божіемъ, должны зывать: „Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ да ввиду въ оны: просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя“. Въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ предъ страданіями почти все время проводилъ въ храмѣ, уча народъ, Церковь положила въ первые три дня страстной седмицы со-

¹⁾ Дебольскій. Дни Богосл. Каѳ. Вост. Ц. ч. 2, стр. 132.

²⁾ Повнедѣльникъ. Стихиры на хвалитѣхъ.

вершать Богослуженіе особенно продолжительное. Продолжительность эта, между прочимъ, зависитъ отъ того, что на часахъ прочитывается все Четвероевангеліе для назиданія вѣрующихъ и во свидѣтельство того, что Іисусъ Христосъ во всѣхъ событіяхъ Своей земной жизни открылся, какъ истинный Богъ и истинный человѣкъ, почему и страданія Его спасительны для насъ. А чтобы еще болѣе возбудить въ душахъ новаго Израиля сознаніе своей немощи избавиться отъ рабства грѣху, Церковь положила читать пареміи, во первыхъ, изъ кн. Исходъ, гдѣ описываются бѣдствія древняго Израиля въ Египтѣ и приготовленіе ему избавителя въ лицѣ Моисея, который есть образъ Избавителя міра, во вторыхъ, изъ кн. Іова, невинныя страданія котораго служатъ прообразомъ страданій Сына Божіа.

Слѣдуя хронологическому порядку евангельскихъ событій, Церковь съ Богослуженія великаго понедѣльника, который „начатки страданій Господнихъ свѣтлоноситъ“, начинаетъ готовить вѣрующихъ къ страстямъ Христовымъ и каждый день седмицы посвящаетъ особому воспоминавію. Сближая событія ветхаго и новаго завѣта, она показываетъ намъ грядущія страданія Спасителя въ ветхозавѣтномъ прообразѣ Іосифа Прекраснаго, память котораго творитъ въ великій понедѣльникъ, и въ несчастіяхъ и прославленіи котораго она видитъ прообразъ униженія и славы Господа. Изъ событій евангельскихъ Церковь воспоминаетъ въ этотъ день объ изсохшей смоковницѣ. „Есть же, говорится въ Синаксарѣ понедѣльника, смоковница всяка душа, всякаго духовнаго плода непричастна: въ ней же утру по настоящей явѣ жизнь, не обрѣтая Господь покоя у нея, усушаетъ ю клятвою, и въ вѣчный посылаетъ огонь“. Соотвѣтственно такимъ воспоминаніямъ, въ пѣснопѣніяхъ этого дня Церковь призываетъ насъ то подражать цѣломудренному Іосифу, прославленному „отъ Вѣдущаго человѣческаго сердца и Посылающаго вѣнецъ нетлѣнный“, то принести Христу „плоды достойныя покаянія, изсохшія смоковницы за неплодіе прещенія убожав-

шеся“, то убѣждаетъ насъ быть готовыми къ пришествію „неумолимаго Судіи“, дабы сподобиться услышать „священный голосъ, зовущій избранныя Отца въ царство небесное“¹⁾.

Богослуженіе великаго вторника заимствовано изъ Евангелія, читаемаго въ этотъ день на преждеосвященной Литургіи,—о десяти дѣвахъ, о талантахъ и о второмъ пришествіи. Преимущественно же для назиданія вѣрующихъ Церковь присвоила настоящему дню воспоминаше притчи о десяти дѣвахъ, какъ наиболѣе способной расположить насъ къ бдительности и молитвѣ въ ожиданіи небеснаго Жениха: „наказующей насъ, говорится въ синаксарѣ вторника, присно бдѣти и готовымъ быти къ срѣтенію истиннаго Жениха, благими дѣяніи, наче же милостынею“. И евангельское чтеніе, и церковныя пѣснопѣнія этого дня возбуждаютъ насъ къ духовному бодрствованію, къ употребленію нашихъ силъ во славу Божию и пользу ближнихъ, къ непрестанному ожиданію страшнаго суда. „Жениха, братіе, возлюбимъ, свѣщи своя украсимъ, въ добродѣтеляхъ сіяюще и вѣрѣ правой: да яко мудрыя Господни дѣвы, готовы видемъ съ Нимъ на браки“. „Скрывшаго талантъ осужденіе слышавши, о душе, не скрывай словесе Божія, но умножай дарованіе, да видеша въ радость Господа твоего“²⁾.

Въ великую среду Церковь совершаетъ память „жены блудницы, помазавшей Господа муромъ“ и обличаетъ предательство Іисуса Христа „неблагодарнымъ ученикомъ“ на „лукавомъ совѣтѣ всебеззаконныхъ мужей“³⁾. И потому въ однихъ пѣснопѣніяхъ этого дня она восхваляетъ подвигъ „цѣломудренной блудницы“, сравнивая ее съ муриносицами: въ другихъ же стихирахъ этотъ назидательный примѣръ покаянія блудницы сопоставляется съ Іудинимъ окаянствомъ и ожесточеніемъ, „отъ него же избави, Боже, души наша“⁴⁾.

¹⁾ Канонъ на Повечеріе.

²⁾ Сѣдалецъ, канонъ вторника

³⁾ Синаксарь среды.

⁴⁾ Канонъ среды.

Средою страстной седмицы Церковь оканчиваетъ приготовленіе вѣрующихъ къ страстямъ Христовымъ и съ великаго четверга начинается воспоминаніе, собственно, страстей Господнихъ, къ которымъ христіане должны приступать съ душею, очищенною отъ грѣховъ, и умиротворенною совѣстью. Въ Богослуженіи в. четверга св. Церковь воспоминаетъ Тайную Вечерю, которая есть образъ страданій и смерти І. Христа, омовеніе ногъ, Геосиманскую молитву и самое преданіе Господа ¹⁾). Предъ началомъ Тайной Вечери, Господь, подавая высокій примѣръ христіанскаго смиренія, умылъ Своимъ ученикамъ ноги, научая и насъ стремиться не къ величію и славѣ, но къ смиренію и чистотѣ духа. Съ глубокимъ смиреніемъ и приняли этотъ урокъ всѣ ученики Христовы, за исключеніемъ Іуды. Съ этого событія Церковь и начинается на утрени воспоминаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ установленіе таинства Евхаристіа. „Егда славніи ученицы на умовеніи вечери просвѣщавшася, тогда Іуда злочестивый сребролюбиемъ недуговавъ омрачашеся“. Изобразивъ мрачное состояніе души предателя, Церковь научаетъ вѣрующихъ приходить къ таинственной трапезѣ „чистыми душами, да никто же, о вѣрніи, владычнія вечери тайнопонаученъ, никто же отнюдь, яко Іуда льстивно приступитъ къ трапезѣ“ ²⁾). Пареміи, Апостоль и Евангеліе этого дня располагаютъ умъ и сердце наше къ достойному присутствію на вечери Господней, то пророчесственнымъ изображеніемъ страданій Господа (Иерем. 11, 19: Ис. 8, 6), то напоминаніемъ картины установленія Ветхаго Завѣта на Синаѣ среди грома и бури (Исх. 19, 10—19), чѣмъ еще рѣзче выставляется противоположность „кроткаго преподанія“ Новаго Завѣта за мирною вечерею, воспоминаемою въ этотъ день, то, изображая премудрость Божію въ твореніи (Иов. 38, 1—23 и 42, 1—5), Церковь внушаетъ намъ глубочайшее благоговѣніе и смиреніе предъ вы-

¹⁾ Синаксарь в. четверга.

²⁾ Канонъ.

сочайшимъ дѣломъ Той же премудрости въ таинствахъ благодати. Еще яснѣе она учитъ насъ достойнымъ образомъ приступать къ приобщенію Тайнъ Христовыхъ апостольскимъ чтеніемъ (1 Кор, 11, 23—32), въ которомъ Апостоль Павель, изобразивъ главныя черты Господней вечери, говоритъ: „да искушаетъ человекъ себе, т. е. да испытываетъ свою совѣсть, и тако отъ хлѣба да ясть, и отъ чаши да пьетъ“. Въ Евангеліи же, собранномъ изъ трехъ Евангелистовъ, излагается полная исторія какъ этого дня, такъ и событій ему предшествовавшихъ и послѣдующихъ. Наконецъ, желая глубже запечатлѣть въ нашемъ сердцѣ мысль, что, приобщаясь Тайнъ Христовыхъ мы соединяемся съ самимъ Иисусомъ Христомъ, св. Церковь установила на литургіи въ четвергъ вмѣсто херувимской пѣсни, причастна и, „да исполнятся уста наша“, многократно повторять: „Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя прими“.

Богослуженіе великаго пятка посвящено воспоминанію спасительныхъ страстей и крестной смерти Богочеловѣка. Здѣсь описывается весь крестный путь Ею, съ минуты лобзанія и преданія Іудею въ саду Геосиманскомъ до распятія на Голгоѣѣ и погребенія въ саду Іосифа Аримаѣйскаго. „Бдите и молитесь, да не ввидите въ напасть“, сказала Господь ученикамъ въ ночь предъ Своими страданіями въ саду Геосиманскомъ, и вѣрующіе, по призыву Церкви, почти всю ночь пятка проводятъ во святомъ храмѣ, внимая чтенію 12-ти евангелій страстей Господнихъ, изображающихъ послѣднія минуты Богочеловѣка. При чтеніи евангелій вѣрующіе зажигаютъ свѣчи, въ знакъ пламенной любви къ Спасителю, распятому за насъ. Между чтеніями евангелій св. Церковь установила пѣть антифоны, канонъ и стихиры, которые своимъ содержаніемъ способны заставить самое черствое сердце почувствовать безграничную любовь къ намъ Искушителя. Касаясь обстоятельствъ страшнаго событія, св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ обращается съ горькими упреками—то къ Іудѣ предателю: „Кій ти образъ, Іудо, предателя Спасу со-

дѣла? еда ты отъ лика апостольска отлучи? еда дарованія исцѣленій лиши? еда со онѣми вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину? еда иныхъ ноги умывъ, твои же презрѣ? О коликихъ благъ непамятливъ былъ еси¹⁾; то отъ лица Самого Господа взываетъ къ неблагодарному народу: „людіе мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ васъ стужихъ? слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ; мужа, суца на одрѣ, оставихъ. Людіе мои, что сотворихъ вамъ? и что Ми воздасте? за манну—желчь, за воду—оцеть, за еже любити Мя, ко кресту Мя пригвоздисте“²⁾; и, какъ ревниво-любящая невѣста Христова, съ мольбою взываетъ къ небесному правосудію объ отмщеніи: „даждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ“. Въ уста же вѣрующихъ влагаеть трогательно-покаянную пѣснь: „разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи: и мене древомъ крестнымъ просвѣти и спаси мя“³⁾. Приглашая насъ ублажать „Честнѣйшую херувимъ“, св. Церковь въ трогательныхъ словахъ изображаетъ скорбь Богоматери, „послѣдовавшей на Голгоу со инѣми женами“, и присутъ трепеть всей твари „распеншуся Христу“⁴⁾.

Въ ознаменованіе глубокой скорби и сокрушенія о грѣхахъ, литургія, какъ торжественное Богослуженіе, въ этотъ день не совершается; поются лишь одни часы, составленные изъ псалмовъ, паремій и чтеній апостольскихъ и евангельскихъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ воспоминаемому событію. Въ стихирахъ вечерни мы слышимъ, какъ „вся тварь измѣняется страхомъ, при видѣ на крестѣ висима Христа, солнице омрачашеся, и земли основанія сотрясахуся: вси сострадаху Создавшему вся“. Въ пареміяхъ воспоминается молящійся за преступный народъ Израильскій прор. Моусей, который есть образъ Христа, „Ходатая“ за весь родъ челоуѣ-

¹⁾ Антифонъ 2.

²⁾ Антифонъ 11 и 12.

³⁾ Ексаностиларій.

⁴⁾ Икосъ канона.

ческий, и изображается Іовъ, послѣ страданій своихъ увѣчанный милостями Божиими, какъ образъ Спасителя, Своими страданіями возвратившаго роду человѣческому благоволеніе Отца небеснаго. Въ апостольскомъ чтеніи повѣствуется о крестѣ, какъ силѣ и славѣ христіанъ, а въ Евангеліи снова повторяется сказаніе о крестной смерти и погребеніи Іисуса Христа. Наконецъ, въ слѣдующихъ, затѣмъ, торжественно-печальныхъ стихирахъ и дѣйствіяхъ, св. Церковь еще нагляднѣе представляетъ намъ картину страшнаго событія, прославляетъ величіе Погребеннаго, „верей ада сокрушившаго“; при чемъ предстоятель, подражая воспоминаемому событію, износитъ изъ Алтара плащаницу и полагаетъ ее посреди храма, для благоговѣйнаго поклоненія и лобзанія изображеннаго на ней Господа. Канонъ повечерія этого дня, совершаемаго непосредственно за вечернею, своею трогательностію вызываетъ слезы умиленія. Въ тропаряхъ канона св. Церковь влагаетъ въ пречистыя уста Богоматери скорбныя слова, которыя могли исходить только изъ глубины уязвленнаго материнскаго сердца, при видѣ Сына Своего и Бога „мертва и бездыханна“: „Камо идеши, Сынь Мой, а Мене одну оставляеши? Ни отъ гроба Твоего возстану, Чадо Мое... здѣ же умру и спогребуся Тебѣ“! Но какъ непреложно вѣрующая въ Божественное посланичество Сына Своего, Она въ концѣ молитъ Его исцѣлить душевную бользнь ея и скорбь надеждою воскресенія: „душевную мою язву нынѣ исцѣли, Чадо Мое; воскресни и утоли мою печаль“.

Богослуженіе великой субботы есть торжественный и вмѣстѣ печальный чинъ погребенія Богочеловѣка. Еще на утрени, какъ при погребеніи умершаго, вѣрующіе зажигаютъ свѣчи, съ которыми стоятъ въ продолженіе всей службы, и обходятъ, какъ съ погребальными факелами, во время носенія плащаницы вокругъ храма, въ знакъ глубокой своей вѣры въ скорое возстаніе изъ гроба Свѣта невечерняго. „Торжественнымъ ожиданіемъ исполнена и вся чрезвычайная утрениа великой субботы. Христось во гробѣ посреди храма...; но от-

верзты врата алтаря, какъ бы во срѣтеніе Божественному Мертвецу, и пѣніе погребальное безпрестанно прерывается воскресными гимнами, а возженныя въ рукахъ народа свѣчи проливаютъ свѣтъ по всему храму, какъ зарю того вещественнаго свѣта, который возсіяетъ завтра изъ гроба“ 1). Въ тропаряхъ „на Богъ Господъ“ выражается и плачь и ликованіе: „Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ Пречистое Тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ... во гробъ положи“; но Ты, Господи, „адъ умертвилъ еси блистаніемъ Божества и умершія отъ преисподнихъ воскресилъ“. Затѣмъ начинается пѣніе 118 псалма „Блаженни непорочни, въ путь ходящии въ законъ Господни“ и возглашаются „похвалы“, въ которыхъ св. Церковь выражаетъ—то удивленіе ангеловъ къ столь глубокому снисхожденію Спасителя: „жизнь въ гробъ положилъ еси, Христе, и ангельская воинства ужасохуся, снисхожденіе Твое славяще“; то горькій плачь Богоматери надъ гробомъ Сына Своего и Бога: „увы мнѣ, Свѣте Мой, Іисусе Мой вождѣленный, вопіяше Дѣва, горько зываше“; то приглашаетъ всю тварь соболѣзновать горю Богоматери, то отличаетъ жестоковѣрный народъ и „сквернаго убійцу ученика“, то, наконецъ, какъ бы успокаивая наши чувства, приглашаетъ насъ „величать Жизнодавца Христа, на крестѣ руцѣ простершаго и сокрушившаго державу вражію“, указывая намъ и плоды Его страданія и смерти: „Твоими бо страданіями имамы безстрастіе, избавльшеся тлѣнія“. Въ канонѣ субботы св. Церковь представляетъ ужасъ и смятеніе неба и земли: „Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодолимо, тварь, видѣвши на лобнемъ висима, ужасомъ многымъ содрогашеся“... И во образъ погребенія Господня, по окончаніи канона и великаго славословія, при погребальномъ пѣніи „Святый Боже“, совершается обнесеніе плащаницы вокругъ храма, въ знакъ того, что и во время покоя Своего во гробѣ, Господь явился Побѣдителемъ ада. По возвращеніи въ храмъ,

1) Муравьевъ. Письма о богослуженіи.

чтеніемъ паремій надъ гробомъ, св. Церковь снова поднимаетъ наши чувства до восторженной настроенности, указаніемъ на непреложность и близость радостнаго благовѣстія о воскресеніи Господа и о нашемъ совоскресеніи съ Нимъ, въ пророческомъ видѣніи Іезекііля; а св. ап. Павелъ возвѣщаетъ намъ (1 Кор. 5, 6—8), что Господь Іисусъ Христосъ, благоволившій сдѣлаться клятвою за всѣхъ, есть истинная Пасха, достойно вкусить которую сподобится только пребывающіе въ истинѣ и чистотѣ. Наконецъ, еще разъ напомнивши въ Евангеліи о злобѣ іудеевъ, даже во гробѣ преслѣдовавшей Спасителя (Мѡ. 27, 62—66), въ концѣ утрени Церковь приглашаетъ вѣрующихъ ублажить „Іосифа приснопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго, и Живота всѣхъ испросяшаго“, и молиться Господу да предложитъ Онъ плачь въ радость воскресенія.

Литургія великой субботы, соединяясь съ вечернею, служитъ какъ бы предпраздненствомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. На вечернемъ Богослуженіи мы слышимъ частію о сошествіи Спасителя въ адъ, частію о Его воскресеніи: „Днесъ адъ стенья вопіеть: уне мнѣ быше, аще быхъ отъ Маріи рождшагося не пріялъ“... „Сія есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ онъ же почи отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, Единородный Сынъ Божій.., и во еже бѣ, пакы возвращя воскресеніемъ, дарова намъ животь вѣчный... Обидите людіе Сіонъ, и обымите его, и дадите славу въ немъ Воскресшему изъ мертвыхъ“¹⁾. Послѣ малаго входа Церковь предлагаетъ нашему вниманію 15-ть паремій, въ которыхъ собраны важнѣйшія прообразованія и пророчества о возстановленіи падшаго человѣка силою смерти и воскресенія Сына Божія. Въ нихъ ветхозавѣтные праведники, предвидя славу новозавѣтной Церкви, обращаются къ ней съ радостнымъ привѣтствіемъ и описываютъ намъ благодатныя времена новаго

¹⁾ Стихиры на Господи воззвахъ.

завѣта¹⁾); при чемъ пѣвцы то, по примѣру избавившихся отъ власти Фараона Израильтянъ, поютъ побѣдную пѣснь: „поимъ Господеви, славно бо прославися“, то, въ подражаніе тремъ отрокамъ, поправшимъ отъ печи халдейской, воспѣвають торжественную пѣснь: „Господа пойте и превозносите во вся вѣки“. Наконецъ, послѣ апостольскаго чтенія, которое учить насъ умереть грѣху и жить для Бога, вмѣсто обычнаго „аллилуіа“, поется „воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслѣдипи во всѣхъ языцѣхъ“, чѣмъ вѣрующіе ясно возвѣщаютъ о приближеніи времени воскресенія Христова. Во время пѣнія этого стиха священнослужашіе облачаются въ свѣтлыя ризы, подобно ангеламъ при гробѣ Господнемъ, и діаконъ выходитъ затѣмъ изъ алтаря благовѣствовать объ обстоятельствахъ самаго воскресенія Господа и явленіи Воскресшаго женамъ и ученикамъ. Вмѣсто Херувимской пѣсни, поется: „Да молчитъ всяка плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ“. Такое трепетное стояніе вѣрующихъ, въ ожиданіи праздника свѣтлаго Христова воскресенія должно продолжаться, по уставу Церкви, всю ночь предъ Пасхою, при чемъ Церковь, готовляя вѣрующихъ къ величайшему изъ праздниковъ, положила читать въ это время книгу „Дѣяній Апостольскихъ“, которая, по мнѣнію Златоуста, представляетъ яснѣйшія доказательства воскресенія Господа²⁾. На полунощницѣ субботы мы еще видимъ плащаницу, еще слышимъ надгробныя пѣсни; но все предвѣщаетъ, что скоро наступитъ давно ожидаемая, торжественная минута, когда плащаница будетъ перенесена въ алтарь и оттуда, какъ отъ гроба Господня, послышатся радостные звуки ангельской пѣсни: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити“, и мы, наконецъ, вступимъ въ самый праздникъ Воскресенія Христова.

¹⁾ О пареміяхъ великой субботы см. у Дебольскаго „Дни Богослуженія Пр. Каѳ. В. Ц. ч. 2, стр. 175 и далѣе.

²⁾ Никольскій. Страстная и великая седмица, стр. 119.

Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ ¹⁾).

Для нашей цѣли нѣтъ нужды разсматривать всѣ музыкальныя произведенія Чайковскаго; скажемъ только, что характеристическую особенность ихъ составляетъ богатая мелодика съ преобладающимъ элегическимъ настроеніемъ, что вполне объясняется индивидуальностью композитора.

Художникъ съ такимъ душевнымъ складомъ, какимъ уже съ дѣтства отличался Чайковскій, и проникнутый, какъ мы видѣли, религіознымъ чувствомъ, естественно, въ религін склоненъ былъ находить предметъ для своей творческой работы; по самому требованію своего духа, онъ не могъ не творить и въ той особенной области искусства, которая служитъ исключительно цѣлямъ религіознымъ.

Уже нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ свѣтскихъ его произведеній запечатлѣны характеромъ почти религіознымъ,—до того они идеально возвышены, полны какой-то таинственности и глубины ²⁾. Мало того,—нѣкоторые хоры, а также одна часть изъ торжественной оркестровой увертюры „1812 годъ“, написанной композиторомъ по случаю освященія храма Христа Спасителя въ Москвѣ, имѣютъ въ своемъ основаніи подлинныя церковныя напѣвы. Не занимаясь духовно-музыкальнымъ творчествомъ спеціально, а отдаваясь ему только по временамъ, Чайковскій успѣлъ создать и въ этой области достойныя вниманія образцы искусства.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору духовно-музыкальныхъ произведеній Чайковскаго, полезно будетъ уяснить его взглядъ на церковное пѣніе, его характеръ и задачи духовно-музыкальнаго творчества. Бъ счастью это представляется возможнымъ, ибо онъ имѣлъ случай высказаться по этому¹

¹⁾ См. № 12 за 1901 г.

²⁾ Такого рода мѣста встрѣчаются напр. въ VI симфоніи.

предмету и въ своихъ критическихъ статьяхъ по музыкѣ, и въ опубликованныхъ до сихъ поръ письмахъ къ частнымъ лицамъ.

Вопросъ о церковномъ пѣніи и его лучшей постановкѣ всегда глубоко интересовалъ Чайковскаго. По собственному его сознанію, онъ составлялъ его „больное мѣсто“. Современное состояніе церковнаго пѣнія (собственно партеснаго) онъ находилъ крайне неудовлетворительнымъ, особенно со стороны его состава. Вся та масса духовно-музыкальныхъ сочиненій, которая и до сихъ поръ еще составляетъ обычный репертуаръ церковныхъ хоровъ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакого серьезнаго художественнаго значенія. „Это музыка, говоритъ онъ по поводу программы одного публичнаго духовнаго концерта, — жалкая въ отношеніи изобрѣтательности, мало соотвѣтствуетъ духу православной церкви и народно-русскому стилю, неумѣла въ техническомъ отношеніи, однообразна, монотонна, банальна, скучна“. Онъ признаетъ присутствіе техники только у Бортнянскаго, но и ее находитъ „дѣтской и рутинной“. Въ особенности онъ строго осуждаетъ слишкомъ назойливые и однообразные ходы параллельными терціями и секстами въ сочиненіяхъ этого композитора. „Эти мягкіе, но противные требованіямъ гармонической красоты, параллелизмы придаютъ музыкѣ Бортнянскаго претящую сладость и монотонность, вызвавшую лѣтъ 10 тому назадъ со стороны нѣкоторыхъ любителей церковнаго пѣнія рѣзкую реакцію, плодомъ которой явились гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ покойнаго Н. М. Потулова, страдающія недостатками противоположными: чрезмѣрною сухостью и первобытной грубостью гармоніи“. Что касается другихъ духовныхъ композиторовъ, излюбленныхъ нашими хорами, то къ нимъ Чайковскій относится совершенно отрицательно. „Всѣ эти Ведели, Дехтеревы и т. п. любили по своему музыку, но они своими произведеніями причинили столько зла Россіи, что и ста лѣтъ мало, чтобы уничтожить его. Отъ столицы до деревни раздается сладкавый стиль Бортнянскаго, и увь! — нравится публикѣ!

Въ видахъ отрезвленія нашихъ регентовъ и хоровъ отъ увлеченія италянизированнымъ церковнымъ пѣніемъ и пріученія ихъ къ критическому и сознательному отношенію къ тому, что они исполняютъ, Чайковскій и написалъ „краткій учебникъ гармоніи, приспособленный къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій въ Россіи“. Въ этомъ учебникѣ правила гармоніи иллюстрируются примѣрами изъ духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Итакъ, задача для современныхъ церковныхъ композиторовъ, по мнѣнію Чайковскаго, состоитъ въ надлежащей обработкѣ напѣвовъ, завѣщанныхъ намъ сѣдой стариной. Задача эта еще не разрѣшена ни теоретически, ни практически. Самъ Чайковскій не беретъ на себя этого рѣшенія и на свои собственныя духовно-музыкальныя произведенія смотритъ только какъ „на переходную ступень отъ итальянскаго стиля, введеннаго Бортиянскимъ“ къ будущему идеальному православно-русскому стилю церковнаго пѣнія ¹⁾. „Я окажу, пишетъ онъ въ письмѣ къ одному критику, по поводу своей гармонизаціи всенощнаго бдѣнія, серьезную услугу нашему богослужебному пѣнію въ томъ смыслѣ, что, по мѣрѣ силъ, буду способствовать къ отрезвленію его отъ чуждыхъ элементовъ, глубоко вкоренившихся въ него, вслѣдствіе дѣятельности разныхъ итальянцевъ прошлаго вѣка и ихъ учениковъ“ ²⁾.

Эти взгляды и сужденія Чайковскаго по вопросу о церковномъ пѣніи должны быть принимаемы во вниманіе и при оцѣнкѣ его собственныхъ произведеній. Они ясно свидѣтельствуютъ намъ, какъ о его серьезномъ отношеніи къ столь важному предмету, такъ и о желаніи его, съ своей стороны, послужить дѣлу церкви. Какъ горячо боролся онъ противъ

¹⁾ Рус. Муз. Газета 1899 г., № 2 ст. „Чайковскій о русской церковной музыкѣ“.

²⁾ Рус. Обзор. 1893 г., ноябрь.

дилетантизма въ музыкѣ вообще, такъ сильно вооружался и противъ искаженія богослужебныхъ гѣснопѣній музыкою пошлаго итальянскаго стили.

В. Петрушевскій.

Каникулярная поѣздка въ Св. Землю).

По выходѣ изъ капеллы, мы прошли вдоль пещеры Рождества. Полъ въ ней выложенъ мраморомъ, стѣны оштукатурены и завѣшены ветхою, кажется, темнокоричневою матеріею; по мѣстамъ на нихъ висятъ въ рамкахъ какія-то картины и иконы, нынѣ совершенно выцвѣтшія. Съ самомъ концѣ ея, въ правомъ углу, находится круглое отверстіе, изъ котораго, говорятъ, вышелъ источникъ для Св. Семейства, а съ другой стороны дверь, ведущая въ пещеру Іеронимову и прочія подземелья, связанныя съ пещерою Рожд. Хр. Входъ этотъ пробить миноритами или францисканцами въ 1479 г. Мы хотѣли отсюда пройти прямо въ Іеронимовскую крипту, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ остальные пещеры находятся въ рукахъ латинявъ и ключи отъ двери въ ихъ рукахъ. Провожавшій насъ о. Агапій сказалъ, что намъ нужно идти къ францисканцамъ.

Мы вышли на верхъ и возвратились въ среднюю часть храма. Въ это время сюда вошла западною дверью *поуредильная процессія католиковъ*, предшествуемая патеромъ. Всѣ участники процессіи—коренные виолеемляне. Они что-то цѣли. Около патера шло нѣсколько мальчиковъ въ альбахъ (бѣлыхъ рубахахъ). Процессія, словно привидѣніе, промелькнула предъ нами и скрылась въ упомянутую выше дверь въ сѣв.-зап. части храма. Вслѣдъ за нею вошли и мы съ о. Агапиемъ

¹⁾ См. № 12 за 1901 г.

и скоро прибыли въ обширный и свѣтлый *костелъ св. Екатерины*. Здѣсь шло отпѣваніе принесеннаго покойника, и мы около получаса ждали, пока насъ впустятъ въ *подземелье бл. Иеронима*. Наконецъ, богослуженіе кончилось. Пришелъ католич. пономарь съ ключемъ и повелъ насъ по длинной лѣстницѣ въ подземелье. Мы прошли сначала по болѣе длинному ходу въ направленіи къ пещерѣ Рожд. Хр. Сначала вѣстнули въ большую четырехугольную пещеру. Вправо—*ходъ въ Иеронимову пещеру*. Оставивъ его, мы вошли въ меньшую почти вдвое пещеру, въ которой каменный сводъ поддерживается одной толстой колонной. Это *капелла невинныхъ младенцевъ*. Влѣво находится лат. престолъ. По преданію (XV в.) здѣсь были избиты, по приказанію Ирода, дѣти, скрытыя ихъ матерями. Подъ алтаремъ запертая желѣзная рѣшетчатая дверь, ведущая въ маленькую пустую натуральную пещеру. Поднявшись по 5 ступенямъ вверхъ, мы вошли въ другую пещеру съ *капеллой явленія Іосифу Ангела* (устр. въ 1621 г.); здѣсь будто бы Іосифъ получилъ отъ Ангела повелѣніе бѣжать въ Египетъ. Далѣе слѣдуетъ узкій длинный ходъ, ведущій къ запертой двери, которую мы видѣли въ пещерѣ Хр. Рождества. Воротившись назадъ, мы свернули въ оставленную нами часть подземелья. Здѣсь все связано съ памятью бл. Иеронима и его учениковъ и сподвижниковъ. Вотъ въ глубинѣ прямого коридора *гробъ и престолъ пресвитера Евсевія Кременскаго*, ученика бл. Иеронима (гробъ, впрочемъ, упоминается въ первый разъ только въ 1556 г.). Далѣе, въ большой и длинной пещерѣ въ углу на западной сторонѣ, *гробъ бл. Иеронима* (показывается въ первый разъ около 300 л. тому назадъ), а напротивъ его съ вост. стороны *гробы его ревностнѣйшихъ ученицъ Павлы и ея дочери Евстохіи* (съ 1566 г.)¹⁾. Изъ этой пещеры пришли мы, наконецъ, въ самую большую: это и есть *келлія бл. Иеронима*. На стѣнѣ изображенъ этотъ блаженный отецъ съ Библіей въ рукахъ, а при входѣ есть *объ*

¹⁾ Раньше гробъ ихъ показывался съ южной стороны церкви.

этомъ латин. надпись. Комната почти квадратной формы и довольно велика; первоначально она была высѣчена въ скаль, а теперь оштукатурена; съ правой стороны престолъ; одно окно выходитъ въ длинный корридоръ, ведущій къ Екатерин. костелу. Въ прежнее время лѣстница вела непосредственно въ келлію съ запада. Нынѣ она задѣлана. Тихо и мирно въ этой келліи, которую самъ бл. Іеронимъ: въ письмахъ своихъ называлъ „раемъ“. 36 л. провелъ онъ здѣсь; по его собственному выраженію, „съ перомъ въ рукахъ“, то изъясняя Св. Писаніе, то исправляя и переводя текстъ его на лат. яз., то вооружался противъ разныхъ заблужденій (Ювиніана, Вигиліанція, пелагіанъ) или защищая себя и уважаемаго имъ Оригена, то, наконецъ, назидая другихъ своими письмами объ истинно-христіанскомъ подвижничествѣ. О, счастье тихаго уединенія въ мѣстахъ столь знаменательныхъ, среди постоянныхъ подвиговъ молитвы, любомудрія, изслѣдованія Слова Божія и предметовъ Божественныхъ и самоотверженнаго служенія ближнему! Тебя пойметъ всецѣло лишь тотъ, кто, подобно сподвижникамъ бл. Іеронима, оставилъ всѣ прелести міра сего, чтобы служить не себѣ и не житейскимъ интересамъ, но только Богу, Евангельской правдѣ и спасенію ближнихъ. Какимъ трогательнымъ самоотверженіемъ отличались ревностиныя ученицы бл. Іеронима, — Павла и Евстохія! Съ какою готовностію эти знатныя римскія женщины покинули Римъ съ его богатствами и уѣздами, чтобы на мѣстѣ Рождества Хр. служить Богу и ближнимъ и потомъ сложить здѣсь и кости свои ¹⁾! Съ какою готовностію онѣ прислуживали приходившимъ странникамъ въ самой простой одеждѣ, утѣшаясь

¹⁾ „Достойна ли я, воскликнула Павла съ радостнымъ потокомъ слезъ по прибытіи въ Впелеемъ, достойна ли я, жалкая грѣшница, почтѣвать ясли, въ которыхъ плакалъ Господь, будучи малымъ ребенкомъ? молиться въ пещерѣ, въ которой дѣва Марія родила младенца Христа? Это должно быть мѣстомъ моего улокоенія, п. ч. это родина моего Господа. Здѣсь я буду жить, такъ какъ Спаситель избралъ это мѣсто“. „Я приготовила свѣтильникъ для моего Христа“. „Моя душа будетъ жить для Него, и мы будемъ служить Ему“... (Іерон. п. 108, пс. 131, 18; 21, 31).

мыслию, что если бы Іосифъ и Марія опять посѣтили Виаземъ, то имъ бы не пришлось искать убѣжища себѣ въ скотскомъ стойлѣ! Исполнилось во благихъ желаніе ихъ относительно погребенія вблизи пещеры Рождества. Свята и достойно-подражаема жизнь ихъ! Но здѣсь, по законамъ ассоціаціи представлений, у меня возникла еще одна мысль. Сродно ли было духу этихъ истинныхъ подвижниковъ и подвижницъ, вслѣдъ за бл. ихъ учителемъ бѣжавшихъ отъ западнаго развращеннаго міра въ тихое уединеніе виаземское, желать, чтобы изъ за нихъ святыхъ мѣсть западными христіанами проливалась кровь сыновъ Правосл. Восточной Церкви (да еще въ сообществѣ съ врагами вѣры Христовой, какъ это было въ Севастопол. войну), или здѣсь, на самомъ мѣстѣ Рождества Господа нашего, въ мѣстахъ, гдѣ Ангелы пѣли о наступившемъ всеобщемъ мирѣ, дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ и проливать кровь служителей алтаря для достиженія вышшняго, матеріальнаго торжества надъ Православіемъ¹⁾? Нѣтъ, слишкомъ велика и очевидна противоположность между этими первыми достоблаженными выходцами съ запада и позднѣйшими воинствующими арміями франковъ—враговъ и гасителей исконнаго восточнаго Православія!

II. Петрушевскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Я разумѣю нападеніе здѣшнихъ францисканцевъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на діакона, несшаго на верхъ св. сосуда по совершеніи литургіи въ пещерѣ Рожд. Хр., при чемъ діаконъ, шедшій въ облаченіи съ сосудами, былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, а другой—ножемъ. Слѣдствіемъ этого было не наказаніе францисканцевъ, а запрещеніе грекамъ пользоваться сѣверной лѣстницей (по ходатайству, кажется, французскаго посольства въ Конст—лѣ!) Читалось тогда и вѣрилось съ трудомъ!

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константиинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 15 марта 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб.. съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, апрѣля 1-го.

Содержаніе: Воскресеніе Христово. — Духовное торжество праздника Пасхи. — Богослуженіе пасхальной седмицы. — Связь и отношеніе между Цвѣтной Трїодью и Октоихомъ съ Минеею по сравненію съ Постной Трїодью.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

Св. Евангеліе заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ духовнаго утѣшенія и нравственнаго назиданія. Во всякомъ положеніи, при всякомъ стеченіи обстоятельствъ, христіанинъ найдетъ въ немъ силы для продолженія своей дѣятельности, руководящія правила и образцы для подражанія. Какія бы сомнѣнія ни овладѣли имъ, святыя евангельскія истины разсѣютъ эти сомнѣнія и возстановятъ душевный миръ!

Если и все евангеліе можетъ оказать такое глубокое воздѣйствіе на душу человѣка, то особенно это должно сказать о евангельской исторіи Воскресенія Христова. Каждому и съ самыхъ раннихъ лѣтъ знакома эта исторія, и однако всякій разъ, когда приходится слышать ее, душа вновь исполняется высокимъ чувствомъ священной радости. Причина

этого, безъ сомнѣнія, лежитъ въ важности самого событія. Св. ап. Павелъ, опредѣляя значеніе Воскресенія Христова въ домостроительствѣ нашего спасенія, говоритъ такъ: *аще Христосъ не воста, тща вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14). Значить, по мысли апостола, Воскресеніе Христово является краеугольнымъ камнемъ христіанства, такъ-что, если кто докажетъ недѣйствительность Воскресенія, то рухнетъ все великое зданіе христіанства, и послѣдователи Христа окажутся пустыми мечтателями и грубыми суевѣрами. Сущность христіанства составляетъ вѣра во Христа, какъ Сына Божія, сошедшаго съ неба на землю для искупленія человѣка отъ грѣха, проклятія и смерти. Но состоятельна ли была-бы эта вѣра, если бы Христосъ не воскресъ? Можно ли было-бы Сына Давидова назвать Сыномъ Божиимъ, если-бы жизнь и дѣятельность Его окончилась позорной смертью на Голгоѣѣ, и плоть Его увидѣла ислѣніе? Поистинѣ, тяжело было состояніе учениковъ Христа во время Его страданій! Они вѣровали, что Христосъ есть тотъ Мессія, котораго изображали въ величественныхъ чертахъ пророки, который былъ въ теченіе многихъ столѣтій чаяніемъ всѣхъ языковъ. И вѣра эта подтверждалась дѣятельностью галилейскаго пророка. Въ своихъ дѣлахъ Онъ проявлялъ неземное могущество: повелѣвалъ морю и вѣтрамъ, и они Его слушались, изгонялъ бѣсовъ и однимъ словомъ исцѣлялъ больныхъ. Но вотъ, вѣра эта, повидимому, оказалась тщетной и должна была смѣниться горькимъ сознаніемъ обманутыхъ надеждъ! Тотъ, кого считали Мессіей, пригвожденъ ко кресту и умеръ, не сдѣлавъ ничего для стѣнящаго народа. Невольно въ умахъ даже самыхъ преданныхъ учениковъ Христа могла родиться мысль о Его преступности, такъ какъ само слово Божіе представляетъ крестную смерть удѣломъ проклятыхъ и прямо говорить, что *проклятъ всякъ, висяй на древѣ* (Втор. 21, 23). Но скоро мысль эта должна была исчезнуть. Жизнь и дѣятельность Учителя не окончилась Его смертью и сошествіемъ во адъ: тлѣніе не возобладало надъ Его пречистой плотью, и душа Безгрѣш-

наго не осталась въ адѣ,—Христось возсталъ со славою!.. Какого болѣе сильнаго доказательства божественнаго достоинства Христа могли пожелать Его ученики?!

И намъ,—что болѣе можетъ подтвердить истинность нашей вѣры во Христа, Сына Божія, какъ не Его Воскресеніе изъ мертвыхъ?! Кто усомнится, что воскреснуть могъ только Тотъ, кто въ самомъ себѣ носитъ источникъ жизни (Іоан. 5, 26), кто есть истинный Богъ?!

Но, если Христось есть истинный Сынъ Божій, то и ученіе, открытое Имъ, содержитъ въ себѣ чистѣйшую истину, потому-что оно богооткровенно; то и законъ, данный Имъ, необходимъ и обязателенъ для всѣхъ, такъ-что *iota edina или edina черта не преѣдетъ отъ него* (Мѡ. 5, 18), и всякій, кто разоритъ одну изъ малыхъ его заповѣдей и *научитъ тако челоуѣки, мнѣй наречетъя въ царствѣи небеснѣхъ* (Мѡ. 5, 19).

Въ домостроительствѣ нашего спасенія Воскресеніе Христово является печатью и вѣнцомъ искупленія, и безъ него осталось бы недоконченнымъ все то, что совершилъ для насъ Сынъ Божій Своимъ воплощеніемъ, жизнью, ученіемъ, страданіями и смертью. Наше упованіе спасенія всецѣло зиждется на Воскресеніи Христовомъ. Христось воскресъ—значитъ жертва Его принята Отцомъ небеснымъ:—иначе могъ ли бы Онъ возтаты со славою! Христось воскресъ—значитъ проклятіе, тяготѣвшее надъ міромъ снято:—иначе, какъ-бы освобождяся отъ него принявшій на Себя грѣхи міра Агнецъ Божій! Воскресшій входитъ въ нерукотворенное Святое Святыхъ, въ самое небо, *да явится Лицу Божію* (Евр. 9, 24). Не торжественное-ли это доказательство того, что примиреніе земли и неба совершилось, что средостѣніе вражды, отдѣлявшее насъ отъ Бога, уничтожено (Еф. 3, 14)! Для насъ теперъ не страшнѣ адъ съ его властителями, ибо онъ „поруганъ, умерщвленъ, низложенъ, связанъ сошедшимъ въ него Господомъ“ (І. Златоустъ), а его властители блюдутся для мученій въ день судный (2 Петр. 2, 4. Іуд. 1, 6).

Такимъ образомъ, Воскресеніе Христово избавило насъ отъ смерти духовной и даровало жизнь, погубленную преступленіемъ прародителя Адама,—жизнь съ Богомъ и въ Богѣ. Но преступленіе Адама имѣло гибельныя послѣдствія не только для души, а и для тѣла. Грѣхъ подвергъ человѣка темной власти начальника грѣха діавола, и оброкъ, который должно было платить ему, есть смерть. Но теперь жало смерти притуплено, грозная держава ея сокрушена. Оправдавъ насъ отъ грѣха, Христосъ освободилъ насъ и отъ оброка ему—смерти и, сошедъ въ адъ, крестомъ разрушилъ самое царство сатаны, имущаго державу смерти. Поэтому изъ пѣдръ гроба Христова должна была возсіять для человѣческаго рода не только душевная жизнь, но и тѣлесная. Черезъ родство съ первымъ Адамомъ человѣкъ подвергся смерти; черезъ родство со вторымъ Адамомъ—Христомъ—онъ долженъ получить потерянное безсмертіе. *Якоже о Адамъ вси умирають, пишесть апостоль, такожде и о Христъ вси оживутъ* (1 Кор. 15, 22). Св. евангелистъ, повѣствуя о страданіяхъ и смерти Спасителя, замѣчаетъ, что тогда *гробы отверзошася, и многа тѣла усопшихъ святыхъ востаха и, изшедше изъ гробъ, во воскресеніи Ею внидоша во святыи градъ и явишася мнозъмъ* (Мѣ. 27, 52—53). Если Воскресеніе Христово было уже причиною воскресенія нѣкоторыхъ святыхъ, то не ясно-ли это знаменіе того, что настанетъ нѣкогда часъ, *егда вси сущи въ гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25), когда *все тлѣнное облечется въ нетлѣніе и мертвенное въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). *Тогда сбудется слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою; гдѣ ти. смерти, жало, гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. 15, 54—55)!

„Что же принесемъ или что воздадимъ“ Царю небесному за Его неизреченныя милости, явленныя въ воскресеніи Господа Иисуса Христа?

Отъ христіанина требуется, чтобы онъ сдѣлался участникомъ новой жизни, дарованной Иисусомъ Христомъ, и стремился воспользоваться плодами Воскресенія. Христіанинъ

умеръ со Христомъ для грѣха. Поэтому сердце наше, которое билось для пожеланій плотскихъ и грѣховныхъ, теперь должно охладѣть и омертвѣть для нихъ; члены тѣла, бывшіе рабами нечистотѣ и беззаконію, теперь должны быть неподвижны, какъ у мертваго, для служенія грѣху. Какъ воскресшіе для праведности и святости, мы должны быть святы по образу призвавшаго насъ Святого (1 Петр. 1, 15). Мы были тьма, а теперь свѣтъ о Господѣ (Еф. 5, 8). Поэтому и должны, какъ чада свѣта, *ходить въ праведности и истиннѣ, искушающе, что есть благоугодно Богови* (Еф. 5, 9). *Аще убо воскреснете со Христомъ*, говоритъ апостолъ, *вышнихъ ищите. идѣ же есть Христосъ одесную Бога сѣдя; юрняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 1—2). Значить, Воскресеніе Христово побуждаетъ насъ возноситься мыслями къ небу и не сосредоточивать своихъ помысловъ на ничтожныхъ земныхъ предметахъ.

Воскресеніе Христово, далѣе, вдохновляетъ христіанина на подвиги самоотверженія и любви, утѣшаетъ и ободряетъ всѣхъ тѣхъ, удѣлъ которыхъ на землѣ бѣдствія и страданія. Христосъ былъ прославленъ и превознесенъ выше *всякаго имени, именуемаго не точію въ вѣкъ семѣ, но и во грядущемъ* (Еф. 1, 21). Но этого прославленія онъ достигъ путемъ униженія, страданій и смерти (Фил. 2, 8—10). Поэтому и ученикъ Христовъ, бѣдствующій въ семъ мірѣ, униженный и поруганный, пусть будетъ увѣренъ, что путь креста, который заповѣданъ Христомъ, есть истинный путь къ блаженству. Никто не страдалъ болѣе Христа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не былъ болѣе Его прославленъ. Поэтому пусть не сомнѣвается праведникъ, что за всѣ скорби и лишенія, перенесенныя въ этой жизни, онъ сторицею получитъ въ жизни будущей. *Блаженни есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть, и рекутъ всякъ злое глаголю на вы, яже Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ* (Мѣ. 5, 11—12). Поэтому бѣдствія этой жизни не страшны для христіанина. Не долженъ страшиться онъ и смерти—

этого величайшаго бѣдствія для немущихъ упованіи (1 Сол. 4, 13),—ибо держава смерти сокрушена Воскресеніемъ Христовымъ. Отнынѣ смерть христіанина—только переселеніе путника изъ чужой страны въ свое отечество, возвращеніе сына къ любящему Отцу, начало безсмертія и блаженной жизни, дарованной Воскресеніемъ Христовымъ. Можно-ли вѣрующему страшиться смерти, когда апостолъ считалъ ее приобрѣтеніемъ (Фил. 1, 21), когда сонмы мучениковъ встрѣчали ее съ радостными благодарственными пѣснями къ Богу!

Итакъ, Воскресеніе Христово—основаніе вѣры христіанской, неисчерпаемый источникъ утѣшенія и назиданія, важнейшее побужденіе для грѣшниковъ къ начатію новой жизни по Образу Воскресшаго. Поэтому и Церковь именуетъ Воскресеніе праздникомъ изъ праздниковъ, торжествомъ изъ торжествъ, а св. апостолъ увѣщаетъ всѣхъ насъ непрестанно поминать Господа Иисуса Христа, *восставшаго изъ мертвыхъ* (2 Тим. 2, 8).

Духовное торжество праздника Пасхи.

Еще вчера благочестивый христіанинъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ поистинѣ великую скорбь, мысленно переносясь къ тому времени, когда изъ устъ Богочеловѣка раздалось послѣднее страдальческое слово: *совершилось*. Совершилось дѣйствительно страшное дѣло: Господь славы, Царь царствующихъ, „державшій всю тварь въ своей длани“, по Своей безконечной любви сошедшій на землю, чтобы избавить людей отъ грѣха, проклятiя и смерти, подвергся всѣмъ ужасамъ крестныхъ страданiй и позорной смерти по плоти. Да, совершилось страшное дѣло, отъ котораго земля дрогнула, и солнце померкло. Для Царя царствующихъ наступила минута крайняго униженiя: *суднй выну со Отцемъ* низведенъ туда. *идъже престолъ сатанинъ*; Владыка всего міра сталъ узникомъ ада. Но напрасно торжествовали силы ада! Источникъ

жизни *уснулъ* только *плотию*, чтобы воскреснуть во славъ. Когда Его изможденное и израненное тѣло еще висѣло на позорномъ крестѣ, а затѣмъ лежало въ мрачной гробницѣ, духъ уже торжествовалъ полную побѣду надъ смертію и *сокрушалъ* самыя *веревы* въ царствѣ зла и тьмы! Здѣсь, въ пренеподней, въ это время совершалось торжество жизни надъ смертію, и всѣ праведники, въ теченіе тысячелѣтій ожидавшіе увидѣть день сей, дѣйствительно увидѣли его и возрадовались! *Сей день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся ѿ оны* и всѣ мы, православные христіане! И чѣмъ глубже и сильнѣе была вчерашняя печаль наша, тѣмъ торжественнѣе должна быть вновь возсіявшая за нею радость. Сегодня во всей вселенной радость и духовное веселіе! Сегодня Владыка міра испровергъ власть діавола и черезъ воскресеніе открылъ намъ путь ко спасенію. Сегодня не только ангелы и сонмы *всѣхъ* небесныхъ силъ, но и Самъ Владыка ангеловъ празднуетъ вмѣстѣ съ нами воскресеніе (Лук. 22, 15) ¹⁾.

Изъ года въ годъ повторяется этотъ великій, свѣтлый *нареченный и святой день*, и всякій разъ онъ приноситъ съ собою весну духовнаго обновленія и возрожденія нашего. Сама окружающая насъ природа, своимъ весеннимъ обновленіемъ и возрожденіемъ къ новой жизни, какъ бы вторитъ нашей радости и сорадуется съ нами, когда мы радуемся Воскресенію Христову,—и радость наша отъ этого еще болѣе усиливается.

И для чего это ежегодное повтореніе свѣтлаго праздника Христова, какъ не для того, чтобы мы вновь и вновь черпали въ немъ духовное обновленіе? Человѣкъ созданъ такъ, что и въ своей личной жизни и въ жизни общественной стремится избирать только то, что возбуждаетъ въ сердцѣ его пріятное чувство. Въ этомъ сказывается первоначальное назначеніе человѣка къ вѣчному блаженству. Исходя изъ царства

¹⁾ Бесѣд. Іоанна Злат. на Пасху.

неизреченной славы, гдѣ одна только вѣчная радость, душа наша жаждетъ этой радости, какъ цвѣтокъ жаждетъ ласкающихъ и животворящихъ лучей солнца. Поэтому, даже въ условіяхъ обыденной жизни она старается находить для себя источники радостей и удовольствій: ищетъ ихъ въ природѣ, въ обществѣ, въ созерцаніи явленій неба и земли. Но всѣ эти источники, какъ все вообще земное, до крайности ограничены и быстро истощаются. А между тѣмъ, запросы души безконечны. Сама будучи безсмертной, она и радости ищетъ безконечной, непреходящей. И такую радость она находитъ въ праздничномъ воспоминаніи того событія, которое поправило самую смерть и дало новую жизнь одрихтѣвшему человечеству.

Неудовлетворенность души человѣческой земными источниками радости особенно сильно сказывалась въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ, не смотря на то, что міръ этотъ употреблялъ всѣ усилія къ отысканію такихъ источниковъ и изобрѣталъ всѣ мѣры и способы для того, чтобы во всей полнотѣ испить чашу радостей. Но всѣ его радости помрачались одною мыслию: что же будетъ тамъ, куда неумолимая судьба день за днемъ все болѣе приближаетъ каждыя изъ насъ, и откуда вѣтъ ни для кого возврата? При мысли объ этомъ неизвѣстномъ будущемъ помрачалась всякая земная радость, и вся земная жизнь должна была казаться безцѣльной. Греки и римляне, признавая загробную жизнь, никогда не желали перехода въ нее и боялись смерти. Ихъ живая фантазія собрала, кажется, все ужасное и отвратительное на землѣ, чтобы наполнить имъ подземную область, куда человѣкъ долженъ вступить послѣ смерти. Мучительная скорбь, самая томительная тоска на землѣ—вотъ удѣлъ каждыя умершаго человѣка, хотя бы это былъ даже прославленный герой, вполне достойный лучшей участи за гробомъ. Когда Одиссей проникъ въ предѣлы ада и хотѣлъ утѣшить великаго Ахиллеса, то послѣдній такъ отвѣчалъ ему: „О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся! Лучше-бъ хотѣлъ я.

живой, какъ поденщикъ работать на полѣ, службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный, нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый¹⁾. Такъ говорить „герой богоравный“,—какова же участь прочихъ умершихъ? И какъ мало все это походить на призывъ апостола—не скорбѣть объ умершихъ, *якоже прочи, не имущи упованія. Аще бо вѣруемъ, говоритъ онъ, яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершиа во Иисусъ приведетъ съ Нимъ* (1 Тес. 4, 13—14). Удивляться ли послѣ этого, что мысль о смерти не давала покоя греку и римлянину даже въ минуты безпечнаго веселія? И дѣйствительно, холоднымъ отчаяніемъ вѣетъ на кладбищахъ древняго міра: „они были“—такова обыкновенная надгробная надпись у римлянъ. Были люди—и исчезли со всѣми ихъ желаніями, надеждами и скоропроходящими радостями! Что можетъ быть безотраднѣе этого? И напротивъ, какая радость и какая глубокая вѣра въ будущую жизнь съ Господомъ сказываются въ надгробныхъ памятникахъ древнихъ христіанъ, которые и самое переселеніе отъ земли на небо называли *днемъ рожденія*²⁾. Можно ли удивляться, что древнее человѣчество, не смотря на громадныя успѣхи своего развитія, испытывало на зарѣ христіанства всѣ ужасы отчаянія и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей жаждало того свѣта, который принесенъ былъ Христомъ?

И вотъ, совершилось событіе, которое сразу открыло завѣсу будущаго, и это будущее перестало быть царствомъ всепожирающей смерти, а сдѣлалось для вѣрующихъ царствомъ жизни безконечной. Благая вѣсть о воскресеніи Хри-

¹⁾ Одиссея XI, 448 и слѣд.

²⁾ „Эту гробницу,—говорится, наир., въ одной надгробной надписи. найденной въ римскихъ катакомбахъ,—построили родители сыну своему Меркурію, который жилъ 5 л. и 8 мѣс., а послѣ сего родился о Господѣ (natus est in Domino) въ идахъ февраля“.—Фриккенъ. Римскія катакомбы 11, 20.

стовомъ открыла предъ умственнымъ взоромъ христіанина *новое небо и новую землю*, гдѣ живетъ вѣчная правда Христа; разсѣяло уныніе, и отчаяніе превратило въ радость. Съ какимъ радостнымъ умиленіемъ и какими свѣтлыми чертами изображается въ погребальныхъ церковныхъ пѣсняхъ блаженная жизнь, такъ трогательно испрашиваемая умершему! *Разжигаемся токмо слышаще*, поетъ, напр., св. Церковь при погребеніи священника, *яко есть тамо свѣтъ вѣчный, тамо источникъ живота нашего, тамо наслажденіе вѣчное, тамо есть рай, тамо всякая душа праведныхъ радуется. Сидимся вси во Христа и мы, да еще возопіимъ вси Богу а.и.и.и.и.и.а*. Потому-то свв. отцы Церкви, и на востокѣ и на западѣ, со всею силою возставали противъ обычая надѣвать при погребеніи черныя одежды, какъ противъ обычая языческаго, подавшаго язычникамъ поводъ упрекать христіанъ въ томъ, что и они, по выраженію св. Кипріяна Карфагенскаго, „оплакиваютъ, какъ совершенно погибшихъ, тѣхъ, которые живутъ у Бога“ ¹⁾. Правда, и христіанство, при всемъ своемъ радостномъ и отрадномъ возрѣвнн на смерть, не отвергаетъ нравственнаго страха предъ нею. Смерть напоминаетъ христіанину о страшномъ днѣ, когда онъ долженъ будетъ предстать предъ лицомъ нелицепріятнаго Судии и отдать Ему отчетъ въ своей земной жизни. Вотъ почему даже великіе духомъ христіане не могли не смущаться передъ таинственнымъ переходомъ изъ здѣшней жизни въ будущую. Но христіанскій страхъ предъ смертію не есть языческое сожалѣніе о земныхъ наслажденіяхъ; напротивъ, онъ охлаждаетъ любовь ко всему земному и умѣряетъ привязанность къ нему, соединяясь притомъ же съ радостною надеждою на милосердіе Божіе. Христіанство не говоритъ: „бойся смерти“, но говоритъ только: „помни о смерти, и бойся грѣха, за который ты долженъ дать отвѣтъ“. Горькую чашу смерти испилъ по чловѣчеству Самъ Жизнодавецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Творенія, ч. 2, стр. 251.

Своею смертію Онъ поправъ самую смерть и разрушилъ врата адавы. Отселѣ нѣтъ больше неизвѣстности въ будущемъ. Будущее есть лишь продолженіе настоящаго—и притомъ продолженіе славное, чуждое земныхъ невзгодъ и тревоженій. Врагъ поправъ и пораженъ, а потому нѣтъ надобности людямъ и страшиться его.

Такимъ образомъ, воскресеніе Христова открыло человечеству новый необъятный міръ бытія. Узкіе и тѣсные предѣлы настоящей жизни раздвинулись, и открылась свѣтлая будущность, ожидающая насъ за гробомъ. Праздникъ Христова воскресенія есть вмѣстѣ праздникъ и нашего воскресенія; побѣдныя пѣсни о Христвѣ, воставшемъ изъ гроба, у христіанъ переходятъ въ побѣдныя пѣсни объ умерщвленіи смерти и началѣ иного вѣчнаго житія. *Христось воскресъ изъ мертвыхъ. взываемъ мы, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. — Смерти празднуемъ умерщвленіе. адаво разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало.*

Вотъ почему день воскресенія Христова есть радостнѣйшій и свѣтлѣйшій изъ христіанскихъ праздниковъ. И пока живая вѣра сохранится въ сердцахъ христіанъ, до тѣхъ поръ и праздникъ воскресенія Христова будетъ сохранять свой всерадостный характеръ и называться *свѣтлымъ праздникомъ.*

Богослуженіе пасхальной седмицы.

Праздникъ Пасхи во всѣ времена и у всѣхъ христіанскихъ народовъ всегда считался величайшимъ и торжественнѣйшимъ. Св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ называетъ Пасху великою, двери райскія намъ отверзающею, святою недѣлю, святымъ Христовымъ воскресеніемъ; призываетъ къ ея торжеству землю и небо, міръ видимый и невидимый: Христосъ бо воста, веселіе вѣчное. Св. Григорій Богословъ говоритъ, что праздникъ Пасхи „столько превосходитъ всѣ торжества, даже Христовы и въ честь Христа совершаемыя,

сколько солнце превосходит звѣзды“¹⁾. Такое безмѣрное величіе Пасха имѣетъ несомнѣнно потому, что воскресеніе Христово есть вѣнецъ и слава всѣхъ спасительныхъ дѣйствій Искупителя. Воскресеніе служитъ доказательствомъ того, что Иисусъ Христосъ есть истинный Мессія, что не можетъ быть ложнымъ все то, что Самъ Онъ и св. пророки говорили о Его служеніи роду человѣческому, чему учили Его непосредственные ученики-апостолы и чему учитъ Св. прав. Церковь. Пасха есть торжество побѣды надъ смертію и адомъ: *„иди ти, смерте, жало; иди ти, аде, побѣда..; Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ“* (1 Кор. 15, 55—57). На всѣхъ живыхъ и умершихъ простираются плоды воскресенія, ибо если и „не всѣ мы умремъ, то всѣ измѣнимся и всѣ будемъ нетлѣнными, а потому подобаетъ, говорить апостоль, и тлѣнному сему тѣлу“ *облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). Въ этой истинѣ мы почерпаемъ сильнѣйшее побужденіе любить всѣхъ и хранить въ чистотѣ и святости не только свою душу, но и тѣло, которому также предназначено воскресеніе для вѣчной жизни.

Божественной славѣ Воскресшаго и величію свѣтлаго праздника Пасхи вполне соотвѣтствуетъ и особенная торжественность Богослуженія пасхальной седмицы. Посреди таинственной тишины спасительной ночи и трепетнаго ожиданія вѣрующихъ, будто изъ глубины неба, раздается благовѣсть и православные спѣшатъ на призывъ Церкви въ храмъ какъ званые, въ свѣтлыхъ одеждахъ радости и съ знаками торжества—свѣтильниками. Священнослужители облачаются въ свѣтлыя и самыя лучшія церковныя облаченія; храмъ „исполняется обиліемъ свѣта и благоуханія“ (уставъ); частымъ бажденіемъ во всемъ храмѣ на утрени и въ началѣ каждой службы благоуханіе поддерживается во все время служенія не только въ храмѣ, но и внѣ его; отверзтыя царскія врата

¹⁾ Дебольскій. Дни Богосл. Прав. Каѳ. Восточ Ц. ч. 2. стр. 200.

образно представляют намъ, что воскресеніемъ Господа всѣмъ вѣрующимъ открытъ входъ въ царство небесное. Торжественная обстановка невольно дѣйствуетъ на присутствующихъ въ храмѣ при пасхальномъ богослуженіи, и вѣрующіе въ пламенномъ восторгѣ повторяютъ за священнослужителями радостное „Христось воскресе“, или отвѣчаютъ имъ: „Воистину воскресе“. Цѣлодневнымъ звономъ, продолжающимся во всю свѣтлую седмицу, прав. христіане предъ всѣмъ міромъ выражаютъ свое торжество надъ врагами ихъ спасенія.

Пасхальное богослуженіе состоитъ изъ почти непрерывающагося пѣнія. Торжество начинается въ алтарѣ пѣніемъ стихирь „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити“. Ангелы первые узнали тайну Побѣдителя ада, имъ первымъ надлежало и прославить Его; мы же земнородные, подобно мѣроносицамъ, „утру глубоку“ шедшимъ ко гробу Спасителя, обходимъ вокругъ храма съ крестомъ и хоругвями—побѣдными знаками Церкви, и пока еще молимся, чтобы сподобиться чистымъ сердцемъ славить Господа. Въ притворѣ шествіе останавливается предъ закрытыми церковными вратами, какъ бы предъ камнемъ, заграждавшимъ гробъ Христовъ. Но вотъ раздается радостная пѣснь „Христось воскресе“ и, послѣ осѣненія вратъ св. крестомъ, вонѣ открываются, и вѣрующіе съ радостными лицами входятъ въ храмъ, „пѣснь побѣдную поюще“, какъ нѣкогда и мѣроносицы спѣшили въ Іерусалимъ возвѣстить ученикамъ о воскресеніи Господа. Такъ начинается пасхальная утренняя, которая почти вся состоитъ изъ дивныхъ пѣсенъ канона, составленнаго св. Іоанномъ Дамаскинскимъ на основаніи твореній древнихъ отцевъ Церкви: Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и др. Канонъ этотъ есть ничто иное, какъ торжественный гимнь въ честь славнаго событія и Божественнаго величія воскресшаго Господа. Въ немъ св. пѣснописецъ соединилъ все, что только можно представить, утѣшительнаго и радостнаго въ жизни, чтобы блестящими красками нарисовать намъ картину

свѣтлаго Христова Воскресенія. Радостенъ восходъ солнца послѣ мрачной ночи, но несравненно радостнѣе явленіе изъ гроба Христа, Солнца Правды, всѣмъ жизнь возсіяющаго. Веселился древній Израиль, празднуя избавленіе: отъ египетскаго рабства, скакалъ въ восторгѣ Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ; но гораздо выше радость новаго Израиля, сѣртающаго Самого Бога, узы адовы расторгшаго. Высота мысли и глубина чувства св. пѣснописца изливается въ канонѣ потоками истиннаго краснорѣчія и невольно передается слушателямъ. Мысль его не остаивается долго на одномъ предметѣ: онъ то обращается къ живущимъ на землѣ, то къ заключеннымъ отъ вѣка узникамъ ада, то къ небу и небожителямъ, всѣхъ призывая къ священному веселію; то убажаетъ день и ночь, ознаменованные чуднымъ событіемъ, то призываетъ самое мѣсто воскресенія—Іерусалимъ и Сіонъ—къ всеобщей радости, то, наконецъ, обращается съ молитвою ко Христу о совершеннѣйшемъ соединеніи съ Нимъ всѣхъ насъ „въ невечернемъ днѣ Царствія Его“¹⁾.

Послѣ канона и высокихъ пѣсней, торжественно восхваляющихъ Пасху красную и всечестную, Церковь представляетъ восхитительное зрѣлище. При пѣсни „воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обьемемъ, рцемъ, братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ“, вѣрующіе, слѣдуя призыву Церкви, привѣтствуютъ другъ друга лобзаніемъ со словами: „Христось воскресе“ и „Во истину воскресе“, при чемъ дарятъ яйца. „Христосованіе“ начинается въ алтарѣ между священнослужителями, которые затѣмъ съ крестомъ, Евангеліемъ и св. иконами становятся предъ царскими вратами и привѣтствуютъ лобзаніемъ пасомыхъ. Радость вѣрующихъ умножается словомъ св. Іоанна Златоуста: „аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества; аще кто рабъ бла-

¹⁾ Ловягинъ. Богослужбные каноны и С. Кохомскій „Объясненіе канона святой Пасхи“. Р. д. С. П. 97 г., т. 1.

горазумный, да виидеть, радуяся, въ радость Господа своего“. Замѣчательное твореніе вселенскаго святителя изображаетъ безпредѣльную благодать Господа, призывающаго къ Себѣ всѣхъ и общающаго награду не по заслугамъ, а по благодати: „всѣ войдите въ радость Господа Своего... и примите мзду... постившіеся и непостившіеся возвеселитесь днесь... богатые и бѣдные ликуйте другъ съ другомъ..., всѣ насладитесь пиршествомъ вѣры, всѣ пользуйтесь богатствомъ благодати Божіей“. Воистину чудная, трогательная и умиленная картина общаго всепрощенія и примиренія, соединяющая во Христѣ пастырей съ пасомыми истиннымъ братствомъ, основаннымъ на благоговѣйной любви! „Гдѣ и въ какой Церкви есть что-либо подобное торжеству сему, вполне достойному дивнаго событія, говоритъ одинъ писатель? Блѣдней Римъ съ его внѣшнею картинностію папскихъ служеній, изъ числа коихъ исключена пасхальная утренняя! И протестанты, чуждающіеся всего внѣшняго въ церкви, чувствуютъ сиротство свое въ сію великую ночь Пасхи и притекаютъ въ наши храмы искать того утѣшенія, котораго сами себя лишили“¹⁾.

Въ знакъ высокаго торжества Пасхи, часы въ пасхальную седмицу не читаются, а поются, и состоятъ не изъ псалмовъ, которые какъ пѣснопѣнія болѣе или менѣе покаянныя, вовсе отмѣняются, а изъ пасхальныхъ пѣснопѣній. Совершеніемъ въ Пасху литургій „порану“, Церковь какъ бы спѣшитъ вознаградить вѣрующихъ за подвиги поста и сразу открываетъ имъ всѣ свои сокровища. Призывая всю вселенную воскликнуть Господеву и дать славу Ему, Церковь въ апостольскомъ чтеніи возвѣщаетъ о воскресеніи Господа, благоволившаго поставить Себя предъ Апостолами, „денми четырехдесяти являясь имъ, и глаголя яже о царствіи Божіи“. Въ Евангеліи, чтеніе котораго на первый день отличается особенною торжественностію и бываетъ на разныхъ языкахъ, въ знакъ того, что слава Воскресшаго распространилась по всѣмъ

¹⁾ Муравьевъ. „Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ“.

народамъ и повѣдается на всѣхъ языкахъ міра, Церковь торжественно возвѣщаетъ, что Іисусъ Христосъ есть Богъ вѣчный, Творецъ міра, Источникъ жизни и свѣта, Сынъ Божій, принявшій на Себя человѣчество и исполняющій вѣрующихъ въ Него благодати и истины. Въ концѣ литургіи вмѣсто обычныхъ пѣснопѣній мы чаще слышимъ радостное „Христосъ воскресъ“, болѣе соответствующее праздничному настроенію вѣрующихъ; а затѣмъ бываетъ торжественное освященіе брашенъ, пасохъ, особенно сыра и яицъ; ихъ то, по окончаніи подвиговъ поста, въ знакъ радостнаго единенія, вѣрующіе вкушаютъ во всю свѣтлую седмицу, въ той мысли, что Іисусъ Христосъ крестною смертію и воскресеніемъ сдѣлался для насъ истиннымъ хлѣбомъ животнымъ.

Богослуженіе въ другіе дни свѣтлой седмицы не менѣе торжественно, чѣмъ и въ первый день, такъ что вся пасхальная недѣля представляетъ собою какъ бы одинъ великій торжественный праздникъ, которымъ Св. Церковь сторицею вознаграждаетъ вѣрныхъ сыновъ своихъ за подвиги великаго поста и страстной седмицы.

**Связь и отношеніе между Цвѣтной Тріодью и Октоихомъ съ
Минеєю по сравненію съ Постной Тріодью.**

Далеко не для всѣхъ священнослужителей ясны связь и отношеніе, какія имѣетъ Цвѣтная Тріодь къ Октоиху, сравнительно съ связью и отношеніемъ къ нему Тріоди Постной, а также вытекающая отсюда особенность въ изложеніи, печатаніи молитвословій и пѣснопѣній Октоиха въ той и другой Тріоди. Скажемъ пояснѣе объ этомъ. Цвѣтная Тріодь до некоторой степени имѣетъ сходство съ Октоихомъ (надо дѣлать удареніе въ этомъ словѣ надъ слогомъ „то“, а не произносить, какъ многіе дѣлаютъ, „Октоихъ“: происходитъ отъ греческихъ словъ ὀκτώ—восемь, ἦχος—гласъ,—Осмогласникъ):

какъ содержащая *измѣняемая* ¹⁾ молитвословія и пѣснопѣнія для подвижныхъ дней богослуженія: и какъ включающая въ составъ своихъ службъ молитвы и пѣснопѣнія, не только имѣющія одно общее наименованіе съ молитвословіями Октоиха, но и по содержанію сходныя съ послѣдними, потому что между воспоминаніями, свойственными первымъ, есть и такія, какія усвоятся Церковью днямъ седмицы, обнимаются содержаніемъ службъ Октоиха. Но, съ этимъ вмѣстѣ, Тріодъ Цѣлная въ своихъ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ прежде всего сообразуется съ намѣреніемъ Церкви выразитъ великую мысль всемірнаго торжества и блаженнаго примиренія между небомъ и землею; тягостныя мысли о грѣхѣ, наказаніи и судѣ, воспоминанія о прошедшей небрежной жизни касательно дѣлъ благочестія и т. п. предать на время забве-

¹⁾ Къ *измѣняемому* въ составѣ богослуженія относится то, что въ известной божественной службѣ измѣняется въ разные дни седмицы и года. Къ *неизмѣняемому* же въ немъ принадлежитъ бывающее неизмѣняемымъ въ отношеніи къ одной и той же такой службѣ. Если взять, для поясненія сказаннаго, утреню, то *неизмѣнной* частью богослуженія будутъ, напр.: псалмы шестопсалмія, ектенія и др.; а *измѣняемой*: тропари чю „Богъ Господь“, сѣдальны по канонамъ, канонъ, сѣдацень по 3-й пѣсни канона, кондакъ и икосъ по 6-й, свѣтилень по 9-й, стихиры на хвалитехъ и на стиховнѣ. Равнымъ образомъ, на литургіи тропари и кондаки по входѣ, прокимны, аллилуіаріи, причастны будутъ *измѣняемыя* молитвословія, не смотря на то, что инныя изъ нихъ употребляются въ известный день во все годы. Последнее добавляемъ для памятованія, что названіе молитвъ, пѣснопѣній *неизмѣняемыми* и *измѣняемыми* дается по отношенію къ той или иной службѣ, къ ся виду (напр., вечернѣ великой—праздничной, малой всенедвной), а не по отношенію къ днямъ и числамъ, въ которые они употребляются. Названіе *измѣняемое* самое подходящее въ данномъ случаѣ потому, что замѣствуется изъ богослужбныхъ же книгъ. „Ико же написася здѣ всяслѣдованіе,—читаемъ въ Типиконѣ (л. 477, изд. 1882 г.), въ недѣлю вечера во свѣтильничномъ, и въ поведѣльничкѣ во угрени, сице бываетъ во всехъ седмицахъ до Вознесенія Господня, *измѣняемыя* стихирамъ осмогласника и сѣдальнамъ по обычаю“ (ср. Тріодъ Пост., изд. 1777 г., послѣд. въ нед. Сырн. вечера). *Измѣняемыя* молитвословія больше находятся въ Октоихѣ, Минеяхъ и Тріодяхъ; *неизмѣняемыя* больше въ Часословѣ, слѣдованной Псалтири и Служебникѣ.

нію и чадъ своихъ, всѣхъ безъ различіи, расположить *внѣ* въ радость Господа своего, о чемъ такъ хорошо вѣщаетъ св. І. Златоустъ въ своемъ „Огласительномъ словѣ на Пасху“. Только указанное доселѣ отношеніе Цвѣтной Тріоди къ Октоиху, подобно отношенію къ нему Тріоди Постной, которая, однако,—что само собою понятно,—въ своихъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ сперва сообразуется съ намѣреніемъ Церкви ввести грѣшника въ подвиги поста и покаянія, пробудить въ немъ искреннее раскаяніе и стремленіе къ покинутому имъ чрезъ грѣхи, Отцу Небесному. Дальнѣйшее же отношеніе той и другой Тріоди къ Октоиху, которымъ объясняется, какъ молитвы послѣдняго входятъ въ составъ обѣихъ Тріодей и какъ печатаются въ каждой изъ нихъ, не одинаково. Праздникъ Пасхи во всѣ времена христіанской Церкви почитался торжественнымъ; эта торжественность въ значительной степени свойственна, по установившемуся у христіанъ всѣхъ вѣковъ взгляду, и цѣлой Свѣтлой седмицѣ, составляющей какъ бы одинъ продолжительный день—праздникъ. Ясно, однако, что до нѣкоторой степени эта торжественность распространяется и на время отъ недѣли Троицы до отданія Пасхи. Праздники—Вознесенія Господня и Пятидесятницы—также величайшіе изъ христіанскихъ праздниковъ и стоятъ въ тѣсной связи съ праздникомъ Пасхи. Не естественно ли, что это, вызвавъ не мало важныхъ отличій въ богослуженіи разсматриваемаго періода, должно было выразиться извѣстными особенностями и въ пѣніи гласовъ Октоиха въ данные дни, въ употребленіи съ Пасхи до отданія ея молитвословій этихъ гласовъ, въ количествѣ такихъ молитвословій въ составъ названныхъ службъ церковныхъ, сравнительно съ богослужебными послѣдованіями дней, въ которые поется Постная Тріода—этихъ преимущественныхъ дней поста и покаянія (разумѣемъ, собственно, самую св. Четырдесятницу), которымъ не соответствуютъ совершенно умѣстныя, въ иное церковное время, извѣстныя торжественныя молитвословія и пѣснопѣнія Октоиха. Такъ это и видимъ въ Уставѣ Церковномъ на назван-

ные дни. Гласы Октоиха, поемые въ дни богослуженія по Пустной Трїоди порядку, т. е. въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поются и во весь годъ, начиная съ недѣли Всѣхъ Святыхъ („во св. Вел. постъ,—сказано въ Типиконѣ, въ 54 гл., л. 519, изд. 1882 г.,—починается столпъ гласовъ 6-й“), въ Трїоди Цвѣтной назначены слѣдующимъ отличнымъ отъ обычнаго образомъ: въ недѣлю жень Мироносицъ и въ седмичные дни за нею поются молитвословія и пѣснопѣнія Октоиха 2-го гласа (Цв. Тр., л. 53, 54, 65 на обор., 67-й на обор., изд. 1882 г.); въ недѣлю и седмицу Разслабленнаго—3 гласа (тамъ же л. 81 на обор. и слѣд., л. 92, 95 и др.); въ недѣлю и седмицу Самаряныни—4 гласа (тамъ же, л. 114 и слѣд., 130 и слѣд.); въ недѣлю и седмицу о Слѣпомъ—5 гласа (тамъ же, л. 140 и слѣд., 152 и слѣд.); въ „недѣлю 318 Св. Отець, иже въ Никеи“—6 гласа (тамъ же, л. 171 на обор. и слѣд.). О недѣлѣ Ѳоминой мы не упомянули потому, что въ эту недѣлю Октоиха не указано пѣтъ: „подобаетъ вѣдати, яко въ сей... недѣли Антипасхи ¹⁾ не поются воскресны, но вся праздники“; зато пѣснопѣнія Цвѣтной Трїоди этой недѣли поются на 1-й гласъ. На первый же гласъ поются пѣснопѣнія Цвѣтной Трїоди и въ недѣлю Пятидесятницы, въ которую такъ же, какъ и въ недѣлю Ѳомину, Октоихъ не употребляется (Пентикостарїонъ, л. 208, тамъ же). Пѣснопѣнія Октоиха 8 гласа поются въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ (тамъ же, л. 238 на обор.). И послѣ дня Пасхи, которому еще въ Великую субботу на начинающей собою литургію вечернѣ, какъ относящейся къ слѣдующему дню, вмѣстѣ съ дневными поются торжественныя воскресныя пѣснопѣнія Ок-

¹⁾ Св. Церковь называетъ недѣлю Ѳомину „Антипасхою“ (Типиконъ, л. 472-й на об., изд. 1882 г.), что означаетъ „вмѣсто Пасхи“—ἀντι-πασχα, потому, что этотъ день есть первый изъ воскресныхъ дней всего пасхальнаго года, въ который событіе воскресенія Христова повторяется воспоминаніемъ. Еще недѣля эта называется въ богослужебныхъ книгахъ (Пентикостарїонъ, л. 38 на об., изд. 1882 г.)—„недѣлею Новою“, „недѣлею Обновленія“, потому что этотъ день послѣ Пасхи повторяетъ въ первый разъ и какъ бы обновляетъ великій праздникъ Воскресенія.

тоиха 1-го гл., а именно: стихиры на „Господи воззвах“ 4 съ догматикомъ „Всемирную славу“. (Типиконъ, л. 457, изд 1882 г.), на понедѣльникъ указано пѣть: стихиры на „Господи воззвах“ (всего семь и Богородичень догматикъ), на стиховѣ (одну) и на хвалитехъ (четыре) изъ числа воскресныхъ Октоиха 2 гласа (тамъ же, л. 468 и слѣд.). На вторникъ пасхальный положены тѣ же стихиры 3 гл. (тамъ же, л. 469 на об.), на среду—4 гл. (тамъ же, л. 470), на четвертокъ—5 гл. (тамъ же, л. 470 на об.), на пятокъ—6 гл. (тамъ же, л. 471), на субботу—8 гл. (тамъ же, л. 471 и слѣд.).

Вотъ какими особенностями въ пѣніи гласовъ Октоиха молитвъ и пѣснопѣній этихъ гласовъ отличаетъ Св. Церковь время употребленія Цвѣтной Тріоди. Съ другой стороны.—пасхальный періодъ, дни Пасхи одного и другого года (предыдущей и послѣдующей), отъ которыхъ зависить распорядокъ рядовыхъ гласовъ Октоиха—обычный, какой бываетъ и при употребленіи Постной Тріоди, т. е. въ недѣли приготовительныя къ св. Четырдесятницѣ и въ эту послѣднюю, падаютъ не на одно и то же время. По той же причинѣ названные гласы, когда на богослуженіи указаны пѣснопѣнія Постной Тріоди, въ разные годы приходятся разные, а не одинаковые. Оказывается, слѣдовательно, что въ пѣніи Церковью молитвословій Осмогласника, гласовъ Октоиха на службахъ, отправляемыхъ и по Постной Тріоди, сравнительно съ службами дней, обнимаемыхъ Цвѣтной Тріодью, дѣйствительно бываетъ противоположное: на вторыхъ богослужебныхъ послѣдованіяхъ такіе гласы поются одни и тѣ же во всѣ годы. Вотъ почему въ Тріоди Постной указывается лишь родъ, наименование пѣснопѣній Октоиха, положенныхъ тогда, но не опредѣляется точно, изъ какого гласа послѣдняго должно брать молитвословія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто только замѣчено: „по гласу“, „гласа“ (Типик., л. 407 на об. и слѣд. 421 и др.). Въ Тріоди же Цвѣтной употребляемыя на службахъ пѣснопѣнія и молитвословія Октоиха, вслѣдствіе того, что поются хотя и по особливому, вышеуказанному, порядку.

но вмѣстѣ съ тѣмъ на одинаковые гласы въ разные годы, не просто только обозначаются, а наряду съ пѣснопѣніями,— и пѣснопѣніями собственно ея, пасхальными и друг. подобными,—печатаются цѣликомъ. Правда, и въ Постной Трїоди молитвословія Октоиха печатаются полностью,—но, во-первыхъ, только нѣкоторыя: троичны, сѣдальны по 1-й каѳизмѣ, свѣтильны: во-вторыхъ, только всѣхъ гласовъ вмѣстѣ и не въ самыхъ послѣдованіяхъ, а особо отъ нихъ, въ концѣ книги (л. 250 и слѣд., изд. 1882 г.); въ-третьихъ, наконецъ, только для седмичныхъ дней Великаго поста.

Все, изложенное нами доселѣ о Постной и Цвѣтной Трїодяхъ со стороны ихъ отношенія къ Октоиху, безъ сомнѣнія, надо знать каждому священнослужителю. Но не менѣе должны быть извѣстны священнослужителямъ и ниже-слѣдующія разъясненія, сопоставленія и сравненія, какъ служащія необходимымъ для полнаго обследованія предмета, дополненіемъ къ сказанному о связи и отношеніи между названными богослужебными книгами, объ употребленіи молитвословія Осмогласника на службахъ церковныхъ въ періодъ пѣнія той и другой Трїодей.

Тогда какъ для дней седмичныхъ, въ которые употребляется Трїодъ Постная, молитвословія и пѣснопѣнія такихъ же дней Октоиха входятъ въ составъ богослуженія въ гораздо меньшемъ, чѣмъ въ обычное, не великопостное время, количествѣ¹⁾, въ послѣдованія Цвѣтной Трїоди молитвословія

¹⁾ Сказанному о меньшемъ, чѣмъ въ обычное время, употребленіи въ седмичные дни Великаго поста молитвословія и пѣснопѣній Октоиха, повидимому, противорѣчитъ одно изъ замѣчаній Типикона въ послѣдованіи понедѣльника 1-й недѣли этого поста: „подобаетъ вѣдати, яко Осмогласникъ не поется во всю Четыредесятницу. кромѣ недѣли, поется же точію минея и трипѣнецъ“ (л. 408 на об., 2-е „Зри“, изд. 1882 г.). По пониманію этого замѣчанія въ томъ смыслѣ, будто въ седмичные дни Великаго поста свѣсѣмъ не должны быть употребляемы молитвословія Октоиха, будто эти молитвословія должны входить только въ составъ службы воскресній Четыредесятницы, иѣшается требованіе Типикона же, чтобы на утрени именно седмичныхъ дней Великаго поста поемы были

изъ Осмогласника внесено не мало сравнительно и изъ числа положенныхъ въ послѣднемъ не только на дни седмицныя, а и на недѣли (воскресенія). Такъ въ службахъ седмицныхъ дней послѣ недѣли ап. Ѳомы до Вознесенія Господня есть слѣдующія молитвословія и пѣснопѣнія изъ послѣдованій богослуженія въ Октоихѣ: 1) Богородичень догматикъ настоящаго гласа („гласа прѣдшнїя недѣли“) послѣ стихирь на „Господи воз-

сѣдальны Осмогласника по 1-мъ стихословіи (л. 407 на об.), свѣтильны Троичны гласа Октоиха по 9-й пѣсни канона „Достойно есть“ и малой ектенїи (л. 408 на об., 2 „Зри“, то есть то же самое мѣсто, листъ, гдѣ находится и приведенное выше замѣчаніе: „яко осмогласникъ не поется“...); и на вечернѣ въ пятки седмицъ великопостныхъ Уставъ Церковный назначаетъ изъ Октоиха 4 мученичныя стихиры на „Господи воззвахъ“ (л. 421, 426, 428). Въ сущности, дѣло просто объясняется, и кажущееся противорѣчіе легко устраняется: въ Тріодѣ Постной, какъ уже сказано было объ этомъ, въ концѣ ея (л. 250 и слѣд. изд. 1882 г.), напечатаны и названныя пѣснопѣнія Октоиха, т. е. и сѣдальны, и свѣтильны Троичны: иначе сказать: въ указанномъ сейчасъ мѣстѣ Тріодѣ Постной напечатано все, что по Уставу надо пѣть изъ Октоиха въ седмицныя дни (первые 4 дня недѣли) великопостныя, почему самая книга Осмогласника, или Октоихъ, изъ какой перепечатано въ Тріодѣ это все, конечно, не нужна тогда: *не поются тогда пѣснопѣнія Осмогласника по этому послѣдствію*, а не совсѣмъ опускаются. Точно также пѣть никакого основанія говорить, что отъ субботы Лазаревой до недѣли Антипасхи пѣснопѣнія Октоиха и Богородичны не поются, хотя въ Типиконѣ, въ послѣдованїи пятка 6-й седмицы вечера, и есть замѣчаніе: „... отъ двесь (т. е. отъ субботы Ваїї) ниже мученичєвъ, ниже Богородичєвъ, ниже Осмогласникъ поется, даже до повѣдѣльника св. Ѳомы“ (л. 438 на об., 2 „Зри“) илюженные Уставомъ же на утренѣ воскресныя изъ Октоиха тропари— „Ангельскїй соборъ удивися“— и т. д. съ припѣвомъ „Благословенъ еси Господи“., послѣ пѣнія „Влаженни непорочнїи“, въ субботу Великую и даже въ самую субботу Лазарєву, по 2 мъ стихословіи (л. 439 и 455), а также поемая на вечернѣ въ первую изъ упомянутыхъ свѣчаетъ субботы стихиры Осмогласника, воскресенья 1 гласа (л. 457-й), на повечерїяхъ же Страстной седмицы Богородичны въ трипѣсницахъ,—все это, конечно, указываютъ снова на необходимость лишь такого пониманія приведеннаго послѣдняго изъ противорѣчащихъ яко бы замѣчаній Типикона („ниже Богородичєвъ, ниже Осмогласникъ поется“): все нужное изъ книги Октоихъ для богослуженія названныхъ дней есть въ Тріодѣ Постной, и Богородичны иныя, помимо Богородичныхъ послѣдней, не поются въ эти дни, а потому и книга Октоихъ не нужна, „не поется“.

звѣкъ вечерни всенедельной пятковъ, относящейся собственно къ субботнимъ днямъ (Пентикостаріонъ, л. 51, 79, 112, 302, изд. 1882 г.): 2) на вечерни же—стихиры на стиховнѣ, изъ которыхъ одна—воскресная гласа недѣли, другая—изъ числа независимыхъ въ богослужебныхъ книгахъ *умилительными*, покаянными, соотвѣтственно дню, а на среду и пятокъ *крестная*, и третья „Мучениченъ“, также соотвѣтственно дню, т. е. въ понедѣльникъ изъ службы понедѣльника въ Октоихѣ, во вторникъ изъ службы вторника въ послѣднемъ и т. п. (л. 39 на об., 45, 47, 49, 70, 92 и др.); 3) по 1-мъ стихословіи на утрени—сѣдаленъ воскресный гласа недѣли, сѣдаленъ *умилительный*, или покаянный, соотвѣтственно дню, а въ среду и пятокъ кресту и въ послѣдованіи того же гласа, и такой же сѣдаленъ мучениченъ (л. 40 на об., 73, 136 и др.); 4) на утрени же—на хвалитехъ стихиры—воскресная гласа недѣли, *умилительная*, или покаянная, соотвѣтственно дню, и кресту; въ среду и пятокъ такая же (л. 50, 69, 95 на об. и др.). Мы сказали, что такъ бываетъ въ седмичные дни лишь отъ недѣли Антипасхи до Вознесенія Господня, въ виду слѣдующаго: въ послѣдованіяхъ Трїоди Цвѣтной для седмичныхъ дней по Вознесеніи и Пятидесятницѣ находятся молитвы и пѣснопѣнія по праздниченныя этихъ праздниковъ, замѣняющія собою пѣснопѣнія Октоиха, такъ что только въ службу субботы предъ Пятидесятницею, какъ номинальную и, такъ сказать, находящуюся на рубежѣ названныхъ великихъ праздниковъ (отданіе праздника Вознесенія Господня бываетъ въ пятокъ 7 нед. по Пасхѣ: Типик., л. 498, и Пентикостаріонъ, л. 196 на об. изданіе 1882 года), входятъ молитвословія и пѣснопѣнія Октоиха 6-го гласа (л. 197 по 207 включит. въ Пентикостаріонѣ, изд. то же). Въ воскресные же дни всего періода до Пятидесятницы, не исключая и перваго дня Пасхи, употребляются и пѣснопѣнія воскресныя Октоиха указаннаго Уставомъ гласа: и только въ недѣлю Антипасхи, согласно съ вышесказаннымъ, „не поется“ Октоихъ. Вышесказанное же достаточно говорить и за всю вѣсковость основаній, по какимъ

наша Православная Церковь установила представленный нами подробно порядокъ гласовъ Октоиха, употребляетъ названымъ образомъ молитвословія и пѣсногбнія Осмогласника на церковныхъ службахъ времени пѣнія Цвѣтной Тріоди. Пѣсни послѣдней представляютъ по преимуществу состояніе Божественнаго прославленія Господа нашего Иисуса Христа; въ нихъ слышимъ исполненіе радостныхъ обѣтованій объ избавленіи людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Слѣдовательно, употребленіе въ большомъ довольно количествѣ наряду съ молитвословіями Цвѣтной Тріоди, молитвословія Октоиха, которыя возвышенны, радостны, восторгаютъ душу, вполне цѣлесообразно.

(Продолженіе будетъ).

Препод. Сем. В. Таценковъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 марта 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, апрѣля 8-го.

Содержаніе: Связь и отношеніе между Цвѣтной Трїодью и Октоихомъ съ Минеею по сравненію съ Постной Трїодью (продолженіе).—Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ (продолженіе).—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).—Замѣтка.

-Связь и отношеніе между Цвѣтной Трїодью и Октоихомъ съ Минеею по сравненію съ Постной Трїодью ¹⁾.

Переходя затѣмъ къ выясненію связи и отношенія между Трїодью Цвѣтною и Минеей, сравнительно съ связью и отношеніемъ между послѣдней и Трїодью Постною,—употребленія на службахъ, когда поется первая Трїодь, молитвословіи Минеей, мы должны предварительно сказать, что особыхъ замѣчаній Типикона на этотъ разъ — такъ именуемыхъ „Зри“ — въ послѣдованіяхъ понедѣльника 2 седмицы Аптипасхи на утрень (л. 476-й, изд. 1882 г.) и субботъ Пятидесятницы (л. 479 *ibid.*) болѣе 20-ти. Отсюда сама собою вытекаетъ настоятельная необходимость извѣстной отправной точки зрѣнія,

¹⁾ См. № 14 за 1901 г.

чтобы можно было, какъ слѣдуетъ, ориентироваться въ названныхъ замѣчаніяхъ.

Въ Миней Мѣсячной (Μηναιον—отъ μῆς—мѣсяць), какъ извѣстно, заключены послѣдованія съ измѣняемыми молитвословіями на неподвижные дни круга годичнаго для службъ въ обычное время вечерни и утрени,—въ праздники и для литургіи,—въ иные изъ этихъ дней—и для полунощницы и повечерія, въ нѣкоторые же особенные дни—навечерія праздниковъ—и для всѣхъ изъ богослужебныхъ часовъ (см. подтвержденіе всему сказанному о Миней Мѣсячной въ послѣдующихъ числахъ мѣсяцевъ въ нихъ: 25 и 27 сентября, 2 февр., 25 марта, 24 декабря, 5 января и др.). Мы уже видѣли, что Трїодъ Цвѣтная въ своихъ послѣдованіяхъ съ мыслями, приспособленными къ торжественному, особенно свѣтлому, радостному для христіанъ, каковъ періодъ отъ Пасхи до Пятидесятницы, времени, соединяетъ воспоминанія, усвоенныя Церковію днямъ круга седмичнаго, почему до извѣстной степени замѣняетъ собою пѣніе Октоиха. То же въ значительной степени наблюдается и въ отношеніи Трїоди Цвѣтной къ Миней. Содержа въ себѣ съ мыслями, отвѣчающими названному торжественному періоду, воспоминанія, относящіяся ко дню круга годичнаго, Трїодъ Цвѣтная заключаетъ въ себѣ молитвы и пѣснопѣнія, иногда замѣняющія собою находящіяся въ Миней Мѣсячной молитвословія и пѣснопѣнія, а въ иные дни поема въ вмѣстѣ съ послѣдними, такъ что, съ этой стороны, сходство между этой Трїодью и Постной ¹⁾ большее,

¹⁾ Къ днямъ пѣнія Трїоди Постной, когда не употребляется Миней Мѣсячная, и когда молитвословія и пѣснопѣнія, какія въ другое время поются изъ нея, замѣняются молитвословіями и пѣснопѣніями названной Трїоди, относятся только всѣ недѣли-воскресенія, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея и кончая недѣлей Вай, а изъ седмичныхъ дней лишь субботы—Мясопустная, Сыропустная, 1 и 5 субботы Велпоста, суббота Лазарева, дни Страстной седмицы (Типик., л. 392, 1-е „Зри“, 395 и слѣд., 403 и слѣд., 422, 3-е „Зри“, 425 на об., 439, изд. 1882 г.). Пускай сказаннаго въ Уставѣ въ послѣдованіи недѣли Блуднаго Сына: „Миней же послѣдованіе“, т. е.—святого, случившагося въ эту недѣлю.

чѣмъ въ вышеуказанномъ отношеніи той и другой Тріодеи къ Октоиху, къ содержащимся въ немъ послѣдованіямъ службъ.

послѣ на повечеріи въ пятокъ вечера, а послѣдованіе прилучающихся святыхъ въ субботу и въ недѣлю Мясопустную поется въ мимошедшихъ повечеріяхъ“, т. е. на повечеріяхъ дней седмицы до субботы, „также до субботы и недѣль Сыропустной творимъ, или како настоятель изволитъ, кромѣ аще гдѣ случится великаго святаго память“, пускай, повторяемъ, этого замѣчанія нѣтъ насчетъ недѣль Мытаря и Фарисея и Великаго поста, но отсюда еще не слѣдуетъ заключить о возможности употребленія молитвословій Миней въ эти послѣднія, о ненужности перенесенія ихъ молитвословій на другіе дни. 1) Извѣстныя Марковы и храмовыя главы ясно показываютъ, въ какихъ только случаяхъ употребляются молитвословія Миней въ названныя сейчасъ недѣли, это лишь тогда, когда прилучится великій святой и святой храма (Типик., л. 250, 253.— Марк. гл. 10, 14 и 15 подъ 24 февр., 258—Марк. 2-я подъ 9 марта, 549 храм. гл. 25, 550—храм. гл. 33, 554—храм. гл. 37-я). 2) И въ недѣль Мытаря и Фарисея и въ недѣли Великаго поста послѣдованіе совершенно соотвѣтствуетъ послѣдованіямъ недѣль—Блуднаго Сыва, Мясопустной и Сыропустной; въ службахъ, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ недѣль, видимъ въ Тріоди Постной молитвословія, замѣняющія собою такія же молитвословія Миней; слѣдовательно, воишь основательно заключить, что во всѣхъ названныхъ недѣляхъ не должны быть поемы службы Миней, потому что онѣ переносятся Уставомъ на другое время. Что же касается службы въ вел. Ваѣ, то въ составъ ея входятъ молитвословія Миней только праздника Благовѣщенія, бывающаго въ эту недѣлю (л. 278 на об. и 279). Есть полная возможность примирить съ сказаннымъ нами, что изъ субботы Великаго поста Миней не поется только въ субботы, 1-й, 5-й и 6-й недѣль его, и что, слѣдовательно, она не отличается въ субботы 2, 3 и 4 седмицъ этого поста, и такое замѣчаніе Типикона въ послѣдованіи субботы 1-й седмицы Четыредесятницы: „... послѣдованіе Миней прилучающихся святыхъ въ субботы седмицъ св. Четыредесятницы поется въ повечеріяхъ или егда изволитъ еклисіархъ: тако творимъ во всѣхъ пяткахъ въ вечеръ св. и вел. Четыредесятницы“ (л. 422—3 е „Зри“). Послѣдними словами: „такъ творимъ во всѣхъ пяткахъ“ требуется не то, чтобы въ субботы всѣхъ седмицъ Великаго поста оставлялась Миней, послѣдованія святыхъ ея, а то, чтобы на всѣ пятки предъ этими субботама, точнѣе на повечерія ихъ, переносимы были каноны святыхъ, которымъ службы не будутъ отиравлены въ субботы: другими словами, когда въ субботу послѣдованія святыхъ Миней не поются, канонъ святаго числа мѣсяца, совпадающаго съ такою субботою, надо вычитывать на повечеріи пятка наканунѣ. И „такъ во всѣхъ пяткахъ въ вечеръ св. Четыредесятницы творимъ одинаковымъ образомъ“, т. е. вычитываемъ и поемъ канонъ Миней святаго, который прилучится въ субботу.

Еще въ одномъ изъ послѣдованій. Великаго поста въ Типиконѣ замѣчено: „вѣдомо да есть, яко отъ сего понедѣльника 2 нед. поста выпѣваются на повечеріяхъ каноны, иже Миней, именуемыхъ прилучитися святыхъ, отъ субботы Лазаревы до недѣли Ѳомины, съ каноны Богородичны“ (л. 425, на об., 1-е „Зри“, изд. 1882 г.). Это, конечно, прямо указываетъ на то, что въ дни пасхальной седмицы молитвословія и пѣсноуенія Миней совсѣмъ не употребляются. Исключеніе на этотъ разъ бываетъ лишь для праздника Благовѣщенія, для великихъ святыхъ, для мѣстно празднуемыхъ, особенно чтимыхъ (гдѣ мощи, чудотворныя иконы и т. д.) святыхъ и святыхъ такъ именуемыхъ храмовыхъ (18 и 19 Марковы главы на Благовѣщ., помѣщаемыя въ Типик. не подъ 25 марта, а подъ 26-мъ. л. 282—284; Маркова глава на день великомуч. Георгія. 23 апр., л. 295 на об. и 296; храмовая глава 48-я, л. 55 на об.; о святыхъ, мѣстно празднуемыхъ, имѣемъ право такъ говорить по аналогіи). Еще, для опредѣленія съ точностію времени, когда, при пѣніи Цвѣтной Трїоди, службы святыхъ Миней оставляются, и пѣсноуенія и молитвословія послѣдней замѣняются молитвословіями и пѣсноуеніями первой, служатъ такія замѣчанія Типикона: 1) „..... возслѣдованія случившихся святыхъ во всѣхъ недѣляхъ святаго Пятидесятницы поемъ въ повечеріяхъ: л. 474, 4-е „Зри“ послѣдованія въ недѣлю Антипасхи въ Типик. изд. 1882 г.“; 2) „на сей день Преполовенія на повечеріи святаго рядоваго поемъ стихиры и канонъ“ (л. 486 на об.—въ послѣдов. во вторникъ 4 седмицы по Пасцѣ вечера, передъ „Зри“); 3) „на сей день отданія Преполовенія служба Миней поется на повечеріи“ (л. 489 на об.—„Зри“ во вторникъ 5 седмицы по Пасцѣ вечера); 4) „на сей день отданія Вознесенія службу Миней поемъ на повечеріи“ (л. 498); 5) „службу же Миней рядоваго святаго, случившагося въ праздникъ Вознесенія, поемъ на повечеріи“ (л. 495 на об.—„Зри“ въ четвергъ вечера 6-й седмицы по Пасцѣ). Итакъ, вотъ еще тѣ дни, когда, при пѣніи Цвѣтной Трїоди, совсѣмъ отлагается Миней, если и на этотъ разъ о-

демь руководиться только предписаніями Устава, а не обычаемъ въ той или иной мѣстности: всѣ недѣли (воскресенія) Пятидесятницы, день Преполовенія и отданія его, отданіе Пасхи, день Вознесенія и отданіе его. Каждому изъ этихъ дней, какъ посвященному воспоминанію особенно знаменательныхъ событій изъ жизни Спасителя, служащихъ къ увѣренію въ истинѣ Его воскресенія, и служба отправляется по богослужебнымъ книгамъ, въ какихъ прославляются названія событій, прежде всего, по преимуществу; а Минея Мѣсячная къ такимъ книгамъ не относится, такъ что обходиться безъ нея при богослуженіи въ перечисленные дни вполне естественно.

Относительно субботы предъ Пятидесятницей также не можетъ быть двухъ противоположныхъ мнѣній насчетъ того, употребляется или нѣтъ въ нее и Минея Мѣсячная. Правда, въ самомъ послѣдованіи этой субботы нѣтъ такого прямого указанія о томъ, что Минея Мѣсячная отлагается въ этотъ день, какое мы привели изъ Типикона насчетъ другихъ дней пѣнія Цвѣтной Тріоди. Но уже, такъ сказать, самый характеръ богослуженія въ эту субботу ясно говоритъ, что въ богослуженіи ея не можетъ быть мѣста Минеѣ Мѣсячной. Въ самомъ дѣлѣ, чему посвящена Церковію суббота предъ Пятидесятницею?—День Пятидесятницы, въ который вполне открылась спасительная благодать Новаго Завѣта, есть для Церкви Христовой день новаго законоположенія и новаго лѣта, наступившаго по совершеніи тайны искупленія, по одержаніи духовной побѣды надъ грѣхомъ, проклятіемъ и смертію.

„Обычай есть воинамъ послѣ побѣды варваровъ побѣдные знаки возставлять и износить добычи Церкви,—говоритъ Матѳей Властарь,—а потомъ на погребенія убіенныхъ исходить. Такимъ образомъ и намъ потребно, послѣ побѣды воскресенія, знакъ побѣдный Пятидесятницею возставлять и побѣдительная Христу, чрезъ Его же побѣды, воспѣть, потому и лежащимъ усопшимъ долгъ отдать, по исполненіи Пятидесятницы“ („Нов. скриж.“, о св. Четырехдесяти., § 12).

Слѣдовательно, Церковь, какъ въ субботу Мясопустную, представляющую послѣдній день міра предъ всемірнымъ судомъ, молить Господа о милосердіи къ усопшимъ своимъ въ день страшнаго, всеобщаго суда: такъ, въ субботу предъ Пятидесятницею, представляющею первый день открывшагося во всей силѣ царства Христова, ходатайствуя объ искупленіи живыхъ „возвратить плѣненіе душъ ихъ“, просить искупить и души рабовъ, прежде усопшихъ, и упокоить ихъ на мѣстѣ прохлажденія: „яко не мертвіи восхваляютъ Тя, Господи, ниже сущіи во адѣ исповѣданіе дерзнутъ принести Тебѣ, но мы живіи благословимъ Тя и молимъ и жертвы приносимъ Тебѣ о душахъ ихъ“ (молитва вечерн. въ Троицынъ день 3-я, л. 223 на об. въ Пентикостаріонѣ изд. 1882 г.): „Своею кровію челоуѣки, Спасе, искупивый и смертію Твоею отъ смерти горькія избавивый насъ, и жизнь вѣчную подай намъ воскресніемъ Твоимъ, вся упокой, Господи, усопшія благочестиво“ (5 стихира на „Господи возвахъ“ въ пятокъ вечера Пятидесятницы, л. 197-й). Не очевидно ли, что съ этимъ характеромъ богослуженія въ субботу предъ Пятидесятницею не будетъ гармонировать употребленіе молитвословій и пѣнопѣній Миней, святыхъ, случающихся въ эту субботу.

Съ другой стороны, вопросъ именно названнымъ образомъ рѣшается, если вникнуть въ слова Тишикона о послѣдованіи службы въ пятокъ вечера Пятидесятницы: „и поемъ всю службу о усопшихъ вечеръ и утро, якоже предизявися въ субботу Мясопустную во всемъ подобномъ“ (л. 498). Но о службѣ въ субботу Мясопустную въ Трїоди Постной читаемъ: „послѣдованіе прилучающихся святыхъ въ субботу..... Мясопустную поется въ мимошедшихъ повечеріяхъ“, т. е. въ повечеріяхъ дней седмицы до субботы (Трїодъ Постная, л. 15 изд. 1882 г.). Стало бытъ, то же приложимо и къ субботѣ предъ Пятидесятницею. Да и изъ самаго состава службы этой субботы, какъ она излагается въ Трїоди Цвѣтной (л. 196 на об. по 208, изд. 1882 г.), усматриваемъ, что пѣнію Миней въ этотъ день нѣтъ мѣста. Бываетъ, впрочемъ, иногда, что въ

субботу „пентикостную“ (такъ она именуется въ Типиконѣ: 54 храм. глава, л. 561 изд. 1882 г.) поется и Миней Мѣсячная: это въ томъ случаѣ, если въ нее случится особенно чтимый мѣстно святой (мощи, чудотворныя иконы: Трїодь Цвѣт., Марк. гл. въ концѣ книги изд. 1685 г.), или храмъ святого (54 храм. гл. Типикона); но тогда уже „поемъ всю службу на ряду Миней, храма святаго....., а субботы службу о умершихъ поемъ въ мимошедшую (предыдущую) субботу, или въ четвертокъ мимошедшій“ (561 л. Типикона изд. 1882 г. и Цвѣт. Тр.).—Наконецъ, нашу мысль о неупотребленіи Миней въ субботу предъ Пятидесятницею подтверждаетъ такое замѣчаніе, „Зри“ 2-е, одной изъ Марковыхъ главъ въ концѣ Трїоди Цвѣтной: „аще случится память Обрѣтенія честныя главы Іоанна Предтечи (3-е, что 25 мая) въ субботу Пентикостную....., поемъ службу его въ четвертокъ 7 недѣли по Пасцѣ“ (л. 300, изд. 1882 г.). Названное же воспоминаніе въ честь Іоанна Крестителя, по мѣсяцеслову въ Типиконѣ (л. 321), есть праздникъ средній, второго разряда (гл. 47, л. 51); если же служба такого праздника во взятомъ случаѣ переносится на другой день, то о будничныхъ службахъ Миней, о святыхъ, „не имущихъ знаменія“—знака праздничнаго въ мѣсяцесловѣ,—слѣдовательно, нечего и говорить.

(Продолженіе будетъ).

Препод. Сем. В. Тацетовъ.

Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ ¹⁾.

Первымъ церковнымъ произведеніемъ Чайковскаго была Месса св. Іоанна Златоустаго, написанная имъ въ 1878 г. Сочиненіе это до того шло въ разрѣзъ, по своему направленію, съ установившимися въ церковномъ пѣніи традиціями,

¹⁾ См. № 13 за 1901 г.

что уже при самомъ своемъ появленіи подверглось преслѣдованію со стороны директора Придворной Капеллы Бахметева, который, основываясь на одномъ указѣ императора Александра I, коимъ воспрещалось печатать и исполнять при богослуженіи произведенія, неодобренныя д. с. с. Д. Бортнянскимъ, конфисковалъ изданіе Литургіи Чайковскаго. Къ счастью, Главное Управленіе по дѣламъ печати вступило за композитора и отмѣнило распоряженіе Капеллы. И дѣйствительно, указанную мѣру г. директора Капеллы Бахметева нельзя признать справедливой и даже формально правильной, ибо сочиненіе Чайковскаго было разрѣшено къ печати духовной цензурой, а указъ, на который ссылался директоръ Капеллы, въ то время потерялъ уже силу за смертію Бортнянскаго, послѣдовавшею еще въ 1825 г. Во всякомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательнымъ, Бахметевъ долженъ былъ бы подвергнуть конфискаціи и все другія дѣхвоно-музыкальныя сочиненія, изданныя послѣ смерти Бортнянскаго, въ томъ числѣ и свои собственныя.

Литургія Чайковскаго раздѣлена на 15 номеровъ, которыми однако не обнимается все пѣвческое содержаніе этой службы, такъ какъ въ ней опущены антифоны изобразительныя, блаженны, прокимны. За то ектеніи изложены подробно и даже съ излишнимъ разнообразіемъ въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ. Такъ напр. въ великой ектеніи „Господи, помилуй“ для каждаго прошенія представлено новое. Этотъ приемъ нельзя признать удобнымъ; гораздо лучше было бы придать отдѣльный характеръ каждому виду ектеніи—великой, сугубой, просительной, соотвѣтственно ея особенному содержанію; при чемъ напѣвъ, какъ это обыкновенно и принято, не измѣняется на протяженіи всей ектеніи.

Другимъ недостаткомъ разсматриваемаго произведенія является нерѣдкое нарушеніе композиторомъ просодическихъ удареній въ текстѣ; такъ напр. у него изложено: „и дѣхвои твоему“, „Тебе благословимъ“ и проч.

Нельзя не обратить также вниманія на то, что композиторъ, привыкшій писать больше инструментальную музыку, мало принимаетъ въ расчетъ ограниченность голосовъ вообще и хоровыхъ въ частности. Его литургія написана вообще высоко и требуетъ для надлежащаго исполненія незаурядныхъ вокальныхъ силъ. Однако все эти недочеты съ избыткомъ искупаются внутреннимъ содержаніемъ литургической музыки Чайковскаго. Эта музыка такъ торжественна, такъ по мѣстамъ глубоко прочувствована и согласована съ смысломъ текста, что при хорошемъ исполненіи производитъ неотралимое впечатлѣніе. Присущая таланту Чайковскаго способность къ прочувствованной, нѣсколько грустной, мелодіи проявляется и въ этомъ его произведеніи, въ которомъ по мѣстамъ мелодія льется широкой, захватывающей волной. Таково „Тебе поемъ“ съ его чудпой, пѣвучей мелодіей на словахъ: „и молимтися, Боже нашъ“. Въ концѣ этого пѣнопѣнія попеременно нѣсколько разъ повтореніе умплительнаго коротенькаго мотива дискантомъ и теноромъ, при постепенномъ ослабленіи силы звука и такъ сказать замираніи всего хора, какъ бы указываетъ на чрезвычайную важность этого момента въ литургіи и свидѣтельствуетъ о кроткой, смиренной и въ то же время усиленной молитвѣ предстоящихъ.

Затѣмъ, къ числу выдающихся пѣснопѣній литургіи Чайковскаго относится величественное и торжественное, а по мѣстамъ трогательное и умиленное, „Вѣрую“. Тотъ образъ музыкальнаго истолкованія символа вѣры, который употребилъ Чайковскій въ своей литургіи, появляется въ нашей пѣвческой литературѣ впервые. Препжніе композиторы (Березовскій, Давыдовъ и др.), при изложеніи символа вѣры, ограничивались простымъ и безсодержательнымъ речитативомъ съ незаблывливой смѣной аккордовъ и модуляціями въ ближайшіе строи. Чайковскій посмотрѣлъ на дѣло иначе. Для него символъ вѣры не представлялся сухимъ изложеніемъ догматовъ, которое будто бы не можетъ вдохновить композитора и дать матеріалъ для творчества. Христіанскіе догматы—не сухія

раціональнѣя положенія; они суть истины, полныя духа и жизни, и касаются не одного только ума, но вызываютъ возвышеннѣйшія чувствованія сердца и создаютъ добрыя расположенія воли. Въ символѣ вѣры представлена вся исторія домостроительства спасенія рода человѣческаго, которое есть дѣло неизреченной любви Божіей. Творчество и вседержительство Божіе, тайны воплощенія, искупленія и возрожденія, — всѣ эти возвышеннѣйшія истины нашли себѣ болѣе или менѣе художественное выраженіе въ разсматриваемомъ произведеніи Чайковскаго.

Начинается „Вѣрую“ торжественными и громогласными аккордами, изображающими величіе и всемогущество Бога, Творца и Вседержителя, съ секвенцобразными ходами голосовъ на словахъ: „небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“. Во всемъ второмъ членѣ символа вѣры, содержащемъ ученіе о второмъ Лицѣ Пресв. Троицы, Его предвѣчномъ рожденіи и единосущіи съ Богомъ Отцомъ, нѣсколько разъ повторится короткій мотивъ, сначала въ ре-минорѣ, а затѣмъ въ фа-мажорѣ. Это повтореніе одного и того же мелодическаго оборота очень подходитъ къ тексту, въ которомъ перечисляются свойства Бога-Слова. Заканчивается же второй членъ, въ соотвѣтствіе первому члену, forte и сильными аккордами, изображающими единосущіе Второго Лица съ Богомъ-Отцомъ и Его участіе въ твореніи. Третій членъ начинается piano также краткимъ мотивомъ, соотвѣтствующимъ содержанию и построенію текста. Снисхождение Сына Божія съ небесъ для нашего спасенія образно представляется ходомъ басса по ступенямъ пятыввучія $\overline{g\acute{e}}-sol$. Постепенное наращеніе воодушевленія достигаетъ высшей степени къ 4, 5 и 6 членахъ. Сильно и въ тоже время задумчиво изображается здѣсь композиторомъ мысль о распятіи, страданіяхъ и погребеніи Господа. Восхожденіе Его на небо реально представляется въ видѣ движенія голосовъ вверхъ (дискантъ идетъ по ступенямъ пятызвучія $\overline{g\acute{e}}-\overline{la}$) при общемъ fff. Вторая половина символа вѣры написана нѣсколько слабѣе, чѣмъ

первая. Композиторъ какъ будто исчерпалъ свое вдохновеніе и ограничивается речитативомъ съ незначительными мелодическими измѣненіями и модуляціями, но и здѣсь онъ не идетъ по шаблонному и избитому пути. Нѣкоторое мелодическое движеніе, гармонія побочныхъ ступеней сообщаетъ и этой части интересъ и оригинальность.

Въ „Достойно есть“ противопоставленіемъ дѣтскихъ и мужскихъ голосовъ композиторъ какъ бы старается представить прославленіе Пресвятой Дѣвы ангельскимъ и человѣческимъ хорами. Начиная со словъ „Честнѣйшую херувимъ“, музыка получаетъ особенно торжественный характеръ: голоса послѣдовательно имитируютъ другъ другу, повторяя одинъ и тотъ же мотивъ, при чемъ движутся въ верхнихъ своихъ областяхъ, секвенцеобразными ходами они постепенно нисходятъ въ средній регистръ и заканчиваютъ предложеніе тихо, фригійскимъ кадансомъ. Послѣ этого строго контрапунктическаго построенія, разработаннаго съ удивительнымъ совершенствомъ голосоведенія, начинается болѣе простое и спокойное движеніе въ гармоническомъ стилѣ („безъ истлѣнія“ и т. д.), которое оканчивается сильнымъ воззваніемъ всего хора: „Тя величаемъ“. Къ этому воззванію, которое по существу можетъ быть полнымъ окончаніемъ пѣснопѣнія, въ заключеніе присоединены еще коротенькія имитаціи верхнихъ голосовъ на педали у басса, оканчивающіяся полнозвучными аккордами всѣхъ голосовъ. Въ этомъ произведеніи мы уже видимъ болѣе широкое и свободное примѣненіе къ церковному пѣснопѣнію музыкальныхъ формъ, получающихъ даже нѣкоторый перевѣсъ надъ текстомъ. Тѣмъ не менѣе, это „Достойно есть“, по своему торжественному характеру и идейности, представляетъ произведеніе высокохудожественное и достойное Церкви; лишь бы только исполненіе его было строгоцерковное.

Слѣдуетъ еще упомянуть о трисвятомъ и херувимской пѣсни, какъ лучшихъ номерахъ литургіи Чайковскаго. Первое отличается торжественностію и церковностью; по харак-

теру своему оно отчасти даже напоминаетъ церковные напѣвы этого пѣснопѣнія. Вторая написана въ формѣ отличной отъ установившейся. Въ ней первая и третья строфы (тональн. е — moll) совершенно сходны, а вторая (и животворящей Троицѣ) совершенно отлична отъ нихъ и своимъ строемъ какъ бы подготовляетъ „Яко да царя“ съ его Н-dur'ной тональностью. Первая и третья строфы умилительны и спокойны, начинаются имитациями мотива, состоящаго всего изъ двухъ нотъ; во второй противопоставленіемъ дѣтскихъ и мужскихъ голосовъ, повторяющихъ вступительную фразу этой части, проводится мысль о воспѣваніи св. Троицы небесными ликами и человѣческими земными голосами. „Яко да царя“ написано нѣсколько искусственно и не церковно, съ слишкомъ подвижными и фигурированными ходами у басса и излишней эффектностью.

Слабѣе другіе номера, изъ которыхъ можно упомянуть о причастномъ стихѣ „Хвалите Господа съ небесъ“ съ его постепеннымъ *crescendo* на повтореніи одного и того же аккорда въ началѣ и небольшимъ фугато на „аллилуйя“ съ темой нѣсколько банальной и не церковной по своему характеру.

Другимъ крупнымъ и имѣющимъ еще большее значеніе трудомъ Чайковскаго по церковному пѣнію является: „Всенощное бдѣніе. Опытъ гармонизаціи богослужебныхъ пѣснопѣній“.

Этотъ трудъ не обнимаетъ всей службы всенощнаго бдѣнія; въ немъ представлены только главнѣйшія неизмѣняемыя и нѣкоторыя измѣняемыя пѣснопѣнія этой службы.

Самъ композиторъ предпосылаетъ своему опыту слѣдующую краткую его характеристику: „иные изъ подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, (заимствованныхъ изъ нотныхъ книгъ изданія Свят. Синода) я оставилъ неприкосновенными; въ другихъ позволилъ себѣ нѣкоторыя незначительныя отклоненія: въ третьихъ же, наконецъ, мѣстами вовсе уклонялся отъ точнаго послѣдованія напѣву, отдавшись влеченію собственнаго

музыкальнаго чувства. При гармонизаціи церковныхъ мелодій я держался тѣсныхъ границъ, такъ называемаго, строгаго стиля, т. е. безусловно избѣгалъ хроматизма и лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ случаевъ позволялъ себѣ употребленіе диссонирующихъ звукосочетаній“.

Близко къ подлиннику изложены: предначинательный псаломъ (греч. росп.), Блаженъ мужъ (знамен. росп.), тропари на непорочныхъ: „Ангельскій Соборъ“ (Кіев. росп.) „Отъ юности моя“ (знам. росп.); съ измѣненіями въ подлинной мелодіи, хотя, вообще, незначительными, изложены ирмосы „Отверзу уста моя“, а также гласовые напѣвы. Болѣе свободно изложены: „Свѣте тихій“ (Кіев. р.) и „Хвалите имя Господне“ (греч. росп.), а также великое славословіе. Наконецъ, совершенно самостоятельное сочиненіе композитора представляетъ „Воскресеніе Христова видѣвше“ (№ 11, а.).

Такъ какъ истинную задачу для современныхъ церковныхъ композиторовъ должна составлять, и по мнѣнію самого Чайковскаго, обработка подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, то настоящій трудъ его получаетъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе и интересъ.

Способъ гармонизаціи церк. напѣвовъ Чайковскій употребляетъ контрапунктической, при которомъ голоса, сопровождающіе основную мелодію, имѣютъ нѣкоторое самостоятельное мелодическое содержаніе. Онъ заботится не о томъ, чтобы поднимать только аккорды подъ ноты церковной мелодіи; но старается и остальные голоса разработать мелодически: у него каждый голосъ поетъ свою мелодію, а всѣ голоса въ своей совокупности составляютъ одно стройное цѣлое. Въ этомъ отношеніи онъ впадаетъ даже въ нѣкоторое излишество, которое не можетъ быть оправдано ни съ церковно-богослужебной, ни съ чисто-музыкальной точки зрѣнія. Съ одной стороны, основная мелодія нерѣдко до того закрывается и ступшевывается сопровождающими голосами, что трудно бывасть узнать подлинный напѣвъ, который во всякомъ случаѣ всегда долженъ быть ясно слышимъ и господ-

ствовать надъ контрапунктирующими мелодіями; а съ другой—постоянное движеніе въ гармоніи, вслѣдствіе желанія создать отдѣльное сопровожденіе каждой нотѣ папѣва, излишняя фигурація и проч. дѣлаютъ самую гармонію безыюкойной и неясной. Въ стремленіи къ возможно разнообразной и богатой мелодической разработкѣ голосовъ, композиторъ иногда становится въ противорѣчіе съ правилами музыкальной науки. допуская иногда гаммообразное движеніе голоса на протяженіи болѣе чѣмъ октавы (напр., въ прмосѣ 3 пѣсни канона у басса на словахъ: „ликъ себя совокупшія“), многократное повтореніе подрядъ одного и того же интервала въ какомъ-либо голосѣ. Въ силу того же стремленія къ возможно большому гармоническому разнообразію, композиторъ иногда, при повтореніи одной и той же мелодіи только въ другомъ стихѣ текста, измѣняетъ гармонизацію или уснащаетъ ее фигураціей. Самый характеръ контрапунктирующихъ мелодій не всегда соотвѣтствуетъ характеру церковнаго папѣва. Эти мелодіи слишкомъ подвижны, заключаютъ въ себѣ довольно быстрые пассажи, тогда какъ церковный папѣвъ всегда величаво-спокоенъ; къ нему нейдетъ эта суетливая и подвижная музыкальная обстановка.

При томъ развитіи голосоведенія, какое придалъ Чайковскій своей гармонизаціи, естественно, что онъ долженъ былъ допускать перекрещиваніе голосовъ; особенно часто оно встрѣчается у альты съ теноромъ. Этотъ приѣмъ имѣетъ художественное значеніе и довольно обыченъ у старинныхъ западныхъ авторовъ, писавшихъ въ строгомъ контрапунктическомъ стилѣ; но у Чайковскаго онъ иногда доводится до такой крайности, что надлежащее исполненіе его переложеній, въ отношеніи соблюденія равномерной звучности голосовыхъ партій, можетъ представить для хоровъ большія затрудненія и во всякомъ случаѣ требуетъ выдающихся голосовъ. Такъ въ „Свѣте тихій“ въ одномъ мѣстѣ теноръ поетъ на цѣлую септиму выше альты (для одночертной октавы и си малой).

Сложныхъ контрапунктическихъ формъ (имитаций, фугъ) при обработкѣ церковныхъ напѣвовъ Чайковскій, вообще, избѣгалъ, и, очевидно, потому, что они непременно требуютъ одновременнаго произношенія голосами текста. Впрочемъ, два раза у него встрѣчается краткая фугообразная разработка мотивовъ (конецъ въ „Свѣте тихій“ и „аллилуія“ въ послѣднемъ стихѣ попѣлея): но оба раза эта форма употреблена на короткихъ общеизвѣстныхъ или повторяемыхъ и легко запоминаемыхъ фразахъ. Здѣсь онъ, очевидно, дѣлаетъ уступку своему музыкальному чувству; но, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ она является болѣе или менѣе возможною и умѣстною. Гармонія Чайковскаго строится не на общепотребительныхъ теперь мажорной и минорной гаммахъ, а на ладахъ, что, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ строю мелодій. Употребленіе мягкихъ ладовъ и побочныхъ аккордовъ сообщаетъ гармонизаціи Чайковскаго особенный характеръ, чуждый свѣтскости и слащавости, не свойственной церковному пѣнію.

Обращаетъ на себя вниманіе также свободное отношеніе композитора къ правиламъ гармоніи (напр., при разрѣшеніи доминант-септаккорда квинту ведетъ на кварту вверхъ, отчего получается послѣдованіе параллельныхъ квинтъ): отъ этого только выигрываетъ голосоведеніе въ смыслѣ большей свободы и самостоятельности.

Таковы техническія особенности гармонизаціи напѣвовъ въ опытѣ Чайковскаго. Какъ видимъ, по стилю эта гармонизація характера западнаго. Чайковскій примѣнилъ къ нашимъ напѣвамъ строгій стиль западной музыки, хотя съ большей свободой и съ большимъ техническимъ совершенствомъ, чѣмъ предшествующіе ему композиторы. Самъ онъ, съ свойственной ему скромностью, не приписываетъ этому своему труду выдающагося значенія. Въ одномъ письмѣ онъ такъ высказывается о характерѣ своей гармонизаціи: „я вовсе не задавался смѣлой мыслью *возсоздать* древній способъ церковнаго пѣнія и выбиться изъ пути европеизма: но и не подчинялся установившимся со-временъ Бортинскаго традиціямъ *итали-*

низирова́нiя нашихъ напѣвовъ. Это будетъ трудъ электи-
ческiй¹⁾).

Но гармонизацiя Чайковскаго, хотя и примыкаетъ къ
его собственному сознанию, еще близко къ западному стилю
музыки, тѣмъ не менѣе представляетъ уже шагъ впередъ по
пути открытiя истиннаго характера музыкальной обработки
церковныхъ напѣвовъ. И дѣйствительно, русскiй духъ и право-
славное чувство композитора, а также его проникновенiе въ
характеръ православныхъ богослужебныхъ напѣвовъ ясно
сказываются въ многихъ его переложенiяхъ. Скорѣе непосред-
ственнымъ художническимъ чутьемъ, чѣмъ изученiемъ напѣ-
вовъ и разныхъ теорiй по ихъ гармонизацiи, онъ угадываетъ
истинный характеръ православнаго гармоническаго пѣнiя; онъ
былъ почти уже близокъ къ разгадкѣ тайны совершеннаго
національно-церковной гармонизацiи богослужебнаго пѣнiя.
„Въ его „Всепощнѣ“, говоритъ С. В. Смоленскiй, есть уже
превосходныя строки, доказывающiя, какъ много даетъ про-
стой задумевный напѣвъ въ рукахъ хорошаго мастера“²⁾.
Лучшими переложенiями Чайковскаго, которые можно реко-
мендовать всѣмъ церковнымъ хорамъ (разумѣется, правильно
поставленнымъ) для исполненiя, слѣдуетъ признать: предла-
чинательный псаломъ, „Блаженъ мужъ“, „Богородице Дѣво“,
тропари на непорочныхъ, „Отъ юности моя“ и „Святъ Гос-
подь Богъ нашъ“.

Справедливость требуетъ сказать, что и въ тѣхъ слу-
чаяхъ, когда композиторъ увлекался собственнымъ музиче-
скимъ чувствомъ и творческой фантазiей, онъ создалъ
произведенiя содержательныя и не лишеныя духа церковности.
Въ этомъ случаѣ нужно указать на величественное и удиви-
тельное „Воскресенiе Христово видѣвшее“. Какъ торжественно
напр., звучитъ въ началѣ призывъ прiйти поклониться въ-
скресшему Господу Иисусу! Этотъ призывъ затѣмъ смѣняется

¹⁾ Русск. Обзор. 1893 г., ноябрь.

²⁾ Обз. истор. концертовъ стр. 77.

исповѣданіемъ Божества І. Христа, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, попеременною пѣніемъ фразы съ чуднымъ мотивомъ: „Ты бо еси Богъ нашъ“, сначала дѣтскимъ, а потомъ мужскимъ хоромъ. Этотъ приемъ противопоставленія разныхъ голосовыхъ группъ, какъ мы видѣли, нерѣдко практикуется Чайковскимъ. Какъ величественно звучитъ рядъ секвенцій на словахъ: „се бо приде крестомъ“ и т. д., который послѣ краткаго речитатива переходитъ въ умиленное воззваніе дискантовъ на фонѣ минорной гармоніи: „распятіе бо претерпѣвъ!“ Все пѣснопѣніе заканчивается мощнымъ и торжественнымъ движеніемъ голосовъ въ высшія свои области, какъ бы выражающихъ побѣдный кликъ надъ смертію.

Въ великомъ славословіи встрѣчаются части (напр. на словахъ: „Сподоби, Господи“ и т. д., „Буди, Господи“), проникнутыя необыкновенно умиленнымъ настроеніемъ. Они также представляютъ плодъ свободнаго вдохновенія художника, уклонившагося отъ точнаго послѣдованія церковному напѣву.

В. Петрушевскій.

Канникулярная поѣздка въ Св. Землю¹⁾.

Всѣ пещеры, вообще, содержатся въ чистотѣ и порядкѣ. По выходѣ изъ пещеры, мы пришли въ *греч. монастырь*. Провожавшій насъ о. Агапій, умѣющій по-русски и весьма любезный, пригласилъ меня сойти еще въ пещеры подъ южной стороной храма: „тамъ, говорилъ онъ, много мощей“. Подземелье, въ которое мы вдвоемъ спустились, оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, наполненныхъ множествомъ костей и череповъ: это мѣсто, очевидно, служило въ древности усыпальницей для тѣлъ, которые за великое счастье считали быть погребенными вблизи священной пещеры.

Изъ разговоръ съ о. Агапиемъ и другими здѣшними *греч. иноками* мы замѣтили большое вниманіе и предупреди-

¹⁾ См. № 13 за 1901 г.

тельность здѣшней братіи къ православнымъ богомольцамъ. Но насъ поразила скудность сей обители. Всего греч. братства здѣсь, по словамъ о. Агапія, 22 человекъ, въ томъ числѣ 1 іеромонахъ, 1 іерод., простыхъ монаховъ 15, послушниковъ 9, бѣлыхъ священниковъ 4. Особенныхъ угодій монастырскихъ (метоховъ) нѣтъ; принадлежитъ только монастырю въ разныхъ мѣстахъ 500 масличныхъ деревъ (для приготовления масла). Живутъ иноки исключительно на средства жертвователей. Правосл. жителей въ Внолеемѣ 4500 ч., католиковъ 5000 ч., армянъ 180 ч., протестантовъ 80 ч. и магометанъ 180 чел. У грековъ есть школа для мальчиковъ на 200 чел., но посѣщается учащимися неаккуратно. Есть и арабская школа для дѣвочекъ на 40 челов. Въ той и другой учать по-гречески и по-арабски.

Изъ греч. монастыря мы ходили въ такъ назыв. *железную пещеру*. Она находится къ ю.-вост. въ 5 м. разстояніи отъ храма Рождества Христова. Она прежде также принадлежала грекамъ, а недавно захвачена католиками. Теперь здѣсь распоряжаются католич. монахини. За желѣзной дверью мы вступили въ закрытый, спускающійся внизъ по ступенямъ ходъ. Внизу большая пещера въ кампѣ (почти 5 м. длины, 3 м. шир. и 2,6 м. выс.). Въ ней находится латинскій престоль. По преданію, въ ней скрылось Св. Семейство отъ преслѣдованія Ирода. Капли молока изъ груди Богоматери падали на землю; отсюда произошло и названіе пещеры. Въ теченіе вѣковъ, какъ христіане, такъ и мусульмане, были убѣждены, что отдѣленія известки со сводовъ этой пещеры способствуютъ выдѣленію молока у родившихъ женщинъ (даже будто-бы, у скота). Изъ любопытства мы тоже купили здѣсь нѣсколько круглыхъ кусочковъ этой известки съ печатью креста.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, къ востоку, отъ этой пещеры начинается крутой спускъ *въ долину настырей*. Надъ самымъ спускомъ намъ показали *мѣсто, пріобрѣтенное русскими Прус. вост. Палест. Обществомъ*: оно огорожено каменной стѣной

и состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ спускающеюся внизъ дорогой. На нихъ еще ничего не построено, но видны подготовительныя работы къ постройкамъ. Дай Богъ, чтобы здѣсь устроилась русская школа и пріютъ для нашихъ паломниковъ!

Къ сожалѣнію, по причинѣ страшнаго зноя, мы не рѣшились спуститься далѣе въ долину. Даже наверху, въ этотъ полуденный часъ, была жара невыносимая,—что же пришлось бы испытать тамъ, на днѣ долины? Но мы ясно видѣли вдали предъ собою *селеніе пастырей*—*Бетъ Сагуръ*, откуда были пастухи, сподобившіеся видѣнія Ангеловъ въ ночь Рождества Христова, а за нимъ простираются, указываемыя преданіемъ, *поле Вооза* и *поле пастуховъ*, такъ наз. „*āra porreva*“.

Возвратившись къ площади, передъ храмомъ Рождества Христова, мы зашли въ одну и другую лавки мѣстныхъ перламутровыхъ издѣлій. Я и студ. Ив-кій закупили крестиковъ, иконокъ и четокъ, а также разныхъ другихъ издѣлій письменныхъ, кабинетныхъ и туалетныхъ для своихъ родныхъ и знакомыхъ въ Россіи и отправились въ обратный путь. При выѣздѣ изъ Виолеема, мы свернули въ одинъ узкій проулокъ и пріѣхали къ *колодецу Давида*. Онъ теперь принадлежитъ латинянамъ. Колодезь этотъ представляетъ цистерну, откуда для насъ зачерпнули воды. Изъ этого, будто-бы, колодца („изъ рова, ниже въ Виолеемѣ при вратѣхъ“) достали воды съ опасностью жизни смѣльчаки-іудеи для Давида, во время войны его съ филистимлянами, но Давидъ не захотѣлъ пить ее и выдѣлъ во славу Господа со словами: „не хочу... это кровь людей моихъ“. (2 Цар. 23, 14—17).

На полупути къ Іерусалиму я зашелъ въ *церковь* монастыря *св. Илии*. Она чистая, просторная; въ то время шло приготовленіе къ близкому храмовому празднику, къ которому стекается сюда множество народа.

Возвратились мы въ миссію въ 1 ч. дня, пообедали, а въ 3 часа опять выѣхали въ Іерихонъ и на Іорданъ. Выѣхали мы въ четырехмѣстномъ экипажѣ, запряженномъ тройкой ло-

надей. Наша компанія состояла изъ 5 человекъ (что потому имѣло для меня весьма важное значеніе): меня, ст. Ив-цаго, торговца дровами изъ Орла Дав. П-ча Разумовскаго, М. М-ны Егоровой, служащей въ аптекѣ Пичипоренко въ Харьковѣ, и каваса Христо. Сначала путь нашъ лежалъ вокругъ сѣверныхъ городскихъ стѣнъ, мимо воротъ „новыхъ“ и Дамасскихъ. Заворачивалъ вправо мимо воротъ Геосиманскихъ и спускался въ долину мимо потока Кедронскаго; по ту сторону моста поворачивалъ вправо мимо Геосиманской пещеры и сада за Геосиманскимъ садомъ; подымался въ гору повыше кладбищъ и шелъ извилинами за Елеонскую гору (т. е. на восточную сторону горы). Черезъ $\frac{3}{4}$ часа мы пріѣхали въ *Виванію*. Это небольшая теперь арабская деревенька, состоящая изъ жалкихъ домиковъ. Она расположена въ полугорѣ (надъ долиной). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога сдѣлала загибъ въ гору, мы остановились. Тутъ выбѣжали дѣтишки съ крикомъ: „бакшишъ, бакшишъ!“ Мы направились на верхъ деревни къ пещерѣ: при чемъ арабы открыли двери какой-то лачужки, приглашая насъ туда зайти, однако кавасъ повелъ насъ прямо къ пещерѣ. Поднявшись выше, мы поровнялись съ полуобрушившимся сводомъ дома, а вокругъ него былъ маленькій садъ. По объясненію каваса—это будто бы остатки дома Лазарева, а въ саду этомъ Спаситель нашъ бесѣдовалъ съ Мартою и Маріей. По правую сторону разсѣяны обломки церкви. Ограда и жалкія постройки сдѣланы изъ крупныхъ обтесанныхъ камней прежней христіанской церкви. На мѣстѣ церкви стоитъ теперь жалкая мечеть, а вправо отъ нея есть входъ въ пещеру *Лазаря Четверодневнаго*. Провожавшій насъ турокъ отперъ низенькую дверь подземелья, и мы пошли, сгибаясь, по 32 ступенямъ подземелья; внизу большая сырость, ступени скользкія, притомъ сильно истерты и поломаны, такъ что на низшихъ ступеняхъ рискуешь поскользнуться и обрушиться въ другое отверстіе, которое находится пониже. Сначала мы спускались въ первое помѣщеніе, представляющее 4-угольную комнату. Налѣво ея—ложе, въ родѣ нашей лежанки. Въ стѣ-

вахъ ея есть углубленія: налѣво—надъ дожемъ бывшее, вѣроятно, дверью въ верхнюю церковь, а направо—кругловидное, вѣроятно, для помѣщенія свѣтильниковъ и др. предметовъ. Здѣсь то Спаситель молился и возгласилъ: „Лазаре, гряди вонъ“. Изъ этой комнаты четыре ступени ведутъ въ низшую комнату. Здѣсь ходъ еще тѣснѣе: приходится лѣзть, почти ползкомъ. Здѣсь лежало тѣло Лазаря, и отсюда онъ вышелъ, окутанный въ простыню и повитый вокругъ. Мы помолились здѣсь. И теперь еще подъ этими тяжелыми, сырими и удушливыми сводами, освѣщенными свѣчами, носится, съ одной стороны, страхъ и ужасъ смерти и тлѣнія, а съ другой—голосъ вѣры утѣшаетъ душу словами Спасителя нашего и Бога: „не скорбите... Лазарь не умеръ, но спитъ“. Вотъ слышимъ: „Лазаре, гряди изъ гроба“, и онъ является въ чемъ былъ погребенъ. Не стало и тлѣнія, которое уже ощущала Марѳа. Тѣло предстало такимъ, какимъ было при жизни... По выходѣ на свѣтъ Божій, еще разъ окинулъ я взоромъ дорога мѣста. Всюду раскиданы древніе остатки громаднхъ христіанскихъ сооружений. Все показываетъ небрежность турокъ къ святынь, ихъ фанатизмъ и корыстолюбіе. Все разрушено, оставлено только то, изъ чего можно извлекать бакшишъ.

Ѣдемъ дальше. Минуть черезъ 10 мы пріѣхали въ монастырь Виѳанію. Онъ огороженъ каменною стѣною. Монахъ открылъ намъ наружную дверь. Мы пошли прямо въ церковь. Она новая, на старомъ основаніи, свѣтлая и довольно благолѣпная: иконостасъ хорошій. Съ правой стороны, у колонны, находится кіотъ съ изображеніемъ встрѣчи Маріи съ І. Христомъ передъ воскрешеніемъ Лазаря. А внизу изъ пола выдѣется тотъ самый камень, на которомъ *Марія упала къ ногамъ Спасителя*. говоря: Господи, если бы Ты былъ съ нами, Лазарь не умеръ бы“... При этомъ вопль наболѣвшаго сердца Самъ Господь, Милосердый и Благой, соскорбящій намъ, созданію Своему, прослезился... Здѣсь находится и греческая надпись объ этомъ глубоко трогательномъ событіи. Потому насъ

пригласили въ прекрасный архондарикъ, украшенный портретами патріарховъ, нашего Благ. Государя Императора и др., а въ витринѣ карточками разныхъ изв. посѣтителей. Мы мысленно не могли не похвалить патріарха за то, что онъ устроилъ здѣсь монастырь.

Повернувъ отъ монастыря немного назадъ, мы поѣхали опять по хорошей, шоссейной дорогѣ, устроенной турецкимъ правительствомъ нарочно подъ пріѣздъ Германскаго императора. Нашъ экипажъ катился большую часть пути все внизъ: даже страшно было за свою жизнь, когда мы смотрѣли внизъ, въ глубокую подъ нами долину. Но страхъ нашъ былъ въ сущности напрасенъ, такъ какъ дорога идетъ зигзагами, при томъ извозчики стараются держать лошадей какъ можно тише, особ. на поворотахъ. Черезъ $\frac{1}{2}$ ч. мы спустились къ 1-й станціи, устроенной какъ разъ противъ *Апостольскаго источника*, около котораго отдыхали Спаситель и апостолы, когда шли въ Иерусалимъ изъ Галилеи. Онъ прикрытъ и теперь каменной аркой. Около него сидѣла группа арабовъ, наглядно представлявшая намъ ту группу мужей Галилейскихъ, которая окружала своего Божественнаго Учителя.

Далѣе пошла самая дикая пустыня. Нигдѣ ни травинки. Горы совершенно голая, обнаженные. Жара была сильная. Недалеко отъ половины дороги начался легкій подъемъ и дорога пошла надъ ужасною кручею. Такъ мы пріѣхали, наконецъ, къ *гостиницѣ милосердаго самарянина*. Къ сему мѣсту преданіе относитъ то событіе, о которомъ съ такою живостью передаетъ Спаситель въ притчѣ о Милосердомъ Самарянинѣ. По этой то дорогѣ, по которой мы только что проѣхали, вѣ-когда самарянинъ ѣхалъ изъ Иерусалима и впаде въ разбойники. Но ней же шли изъ Иерусалима безсердечные, холодные священникъ и левитъ, а затѣмъ добрый самарянинъ. Сюда-то, въ бывшую здѣсь издавна гостиницу, самарянинъ и доставилъ избитаго и помѣстилъ на излѣченіе. Теперь здѣсь стоитъ порядочный каменный домъ.

Хозяинъ арабъ имѣеть у себя разные припасы для путешественниковъ. Между прочимъ угощаль насъ кофе и виномъ. Домъ увѣшанъ оружіемъ, что для хозяина крайне необходимо въ виду частыхъ здѣсь нападеній разбойниковъ (напр. въ прошломъ году: хозяинъ заработалъ отъ туристовъ 500 червонцевъ, но былъ совершенно ограбленъ). Въ Палестинѣ всякое почти мѣсто носить слѣды былой славы, хотя все это теперь—подъ руинами и пепломъ; такъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились на отдыхъ, прежде было нѣчто поважнѣе этого дома и нечистаго двора. Хозяинъ гостиницы повелъ насъ во дворъ и изъ подъ кучи мусора отрылъ мозаич. полъ. Кусочекъ отъ него онъ и мнѣ далъ. Въ прошломъ году какіе то англичане, говорятъ, производили здѣсь раскопки. Мнѣ кажется, что хозяинъ нарочно прикрылъ мозаику мусоромъ, чтобы извлекать для себя пользу чрезъ показываніе любознательнымъ путешественникамъ.

(Продолженіе будетъ).

И. Петрушевскій.

ЗАМѢТКА.

Замѣчательный сонъ. Когда я учился въ духовной семинаріи, то инспекторъ нашъ С. В. Кохомскій ¹⁾ весьма меня не долюбивалъ и объ этомъ часто высказывалъ даже лично моей сестрѣ. По окончаніи курса въ семинаріи, онъ всѣхъ насъ, послѣ произнесенной рѣчи своей, просилъ молиться о себѣ. Поступивъ священникомъ, я рѣшилъ за каждой литургіей, совершаемой мною, вынимать частицу и молиться о здравіи С. В., какъ и о многихъ другихъ наставникахъ моихъ. Однажды,—подъ утро, среди недѣли, вижу сонъ: будто я съ тремя товарищами обѣдаю въ семинарскомъ

¹⁾ † 20 октября 1900 г. въ должности инспектора Кіевской духовной Семинаріи.

корридоръ, а двое—Пят. М. и Зак. М.—стоятъ въ сторонѣ; подходитъ Кохомскій, желтый и весьма исхудалый, и кланяется мнѣ въ ноги, а я ему отвѣчаю пояснымъ поклономъ. После этого С. В. удаляется за двери, а стоявшіе въ сторонѣ П. и З. говорятъ мнѣ: „вотъ, ты А.....ъ, какой чести удостоился отъ Кохомскаго“, а С. В., отворивъ снова дверь, за которой скрывался, сказалъ имъ: „да онъ достоинъ этой чести“. Проснувшись, я вдругъ же рассказалъ о снѣ своей женѣ и матери, а когда съѣлъ пить утренній чай, то получилъ достовѣрную вѣсть о смерти своего инспектора. Этотъ сонъ мнѣ кажется, можетъ служить доказательствомъ для сомнѣвающихся, что молитвы нашей Св. Православной Церкви за живыхъ и умершихъ небесный Пастыреначальникъ слышитъ отъ всѣхъ своихъ земныхъ пастырей.—Священ. А. Алфеевъ.
(Псков. Епарх. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ

Отъ Кіев., дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 28 марта 1901 г.

Цензоръ, экстр.-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ*.

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владимира П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 16.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, апрѣля 15-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолже-
ніе).—Уроки Богослуженія въ недѣли по Пасхѣ до праздника Воз-
несенія Господня.—Связь и отношеніе между Цвѣтной Тріодью и
Октоихомъ съ Минеею по сравненію съ Постной Тріодью (окон-
чаніе).—Каникулярная поѣздка въ Св. Землю (продолженіе).

Очерки православно-христіанскаго нравоученія¹⁾.

*Благоприличное поведеніе въ храмъ. Крестное знаменіе и
поклоны земные и поясные.*

Благоприличное поведеніе въ храмъ требуетъ, чтобы въ-
рующій, стоя въ немъ со смиреніемъ и страхомъ и постоянно
памятуя, что онъ присутствуетъ въ домѣ Божіемъ, молился
о томъ, о чемъ молится вся церковь, и устранялъ не только
всякіе сторонніе разговоры и занятія, но и дѣйствія, пови-
димому, благочестивыя, на самомъ же дѣлѣ отвлекающія вни-
маніе отъ всего совершающагося въ храмѣ. Господь Іисусъ

¹⁾ См. № 12 за 1901 г.

Христось изгналъ изъ храма всѣхъ торгующихъ и мѣновщиковъ денегъ, которые, позабывъ, что храмъ есть „домъ Отца Его“ и „домъ молитвы“, сдѣлали его „вертепомъ разбойниковъ“ (Іоан. 2, 14—15; Мѡ. 21, 12—13; Мрк. 11, 15—17; Лук. 19, 45—46). Ап. Павелъ, обличая нѣкоторыхъ изъ коринѳскихъ христіанъ, говоритъ: „вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню“ и тѣмъ „пренебрегаете церковь Божию. Отъ того, продолжаетъ онъ, многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ“ (1 Кор. 11, 20. 22. 30). И сама Церковь въ своихъ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ внушаетъ намъ благоприличное поведеніе въ храмѣ: „Всякое житейское отложимъ попеченіе... да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ... Станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вондемъ... Горѣ имѣемъ сердца“ и пр.

При христіанскомъ Богослуженіи употребляются нѣкоторыя священныя дѣйствія, имѣющія важное символическое значеніе, и молящіеся въ храмѣ должны исполнять ихъ.

При возношеніи молитвы, христіане обыкновенно осѣняютъ себя *крестнымъ знаменіемъ*, которое выражаетъ нашу вѣру въ Пресвятую Троицу единосущную и нераздѣльную, надежду на крестныя заслуги Господа Иисуса Христа и искреннее желаніе посвятить и умъ, и сердце, и всю нашу силу на служеніе Богу. Соединяя свою молитву съ крестнымъ знаменіемъ, мы чрезъ это просимъ у Бога милости именовъ Распятаго Спасителя, Который сказалъ: „о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23). По свидѣтельству древнихъ церковныхъ писателей, знаменіе креста есть преданіе апостольское. И дѣйствительно, у первыхъ христіанъ оно было въ самомъ широкомъ употребленіи не только при Богослуженіи, но и при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Св. Кириллъ Іерусалимскій пишетъ: „да не стыдимся исповѣдывать Распятаго, съ дерзновеніемъ да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ, и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его

при входахъ, при выходахъ; когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся на пути и отдыхаемъ. Оно великое предохраниеніе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Ибо это благодать Божія, знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ“ (Оглас. поуч. ХШ, 36).

Во время молитвы вѣрующими совершаются *поклоны*, большіе или *земные* и малые или *поясные*. Поклоны служатъ выраженіемъ величайшаго смиренія предъ Богомъ и особенной теплоты молитвенной; они необходимы еще для того, чтобы и самое тѣло наше участвовало въ служеніи Богу, согласно съ наставленіемъ ап. Павла: „прославляйте Бога и въ тѣлахъ нашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи“ (1 Кор. 6, 20). Въ такомъ смыслѣ и для такой цѣли поклоны употреблялись еще Моисеемъ и другими ветхозавѣтными праведниками, особенно когда они молились о грѣхахъ народа. Для христіанъ паденіе ницъ или поклоны освящены самимъ Иисусомъ Христомъ (Мѡ. 26, 39). Особое назначеніе поклоны получили въ древней церкви для кающихся, которые, стоя въ притворѣ храма, повергались на землю предъ вѣрными, входящими въ храмъ, прося ихъ молитвъ. Но они совершались и вообще вѣрующими, особенно во время усиленной молитвы. Въ настоящее время поклоны въ особенности употребляются на исповѣди, при чтеніи священникомъ разрѣшительной молитвы. Большіе поклоны полагаются преимущественно во время величественныхъ Богослуженій, когда малые поклоны считаются уже недостаточными для выраженія смиренія предъ Богомъ.

Ап. Павелъ вообще относительно поведенія молящихся въ храмъ говоритъ: „все должно быть благопристойно и чинно“ (1 Кор. 14, 40).

Почитаніе праздниковъ. Праздничѣый покой и праздность.

Для общественнаго Богослуженія и вообще для преимущественнаго служенія Богу и для покоя въ Богѣ установлены *праздники*. Подъ именемъ праздниковъ разумѣются собственно

торжественныя времена Церкви, посвященныя благодарному воспоминанію милости Божіей, явленной намъ, или въ дарованіи какого-либо духовнаго блага, или въ совершеніи какого-либо знаменательнаго и спасительнаго для насъ событія.

Самъ Богъ по сотвореніи міра благословилъ и освятилъ день седьмый (Быт. 2, 3) и впоследствии далъ положительную заповѣдь о почитаніи его: „Помни день субботній, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый—суббота Господу Богу твоему“ (Исх. 2, 9—10). Въ христіанской Церкви эта заповѣдь исполняется такъ, что въ ней празднуется не послѣдній день недѣли—суббота, въ память завершенія дѣлъ творенія, а первый день недѣли—воскресный, въ память совершенія нашего искупленія воскресеніемъ Христовымъ. Почитаніе воскреснаго дня вмѣсто субботняго началось со временъ апостольскихъ (Дѣян. 20, 7; 1 Кор. 16, 2; Апок. 1, 10). Заповѣдь о почитаніи этого дня на всѣ послѣдующія времена далъ ап. Павелъ, когда сказалъ: „Помни Господа Иисуса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ“ (2 Тим. 2, 8).

Какъ въ ветхозавѣтной Церкви подъ именемъ субботы разумѣлись и всѣ другіе дни, установленныя для празднованія, какъ напр., праздникъ Пасхи, Пятидесятницы, такъ и въ Церкви новозавѣтной должно почитать, кромѣ воскреснаго дня, и другіе праздники. Важнѣйшими праздниками въ христіанской Церкви признаются праздникъ Пасхи и праздники называемые двенадесытими. Праздникъ Пасхи установленъ въ память тридневнаго воскресенія Христа изъ мертвыхъ, и по своему преизбытку духовной радости называется праздникомъ изъ праздниковъ и торжествомъ изъ торжествъ. Двенадесытые праздники установлены въ воспоминаніе важнѣйшихъ событій, относящихся къ спасительному для насъ воплощенію Сына Божія, къ явленіямъ Божества, а также въ честь Пресвятыя Богородицы, какъ послужившей тайнѣ воплощенія.

Почитанію праздниковъ Церковь всегда сообщала свѣтлый, торжественный видъ. Поэтому необходимымъ условіемъ

празднованія она всегда считала совершеніе и вкушеніе Евхаристіи (1 Кор. 5, 6 и дл.), которая, сама по себѣ, есть торжественнѣйшее Богослуженіе, и участіе въ немъ въ праздничные дни вмѣняла въ обязанность своимъ чадамъ подѣ угрозою наказанія (VI вселен. соб. прав. 80. Ср. Сард. соб. пр. 11; Лаодик. соб. 29; Гангр. соб. 5 и 6). Отсюда каждый христіанинъ прежде всего долженъ освящать праздники общественною молитвою. Участвуя въ праздничномъ Богослуженіи, доставляющемъ намъ богатый запасъ духовнаго удовольствія и освященія, душа наша очищается отъ той суеты, какая приражается къ ней въ теченіе будничныхъ дней и чрезъ это возвышается въ область вѣчнаго своего назначенія. Соотвѣтственно свѣтло-радостному характеру праздничныхъ дней должна устроиться и вся жизнь христіанина въ эти дни. Наливши свою любовь предѣ Богомъ въ храмѣ, онъ спѣшитъ излить ее и предѣ своими ближними въ кругу собственной семьи. Члены христіанской семьи, разединенные нерѣдко въ рабочіе дни каждымъ своимъ дѣломъ, въ праздники собираются вмѣстѣ, и, подѣ влияніемъ Церкви, болѣе и болѣе укрѣпляется ихъ семейный союзъ. Дома вѣрующій христіанинъ проводитъ праздничное время въ молитвѣ, чтеніи свѣщ. Писанія, особенно тѣхъ мѣстъ Писанія, которыя относятся къ событію праздника, въ душеспасительныхъ бесѣдахъ и разговорахъ, и семья невольно проникается тѣмъ духомъ, какой дышетъ въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ, положенныхъ въ праздничные дни. Посѣщая въ праздники родныхъ и знакомыхъ, христіанинъ желаетъ раздѣлить съ ними радость праздничнаго дня, и если принимаетъ въ ихъ домахъ, или въ собственномъ домѣ, участіе въ какихъ либо невинныхъ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ, то онъ помнитъ, что все должно совершаться, по наставленію ап. Павла, „благопристойно и чинно“ (1 Кор. 14, 40). Истинное христіанство не запрещаетъ и мірскихъ удовольствій, если они благоприличны (1 Кор. 7, 31). Праздничная радость христіанина должна быть полная. При томъ же жизнерадостное настроеніе въ праздничные дни способно

возстановить и укрѣпить наши силы для новыхъ трудовъ. Далѣе,—празднику свойственна лучшая пища и лучшая одежда, и мы, позволяя себѣ это, не должны забывать, что все дѣлаемъ „въ славу Божию“ (1 Кор. 10, 31). Если въ праздничные дни должно уклоняться отъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ и занятій, то тѣмъ болѣе не должно омрачать святость этихъ дней грубыми забавами и увеселеніями, лишающими христіанина того богатнаго ободренія и утѣшенія, какія получены имъ въ храмѣ при праздничномъ Богослуженіи. Наконецъ, истинный христіанинъ считаетъ своимъ долгомъ—освящать праздники дѣлами благотворенія. Бѣдные ждутъ этихъ свѣтлорадостныхъ дней, надѣясь, что ихъ вспомнитъ участіе христіанской любви.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что *праздничный покой* не есть *праздность*. Онъ только есть нѣе-направленіе нашего труда. Первый въ мірѣ праздникъ—суббота—установленъ въ соотвѣтствіе тому, что Богъ, по сотвореніи міра въ шесть дней, въ седьмой день „почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ“ (Быт. 2, 2). Но покой Божій не означаетъ бездѣйствія, а выражается въ промышленіи о созданныхъ тваряхъ, въ особенности о человѣкѣ: и для насъ день праздника не долженъ быть днемъ праздности или бездѣйствія, которое не свойственно существу разумному, а днемъ особенной дѣятельности, именно: мы должны посвящать праздничный день особенно усердной молитвѣ и другимъ дѣламъ благочестія. Господь Иисусъ Христосъ строго обличалъ фарисеевъ, которые думали, что въ субботу или праздникъ нельзя оказывать (даже чудесныхъ) благодѣяній ближнимъ (Лук. 6, 2—11; 13, 17; Иоан. 5, 1 и др.). Въ тоже время Онъ защищалъ отъ нападокъ фарисейскихъ Своихъ учениковъ, которые, подъ вліяніемъ чувства голода, „срывали“ въ субботу „колосья на поляхъ и ѣли“ (Мѡ. 12, 1—8; Мрк. 2, 23—28),—и Самъ творилъ чудеса и другія дѣла милости преимущественно въ день субботный (Лук. 6, 6—11; Иоан. 5, 1 и др.). „Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю“ (Иоан. 5, 17), сказалъ Онъ

фарисеямъ въ объясненіе Своихъ дѣйствій и въ наставленіе всѣмъ намъ. Праздность не свойственна днямъ праздничнымъ уже по тому, что она, по словамъ Премудраго, „научаетъ многому худому“ (Сир. 33, 28).

Соблюденіе постовъ. Ихъ значеніе.

Подъ именемъ поста разумѣется болѣе или менѣе усиленное воздержаніе въ пищѣ, питьи и во всемъ, что является не только удовольствіемъ, но даже потребностію для чувственной природы нашей,—налагаемое на насъ Церковію съ цѣлію примиренія нашего съ Богомъ и благоугожденіи Ему. Въ противоположность праздникамъ—этимъ торжественнымъ временамъ Церкви—посты суть времена особенно усиленнаго сокрушенія нашего о грѣхахъ и покаянія. Христіанскіе посты—это такіе дни и недѣли, когда мы, естественно, такъ сказать, должны налагать на себя трауръ и отказывать себѣ въ томъ, что въ другое время намъ не только позволено, но и болѣе или менѣе необходимо для поддержанія тѣлесной жизни нашей.

Человѣкъ началъ *соблюдать посты* съ тѣхъ поръ, какъ получили отъ Бога заповѣдь о невкушеніи отъ древа познанія добра и зла (Быт. 2, 17). Указывая на это происхожденіе поста, св. Василій Великій говоритъ: „уважь сѣдину поста“ (Слово 1 о постѣ). Въ ветхозавѣтной Церкви весьма много примѣровъ поста, изъ которыхъ достаточно припомнить сорокодневный постъ Моисея на горѣ Синаѣ (Исх. 34, 28) и пророка Иліи на пути къ горѣ Хориву (3 Цар. 19, 8). Кромѣ отдѣльныхъ добровольныхъ, такъ сказать, подвиговъ поста, всѣ евреи должны были поститься и каяться въ день очищенія, за пять дней до праздника кущей, когда первосвященникъ, принеся жертву за грѣхи всего народа, входилъ въ Святое Святыхъ и кропилъ жертвенною кровію на очистилище и предъ очистилищемъ (Лев. 16 гл., 23, 27—32; Чис. 29, 7—11).

Начало поста въ Церкви христіанской также древне, какъ и сама Церковь. Самъ Господь Іисусъ Христосъ постился сорокъ дней въ пустынь и „напослѣдокъ взыскалъ“ (Мѡ. 4, 2). Самъ же Онъ и предуказалъ посты въ Своей Церкви, когда въ бесѣдѣ съ учениками Іоанновыми сказалъ о сынахъ чертога брачнаго, что „прійдутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься“ (Мѡ. 9, 15). Научая насъ смиренію и совершенію подвига поста втайнѣ, Господь сказалъ, что такой постъ угоденъ Богу и будетъ награжденъ Имъ: „и Отець твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Мѡ. 6, 18). Онъ же указалъ на необходимость поста, соединеннаго съ молитвою, для изгнанія изъ челоуѣка бѣса: „сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ“ (Мѡ. 17, 21). „Постились, служа Господу“, и св. апостолы (Дѣян. 13, 2); предъ такимъ великимъ дѣломъ, какъ отправленіе на всемірную проповѣдь Евангелія, „они совершили постъ и молитву“, вмѣстѣ со всею антиохійскою церковію (ст. 3). Ап. Павель и Варнава, рукоположивъ пресвитеровъ къ каждой церкви, „помолились съ постомъ, и предали ихъ Господу“ (Дѣян. 14, 23).

Важнѣйшій изъ постовъ православной церкви, называемый великимъ, или св. четыредесятницею, вмѣстѣ съ страшною седмицею, напоминая о сорокодневномъ постѣ Спасителя и о Его страданіяхъ, въ то же время приготовляетъ насъ къ достойному празднованію свѣтлѣйшаго въ Церкви праздника Воскресенія Христова. По образцу великой четыредесятницы установлена другая, предъ величайшимъ изъ двунадесятихъ праздникомъ Рождества Христова, къ срътенію котораго христіане должны приготовляться съ особенною заботливостію, усиливая воздержаніе отъ чувственнаго и обращаясь мыслію къ тѣмъ благамъ, которыя принесены на землю явившимся на ней Сыномъ Божіимъ. Постъ предъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы есть лучшее выраженіе благоговѣйнаго почитанія христіанъ къ Той, Которая смиреніемъ и чистотою жизни „обрѣла“ неизреченную „благодать у Бога“ и Которая

всю свою жизнь, особенно послѣ извѣщенія о кончинѣ, провела въ подвигахъ поста и молитвы. Съ древнѣйшихъ временъ также христіане постились предъ праздникомъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, вспоминая, какъ нѣкогда св. апостолы постомъ и молитвою уготовляли себя на святое дѣло евангельской проповѣди. Кромѣ этихъ продолжительныхъ постовъ, есть у насъ на каждой недѣлѣ постныя дни, издревле посвящаемыя воспоминанію преданія Спасителя на страданія, и самыхъ страданій и смерти Его. Постомъ въ среду и пятницу Церковь руководствуетъ насъ къ благодаренію Пострадавшаго за насъ и къ участию въ страданіяхъ Его для умилостивленія Бога, постоянно оскорбляемаго нашими грѣхами. Есть въ году и другіе дни подобнаго же рода, какъ-то: навечеріе праздника Богоявленія Господня, день Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи и день Воздвиженія Креста Господня.

Постъ, подобно праздникамъ, имѣетъ весьма важное значеніе для насъ. И прежде всего онъ есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ духовно-нравственному усовершенствованію нашему. По опыту извѣстно, что тѣло наше часто обременяетъ и стѣсняетъ духъ и изъ орудія духа хочетъ сдѣлаться какъ бы властителемъ его. Постъ даетъ перевѣсъ нашему духу надъ тѣломъ. Отнимая у тѣла излишнюю пищу и питіе и тѣмъ какъ бы „усмиряя и порабощая его“, постъ препобѣждаетъ его чувственныя пожеланія, дѣлаетъ духъ „трезвеннымъ и бодреннымъ“ (1 Петр. 5, 8), способнымъ къ Богомыслию и молитвѣ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, „постъ дѣлаетъ душу бодрою, облегчаетъ ея крылья и возноситъ выше земнаго“ (Бес. на Мѡ. 57). „Кто не привыкъ обуздывать своего чрева, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, тотъ не началъ никакой добродѣтели“. Въѣстѣ съ тѣмъ постъ служитъ показателемъ нашихъ душевныхъ немощей; потому что онъ обнаруживаетъ въ человѣкѣ господствующія страсти, и чрезъ него всего болѣе открывается то, что, по преимуществу, занимаетъ грѣшнаго человѣка и чего требуетъ его

грѣховная плоть. Отсюда открывается, что по христіански поститься будетъ только тотъ, кто при посредствѣ поста предоставляетъ господство своему духу надъ тѣломъ, и кто постомъ воспользуется для распознаванія своихъ грѣховныхъ склонностей. А безъ этого условія постъ не имѣетъ значенія, какъ и сказалъ Спаситель: „не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка; но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка“ (Мѡ. 15, 11). И св. Церковь поетъ въ первый день св. четырехдесятницы: „истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія“ (стих. на стих.). Такъ понимаемый постъ, т. е. въ смыслѣ не тѣлеснаго только воздержанія, но и духовнаго, есть нѣкоторая богоугодная жертва, привлекающая къ намъ благоволеніе Божіе, согласно словамъ Псалмопѣвца: „жертва Богу духъ сокрушенный, сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже“, (Пс. 50, 19). Наконецъ, такой постъ свидѣтельствуемъ о нашемъ послушаніи матери нашей—Церкви, особенно въ наше время, когда многіе изъ среды такъ называемаго образованнаго общества стали отвергать постъ, считая его яко бы отжившимъ свой вѣкъ. Въ свое оправданіе подобныя лица обыкновенно говорятъ, что скоромная пища здоровѣе для человѣка, чѣмъ постная. Но источникъ ихъ возраженій противъ поста, конечно, не въ заботахъ о своемъ здоровьи, для котораго и постная пища не вредна, а просто въ томъ, что скоромная пища пріятнѣе для ихъ вкуса и болѣе льститъ ихъ чувственности.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Стеллецкій.

Уроки Богослуженія въ недѣли по Пасхѣ до праздника Вознесенія Господня.

Семидневнымъ празднованіемъ Пасхи св. Церковь не ограничиваетъ прославленія Воскресшаго, но продолжаетъ его, хотя и съ меньшею торжественностью, еще тридцать два дня до самаго вознесенія Господа на небо, и, сверхъ того, воспоминаетъ воскресеніе Христово еженедѣльно въ первый день седмицы. Прославляя Воскресшаго изъ мертвыхъ и торжествуя побѣду Его надъ смертію, Церковь и воскресное богослуженіе установила совершать торжественно, безъ коленнопреклоненій, принадлежащихъ больше къ дѣйствіямъ покаянія. Посвящая недѣли по Пасхѣ воспоминаніямъ, относящимся къ божественному прославленію воскресшаго Господа, она вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ намъ спасительныя послѣдствія этого славнаго событія. Въ событіяхъ, совершившихся въ эти недѣли, она то раскрываетъ предъ нами характеръ истинныхъ христіанъ (нед. о Ѳомѣ и Муроносицѣ), то излагаетъ ученіе объ истинномъ Богопочитаніи (въ недѣлю Самаряныни), то описываетъ (въ недѣли о Разслабленномъ и о Слѣпомъ), состояніе челоѣчества разслабленнаго и слѣпотствовавшаго, но исцѣленнаго Искушителемъ.

Въ недѣлю вторую по Пасхѣ Церковь воспоминаетъ явленіе воскресшаго Господа одиннадцати апостоламъ и осязаніе ранъ Его ап. Ѳомою. Обстоятельства этого событія воспѣваются во всѣхъ стихирахъ и тропаряхъ канона въ нед. ап. Ѳомы и въ стихирахъ прочихъ дней седмицы. На истину Божества и челоѣчества воскресшаго Господа Церковь особенно обращаетъ благоговѣйный взоръ вѣрующихъ: „Господи, нестерпимымъ Твоего Божества блистаніемъ, дверемъ пришелъ еси заключеннымъ сущимъ, и, ставъ посреде учениковъ, ребро обнажилъ еси, и язвъ твоею руку и ногу струпы являя, печаль же и скорбь разрѣшая, явѣ возгласилъ еси: во мнѣ видите, о друзи, плоти пріятіе, не духа пошу естество: сомнящемуся же ученику повелѣвалъ еси осязати трепетво: онъ же, ощу-

щая рукою твое сугубое существо, со страхомъ вопіяше вѣрно. вѣрою влекомъ: Господь мой и Богъ мой“¹⁾. Въ апостольскомъ чтеніи на литургіи Церковь въ повѣствованіи о много различныхъ чудесахъ, творимыхъ св. апостолами во имя Іисуса Христа, указываетъ намъ дѣйствіе той же божественной силы Воскресшаго, для Котораго не оказалось преградъ и въ затворенныхъ дверяхъ: въ евангельскомъ же чтеніи повѣствуется о воспоминаемомъ событіи, отъ котораго и самая недѣля получила названіе *Томиной*.

Въ третью недѣлю по Пасхѣ св. Церковь воспоминаетъ свв. женъ Мироносицъ и тайныхъ учениковъ Христовыхъ— Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима, какъ „свидѣтелей Его смерти и воскресенія“, сихъ двухъ, по выраженію синаксаря недѣли! „истиннѣйшихъ и содержательнѣйшихъ догматовъ вѣры христіанской“. Соотвѣтственно такому воспоминанію, Церковь въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ недѣли воспѣваетъ то крестъ и спасительную смерть Господа, то славное Его воскресеніе, то, наконецъ, прославляетъ святые подвиги воспоминаемыхъ учениковъ и ученицъ Господа, призывая и насъ слѣдовать ихъ высокому примѣру. „Заушенъ насъ ради и оплеванъ былъ еси, Іисусе, отъ беззаконниковъ“, взываетъ она, „отца и желчи, Спасе, напоенъ былъ насъ ради“, „въ животворныя ребра копіемъ прободенъ былъ еси“, „вмѣнялся еси въ мертвыхъ“, „во гробъ положенъ еси“. Но эти скорбныя воспоминанія страданій и смерти Спасителя Церковь обильно растворяетъ утѣшительнымъ указаніемъ на спасительные для насъ плоды креста Господа и радостью объ Его воскресеніи, которое есть побѣда надъ смертью и адомъ: „да веселится Сіонъ, да радуется и небо, воскресе Христоръ, мертвыя воздвигнувый“, поетъ она. Даже тропари этой недѣли²⁾, заимствованные изъ службы Великой субботы и выражающіе преимущественно благочестивую скорбь и только предчувствіе торжества, въ

¹⁾ Стихиры литіи; тропарь и кондакъ.

²⁾ „Благообразный Іосифъ“ и „Мироносицамъ женамъ“.

эту недѣлю тоже дополняются радостнымъ указаніемъ на воскресеніе Спасителя, равно какъ радостнымъ же изображается и душевное состояніе свв. женъ Мироносицъ.

Въ недѣлю о Разслабленномъ, четвертую по Пасхѣ, св. Церковь, вспоминая чудесное событіе при общей купели, прославляетъ божественное всемогущество Иисуса Христа, ибо „разслабленнаго, поеть она, не купель исцѣли, но слово Господне обновы, которое явился разслабленнымъ членомъ, яко же связаніе живоносное“ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминая намъ о разслабленіи нашей души грѣхами, она приглашаетъ каждого изъ насъ взывать: „въ лѣтѣхъ многихъ немощствующую душу мою, Преплагій, исцѣли яко же разслабленнаго прежде, яко да послѣдую Твоимъ стезямъ, яже показалъ еси любящимъ Тя“;—разслабленнаго яко воздвиглъ еси, Христе, разслабленную мою душу преступленми оздрави, и шествовати мнѣ Твоя правыя стези споспѣшествуй“ ²⁾. Прославляя Воскресшаго, св. Церковь восхваляетъ въ пѣснопѣніяхъ недѣли и св. арх. Михаила, возмутившаго воду въ купальнѣ Силомской, какъ служителя божественнаго всемогущества и „наставника заблуждающихъ“, и, въ виду нашего духовнаго разслабленія, молитвенно взываетъ къ нему: „просвѣщеніе намъ испроси“ и „наслажденіе благъ вѣчныхъ“. Ту же силу Божию возвѣщаетъ она и апостольскимъ чтеніемъ, которое повѣствуетъ о чудесномъ исцѣленіи разслабленнаго Енея именемъ Иисуса Христа и о воскрешеніи Тавионы, и евангельскимъ чтеніемъ о событіи, воспоминаемомъ въ недѣлю о Разслабленномъ.

Празднованіемъ въ среду на четвертой недѣлѣ по Пасхѣ прецеловенія Пятидесятницы св. Церковь прославляетъ Господа нашего Иисуса Христа, какъ Божественнаго Учителя, который сравнивалъ благодать своего ученія съ водою, необходимою для жаждущихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Церковь под-

¹⁾ Служба вторника недѣли о Разслабленномъ.

²⁾ Тоже и въ кондакѣ.

готовляеть вѣрующихъ къ новому радостному торжеству св. Пятидесятницы и Вознесенія Господня. „Празднику преполовляющуся Твоего, Христе, воскресенія и божественнаго пришествія Св. Твоего Духа, сшедшеса чудесъ Твоихъ воспѣваемъ таинства“¹⁾; „просвѣтившеса, братіе, воскресеніемъ Спаса Христа, и достигше преполовенія праздника Владычня, преискренно сохранимъ заповѣди Божія, да достойни будемъ и Вознесеніе праздновати, и пришествіе Св. Духа“, взываетъ къ намъ св. Церковь въ день Преполовенія. На вечернемъ богослуженіи она предлагаетъ трогательныя и назидательныя наредіи изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, содержація пророчества о божественной проповѣди Спасителя²⁾, а стихиры и канони службы Преполовенія съ свойственнымъ имъ величіемъ и восторженностію славятъ Искупителя, моля, чтобы Онъ „преполовившуся празднику жаждущую душу вѣрныхъ наполнилъ благочестія водами“. Въ апостольскомъ чтеніи на литургіи повѣствуется о томъ, какъ божественною силою Воскресшаго свв. ап. Павелъ и Варнава исцѣлили хромого въ Листрѣ, а Евангеліе говоритъ о прибытіи Іисуса Христа въ преполовеніе праздника кущей въ Іерусалимъ и о божественномъ ученіи Его въ Іерусалимскомъ храмѣ (Іоан. 7, 14—8—20). Наконецъ, послѣ литургіи, Церковь совершаетъ малое водоосвященіе, прося Господа напоить жаждущія души водами благочестія, „яко всѣмъ возопилъ Оцъ: „жаждай, да грядеть ко Мнѣ и да піеть“³⁾. Этотъ благочестивый обычай нашей Церкви соединяеть въ нашемъ представленіи—и овчюю кушель, при которой исцѣленъ разслабленный, и воду крещенія, которую та предвозвѣщала, и обѣтованіе Христово о живой водѣ Святаго Духа.

Въ пятую недѣлю по Пасхѣ Церковь воспоминаеть бесѣду Спасителя съ Самарянкою, „понеже въ той Христосъ Мессію Себе явѣ исповѣдаше, еже есть Христосъ“, говорится

¹⁾ На вечерни вторн. въ нед. о Разслабленномъ.

²⁾ Р. д. С. П. 1900 г., т. 1, стр. 386 и 387.

³⁾ Тропарь Преполовенія.

въ синаксарѣ недѣли о Самаряныни. „Сего бо ради и въ средопентикостную седмицу учиненъ бысть праздникъ“. Богослуженіе пятой недѣли полно воспоминаніями того, какъ Иисусъ Христосъ, проповѣдая Евангеліе погибшимъ овцамъ дома Израилева, пришелъ въ Сихарь и, утомленный отъ пути, сѣлъ „при кладезѣ Іакова“, куда жена Самарянка пришла почерпнуть воды. Бесѣдою съ нею Иисусъ Христосъ постепенно возводитъ къ уразумѣнію того, что Онъ есть источникъ воды, текущей „въ животъ вѣчный“, утоляющій на вѣки жажду души человѣческой, что Онъ есть Божественный Сердцевѣдецъ и Мессія-Христосъ. Служа яснымъ свидѣтельствомъ божественной славы Воскресшаго, бесѣда эта вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ намъ ученіе объ истинномъ Богопочитаніи, которое должно состоять въ поклоненіи Богу „духомъ и истиною“, т. е. въ полнотѣ и совершенствѣ внутренняго и внѣшняго богопоклоненія. Въ апостольскомъ чтеніи Церковь возвѣщаетъ ту же славу Воскресшаго указаніемъ на могущественное дѣйствіе благодати Божіей и на быстрое умноженіе Церкви Христовой въ Антиохіи: „бѣ бо рука Господня“ съ апостолами, которые явно видѣли „благодать Божію“ и радовались. Евангеліе же повѣствуетъ о бесѣдѣ Господа съ Самарянынею, именемъ которой и называется пятая недѣля Пятидесятницы.

Въ богослуженіи шестой недѣли по Пасхѣ Церковь продолжаетъ раскрывать предъ нами божественную силу и славу Воскресшаго, посвящая эту недѣлю воспоминанію о чудесномъ исцѣленіи Иисусомъ Христомъ слѣпорожденнаго. Въ утѣшеніе невинно-страждущихъ Церковь возвѣщаетъ, что бѣдствія не всегда говорятъ о виновности страждущихъ, но посылаются иногда и невиннымъ, „да явятся на нихъ дѣла Божіи“, а потому, видя несчастія ближнихъ, мы должны воздерживаться отъ осужденія ихъ. Только слѣпота духовная большею частію зависить отъ насъ, отъ нашего невниманія къ вѣрѣ, непослушанія и невѣдѣнія о ней, лишаящихъ чело-вѣка чистоты сердца и способности принять благодатную помощь Воскресшаго. Поэтому св. Церковь въ пѣснопѣніяхъ

недѣли внушаетъ намъ взывать: „умныя мои очи, ослѣпленныя, Господи, отъ мрачнаго грѣха, Ты просвѣти, вложивъ, Щедре, смиреніе, и покаянія омой слезами“... „Душевными очима ослѣпленъ, къ Тебѣ, Христе, прихожду, яко же слѣпый отъ рожденія, покаяніемъ зову Ти: Ты сущихъ во тмѣ свѣтъ пресвѣтлый“¹⁾. О дѣйствіяхъ благодатнаго всемогущества въ дѣяніяхъ апостоловъ говоритъ апостольское чтеніе, а Евангеліе повѣствуетъ о событіи исцѣленія слѣпорожденнаго, которое Церковь и празднуетъ въ недѣлю о Слѣпомъ.

Въ среду Церковь какъ бы заканчиваетъ прославленіе Воскресенія Христова и, празднуя въ этотъ день отдавіе Пасхи, отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ дней особенно торжественнымъ Богослуженіемъ, напоминающимъ собою дни свѣтлой седмицы. Этимъ св. Церковь снова возвращаетъ насъ къ радостнымъ воспоминаніямъ пасхальныхъ дней. Стольво времени уже слухъ нашъ внималъ торжественнымъ пѣснямъ Воскресенія Христова, такъ свыкъся, сроднился съ ними, сама Церковь такъ заботливо старалась доставить, увеличить и продлить для насъ это богодарованное наслажденіе, что теперь, полагая предѣлъ ему, она съ замѣчательно мудрою предусмотрительностью и благовременно снова призываетъ насъ къ радости, какъ бы боясь за слабыхъ сыновъ своихъ, чтобы они не предались невольной скорби и грустному настроенію въ виду отшествія Господа на небо, празднуемаго въ четвертокъ на этой седмицѣ.

**Связь и отношеніе между Цвѣтной Трїодью и Октоихомъ съ
Минеею по сравненію съ Постной Трїодью ²⁾.**

Что Минеея не употребляется въ дни Пятидесятницы (Троицынъ день 1-й), Св. Духа (2 день Троицынъ), это слѣдуетъ изъ самыхъ послѣдованій этихъ дней въ Уставѣ и

¹⁾ Кондакъ.

²⁾ См. № 15 за 1901 г.

Цвѣтной Трїоди (л. 498 на обор., 502 на об. въ первомъ и 207 на об. по 232 на об. во второй, изд. 1882 г.). Точно также ясно изъ указаній перваго и второй, что молитвословія и пѣснопѣнія святыхъ, прилучившихся въ день отдавія Пятидесятницы и въ слѣдующую непосредственно за нимъ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, переносятся на другіе дни: „знай и се, — сказано здѣсь, — яко службы святыхъ, прилучившихся въ субботу грядущую (по Пятидесятницѣ то есть) и недѣлю Всѣхъ Святыхъ, послѣ одинаго на преди (въ какой-нибудь, то есть, изъ дней между этой субботой—отдавіемъ Пятидесятницы—и самой Пятидесятницей, а точнѣе и днемъ Св. Духа), а другаго въ настоящій пятокъ на повечерїи“ (л. 502 въ Тишконѣ, 1-е „Зри“, и 237-й въ Трїоди Цвѣтной, изд. 1882 г.). Въ дни седмичные во всю Пятидесятницу, начиная съ седмицы по недѣлѣ Антипасхи, какъ такіе, въ которые богослуженіе приближается къ обычному, не отличается, въ противоположность днямъ недѣльнымъ и другимъ праздничнымъ этого періода, прославленіемъ исключительно наиболѣе знаменательныхъ событій изъ жизни Спасителя, служащихъ къ увѣренію въ истинѣ воскресенія Его, и Миссы Мѣсячная не отлагается, а молитвословія и пѣснопѣнія ея соединяются съ молитвословіями и пѣснопѣніями Цвѣтной Трїоди и Октоиха (молитвословія послѣдняго, что знаемъ уже изъ прежде изложеннаго нами, на это время тоже содержатся въ Цвѣтной Трїоди, почему здѣсь можно упомянуть объ одной послѣдней). Однако, и въ названные седмичные дни періода Пятидесятницы, какъ дни вообще по праздниченныя по Пасхѣ и въ частности по праздниченныя послѣ недѣлѣ Антипасхи, или ап. Ѳомы, Мирноносцѣ, Разслабленнаго, Самаряныни, Слѣпаго, а также по Преполоненіи ¹⁾, молитвословія и пѣсно-

¹⁾ Дни по праздниченства служатъ продолженіемъ праздника. Въ отношеніи многихъ праздниченковъ, Господскихъ и Богородичныхъ, по праздниченство состоитъ, прежде всего, въ слѣдующемъ: на другой день послѣ самаго праздниченка Церковь воспоминаетъ и прославляетъ ближайшихъ участниченковъ событій, воспоминаемаго праздниченкомъ: напр., послѣ праздниченка Рож-

пѣнія Миней употребляются въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ седмичные дни другого извѣстнаго времени. Вотъ что

дества Пресв. Богородицы (8 сент.), на другой день совершается прославленіе св. и праведн. Богоотецъ Иоакима и Анны; за праздникомъ Рождества Христова бываетъ на другой день—26 декабря—празднество, именуемое—„Соборъ Пресв. Богородицы“; на другой день Крещенія Господня бываетъ праздникъ—„Соборъ св. пророка Предтечи Иоанна“ („Соборомъ“ въ такихъ случаяхъ называется *собраніе вѣрующіихъ* для прославленія празднуемаго святого); послѣ Сръбленія Господня Церковь чествуетъ память св. праведн. Симеона Богопріимца и Анны пророчицы; на другой день праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы бываетъ „Соборъ архистратига Гавріила“ (26 марта). Въ богослужбныхъ послѣдованіяхъ на указанныя числа и видимъ иѣсноиѣнія этихъ второстепенныхъ праздниковъ. Но, на ряду съ такими иѣсноиѣніями, а равно при отсутствіи послѣ праздника Господскаго или Богородичнаго указанныхъ воспоминаній, т. е. въ честь участниковъ событія самаго праздника (напр., послѣ дня Воздвиженія Креста Господня, Введенія Пресв. Богородицы во храмъ), богослужбныя книги содержатъ иѣсноиѣнія собственно попразднственныя, воспоминающія и прославляющія торжественно уже чествованное событіе главнаго праздника, вмѣстѣ съ молитвословіями святымъ, бывающимъ въ дни попразднства. Количество дней попразднственныхъ, послѣдованій богослужбныхъ книгъ съ иѣсноиѣніями попразднства послѣ разныхъ праздниковъ и бываетъ разное. Такъ, число дней попразднства, вмѣстѣ съ днемъ отдапія праздника, какимъ именуется послѣдній день попразднства, бываетъ и одинъ (послѣ Благовѣщенія Пресв. Богородицы), и четыре (послѣ Рождества Пресв. Богородицы и Введенія во храмъ), и шесть (послѣ Рождества Христова), и семь (послѣ Воздвиженія Креста Господня и Преображенія Господня), и, наконецъ, даже девять (послѣ Богоявленія Господня, послѣ Успенія Пресв. Богородицы.—См. Типиковъ, л. 285 по 289 включ., 67, 138, 182, 81, 209 и 385 на об.). На такое неравномѣрное назначеніе Церковіи дней попразднства для праздниковъ вліяетъ разное отношеніе этихъ праздниковъ къ другимъ днямъ богослуженія: 1) близость праздниковъ къ другимъ праздникамъ (о дняхъ попразднства Рождества Пресв. Богородицы въ Типиконѣ читаемъ: „празднуемъ праздникъ сей пять дней, за еже близъ быти празднику Воздвиженія честнаго Креста“— л. 63, изд. 1882 г.); 2) постъ, такъ что и понятно, почему, напр., праздникъ Благовѣщенія имѣетъ всего только одинъ день попразднства: онъ всегда бываетъ въ дни или Великаго поста, или Свѣтлой седмицы,—„начинается отъ четверга 3-я недѣли св. постовъ и восходитъ до среды Свѣтлыя недѣли“ (л. 265 въ Типик., изд. тоже). Послѣ всего сказаннаго о предпразднствахъ вполнѣ ясно, почему и праздникъ Пасхи имѣетъ настолько большое, изъ многыхъ дней состоящее, попразднство, что отдаваніе послѣдней бываетъ по Уставу

только берется изъ Минен для богослуженія означенныхъ седмичныхъ дней пѣнія Цвѣтної Тріоди: на вечернѣ—на „Господи воззвахъ“ три стихиры („и Слава, святаго, аще есть: аще ли ни, Слава, и нынѣ, праздника“) и на стиховнѣ стихиры въ томъ случаѣ, „аще случится два святыхъ“ („аще ли ни, Слава и нынѣ, праздника“), и др.; на утренѣ—по „Богъ Господь“ тропарь „на Слава“ (первый же тропарь по „Богъ Господь“ праздника), канонъ 2-й на четыре (тропаря), кондакъ и икосъ вмѣстѣ съ сѣдальномъ и др. (Типиконъ, л. 477 и 478; изд. 1882 г.). Но изъ Минен берется пѣснопѣній больше для богослуженія въ седмичные дни Пятидесятницы, бывающіе по недѣлѣ Оомы, если на нихъ приходится память великаго святаго или храмъ святаго (см. тоже мѣсто Типикона—„како поется отъ недѣли Оомны Тріодъ съ Минеею во всю 50-цу, коея седмицы, даже до отданія пентикостіи, кромѣ субботъ и недѣль, на вечерни и на утрени“, 6-е „Зри“ послѣдованія въ поведѣльникъ 2-я семд. Антипасхи на утрени, „Зри“ 8, 9, 13, 17 взятой главы; храм. гл. 48 и 49, л. 559 на об., Типик. тамъ же).

—
лишь въ среду 6-й седмицы по праздникѣ (Типиконъ, 491 на об. листъ и слѣд.): независимо отъ того, что праздникъ Пасхи есть главный въ ряду всѣхъ другихъ праздниковъ, на количество дней попразднственныхъ послѣ Пасхи имѣло вліяніе и то обстоятельство, что ближе 40-го дня отъ нея нѣтъ никакого другого дванадесятаго праздника. На основаніи же вышеизложеннаго о попразднствахъ должно сказать, что праздники недѣль (воскресеній) Пятидесятницы: Антипасхи, или ан. Оомы, Мирносицъ, Разслабленнаго, Самаряныни, Слѣбного, а также праздникъ Преполовенія тоже имѣютъ попразднство и отданіе, хотя прямо такихъ названій въ приложеніи къ днямъ, слѣдующимъ за этими праздниками недѣль, и не находимъ въ Типиконѣ (въ приложеніи же къ Преполовенію названіе дней за нимъ „попразднствомъ“ разъ встрѣчается и въ Типиконѣ: л. 487 на об.). Дѣйствительно, пѣснопѣнія праздника осязанія ранъ Христовыхъ, т. е. недѣли ан. Оомы, встрѣчаемъ въ послѣдованіяхъ всей слѣдующей седмицы, и заканчиваются они лишь предъ 3-ею недѣлею по Пасхѣ (л. 481, тамъ же). Праздникъ недѣли Мирносицъ тоже воспѣвается въ молитвословіяхъ всей седмицы за этой недѣлей (л. 484 на об., тамъ же). Послѣдованіе недѣли Разслабленнаго продолжается въ пѣснопѣніяхъ поведѣльника и вторника за нею (л. 486, тамъ же), такъ какъ

Субботы тоже отчасти отличаются въ ряду названныхъ седмичныхъ дней по нѣскольکو большему употребленію на богослуженіи молитвословій и нѣснонѣній Миней (Типик., л. 479 и 480). Основанія для такого назначенія Уставомъ молитвословій и нѣснонѣній Миней на дни седмичные взятаго періода, когда въ нихъ случается великій святой или святой храма, и на субботы вполне ясны: великимъ святымъ посвящено въ Миней больше молитвословій, чѣмъ сколько ихъ заключается въ послѣдней святымъ—малымъ праздникамъ, не говоримъ уже о святыхъ, не имѣющихъ въ мѣсяцесловѣ праздничнаго знака: не вполне ли естественно и при нѣнии Цвѣтной Трїоди въ седмичные дни брать изъ послѣдованій Миней великимъ святымъ, случающимся въ эти дни, нѣснонѣній больше, чѣмъ изъ послѣдованій другимъ святымъ Миней, приходящимся тогда же? Въ субботы же воспоминаются и всѣ святыя (а также совершается еще и моленіе за усопшихъ), почему въ обычное время по субботамъ молитвословія и нѣснонѣнія Миней, какъ содержащей службы святымъ чиселъ мѣсяца, предшествуютъ молитвословіямъ и нѣснонѣніямъ Октоиха (Типик., гл. 12 и 13, л. 24 на об., 25, 26 и 27-й: въ другіе же седмичные дни обычнаго времени бываетъ наоборотъ: гл. 9, л. 16 на об. по 23). Потому-то въ отношеніи субботъ разсматриваемаго періода Церковь и отличаетъ названное воспоминаніе въ нихъ всѣхъ святыхъ употребленіемъ нѣскольکو большаго, сравнительно съ другимъ

дальше слѣдуетъ праздникъ Преполовенія, празднуемый 8 дней—отъ среды седмицы Разслабленнаго до среды слѣдующей седмицы (л. 489, тамъ же). А вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, служба недѣли Самарянини, приходящейся среди по праздниственннхъ дней Преполовенія, поется 4 дня такимъ образомъ: въ недѣлю 5-ю и на 5-й седмицѣ уже только въ четвертокъ, пяттокъ и субботу (тамъ же и л. 490 Типикона). Воспоминаніе же чуда надъ слѣпнорожденнымъ, въ 6-ю нед. по Пасхѣ, совершается Церковію, помимо самой недѣли, только въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, потому что въ послѣднюю бываетъ отданіе и самой Пасхи (л. 492, тамъ же). Думаемъ, что теперь общее понятіе о по праздниствахъ выяснено достаточно и въ приложеніи къ днямъ праздничнымъ Цвѣтной Трїоди.

седмичными днями этого времени, числа молитвословій Минен, на ряду, однако, съ немалымъ количествомъ молитвословій Цвѣтной Трїоди, какъ прославляющихъ исключительно событія, которыя, служа къ увѣренію въ истинѣ воскресенія Христа, воспѣваются Церковію и въ названныя субботы.

Наконецъ, при обсужденіи вопроса объ употребленіи во дни пѣнія Цвѣтной Трїоди молитвословій и пѣснопѣній Минен, необходимо имѣть въ виду еще и нѣкоторыя особенныя замѣчанія Типикона на этотъ разъ: 1) если храмовой святой случится въ самый день Пасхи (равно какъ въ предшествующіе ему Великій пятокъ и Великую субботу), то „поемъ всю службу храма, вечерь, и утро, на Свѣтлой недѣли, въ понедѣльникъ или во вторникъ“ (46-я храмов. глава, л. 555 изд. 1882 г.); 2) если храмовой святой и празднованія съ поіелеемъ или со всенощнымъ бдѣніемъ случатся отъ понедѣльника Свѣтлой недѣли до 4-й недѣли по Пасхѣ, то богослуженіе отиравается по службѣ св. великомученика Георгія—23 апрѣля (48 храмовая глава, л. 559 на обор.); 3) если, наконецъ, храмовой святой и названныя празднованія случатся отъ четвертой недѣли Пасхи до субботы пентикостныя (предъ Пятидесятницей), то службы ихъ правятся по послѣдовашию св. Іоанна Богослова, подъ 8-мъ мая (49-я храм. гл., л. 559).

Препод. Сем. В. Тимонтовъ.

Каникулярная поѣздка въ Св. Землю ¹⁾.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ среди дикихъ горъ и надъ пропастями. Намъ часто встрѣчались арабы то съ мулами, то съ верблюдами, въ жалкой одеждѣ, запыленные и загорѣлые, и обязательно каждый съ ружьемъ, а иногда и саблей. Но вотъ, наконецъ, мы взобрались на послѣднюю гору, и намъ открылся чудный видъ *Иерихонской долины*. Влѣво изъ ущелья выходилъ потокъ *Хозева* (въ древн. Кут-

¹⁾ См. № 15 за 1901 г.

луменскій, въ верхней части Фаранъ) путь котораго обозначался полосой зелени. Далѣе онъ скрывался въ пескахъ Іерихонской долины. Въ поперекъ его шель другой—*источникъ Елисея*: онъ проходить по особому каменному ложу, устроенному въ видѣ моста надъ первымъ. Среди долины лежитъ небольшая арабская деревенька *Риха*, обозначаемаемая зеленою садовъ. Направо къ Мертвому морю мѣстность волнообразная: усѣянная пыльными песчаными холмами, издали имѣющими видъ разсѣянныхъ по равнинѣ палатокъ. Далѣе впередъ виднѣется вьющійся лентой *Иорданъ*, также обросшій зеленою опушкой. Налѣво за Хозево виднѣется знаменитая *гора Сорокодневная*, а недалеко у подошвы ея „*источникъ Елисея*“. При самомъ вѣздѣ въ долину, кавась указаль намъ разрытый холмъ: недавно здѣсь англичане производили раскопки. При вѣздѣ въ деревню мы обратили вниманіе на европ. постройки: это, говорятъ, пріюты для латинскихъ паломниковъ. Далѣе виднѣется двухъэтажный *Hotel des Étrangers*. Затѣмъ мы поѣхали среди бѣдныхъ арабскихъ жилищъ и жалкой изгороди. Скоро мы остановились у большого двухъэтажнаго *зданія русскихъ построекъ*. Намъ встрѣтилъ весьма радушно завѣдующій домомъ о. Діонисій. Мы умылись, но освѣжились мало. Жара была страшная. Я вышелъ въ сосѣдній садъ: здѣсь есть нѣсколько деревъ, но тѣни отъ нихъ мало. Тутъ же сдѣланы раскопки бывшей нѣкогда церкви. На дворѣ и огородѣ какъ-то пустынно: видно мало здѣсь людей. Дѣйствительно, не то, что у насъ въ Россіи по монастырямъ и даже хуторамъ и дворамъ монастырскимъ. О. Діонисій очень тяготится уединеніемъ и особенно страшной духотой. Будучи уроженцемъ Вят. губ., онъ давно уже служитъ въ Палестинѣ. Въ Іерихонѣ онъ несетъ послушаніе вотъ уже девятый годъ и страшно скучаетъ. Кромѣ жары его тяготитъ и то, что онъ лишень утѣшенія въ церковномъ богослуженіи. „Если бы здѣсь, говоритъ онъ, была русская церковь, было у насъ свое духовенство и совершалось богослуженіе, тогда было бы другое дѣло“... Намъ тоже казалось, какъ будто чего-то не достаетъ здѣсь. Пріятно, войдя въ домъ,

видѣть здѣсь все русское, — и царскіе портреты на стѣнахъ, и столы и стулья, но еще лучше было бы, если бы здѣсь мы могли — принести Богу и церковную, молебнo-благодарственную молитву. Правда, среди деревни есть, говорить, и новая греческая церковь, съ пріютомъ для богомольцевъ, но въ ней богослуженіе не на родномъ нашемъ языкѣ...

Духота въ домѣ была невообразимая. Съ насъ буквально текла вода. Въ комнатѣ оставаться было не мыслимо. Еще во время чая мы выходили не разъ изъ дома, чтобы дохнуть свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Окна залы, гдѣ мы сидѣли, были открыты. Завтра рѣшили мы выѣхать по раньше, въ 4 ч. ут., къ Мертвому морю и Іордану. Спать расположились на крышѣ русскаго дома, на постеляхъ, которыя приготовилъ намъ радушный о. Діонисій. Цѣлую ночь лаяли іерихонскія собаки и шакалы. Хотя мы и очень устали, но долго не могли уснуть. Съ одной стороны какой-то странный вой шакаловъ, мною до сихъ поръ еще не слышанный; а съ другой — мысли о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя совершились въ этихъ мѣстахъ, будили въ душѣ разнообразныя впечатлѣнія. Вѣдь тутъ былъ нѣкогда цѣлый городъ, крѣпкій, но павшій подъ трубнымъ гласомъ и кликами народа Божія; здѣсь бывалъ не разъ и Спаситель нашъ. Даже и дерево на дворѣ русскаго дома называется „Закхеевымъ“. Здѣсь недалеко Господь нашъ и крестился. Здѣсь вблизи на горѣ Онъ и постился и былъ искушаемъ 40 дней отъ діавола. И ужели это мы въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ столько разъ въ жизни отъ ранняго дѣтства приходилось слышать, читать и учить съ трепетнымъ чувствомъ? Что явить намъ грядущій день?..

17 іюля, суб. Какъ не хотѣлось намъ вставать! Но дѣлать нечего. Насъ настойчиво будили и кавасъ и о. Діонисій. Нужно было спѣшить, чтобы успѣть объѣхать Іерихонскую долину до начала дневного жара. Сперва мы отправились къ ю. в., къ Мертвому морю. Ночь была темная. Наканунъ изъ источника Елисеева была пущена вода въ виноградные сады и испортила дорогу. Мы не разъ сбивались съ пути и оста-

навливались. Экипажъ тяжело двигался, покачиваясь въ разныя стороны и грозя совсѣмъ перевернуться. На бѣду намъ извозчикъ не зналъ дороги. Если мы, сбиваясь и останавливаясь, опять выѣзжали на дорогу, то благодаря кавасу Христо. Черезъ 1 часъ мы пріѣхали въ обитель пр. Герасима Иорданскаго. Насъ тотчасъ впустили. Стоитъ эта обитель совершенно одиноко и окружена высокою стѣною, хотя, впрочемъ, не такою, которая могла бы защищать иноковъ въ случаѣ нападенія разбойниковъ. Мы вошли въ церковь, которая находится въ 2-мъ этажѣ. Шла уже утренняя. Въ церкви была 3—4 человекъ братіи. Украшений мало, но замѣтна чистота. Въ алтарѣ намъ показали остатки древнихъ фресковыхъ изображеній. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній были испорчаны и исковерканы. Лики съ выколотыми глазами. Пожертвовавъ на монастырь и церковь, мы сошли внизъ. Здѣсь находится маленькая церковь, въ высѣченной въ камнѣ пещерѣ, именуемая „каламонія“ (что значитъ доброе пристанище). Здѣсь будто бы Божія Матерь съ Богомладенцемъ и Иосифомъ Обручникомъ скрывалась на обратномъ пути изъ Египта въ Галилею. Въ корридорѣ замѣтны были начальные работы по росписанію стѣнъ. Однимъ словомъ видны были старанія къ благоуукрашенію и устройенію св. обители. Мы отнесли это къ чести патріархін, которая заботится о поддержаніи древней святыни¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

И. Петрушевскій.

¹⁾ Но правда ли то, что мнѣ потомъ, при возвращеніи изъ Іерусалима домой, говорилъ одинъ арабъ, будто это дѣлаетъ не патріархъ, а нѣкоторые благотворители?..

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 апрѣля 1901 г.

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсто
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1901 года, апрѣля 22-го.

Содержаніе: Очерки православно-христіанскаго нравоученія (продолже-
ніе). — Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ
(окончаніе). — Что читаетъ народъ.

Очерки православно-христіанскаго нравоученія¹⁾.

Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ.

Второе мѣсто послѣ обязанностей христіанина къ Богу отводится нами обязанностямъ къ самому себѣ (а не къ ближнимъ, какъ повидимому слѣдовало бы) потому, что, по заповѣди Спасителя, мы должны „любить ближняго своего, какъ самого себя“ (Мѣ. 22, 39). Мѣриломъ нашей любви къ ближнимъ должна быть любовь наша къ себѣ самимъ. Кто истинно любитъ самого себя, тотъ будетъ любить и ближняго, по заповѣди Иисуса Христа: „во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“ (Мѣ. 7, 12).

¹⁾ См. № 16 за 1901 г.

Попеченіе христіанина о душу своей.

Въ числѣ обязанностей христіанина къ самому себѣ первую и главною должно быть *попеченіе, о своей душѣ*. Душа есть высшая и совершеннѣйшая часть человѣческаго существа. Уже въ повѣствованіи св. Бытописателя о сотвореніи человѣка читаемъ, что „Господь Богъ создалъ человѣка (его тѣло) изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душою живою“ (Быт. 2, 7). Если тѣло человѣка создано изъ „праха земнаго“, а душа „вдунута“ Богомъ, есть „дыханіе“ Его, то ясно, что послѣдняя важнѣе перваго. Человѣкъ есть образъ Божій только по своей душѣ (Быт. 2, 26—27). Хотя искупленіе наше въ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, и освященіе благодатію св. Духа простираются на все существо наше, но главнымъ образомъ они касаются нашей души, такъ какъ состоятъ въ возстановленіи въ ней образа Божія. Поэтому самъ Господь говоритъ о душѣ нашей такъ: „какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ (Мѡ. 16, 26; Мрк. 8, 36—37). Такъ какъ главное преимущество души человѣческой состоитъ въ томъ, что она предназначена къ безконечному совершенствованію до уподобленія Отцу небесному (Мѡ. 5, 48), то попеченіе человѣка о душѣ должно состоятъ въ образованіи ея силъ и способностей. Только при такомъ образованіи человѣкъ можетъ восходить къ своему назначенію и совершенству.

Самообразование человѣка въ духъ православія.

Назначеніе человѣка къ безконечному совершенству побуждаетъ его прежде всего къ постоянному *самообразованію въ духъ православія*, или къ безпрерывному образованію ума въ томъ же духѣ. Потребность умственнаго образованія очевидна для каждаго, кто сознаетъ свое человѣческое достоинство. Само Божественное откровеніе предполагаетъ его. Въ

Ветхомъ Завѣтѣ самъ Богъ внушаетъ людямъ пріобрѣтеніе мудрости и всякихъ полезныхъ знаній (Прит. 3, 13 и дл.; Прем. 6, 9 и дл.; Сир. 6, 18 и дл.). Слово Божіе не осуждаетъ ни обширныхъ знаній Моисея, „наученнаго всей мудрости Египетской“ (Дѣян. 7, 22), ни мудрости Соломона, глубоко постигшаго различныя царства природы (3 Цар. 4, 23 и дл.), ни разума и мудрости Даніила и трехъ его товарищей, получившихъ образованіе при дворѣ царскомъ въ Вавилонѣ (Дѣян. 1, 4. 19 и дл.). Самъ Господь Іисусъ Христосъ, сравнивая нашъ умъ съ тѣлеснымъ глазомъ или окомъ, а невѣдніе съ тьмою и слѣпотою, ясно даетъ видѣть важность умственнаго образованія (Мѡ. 6, 22 и дл. Ср. 15, 14; Лук. 11, 33 и дл.; Іоан. 12, 35 и дл.). Объ отрокѣ Іисусѣ извѣстно также, что Онъ, сяди однажды въ храмѣ Іерусалискомъ „посреди учителей, слушалъ ихъ и спрашивалъ“ (Лук. 2, 46) и что Онъ, „исполнясь премудрости, преуспѣвалъ“ въ ней не только „у Бога“, но и „человѣковъ“ (ст. 52. Ср. 40). И св. апостолы внушали вѣрующимъ, чтобы они не были „дѣтьми по уму“, но были „совершеннолѣтними“ (1 Кор. 14, 20. Ср. Кол. 2, 2—3; Іоан. 6, 69). Если же въ Свящ. Писаніи встрѣчаются такія мѣста, въ которыхъ повидимому отвергается необходимость образованія нашего ума (1 Кор. 8, 1; Кол. 2, 8. Ср. 1 Кор. 1—3 гл.), то отсюда еще не слѣдуетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, будто бы христіанство относится неблагопріятно къ умственному образованію, такъ какъ въ указанныхъ мѣстахъ Писанія порицаются мудрость и философія ложныя, а не истинныя. Сомнѣвающіеся въ потребности умственнаго образованія для христіанина обыкновенно указываютъ на то, что въ христіанствѣ все основывается на вѣрѣ, между тѣмъ какъ область науки есть область знанія, а не вѣры. Но, съ одной стороны, и наукѣ присущъ элементъ вѣры (напр. въ существованіе атомовъ, въ непреложность законовъ природы и др.), а съ другой, и христіанствомъ требуется не только вѣра, но и знаніе, которымъ бы она по возможности проникалась и оправдывалась

(Іоан. 17, 3; Іак. 5, 19—20; 1 Пет. 3, 15; 1 Іоан. 4, 1 и др.).

Умственное образованіе касается ближайшимъ образомъ упражненія и направленія нашего ума, и обнимаетъ собою, какъ формальную, такъ и матеріальную сторону образованія его. Человѣческій умъ справедливо называютъ зрѣніемъ духовныхъ предметовъ. Поэтому для образованія его въ формальномъ отношеніи необходимо дѣйствительное зрѣніе или созерцаніе духовныхъ предметовъ, какъ для упражненія глаза необходимо дѣйствительное зрѣніе видимыхъ предметовъ. Только намѣренною дѣятельностію упражняются органы души и тѣла. Но этого мало. Надобно еще, чтобы предметы зрѣніи подпадали нашему наблюденію. Въ приложеніи къ уму это значить надобно входить съ предметами міра духовнаго въ нѣкоторое непосредственное соприкосновеніе, какъ тѣлесный глазъ входить въ такое соприкосновеніе съ предметами міра видимаго, т. е. необходимо быть въ общеніи съ Богомъ и міромъ духовнымъ. Безъ этого общенія, вѣдѣніе духовное никогда не взойдетъ на степень знанія яснаго, дѣйствительнаго, опредѣленно-убѣдительнаго, подобно тому, какъ слѣпой съ закрытыми глазами, у которыхъ не повреждена однакожь способность зрѣнія, не можетъ знать опредѣленно о существованіи свѣтящихся и освѣщаемыхъ предметовъ, пока не откроются глаза его. Что же касается матеріальнаго образованія нашего ума, или содержанія тѣхъ истинъ, которыми онъ долженъ обогащаться, то въ этомъ отношеніи кругозоръ доступной намъ истины весьма обширенъ. А христіанство еще болѣе расширило его, принеся или распространивши сверхъестественное откровеніе. По своему характеру, наше матеріальное умственное образованіе, безъ сомнѣнія, должно быть религіозно-нравственнымъ. Откровеніе естественное и откровеніе сверхъестественное одинаково должно приводить насъ къ познанію Существа Высочайшаго, Его отношенія къ міру и человѣку, послѣдней цѣли міра и самого человѣка и т. е. Но откровеніе естественное только тогда будетъ правильно

понято нами, когда будетъ постигаться въ свѣтъ Божества; для истиннаго познанія его необходимъ божественный свѣтъ, подобно тому, какъ для зрѣнія нашего, кромѣ способности видѣть, заключающейся въ самомъ устройствѣ нашего глаза, нуженъ еще свѣтъ, и возбуждающій эту способность къ дѣйствию, и посредствующій между органомъ зрѣнія и подлежащими зрѣнью предметами. Только при свѣтѣ солнечномъ возможна для насъ вся широта свойственнаго намъ зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ все представляется въ своемъ натуральномъ видѣ; такъ точно только при свѣтѣ Божественнаго откровенія возможна для насъ потребная намъ широта религіозно-нравственнаго знанія и полная его достовѣрность.

Изъ всей области знаній, служащихъ къ самообразованію въ духѣ православія, христіанину необходимо усвоить себѣ, въ особенности, тѣ, которыя научаютъ его „ходить достойно“ не духовнаго только, но и мірскаго „званія своего“. При этомъ каждому должно наблюдать осторожность, чтобы не надмѣваться своими поверхностными знаніями (1 Кор. 3, 18), а стараться обогащать себя знаніями основательными и достовѣрными, могущими сдѣлать насъ истинно полезными членами Церкви и общества.

Попеченіе христіанина о чистотѣ совѣсти своей.

Умственнымъ образованіемъ въ извѣстной степени обусловливается образованіе нравственное. Нельзя сдѣлаться добродѣтельнымъ, не зная, что такое добро и что такое зло. Однакожъ по опыту извѣстно, что можно знать, что такое добро, и поступать въ то же время дурно, отъ чего и происходитъ грѣхъ, какъ говоритъ ап. Іаковъ: „кто разумѣетъ дѣлать добро, и не дѣлаетъ, тому грѣхъ“ (Іак. 4, 17). Самыя твердыя правила нравственности, усвоенныя нашимъ умомъ, тверды только сами по себѣ, по своей внутренней истинности; а чѣмъ мы можемъ быть обезпечены въ томъ, что они привьются къ нашей *совѣсти*? Человѣкъ безъ совѣсти—язва

общества; человекъ съ совѣстію нечистою есть ненадежный членъ общества. Въ этомъ всѣ согласны, и потому христіанинъ, образуя свой умъ въ духѣ православія, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ *не щисы* и о *чистотѣ совѣсти*.

По наблюденіямъ психологическимъ, совѣсть есть чувство жизни духовной, подобное чувству жизни тѣлесной. Это чувство свидѣтельствуетъ о радости, довольствѣ и мирѣ нашего духа, когда мы дѣлаемъ добро, и о скорби, недовольствѣ и безпокойствѣ, когда дѣлаемъ злое, подобно тому, какъ чувство жизни въ нашемъ тѣлѣ даетъ намъ знать, тепло ему или холодно, здорово оно или больно. Всѣ усилія мы должны употребить, чтобы сохранить въ себѣ совѣсть чистою, т. е. чуткою, бодрою, вѣрно показывающею нравственныя состоянія души. Въ этомъ случаѣ къ совѣсти вполне примѣнимо требованіе постоянно „ходить предъ Богомъ“ (Быт. 5, 22), т. е. непрестанно имѣть предъ духовными очами верховнаго Судію—Бога. Совѣсть должна возвѣщать намъ волю Божию, провозносить надъ нами Его нелицепріятный судъ, и потому удалить отъ себя мысль о Богѣ—значить лишить совѣсть всей ея силы и назначенія. Чтобы сохранить совѣсть въ чистотѣ, для этого должно, съ одной стороны, тщательно избѣгать всего того, что можетъ заглушить или ослабить ее, какъ-то: легкомыслія и разсѣянной жизни, притворства въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ и обращенія съ людьми порочными; съ другой—ежедневно просвѣтлять, или вывѣрять свою совѣсть откровеннымъ словомъ Божиимъ и возможно чаще представлять себѣ святѣйшую жизнь Господа Спасителя и примѣры святой и богоугодной жизни подвижниковъ благочестія. Какъ можно чаще нужно, далѣе, будить свою совѣсть. При этомъ опытные въ духовной жизни наставники совѣтуютъ каждый день въ тишинѣ вечера, передъ сномъ, когда умиряется помыслы, вопрошать свою совѣсть, что въ теченіе истекшаго дня сдѣлано нами добраго или дурного. Никогда не слѣдуетъ поступать вопреки благимъ внушеніямъ своей совѣсти, но всегда внимать ея голосу, какъ закону, „написанному въ сердцахъ“

нашихъ (Рим. 2, 15) самимъ Богомъ. И чѣмъ постояннѣе мы будемъ слѣдовать благимъ внушеніямъ совѣсти, тѣмъ она будетъ сильнѣе и могущественнѣе, такъ что намъ трудно будетъ потомъ сдѣлать что-нибудь вопреки ея, голосу. Наконецъ, должно неопустительно пользоваться тѣми средствами очищенія совѣсти, какія предлагаются каждому изъ насъ св. Церковію. Сюда относятся: умилительная молитва, очищающая сердце и приближающая душу къ Богу, постоянное носѣщеніе Богослуженія, какъ часто повторяемый опытъ пребыванія души въ чувствѣ присутствія Божія и неопустительное говѣніе, при которомъ постъ высвобождаетъ душу изъ-подъ тяжести тѣла, самоиспытаніе обзрѣваетъ и обсуждаетъ прошедшую жизнь и настоящее состояніе души, исповѣдь освобождаетъ отъ тяжести содѣланныхъ грѣховъ, приобщеніе св. Таинъ возбуждаетъ къ новой лучшей жизни умиротвореніемъ духа и надеждою свѣтлаго будущаго при ободреніи и утѣшеніи благодати Божіей. При пользованіи этими и подобными благодатными средствами, самъ Богъ вселяется въ нашу душу и становится въ нашей совѣсти незримымъ свидѣтелемъ нашей жизни, помысловъ и дѣлъ.

Попеченіе христіанина о чистотѣ своего сердца.

Въ тѣсной связи съ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ стоитъ эстетическое образованіе. Развитіе чувства красоты, присущаго по самой природѣ человѣческому сердцу, есть одно изъ условій возвышенія, укрѣпленія и оживленія нашей духовной жизни. Поэтому мы, образуя свой умъ въ духѣ православія и воспитывая въ себѣ чистую совѣсть, должны вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и объ *очищеніи своего сердца*.

Обыкновенно думаютъ, что удовольствіе, получаемое нами отъ созерцанія красоты, есть нѣчто случайное, несущественное для нашей природы, и искусство будто бы назначено служить только къ тому, чтобы, въ болѣе прочной и удобной формѣ, закрѣпить то удовольствіе, которое доставляетъ намъ скоропреходящая красота природы. Но созерцаніе и восхи-

щеніе красотою не есть явленіе случайное, а существенное для нашего духа. Самъ Богъ есть высочайшая красота. То же самое должно сказать и объ отраженіи этой красоты въ природѣ и искусствѣ. „И увидѣлъ Богъ все, что Онъ создалъ, и вотъ, хорошо весьма“ (Быт. 1, 31),—„хорошо весьма“, конечно, въ смыслѣ полнаго соотвѣтствія формы съ творческою идеей, или того, что составляетъ сущность прекраснаго. „Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ, восклицаетъ св. Псалмопѣвецъ; я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ. Какъ велики дѣла Твои, Господи! дивно глубоки помышленія Твои“ (Пс. 91, 5—6). Замѣчательно, что и христіанскіе подвижники любили избирать для своихъ подвиговъ такія мѣста, которыя отличались красотою. Такъ св. Василій Великій въ одномъ изъ писемъ своихъ къ св. Григорію Богослову съ восторгомъ описываетъ прелесть избраннаго имъ уединенія. Но есть у насъ примѣръ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ примѣровъ. Изъ евангельскихъ сказаній извѣстно, что самъ Иисусъ Христосъ,—по слову пророческому, „прекраснѣйшій сыновъ Человѣческихъ“ (Пс. 44, 3),—созерцалъ красоту въ природѣ, и въ полевой лиліи усматривалъ красоту, въ какую не облакался самъ Соломонъ въ дни величайшей славы своей (Мѡ. 6, 28—29). Онъ любилъ учить народъ на поляхъ, красовавшихся жатвою, при морѣ съ живописными берегами, охотно удалялся для молитвы на холмы и горы, и дивное преображеніе Его во время молитвы совершилось на одной изъ прекраснѣйшихъ горъ Галилеи. Онъ самъ благоволилъ, по преданію, отобразить Свой Божественный Ликъ на полотнѣ, когда этотъ Ликъ не могъ быть воспроизведенъ искусствомъ живописца, и, слѣд., дать людямъ такое художественное, которому въ живописи, конечно, не могло быть ничего равнаго. Онъ возмущался духомъ при созерцаніи будущихъ разваливъ прекраснаго храма Иерусалимскаго и плакать при мысли о предстоящемъ разрушеніи св. града. Ап. Павелъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми греческими поэтами и приводилъ ихъ изреченія для своихъ боговдохно-

венныхъ цѣлей. (Дѣян. 17, 28). Св. Церковь приняла нѣкоторыя искусства подъ свое покровительство и дала имъ мѣсто при своемъ Богослуженіи: внѣшнее и внутреннее устройство ея храмовъ, составъ и чинъ ея Богослуженія, ея обряды торжественныя и печальныя, исполнены святой поэзіи и высокой художественности. Все это показываетъ, что созерцаніе красоты природы и искусства не только естественно, но можетъ оставаться чистымъ и святымъ.

Но вопросъ о развитіи и образованіи сердца гораздо глубже. Именно спрашиваютъ, въ какомъ отношеніи стоитъ эстетическое образованіе къ нравственному. Откуда возникаетъ въ нашей природѣ потребность эстетическаго образованія сердца? По наблюденіямъ психологовъ (напр. Ульрици), эта потребность коренится въ одномъ и томъ-же нравственномъ чувствѣ, въ чувствѣ долгаго. И дѣйствительно, чувство долгаго, хотя и говоритъ намъ о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ съ нравственной стороны, но въ этомъ чувствѣ данъ только какъ бы зародышъ этого или намекъ на это. Эстетическая же сила воображенія, возбуждаемая чувствомъ долгаго, развивая этотъ зародышъ или намекъ, во внутреннемъ созерцаніи наглядно представляетъ идеальное совершенство человѣка. Это внутреннее созерцаніе нравственной красоты человѣка въ свою очередь служитъ мѣриломъ или нормою для созерцанія внѣшней красоты природы. Поэтому только и сочувствуетъ человѣкъ прекрасному въ природѣ, что созерцаетъ въ ней отображеніе своей собственной красоты. Изображеніе какого-нибудь ландшафта никогда не бываетъ художественнымъ, если оно служитъ только точною копіей того, что есть въ природѣ. Оно дѣлается художественнымъ произведеніемъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ него привносится человѣческое пониманіе и чувствованіе. Другими словами: оно становится художественнымъ произведеніемъ только тогда, когда въ немъ не просто только отпечатлѣвается природа, но изображается она такъ, что человѣкъ понимаетъ ее, чувствуетъ влеченіе къ ней. Отсюда естественно,

что, подъ вліяніемъ прекраснаго въ природѣ или искусствѣ, у насъ по преимуществу возбуждается сочувствіе ко всему, „что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала“ (Филип. 4, 8). Прекрасное есть наилучшее средство къ тому, чтобы открывать наше сердце для всего добраго. Такое дѣйствіе производитъ оно потому, что мѣриломъ всякой красоты является нравственная красота человѣка. Такимъ образомъ эстетическое образованіе, въ основѣ котораго лежитъ одно и тоже стремленіе къ должному и совершенному, помогаетъ нравственному образованію.

Но изъ того, что эстетическое образованіе помогаетъ нравственному, еще не слѣдуетъ, какъ думаютъ нѣкоторые (Шиллеръ), что будто бы первое можетъ замѣнить собою второе. Одно эстетическое образованіе не даетъ еще намъ нравственныхъ силъ и можетъ даже создавать великія затрудненія для добродѣтели. На примѣръ это ясныѣ. Представимъ себѣ какую-либо сестру милосердія съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, но съ подавленнымъ чувствомъ нравственнымъ. Найдеть ли она достаточно силъ въ одномъ своемъ эстетическомъ чувствѣ для исполненія своего долга, будучи обязана въ тиши и незамѣтно для свѣта ухаживать днемъ и ночью за больнымъ, пораженнымъ отвратительною болѣзнію? Ея развитое чувство прекраснаго не возмутится ли при видѣ безобразныхъ явленій болѣзни порученнаго ей больнаго? Одно эстетическое образованіе безъ нравственнаго можетъ даже поставлять насъ въ глубокое противорѣчіе съ нашею добродѣтелью, какъ это ясно доказали древніе греки — большіе поклонники красоты ¹⁾, и какъ это подтверждается опытомъ, что и любя прекрасное, мы сами можемъ быть безобразныѣ собственныхъ произведеній.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Н. Степанчикій.

¹⁾ См. Изъ твореній Лактанція. перев. Е. Карнеева, Спб. 1848 г. ч. I, стр. 364.

Петръ Ильичъ Чайковскій, какъ церковный композиторъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Кромѣ рассмотрѣнныхъ уже двухъ капитальныхъ церковныхъ произведеній, Чайковскій написалъ еще девять отдѣльныхъ пѣснопѣній, а именно: три херувимскихъ, „Тебе поемъ“ (перелож. обиходной мелодіи), „Достойно есть“, „Отче нашъ“, „Блажени, яже избрахъ“, „Да исправится молитва“ (тріо съ хоромъ) и „Нынѣ силы небесныя“.

Въ этихъ произведеніяхъ можно усматривать дальнѣйшій шагъ въ духовно-музыкальномъ творествѣ Чайковскаго. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается еще большее проникновеніе въ духъ церковнаго пѣнія, большее искусство въ истолкованіи пѣніемъ богослужебнаго текста и болѣе глубокое пониманіе церковнаго стиля пѣнія; въ то же самое время въ нихъ замѣтно стремленіе композитора шире примѣнять формы музыкальныхъ сочиненій къ церковнымъ пѣснопѣніямъ. Это увлеченіе музыкальными формами въ ущербъ необходимой простотѣ богослужебнаго пѣнія, даже доходитъ иногда до замѣтнаго преобладанія ихъ надъ текстомъ, который нарушается и въ отношеніи просодическомъ, и въ отношеніи своей ясности и цѣлостности.

Херувимская пѣснь № 1 (F—dur) представляетъ разработку необыкновенно пѣвучей и широкой чисто славянской мелодіи, проводимой въ партіи дисканта. Это одна изъ тѣхъ задушевныхъ мелодій, на которыя такъ способенъ былъ Чайковскій. Такъ же пѣвучи и вполне гармонируютъ съ этой основной мелодіей ея контрапункты въ другихъ голосахъ. Обработанная въ высшей степени строго, херувимская эта проникнута единствомъ настроенія и представляетъ стройное

¹⁾ См. № 15 за 1901 г.

художественное цѣлое. Она является однимъ изъ лучшихъ церковныхъ сочиненій Чайковского. Построена она въ формѣ обиходныхъ херувимскихъ, по которой всѣ четыре строфы пѣснопѣнія по музыкѣ совершенно одинаковы.

Интересна и херувимская № 2 (D—dur); она отличается уже болѣе торжественнымъ настроеніемъ. Въ „Яко до Царя“ представляющемъ по образцу херувимскихъ Бортиянскаго, самостоятельное произведеніе, имѣющее связь съ предыдущими частями только посредствомъ общей тональности, а не тематизма, на „аллилуіа“ композиторъ употребляетъ фугообразный способъ разработки мотива.

Херувимская пѣснь № 3 (C—dur), по своему общему настроенію и характеру приближается къ № 1. Здѣсь такая же широкая и пѣвучая мелодія, въ которой чувствуется родной славянскій духъ. Но этого мало; нѣкоторыя мѣста этой херувимской по своему строгому діатонизму, развитію и даже ритмикѣ мелодій какъ будто напоминаютъ мелодіи знаменныя.

Каждая строфа этого пѣснопѣнія начинается дѣтскимъ 4-голоснымъ хоромъ, при чемъ I-й альтъ имитируетъ вступительную фразу I дисканта; постепенно присоединяются мужскіе голоса (тен. 1 и 2, бассъ), и семиголосный хоръ звучитъ со всей мощностью и торжественностью. Вторая половина каждой строфы представляетъ имитациіи, построенныя въ то же время въ видѣ секвенцій. „Аллилуіа“ и въ этой херувимской разработано фугообразно.

„Тебе поемъ“ мы не можемъ назвать переложеніемъ церковнаго напѣва въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ этотъ напѣвъ (см. Обиходъ изд. 1772 г., стр. 176) невыдержанъ вполне точно, безъ измѣненій и осложненій прибавками собственнаго сочиненія композитора. Все вообще пѣснопѣніе это страдаетъ нѣкоторыми длиннотами, сокращеніе которыхъ могло бы способствовать большей ясности и простотѣ его. Излишнимъ напр. представляется это шестикратное повтореніе „Боже нашъ“ въ концѣ.

Въ „Достойно есть“ встрѣчаются погрѣшности просодическія напр. „и славнѣйшую“ вмѣсто „и славноѣйшую“ и др. Превосходное по музыкѣ мѣсто въ этомъ пѣснопѣніи на словахъ: „честнѣйшую херувимъ“ и далѣе.

„Отче нашъ“ обращаетъ на себя особенное вниманіе по соотвѣтствію музыки содержанію текста молитвы, а также по особенной ясности и стройности формы. Всѣ извѣстные намъ опыты музыкальнаго истолкованія этой возвышенной христіанской молитвы вообще не совершенны именно со стороны своего музыкальнаго содержанія. Чайковскій въ этомъ своемъ произведеніи глубже проникнулъ въ содержаніе молитвы Господней и лучше сумѣлъ выразить его музыкальнымъ языкомъ.

Послѣ обращенія, начатаго тихо и законченнаго forte широкимъ секстаккордомъ, излагаются первыя три прошенія молитвы съ проведеніемъ одного мотива, выражающаго трогательную просьбу. Четвертое прошеніе выдѣлено въ особую часть. Оно представляетъ послѣдовательную имитацию (въ кварту) во всѣхъ голосахъ чрезвычайно строгой, стильной и въ то же время выразительной мелодической фразы, разработанной съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Это повтореніе одного мотива и словеснаго предложенія („Хлѣбъ нашъ насущный“) какъ бы выражаетъ настойчивость и дерзновеніе въ молитвѣ. Эта часть пѣснопѣнія выдѣлена даже по ритму ($3/2$) и по болѣе медленному движенію, сравнительно съ предыдущей и послѣдующей частями. Остальныя три прошенія изложены уже въ стилѣ гармоническомъ, но съ такой же кристаллической ясностью формы, какъ и первыя части. Во всемъ произведеніи музыкальныя и текстуальныя части стройно совпадаютъ другъ съ другомъ.

Въ двухъ піесахъ—заупокойномъ причастномъ стихѣ „Блаженн яже избралъ“ и „Нынѣ силы“ замѣчается преобладаніе музыкальной формы надъ текстомъ, встрѣчается слишкомъ сложная контрапунктика, неодновременное произношеніе словъ и даже произвольное сокращеніе текста. Напр. въ „Нынѣ силы“ бассъ поетъ 1-й стихъ такъ: „Нынѣ силы не-

бесныя съ нами, нынѣ силы небесныя съ нами служатъ“. Впрочемъ съ чисто музыкальной точки зрѣнія и эти сочиненія весьма интересны.

За то тріо для дѣтскихъ голосовъ „Да исправится“, хотѣ и написано въ чисто контрапунктическомъ стилѣ, носитъ церковный серьезный характеръ. Въ тріо голоса имѣютъ вполнѣ самостоятельное значеніе: каждый голосъ поетъ свою мелодію, контрапунктически сплетающуюся съ другими голосами. Все пѣснопѣніе дышитъ серьезностью и молитвеннымъ спокойствіемъ. Все то, что придаетъ итальянской музыкѣ всю ея слащавость, противъ которой такъ возставалъ Чайковскій, всѣ эти округленныя мелодіи, параллелизмы въ гармоніи, ограничивающейся одними аккордами главныхъ ступеней, здѣсь отсутствуетъ. При самостоятельности голосовъ текстъ однако не слишкомъ затемняется неодновременнымъ иногда произношеніемъ словъ голосами, и слышится довольно ясно; тѣмъ болѣе что, вслѣдствіе частаго употребленія его, онъ хорошо извѣстенъ православному слушателю.

Изъ представленнаго очерка духовно-музыкальныхъ сочиненій Чайковскаго можно видѣть, что при нѣкоторыхъ частныхъ недостаткахъ ихъ въ отношеніи церковности, при преобладаніи въ нихъ технической стороны надъ содержаніемъ, они представляютъ много интереса своей идейностью. Чайковскій, несомнѣнно, творилъ не случайно; онъ не игралъ только звуками, но старался проникнуться содержаніемъ текста пѣснопѣній и выразить его музыкальнымъ языкомъ, какъ оно представлялось его воображенію и чувству. Эта особенность ихъ, въ связи съ техническимъ совершенствомъ, придаетъ имъ важное значеніе и ознакомленіе съ ними хоровъ и слушателей имѣло бы благотворное вліяніе на развитіе у насъ болѣе серьезнаго вкуса и пониманія церковной музыки. Въ этомъ отношеніи самъ Чайковскій весьма вѣрно опредѣляетъ

значеніе своихъ церковныхъ произведеній, когда сказалъ: „я, быть можетъ, окажу серьезную услугу нашему богослужебному пѣнію въ томъ смыслѣ, что по мѣрѣ силъ буду способствовать къ отрезвленію его отъ чуждыхъ элементовъ, глубоко вкоренившихся въ него, вслѣдствіе дѣятельности разныхъ итальянцевъ прошлаго вѣка и ихъ учениковъ“¹⁾.

Къ сожалѣнію, сочиненія Чайковскаго не пользуются той распространенностью и любовью нашихъ церковныхъ хоровъ, какой они заслуживаютъ. Только въ самое послѣднее время въ этомъ отношеніи замѣчается благопріятный поворотъ: все чаще приходится читать сообщенія объ исполненіи какъ отдѣльныхъ пѣснопѣній, такъ и цѣлыхъ службъ изъ сочиненій Чайковскаго.

Въ заключеніе нужно сказать, что Чайковскій оказалъ еще одну важную услугу церковному пѣнію тѣмъ, что просмотрѣлъ, исправилъ (особенно въ ритмическомъ отношеніи) и снабдилъ своими замѣчаніями новое изданіе сочиненій Бортвианскаго.

В. Петрушевскій.

Что читаетъ народъ.

Всякому извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ въ народной средѣ полезная книга. Здѣсь она—*главный, основной* источникъ знанія и *самый доступный* путь къ развитію личности. Эти безмолвные учителя, разсѣявшись по глухимъ селамъ, научатъ многихъ и многому и будутъ довершать дѣло школы. Никто, говоритъ одинъ писатель, не можетъ провести часа за чтеніемъ хорошей книги, не сдѣлавшись отъ того лучше и счастливѣе и не только на это время; воспоминаніе о немъ

¹⁾ Рус. Обзор., 1893 г., ноябрь.

остаётся въ видѣ запасовъ свѣтлыхъ и добрыхъ мыслей, къ которымъ мы можемъ обращаться, когда захотимъ“.

Такое значеніе книги въ народной средѣ обусловливаетъ ту огромную важность, какую представляетъ для всѣхъ трудящихся на нивѣ народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ слѣдовательно, и для пастырей церкви, вопросъ: *что читаетъ народъ*. На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Одни полагаютъ, что никакой особой литературы для народа существовать не должно, что общая „сокровищница человѣческаго духа“ можетъ и должна быть вполне доступна народному пониманію и воспріимчивости и что весь вопросъ сводится къ удешевленію способовъ ея распространенія. Другіе признаютъ необходимымъ созданіе спеціальной народной литературы, которая, исходя изъ изученія и пониманія истинныхъ интересовъ народной души,—давала-бы произведенія вполне отвѣчающія этимъ настроеніямъ, затрагивающія самыя интимныя стороны народной жизни. Третьи утверждаютъ, что народная литература должна пока преслѣдовать просвѣтительныя цѣли, т. е. быть по преимуществу собраніемъ популярныя книгъ, имѣющихъ цѣлю распространеніе религіозно-нравственныхъ, а равно—точныхъ, реальныхъ знаній и т. п.

Не вдаваясь въ детальную оцѣнку всѣхъ приведенныхъ нами по этому поводу мнѣній, мы замѣтимъ, что *не все вопросы мысли и жизни*, какъ говоритъ опытъ, *въ одинаковой степени* интересуютъ простонароднаго читателя, а потому въ *выборъ* книгъ для народнаго чтенія вообще надо быть *очень осторожнымъ*. Въ этомъ отношеніи на основаніи своего личнаго опыта и главнымъ образомъ, судя по различнымъ библиотечнымъ отчетамъ, считаемъ нужнымъ дать слѣдующія, болѣе частныя указанія.

1) *Охотнѣе* всего читаетъ народъ, особенно-же люди пожилые, *книги религіознаго* содержанія, „божественныя“ вообще, и *болѣе всего житія святыхъ* подвижниковъ, при чемъ каждый обязательно беретъ житіе своего святого; потому берутся книги исключительно религіозно-нравственнаго содер-

жанія, а женщины почти круглый год читаютъ ихъ. Всякому извѣстно, какое глубокое уваженіе питаетъ нашъ простолюдинъ къ жизнеописаніямъ свв. подвижниковъ. Чтеніе житій возбуждаетъ его къ чистой святой жизни и къ борьбѣ со зломъ, побѣжденнымъ уже другимъ, подобнымъ ему человекомъ, и такимъ образомъ дѣйствуетъ на него сильнѣе самой краснорѣчивой проповѣди. Для подтвержденія сказаннаго сошлемся на свидѣтельство такого писателя, какъ Ф. М. Достоевскій, который весьма близко зналъ народъ. „По всей землѣ русской, говоритъ онъ,—чрезвычайно распространено знаніе Четыхъ-Миней—о, не всей, конечно, книги, но распространенъ духъ ея, по крайней мѣрѣ. Есть чрезвычайно много рассказчиковъ и рассказчицъ о житіяхъ святыхъ. Рассказываютъ они изъ Четыхъ-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни одного лишняго слова отъ себя, и ихъ заслушиваютъ. Я самъ въ дѣтствѣ слышалъ много рассказовъ прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти рассказы даже въ острогахъ у разбойниковъ, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгѣ, а заучиваются наизусть. Въ этихъ рассказахъ про святыхъ мѣста заключаются для русскаго народа, такъ сказать, нѣчто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притѣснители получали не рѣдко страстное и неудержимое желаніе идти странствовать, очиститься труднымъ подвигомъ. Если не на Востокъ, не въ Иерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ“¹⁾).

Въ послѣднее время чаще другихъ требуются также *книги и брошюры, объясняющія значеніе постоянныхъ принадлежностей церковнаго богослуженія, или содержащія общепонятное изслѣдованіе разнаго рода предрасудковъ и суевѣрій, царящихъ среди сѣраго люда, противъ которыхъ ведется неуклон-*

¹⁾ „Дневникъ писателя“ 1872 г., стр. 25.

ная борьба съ церковной каедры, напр.: 1) „Восковая церковная свѣча“, изд. редакціи „Троицкихъ Листковъ“, 2) „Что такое просфора?“ того-же изд., 3) „Нѣскольکو словъ по поводу сказанія: „Сонъ пресвятой Богородицы“, одобрен. С.-Петербургскимъ духовн.-цензурн. комитетомъ, 4) „О двѣнадцати пятницахъ“, изд. редакціи „Троицкихъ Листковъ“ и 5) „Что такое масленица?“ того-же изд.

2) Послѣ „божественнаго“, народъ *особенно любитъ историческое* чтеніе, носящее характеръ эпизодическій, рисующее или великія реформы, благодѣтельныя для человечества, или великихъ людей, съ честью послужившихъ своей родинѣ. Книги историческаго содержанія читаются по преимуществу парнями, которые учили когда-то краткую русскую исторію и желаютъ расширить свои знанія.

3) Затѣмъ народъ любитъ *классическія* произведенія русской словесности: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и др. всѣмъ охотно слушаются и читаются. Пѣсни, былинны и сказки близки и понятны народу, какъ его собственное созданіе. Читаются, въ общемъ, съ большою охотою народомъ повѣсти, романы и рассказы, но и въ нихъ народъ ищетъ не простое развлеченіе, а нравственный выводъ. Мальчики отъ 9 до 15—16 лѣтъ любятъ читать повѣсти, рассказы и сказки¹⁾.

4) Брошюры по міровѣдѣнію и естественной исторіи и вообще научно-практическаго характера спрашиваются съ гораздо меньшей охотою, что объясняется не отсутствіемъ интереса къ книгѣ,—а *плохимъ составленіемъ подобныхъ брошюръ*, въ которыхъ и языкъ, и изложеніе, и самый подборъ научныхъ фактовъ не приспособлены для простаго человѣка.

Въ частности, книги по сельскому хозяйству спрашиваются не особенно, потому что на этомъ пути крестьянинъ воспринимаетъ по преимуществу живой примѣръ...

¹⁾ „Сказки, говоритъ Э. Лабула, представляютъ собою извѣстный идеаль; онѣ болѣе истинны, чѣмъ сама истина; онѣ являются триумфомъ добра, красоты и справедливости...“.

Но въ послѣднее время, послѣ цѣлаго ряда злополучныхъ въ хозяйственномъ отношеніи годовъ, спросъ и на нихъ замѣтно увеличивается, крестьянинъ начинаетъ, наконецъ, понимать, что такъ вести хозяйство, какъ вели его отцы и дѣды, далѣе уже нѣтъ возможности... „Чтобы сельскохозяйственная книга, говоритъ „Хуторянинъ“, преслѣдующая практическія цѣли, могла заинтересовать болѣе или менѣе значительное число лицъ, она должна быть приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ; сельскохозяйственная дѣятельность болѣе, чѣмъ кака-бы то ни была другая, зависитъ отъ условій той мѣстности, въ которой она происходитъ. Поэтому, такіе существенные вопросы какъ вопросы объ удобреніи, объ обработкѣ полей, о приемахъ для сохраненія влаги, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе и далеко не одинаково разрѣшаются для разныхъ мѣстностей, а книга, трактующая объ этихъ вопросахъ, можетъ представлять громадный интересъ въ одной мѣстности и въ то-же время быть совершенно непригодна для другой. Книгъ-же, которыя-бы давали отвѣты на наиболѣе интересные для нашей мѣстности вопросы и разрѣшали-бы эти вопросы сообразно съ мѣстными условіями земледѣльческой жизни, очень мало“.

Для подтвержденія своей мысли газета указываетъ на успѣхъ, какой имѣетъ брошюра г. Чикаленко: „Размова про сельское хозяйство“. Очевидно, что деревня наша интересуется и можетъ оцѣнить сельскохозяйственную книгу, считающуюся съ мѣстными нуждами и мѣстными условіями. „Кромѣ того, существуетъ масса вопросовъ изъ области фізіологін растений и агрономической химіи, которые, освѣщая земледѣльческую дѣятельность, могутъ представить въ то-же время большой интересъ и съ общеобразовательной точки зрѣнія. И книги по этимъ вопросамъ нашли-бы среди подписчиковъ сельскихъ библиотекъ достаточно читателей; къ сожалѣнію, и такихъ книгъ, приспособленныхъ къ требованію деревенскаго люда, тоже существуетъ очень немного“¹⁾.

¹⁾ „Хуторянинъ“ за 1898 г., № 10.

Кромѣ того, книги по сельскому хозяйству, въ которыхъ указываются рациональные способы обработки земли и ея продуктовъ посредствомъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, — нисколько не интересуютъ русскаго простолюдина вслѣдствіе, вѣроятно, неумѣнія послѣдняго обращаться съ этими орудіями и его крайней безпомощности даже при самой незначительной порчѣ въ ихъ механизмѣ. Этотъ крайне грустный фактъ особенно поучителенъ для нашихъ земскихъ дѣятелей, такъ-какъ онъ рельефно указываетъ на настоятельную необходимость ознакомленія нашего крестьянина съ кузнечнымъ и слесарнымъ ремеслами, недавно назрѣвшую потребность пріучить его обращаться умѣло со сталью при починкѣ главнѣйшихъ принадлежностей своего сельско-хозяйственнаго инвентаря, безъ участія иногда дорогого или же далеко проживающаго отъ него мастера, — подобно тому, какъ онъ обращался и доселѣ обращается безъ посторонней помощи, напр. съ лозою, лубомъ, деревомъ, пенькою, когда плететь изъ нихъ для себя лапти и корзины, мастерить деревянные бороны и грабли, вѣсть веревки и т. п.

Изъ выше сказаннаго отбѣняются довольно ярко требованія читателей изъ простонародья: требованія ихъ отвѣчаютъ запросамъ скромной трудовой крестьянской жизни: въ нихъ прежде всего проглядываетъ стремленіе читателя къ религіозно-нравственному усовершенствованію, любознательность къ научно-практическимъ свѣдѣніямъ, соединенная съ желаніемъ извлечь изъ книги пользу, а не одно лишь развлеченіе; слѣдуетъ, кромѣ того, прибавить, что, примѣчается въ настоящее время интересъ къ сельско-общественной жизни, для удовлетворенія котораго читатели знакомятся съ „Сельской общественной службой“ — Блинова, „Руководствомъ для сельскихъ старостъ“ — Чижова, брошюрой: „Что такое подати“ и газетой — „Сельскій Вѣстникъ“, а также читаютъ сборникъ книжекъ, въ общемъ представляющихъ собой извлеченія статей изъ „Свода Законовъ Россійской Имперіи“ и „Уложенія о наказаніяхъ“, весьма полезныхъ и какъ нельзя болѣе при-

годныхъ для разныхъ случаевъ изъ обыденной жизни нашего простолюдина, изданныхъ, съ дозволенія цензурнаго комитета, А. Я. Капторовичемъ, въ 18 выпускахъ; напр.: 1) О судебныхъ установленіяхъ, 2) О правахъ состоянія сельскихъ обывателей, 3) О преступленіяхъ противъ вѣры, 4) О духовныхъ завѣщаніяхъ, 5) О преступленіяхъ и проступкахъ противъ собственности частныхъ лицъ, 6) О наймѣ слугъ и рабочихъ и друг.

Зная юридическую безпомощность нашего простолюдина, нельзя отъ души не порадоваться стремленію его обращаться къ книжнымъ совѣтамъ при разныхъ своихъ жизненныхъ невгодахъ. Частыя сдѣлки по куплѣ и продажѣ полевыхъ земель и прочихъ угодій, не менѣ частыя заключенія договоровъ—по найму на отхожіе промыслы въ разные губерніи, семейные раздѣлы, составленія духовныхъ завѣщаній и т. д.,— все это, а равно все юридическія тонкости, сопровождающія обыкновенно названные акты, въ большинствѣ случаевъ, поставляютъ нашего крестьянина въ затруднительное положеніе. А между тѣмъ существуетъ законоположеніе, въ силу котораго „никто не долженъ оправдываться незнаніемъ закона“. Правда, въ данномъ случаѣ приходятъ иногда на помощь крестьянамъ адвокаты, но до настоящихъ адвокатовъ, людей добросовѣстныхъ и свѣдущихъ юристовъ, крестьянину, по бѣдности своей, далеко: отъ всѣхъ-же прочихъ лицъ, занимающихся у насъ адвокатурой, такъ называемыхъ „аблакатовъ“—избави его Боже! Процедура сношенія „аблакаты“ съ нашими крестьянами возмутительна до крайности! Крестьяне платятъ ему свои потомъ добытые рубли, покупаютъ безчисленное множество гербовыхъ марокъ, ставятъ угощеніе, и за это получаютъ отъ него безсмысленныя и зачастую безграмотно написанныя прошенія, не приносящія имъ, разумѣется, никакой пользы. Намъ лично извѣстны многіе крестьяне, бывшіе прежде зажиточными, а теперь буквально обѣднѣвшіе вследствие долготѣянаго сношенія съ „аблакатами“.—Единственный выходъ изъ такой горестной юридической безпомощ-

ности, единственное надежное средство избѣжать тяжелой необходимости входить въ разорительное общеніе съ различными проходимцами-хищниками, занимающимися деревенской адвокатурой,—это приобрѣтеніе нашимъ крестьянникомъ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ важнѣйшими дѣйствующими уголовными и гражданскими законами.

Что касается, наконецъ, періодическихъ изданій, то и въ селѣ они не остаются безъ спроса. Правда, толстые журналы почти совсѣмъ не встрѣчаются среди крестьянскаго населенія. По словамъ одной учительницы Московской губерніи, „наши крестьяне не любятъ читать журналовъ: они любятъ читать только такія книги, начало и конецъ которыхъ заключается въ одномъ переплетѣ“. Но газеты, какъ ежедневныя, такъ и еженедѣльныя, совсѣмъ другое дѣло.

По свѣдѣніямъ Московскаго статистическаго отдѣленія, еще въ 1883 году въ губерніи выписывалось крестьянами до 350 экземпляровъ газеты; по свѣдѣніямъ Новгородскаго губернскаго земства, въ губерніи въ 1884 году выписывалось крестьянами до 120 экземпляровъ газеты. Какъ ни малы эти цифры, но онѣ показываютъ, что потребность въ періодической прессѣ между крестьянскимъ населеніемъ *существуетъ, а главное—растетъ*. Такъ, по свѣдѣніямъ А. С. Пругавина, въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, крестьяне выписывали газеты въ 1872 г. 12 экземпляровъ, а въ 1888 г.—57, т. е. почти вѣтеро больше. Въ настоящее-же время, какъ намъ лично извѣстно изъ опыта, почти каждый грамотный, если не выписываетъ, то старается какимъ-либо образомъ добывать газеты для чтенія, хотя-бы за прежніе годы...

Всѣ эти факты какъ нельзя лучше показываютъ насколько назрѣлъ въ настоящее время вопросъ о необходимости періодическаго изданія для народа. Пора, давно пора людямъ, искренно сочувствующимъ народнымъ нуждамъ, серьезно подумать объ удовлетвореніи этой потребности. Это тѣмъ болѣе необходимо, что для удовлетворенія назрѣвшей потребности выступаютъ часто такіе элементы, отъ которыхъ менѣе всего

можно ожидать, что они въ своихъ органахъ будутъ проводить „разумное, доброе, вѣчное“. Поэтому нельзя не приветствовать дѣлаемыхъ въ этомъ родѣ попытокъ. Какъ на одну изъ болѣе удачныхъ,—можно указать на органъ Вятскаго губернскаго земства — „Вятскую газету“ (ц. 2 р.), предназначенную по преимуществу для читателей-крестьян¹⁾. О вліяніи ея на среду и отношеніи къ ней населенія можно судить по отвѣтамъ читателей, собраннымъ Вольно-экономическимъ обществомъ.

Итакъ, народная бібліотека должна быть снабжена и книгами, и періодическими изданіями, не исключая иллюстрированныхъ,—всѣмъ, что есть лучшаго по содержанію, занимательнаго и популярно написаннаго въ отдѣлахъ: религіозно-нравственномъ, литературномъ, географическомъ, по естествовѣдѣнію, сельскому хозяйству и законовѣдѣнію. Что все это нужно для сельскаго жителя—едва-ли кто-нибудь будетъ оспаривать, и что на все это будетъ спросъ—доказывается вышеприведенными данными.

Кромѣ того, въ настоящее время, когда количество дѣвочекъ, учащихся въ школахъ, не велико, число читательницъ въ бібліотекахъ представляетъ тоже незначительный процентъ общаго числа, но съ развитіемъ начальнаго женскаго обра-

¹⁾ Заслуживаютъ также особенной рекомендаціи, по своей дешевизнѣ и содержанію, слѣдующія народныя изданія: „Сельскій Вѣстникъ“ (при Правит. Вѣстн.), съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ книжекъ смѣшаннаго содержанія, подъ названіемъ: „Богъ-Помощь“ (ц. 2 р.); „Русское Чтеніе“, выходящее два раза въ недѣлю, съ рисунками и картинками, въ С.-Петербургѣ (ц. 2 р. 50 к.); „Крестьянское Хозяйство“ (въ ред. жур. „Деревня“), въ С.-Петербургѣ (ц. 1 р.); „Хуторянинъ“—органъ Полт. Г. земства (ц. 2 р.); а изъ духовныхъ—: „Отдыхъ Христіанина“ съ бесплатнымъ приложеніемъ книжекъ „Трудовая Жизнь“, въ С.-Петербургѣ (ц. 3 р.); „Другъ Трезвости“, издаваемый тамъ же (ц. 2 р.); „Душеполезное размышленіе“ (ц. 2 р.); „Воскресеніе“ (ц. 3 р.); „Троицкіе Листки“ (выпускъ, состоящій изъ 50 листовъ, стоитъ 40 коп.); „Бесѣда“, въ Варшавѣ (ц. 1 р. 50 к.); „Почаевскій Листокъ“ (ц. 2 р. 50 к.).

зованія *необходимо* озаботитися придбаннямъ книгъ по *воспитанію* и такихъ произведеній по беллетристикѣ, гдѣ *изображається семья и взаимныя отношенія между ея членами.*

Кандидатъ богословія *Иванъ Самойловичъ.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Огъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяється. Кіевъ, 17 апрѣля 1901 г.

Цензоръ, экстр.-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ, Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1901 года, апрѣля 29-го.

Содержаніе: Особенныя надписавія надъ пѣснопѣніями Цвѣтной Тріоди; правильное пользованіе молитвословіями этой книги. — Отлученіе отъ Церкви. — О взаимныхъ отношеніяхъ между членами причта. — Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія (продолженіе).

Особенныя надписанія надъ пѣснопѣніями Цвѣтной Тріоди; правильное пользованіе молитвословіями этой книги.

Какъ извѣстно, въ Цвѣтной Тріоди по подобію поемымъ съ нею Миневѣ и Октоиху, надъ молитвословіями и пѣснопѣніями надписываются слова: „подобень“, „самогласень“, „самоподобень“ или „подобны“, „самогласны“, „самоподобны“: изд. 1882 г., л. 22-й на об. (стихиры: „Живопріемнаго Источника“ на Господи воззвахъ—„подобень“; „Вся возложше“), 84 (по 2-мъ стихословіи сѣдалень, гл. 3 „Вся человѣческая воспріимъ“...—„подобень“: Красотѣ дѣвства“), 97 на об. (на стиховнѣ стихиры „самогласны“ гл. 1-й: „Пятидесятницы наста дней преполовленіе“...), 164-й на стиховнѣ стихиры „самогласны“, гл. 2: „Родился еси, яко самъ восхотѣлъ еси.“

вознесся еси во славу, всяческая исполняй“...) и др. Эти указания, печатаемые и в Типиконѣ надъ молитвословіями и пѣснопѣіями, нѣкоторымъ изъ священнослужителей не вполне понятны, какъ показываютъ ихъ запросы. Что же они означаютъ? Надписаніе пѣснопѣіія словомъ „подобенъ“— *προσῳδίου, ὁμοίου* — показываетъ, что первое со стороны со- держанія, нерѣдко размѣра, или тона, а иногда того и дру- гого вмѣстѣ подобно другой извѣстной пѣсни, именно той, начальныя слова какой указаны далѣе за словомъ „подобенъ“. Очевидно, что подъ словомъ тонъ здѣсь разумѣется не одинъ какой либо звукъ, отдѣльно взятый, но соединеніе многихъ звуковъ, которые, слѣдуя одинъ за другимъ преемственно или въ различныхъ переливахъ, но въ предѣлахъ того или другого музыкальнаго лада, составляютъ какъ бы тоническую рѣчь, направленную къ выраженію того или иного чувства. Ска- жемъ, однако, для ясности дѣла пообстоятelnѣе. Все наше церковное пѣніе со времени св. Іоанна Дамаскина раздѣлено на восемь такъ именуемыхъ гласовъ, соотвѣтствующихъ по значенію восьми музыкальнымъ тонамъ древнихъ Грековъ, носившимъ, по различію музыкальныхъ ладовъ (каковы, напр., ре, ми, фа, соль, ля, си, до, ре; ми, фа, соль и т. д.; фа, соль, ля и т. д.; соль, ля, си, до и т. д. и друг.; ля, си, до, ре, ми и т. д.; си, до, ре, ми и т. д.; до, ре, ми, фа и т. д.), въ предѣлахъ которыхъ каждый изъ нихъ вращался, свои особенныя названія: дорійскій, фригійскій, лидійскій и др. Итакъ, каждому гласу свойственъ извѣстный напѣвъ, такъ сказать, извѣстный ходъ музыкальной рѣчи (характеръ напѣва осмогласія всегда выражаетъ мысль текста пѣснопѣіи, есть та-же рѣчь, только музыкальная), выражающей въ при- своенномъ гласу ладѣ. Но есть въ осмогласіи церковномъ пѣснопѣіія (и ирмосы, напр.), которыя, хотя отнесены къ извѣстному гласу—напѣву, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ напѣвъ нѣсколько отличный отъ настоящаго напѣва гласа, съ сохра- неніемъ, однако, свойственнаго гласу характера въ суще- ственномъ. Напѣвъ этихъ пѣснопѣіи берется за образецъ

для исполненія другихъ священныхъ пѣсней, сходныхъ съ ними по размѣру и содержанію, называющихся „подобными“. А потому, если надъ стихирою читаемъ надписаніе, напр.: гласъ 1-й „подобень“: „Небесныхъ чиновъ“ (стихиры на Господи возвахъ бываютъ „подобны“ названной самогласной стихирѣ Октоиха 1-го гласа: „Небесныхъ чиновъ радованіе“, — довольно часто: л. 52-й Типикона, изд. 1882 г., послѣд. 1 сент.; л. 61, послѣд. 8 сент.; л. 71-й, послѣд. 14 сент. и др.),—или гласъ 2 „подобень“: „Доме Евфраѳовъ“ (тоже часто читаемъ такое надписаніе надъ стихирами на стиховнѣ, къ какимъ относится и сія самогласная стихира 2-го гл. въ нед. св. отецъ предъ Рождествомъ Христовымъ: л. 122, послѣд. 13. Нояб.; л. 137, послѣд. 23 Нояб. и др.), то это значить, что стихира, имѣющая такое надписаніе, по гласовой мелодіи, по размѣру своему сходна съ стихирою перваго же гласа (въ первомъ изъ упомянутыхъ случаевъ), начинающейся словами: „Небесныхъ чиновъ“, или же 2 гласа (какъ во второмъ случаѣ), начальныя слова которой: „Доме Евфраѳовъ“, иначе—что пѣть ее надо не настоящимъ, нормальнымъ напѣвомъ 1-го гласа, но именно тѣмъ, какой составленъ особо для этой стихирѣ—Небесныхъ чиновъ“ или „Доме Евфраѳовъ“. Въ Богослужебныхъ книгахъ есть указаніе о пѣніи на подобны во всѣхъ восьми гласахъ; въ нотныхъ же церковныхъ книгахъ, а также и въ древнихъ пѣвческихъ рукописяхъ, находимъ напѣвы „подобны“ только въ гласахъ 1, 2, 4, 5, 6 и 8; въ гласахъ же 3-мъ и 7-мъ напѣвовъ „подобныхъ“ не встрѣчаемъ. Въ древнихъ рукописяхъ нотно-церковныхъ при названіи „подобень“ находимъ приисочныя слова: „на 6 строкъ“; „на 9 строкъ“ и др. под. Разсматривая музыкальное построеніе напѣвовъ тѣхъ же подобныхъ, замѣчаемъ, что число музыкальныхъ паузъ, или иначе остановокъ, задержаній въ пѣніи соотвѣтствуетъ числу строкъ означенному въ заглавіи; такъ, въ напѣвѣ того подобнаго, въ которомъ приписано—„на 6 строкъ“, находимъ 6 музыкальныхъ остановокъ. Сличая же музыкальный раз-

мѣръ осмогласныхъ церковныхъ пѣснопѣній съ размѣромъ самаго текста послѣднихъ, усматриваемъ, что музыкальныя остановки выше названныя большею частію соотвѣтствуютъ остановкамъ въ рѣчи, въ текстѣ указаннымъ. А такъ какъ пѣснопѣнія у древнихъ, особенно же стихиры и ирмосы, писались исключительно стихами, то обычно строка музыкальна подобнаго въ напѣвѣ совпадала со стихомъ текста. Изъ этого же слѣдуетъ, что не каждое пѣснопѣніе можно пѣть напѣвомъ подобнаго, а только именно то, какое составлено по образцу подобнаго,—иначе говоря, текстъ котораго подраздѣляется на число строкъ подобнаго. Вотъ почему въ Богослужбныхъ книгахъ священныя пѣснопѣнія, какія Уставомъ положено пѣть на „подобень“, озаглавливаются надписью „подобень такой то“, и самый текстъ раздѣленъ на строки звѣздочками. Какъ сказали уже въ Богослужбныхъ книгахъ при словѣ „подобень“ указывается гласъ, на какой должно быть поемо молитвословіе съ такимъ надписаніемъ, при чемъ гласъ этотъ одинаковъ обычно съ гласомъ пѣснопѣнія, послужившаго образцомъ. Исключеніемъ, однако, служатъ свѣтильны, поемые на утренѣ по 9-й пѣсни канона и малой ектеніи (л. 21-й Типикона и 30 на об. изд. 1882 г.): они есть „подобны“, не имѣющіе надписанія гласа. Въ Октоихѣ къ свѣтильнамъ седмицы, называемымъ также экзапостилляріями, присоединяется слово: „самопѣсно“—*αὐτοπέλοιο*: л. 347-й, изд. 1882 г., ч. 2-я. Но предъ сими свѣтильнами надписывается слово „подобень“ потому, что они все же были составлены по образцу (въ отношеніи содержанія, размѣра) другихъ извѣстныхъ пѣснопѣній и только поются не на гласъ пѣсней, послужившихъ имъ образцомъ, почему и „самопѣсны“. Есть, затѣмъ, такія священныя пѣснопѣнія, при составленіи которыхъ не служила образцомъ никакая пѣснь ни въ содержаніи, ни въ размѣрѣ, ни въ гласѣ напѣва. Эти пѣснопѣнія уже не надписываются словомъ „подобень“, а извѣстны съ надписями одни „самоподобныхъ“, а другія „самогласныхъ“. Предъ послѣдними пѣснопѣніями, не смотря на такое надпи-

саніе ихъ—„самогласны“,—гласъ Октоиха, на какой они должны быть помы, все же обозначается, какъ усматривасмъ и изъ приведенныхъ выше, относящихся къ симъ пѣснопѣніямъ, цитатъ: стихиры на стиховнѣ на Преполовеніе и Вознесеніе Господне—л. 97 на об. и 164 въ Трїоди Цвѣтной изд. 1882 г.; см. еще: л. 142-й—стихиры на Господи воззвахъ „самогласны“ гл. 2. въ нед. о слѣномъ; 157-й—на Господи воззвахъ стихиры „самогласны“ гл. 3-й въ отданіе Пасхи; 210-й—на стиховнѣ стихиры „самогласны“ гл. 6 и др. Составители сихъ пѣснопѣній назвали оныя „самогласными“—*ιδιόμελα*—т. е. имѣющими для самихъ себя собственные гласы на томъ достаточномъ основаніи, что со стороны тона и размѣра пѣнія они не подобны другимъ пѣснопѣніямъ; что гласъ, указанный при „самогласныхъ“, выбранъ соотвѣтственно лишь содержанію ихъ самихъ, совершенно независимо ни отъ какихъ другихъ пѣснопѣній, которыя были бы образцомъ для нихъ или по содержанію или по размѣру. Въ заключеніе о „самогласныхъ“ скажемъ, что такое наименованіе дано по преимуществу стихирамъ на Господи воззвахъ и на стиховнѣ (тѣ же цитаты, что предъ симъ) и большею частію на двенадцатые и иные великіе праздники. Что касается „самоподобныхъ“, то къ нимъ принадлежать такія пѣснопѣнія два или три, которыя, будучи написаны не по подобію другихъ пѣсней, сами между собою сходны и мѣстами даже до буквальности; такъ, они одни совершенно сходны по началу, другія же и по началу, и по концу: сравн. въ субботу седмицы 3-й по Пасхѣ на стиховнѣ стихиры самоподобны—„Егда отъ древа Тя мертва Аримаѳей снятъ“...—на листѣ 81-мъ Трїоди Цвѣтной изд. 1882 г., а также стихиры на стиховнѣ на Великой вечерни 14 сент. въ Миней сентябрьской. л. 85 на об. изд. 1882 г., и въ недѣлю Сыропустную кондакъ и икосъ „самоподобны“ по 6-й пѣсни канона на утренѣ, на л. 68-мъ Тр. Пост. изд. 1882 г. При „самоподобныхъ“, однако, обозначается гласъ, на какой ихъ должно пѣть. Установленіе пѣснопѣній „самоподобныхъ“, какъ

и „самогласных“, и „подобных“, принадлежить къ довольно раннимъ явленіямъ въ пѣнни христіанской Церкви. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій (XVII в.) пишетъ, что св. Іоаннь Дамаскинъ, пересматривая уставъ св. Саввы ¹⁾, внесъ въ сей

¹⁾ Нѣкоторые говорятъ, будто у Кирилла Скифопольскаго, вскорѣ послѣ смерти св. Саввы, которая послѣдовала въ 532 г., подробно описавшаго жизнь его и упоминающаго при семъ и о томъ, что св. Савва предъ смертію своею далъ завѣщаніе старцамъ лавры ненарушимо сохранять правила, введенныя имъ въ монастыряхъ своихъ, вручивъ оныя поставленному имъ на свое мѣсто игуменомъ пѣкоему Мелиту Беританину и на бумагѣ,—выставляются правила общежитія для устроения нравственности и потому это совсѣмъ не тотъ извѣстный нынѣ уставъ церковнаго послѣдованія св. Лавры Іерусалимской св. Саввы, Богоноснаго отца, который, состоя пзъ 59 главъ издавна, соблюдался и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ Палестинскихъ; будто сей послѣдній, поему не такого ужъ древняго происхожденія, чтобы на него можно было считать, какъ на истинный авторитетъ, въ области Богослужбной, что дѣласть Церковь Восточная: Τύκην οὖν Θεῶ ἀγίω, παραιῦο παῖαν τ. διατάξιν—Venetiis 163. 1615. 1643. Но, во 1-хъ, Кириллъ ничѣмъ не даетъ знать, что подъ упомянутыми правилами разумѣетъ нравственныя правила, а не правила церковнаго Богослуженія. А во 2-хъ, изъ того же самаго жизнеописанія Кирилла усматриваемъ, что правила, какія по временамъ назначалъ св. Савва для Лавры, относились именно къ церковно-богослужбнымъ послѣдованіямъ. Потому то, безъ сомнѣнія, крайне драгоцѣнны тѣ черты устава св. Саввы Освященнаго, которыя сохранилъ въ своемъ описаніи житія его Кириллъ Скифопольскій. Въ сохранившемся жизнеописаніи св. Евенмія, жившаго ранѣе св. Саввы Освященнаго, тотъ же Кириллъ такъ передаетъ предсмертное наставленіе св. Евенмія: „братія! храните со всей точностію обыкновенныя церковныя славословія и уставъ, прежде вамъ данный“. Такъ какъ монастырь св. Евенмія уже послѣ его кончины обращенъ въ общежитіе, а при немъ, какъ и монастырь Саввы, былъ лаврою, то уставъ св. Саввы по сущности былъ тотъ же, что и уставъ Евенмія, или уставъ, какъ говоритъ св. Евенмій, „преданный вамъ прежде отцами“, т. е. исповѣдникомъ Харитономъ, написавшимъ около 270 г. по Рожд. Христов.—правила для жизни монаховъ и чина Богослуженія для Палестинской лавры: „Жизнь св. отца нашего Евенмія, описанная Кирилломъ Скифопольскимъ на греч. и лат. яз. у Котельера; Monim. escl. graec. въ русск. переводѣ въ Христ. Чтен. 1824 г. ч. 15. Потому то Стумеонъ Солунскій, извѣстный въ особенностяхи „Изложеніемъ литургіи съ историческимъ, догматическимъ и таинственнымъ толкованіемъ на нее“ (въ 1429 г.; переведена на русск.

уставъ правила о пѣніи каноновъ и „подобныхъ“, и „самогласныхъ“, и „самоподобныхъ“ пѣсней, составленныхъ имъ

изъ съ дополнен. и разъяснен. Ив. Дмитревскимъ¹, писалъ объ уставѣ Иерусалимскомъ, что оный составилъ св. отецъ нашъ Савва, принявъ его отъ св. Евѳимія и Теоکتиста (другъ Саввы Освященнаго); а они приняли оный отъ св. исповѣдника Харитона („Историч. обозр. пѣснопѣвц. Ф. А. Ч., изд. 2-е, л. 209 и слѣд.). Совѣтъ другое дѣло,—сохранился ли въ извѣстномъ намъ нынѣ уставѣ св. Саввы весь точный видъ правилъ, преданныхъ на бумагѣ св. Саввою для монастырей. Утверждать этого нельзя. Изъ исторіи Богослужбныхъ пѣснопѣній извѣстно, что значительная часть церковныхъ пѣсней вошла въ составъ Богослуженія уже въ 8, 9 и слѣд. по 14 вѣк., а нѣкоторая часть ихъ и позже; между тѣмъ указаніе на такія пѣсни есть въ Типиконѣ. Слѣдовательно Типиконъ дополненъ разными лицами уже въ позднѣйшее время. Вотъ кто были главные дополнители Типикона, какъ можно судить уже на основаніи вышесказаннаго объ авторахъ церковныхъ пѣснопѣній Трїюди Цвѣтной. Первымъ дополнителемъ Типикона можно считать св. Софронія, патр. Иерусал. (7 в.). При разрушеніи Лавры Палестинской войскою Хозроя (614 г.), уставъ св. Саввы былъ затерянъ; во Софроній отыскалъ его, исправилъ, дополнилъ и ввелъ въ употребленіе въ подвѣдомственныхъ ему церквахъ: *Allat. dissert. de libris graec. Eccl. p. 5 et seq.* Въ 8 в. св. Косма Маюмскій и затѣмъ св. Іоаннъ Дамаск., обогативъ православное Богослуженіе своими пѣснопѣніями, какъ ими, такъ равно и многими правилами относительно дополнили и Уставъ церковный (*Poemata Sacra, ed ab Abdo Manutio venet, 1501; Иерохоосѣ. Іооѣ. 175. 1677 Ευαγγελιου. Истор. обозр. пѣснопѣвц. Ф. А. Ч. Изд. стр. 267, 287 и др.*). Таковымъ Уставъ церковный скоро вошелъ въ употребленіе въ церквахъ греческихъ и особенно въ Студійской обители въ Константинополѣ. Теодоръ Студитъ въ 9 в., также творецъ многихъ церковныхъ пѣснопѣній, дополнилъ еще правилами Уставъ не только монастырскій собственно, а и Богослужбный. По съ умноженіемъ праздничныхъ службъ приходилось затрудняться, какъ отправлять Богослуженіе, когда встрѣтится два праздника или церковныя воспоминанія. Этотъ вопросъ разрѣшилъ Маркъ, настоятель Лавры св. Саввы (въ концѣ 9-го и нач. 10 в.), написавъ правила для Типикона, извѣстныя подъ именемъ Марковыхъ Главъ (всего 100). Само собою разумѣется, что какъ составъ Богослуженія, такъ равно и уставъ его восполняемы были и послѣ X вѣка. Такъ, въ 1584 г. навильскій монахъ Іосафатъ пересмотрѣлъ и исправилъ Типиконъ, съ вѣдома церковной власти. Наша отечественная Церковь до преп. Θεοδοσία Печерскаго не имѣла Типикона. Но, послѣ того какъ преп. Θεοδοσίѣ, съ благословенія преп. Антонія печерскаго, отправилъ нарочнаго въ Константинополь къ Ефрему съ просьбою прислать ему Студійскій уставъ и получилъ оный, этотъ уставъ былъ

самимъ, св. Косьмою Маюмск. и др.: Историч. обз. пѣсно-пѣвц. Ф. А. Ч. Изд. 2 стр. 257. Такимъ образомъ установленіе „подобныхъ“, для исполненія при Богослуженіи, если не копія съ древней практики Богослужебнаго пѣснопѣнія, то, несомнѣнно, уже совершено преподобн. Іоанномъ Дамаск. въ то время, когда онъ занимался пересмотромъ Іерусалимскаго устава.

(Окончаніе будетъ).

Препод. Сем. В. Тацентовъ.

Отлученіе отъ Церкви.

Когда заболѣваетъ какой-либо членъ тѣла, то обыкновенно къ излѣченію его принимаются различныя мѣры. Но вотъ всѣ врачебныя средства оказались безсильными прекратить болѣзнь и пораженный ею членъ начинаетъ омертвѣвать: мало того, начинаетъ угрожать опасность и другимъ частямъ тѣла, на которыя можетъ перейти смертоносная гангрена. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Съ болью сердца каждый тогда рѣшается на отсѣченіе неисцѣлимаго и уже омертвѣшаго члена для спасенія всего остального тѣла.

Введенъ во всѣ русскіе монастыри, равно какъ и многія церкви приходскія. Впрочемъ, Студійскій Уставъ не долго оставался у насъ въ подлинномъ видѣ своемъ. Частію новыя чинопослѣдованія, частію порча его заставила патріарховъ Гермогена, Филарета и Никона пересмотрѣть, исправить и дополнить Типиконъ. Одно изъ болѣе позднихъ такихъ исправленій и дополненій это—бывшее въ 1632 г., при патріархѣ Іоакимѣ. Къ этому надо еще добавить, что позднѣе Студійскаго Устава вошелъ въ употребленіе Уставъ Саввы Освященнаго, или Іерусалимскій, распространенный въ разнообразныхъ спискахъ. Для удобнѣйшаго пользованія симъ было составлено особое руководство—„Окозрительный Уставецъ”—Геннадія Новгородскаго. Довольно древняго происхожденія и Богослужбная книга, служащая главнымъ предметомъ нашей статьи,—Триодъ Цвѣтная. Это подтверждается уже тѣмъ прежде всего, что между составителями входящихъ въ содержаніе ея пѣснопѣній есть, какъ извѣстно, принадлежащія—V вѣку. Наиболѣе потрудился въ собраніи пѣснопѣній въ одну книгу—Цвѣтную Триодъ—Θеодоръ и Іосифъ Студиты (Синаксарь въ нед. Мыт. и Фар.) въ 9 в.

Всякое общество также есть подобіе живого организма, въ которомъ членами являются отдѣльныя человѣческія личности. И Церковь Христова, какъ живой союзъ вѣрующихъ, поэтому и представляется въ Словѣ Божіемъ, какъ тѣло Христово. (Ефес. 4—5 гл.). Всѣ вѣрующіе также тѣсно связаны между собою, какъ члены одного тѣла, и въ своей совокупности составляютъ какъ бы человѣческій организмъ, глава котораго—Христосъ. Въ этомъ живомъ тѣлѣ отдѣльныя части его или члены также могутъ духовно заболѣвать и даже омертвѣвать и, заболѣвши, могутъ вносить заразу въ другіе еще здоровые и неповрежденные члены. Въ силу власти, полученной отъ Самого Господа І. Христа, Церковь тогда отсѣкаетъ или отлучаетъ своихъ духовно-мертвыхъ членовъ, испробовавъ предварительно всѣ средства къ исправленію ихъ. „Если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, сказалъ Господь, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ, скажи Церкви; а если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“. (Мѡ. 18, 15—17).

Отлученіе отъ Церкви неисправимыхъ грѣшниковъ является крайнимъ и послѣднимъ средствомъ, употребляемымъ Церковью для вразумленія и исправленія ихъ. „Со скорбію отрѣзываютъ часть тѣла, которая сгнила, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій. О ней разсуждаютъ долгое время и употребляютъ все, что можетъ служить средствомъ къ исцѣленію. Но если врачъ, при всемъ своемъ искусствѣ, не можетъ достигнуть цѣли, тогда отрѣзаютъ. Таково должно быть стараніе епископа: онъ долженъ желать вылѣчить тѣхъ, коихъ душа больна, отнять язвы, которыя образуются, не отрѣзывая части. И, наконецъ, если отчаявается вылѣчить иначе зло, онъ съ печалію отрѣзываетъ часть“¹⁾.

¹⁾ См. Прав. Богосл. Энциклопедію т. I, подъ слов.: „анаема“.

Отлученіе на языкѣ церковномъ называется анаѳемой. Слово анаѳема буквально означаетъ отлученіе, отдѣленіе. Распространенный въ обществѣ взглядъ на анаѳему, какъ на проклятіе, неправиленъ и есть плодъ предразсудка и недомыслія. Церковь Христова никого не проклиняетъ; но въ случаяхъ сознательнаго и упорнаго нарушенія и отверженія кѣмъ-либо изъ ея членовъ основъ христіанской вѣры и жизни извергаетъ или отдѣляетъ такового отъ своей среды въ видахъ охраненія всѣхъ другихъ отъ заразы и вразумленія виновнаго. Тѣмъ не менѣе, по ясному ученію св. Писанія, это отлученіе отъ общества вѣрующихъ, совершаемое властью Церкви на землѣ, соединяется съ утвержденіемъ его, какъ судебного акта Церкви, и на небѣ. Сказавъ объ отлученіи упорствующаго отъ Церкви, Спаситель непосредственно присовокупилъ: „Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“. (Мѡ. 18, 18).

Различается два вида отлученія: отлученіе малое и великое.

Первое есть лишеніе виновнаго только участія въ евхаристіи или вообще въ церковныхъ молитвахъ. Въ практикѣ древней церкви оно находилось въ ближайшемъ соотношеніи съ публичнымъ покаяніемъ. Какъ извѣстно, въ древности за тяжкіе грѣхи и преступленія (особенно за измѣну христіанству) налагалось публичное покаяніе, имѣвшее четыре степеня.

Одни изъ кающихся отлучались только отъ причащенія, но участвовали въ церковныхъ молитвахъ; другіе (такъ назыв. „слушающіе“) не могли участвовать въ молитвахъ вѣрныхъ, не имѣли права даже присутствовать при совершеніи таинства евхаристіи, но только слушали чтеніе св. Писанія и проповѣдь во время литургіи оглашенныхъ; иные лишались и такого участія въ общественномъ Богослуженіи, но, падши ницъ при входѣ въ храмъ, просили вѣрныхъ и пастырей церковныхъ помолиться за нихъ.

Если же впадшій въ еретическое заблужденіе или въ тяжкій грѣхъ отказывался принести публичное покаяніе, то онъ совершенно изгонялся изъ церкви и вмѣнялся, какъ „язычникъ и мытарь“ (Мѳ. 18, 17)¹⁾.

Это уже болѣе тяжелый видъ отлученія, такъ какъ тотъ, кто подвергался ему, объявлялся не принадлежащимъ къ Церкви и не признавался христіаниномъ. Оно имѣло своею цѣлью побудить упорствующаго грѣшника къ сознанию своей вины и публичному покаянію. Такъ поступилъ ап. Павелъ съ коринѳскимъ кровосмѣшникомъ, повелѣвъ не имѣть общенія съ нимъ даже въ лицѣ съ тою цѣлью, чтобы устыдить его и привести его къ покаянію. (1 Кор. 5 гл.).

Какъ ни тяжело было это отлученіе, однако оно не влекло за собою ограниченія гражданскихъ правъ виновнаго и не лишало его общенія съ христіанами въ жизни частной и гражданской. Таково въ сущности, по мнѣнію блаж. Августина (*Contra Pagmen. lib. III*), и ученіе ап. Павла по сему предмету. Хотя апостоль и запретилъ даже „ѣсть“ съ кровосмѣшникомъ, но, какъ мы видѣли, въ чисто воспитательныхъ цѣляхъ, чтобы „устыдить“ его. Если бы на самомъ дѣлѣ христіанамъ запрещалось всякое гражданское общеніе съ отлученными, то съ большей справедливостью оно должно было бы быть запрещено въ отношеніяхъ христіанъ къ невѣрнымъ; однако апостоль нигдѣ не запрещаетъ ѣсть и имѣть общеніе въ повседневной жизни съ язычниками.

Такой взглядъ на послѣдствія этого вида отлученія вполне подтверждается и слѣдующимъ свидѣтельствомъ постановленій апостольскихъ (VIII, 40): „Съ отлученными за свои грѣхи сохраняйте общеніе и общую жизнь, заботясь о нихъ, утѣшая ихъ и поддерживая ихъ“.

Кромѣ малаго отлученія, существуетъ еще великое отлученіе, которое состоитъ въ лишеніи виновнаго не только об-

¹⁾ Martigny „Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes“ p. 261.

щенія церковнаго, но и всякаго вообще соприкосновенія съ вѣрными даже въ жизни частной.

Подвергшійся анаемѣ или великому отлученію совершенно извергается изъ Церкви и при томъ не одной какой-либо помѣстной церкви, но со всей Церкви и по смерти лишается не только христіанскаго погребенія, но помяновенія и церковныхъ молитвъ ¹⁾. Въ болѣе позднія времена это отлученіе влекло за собою и запрещеніе гражданскихъ сношеній съ вѣрными ²⁾.

Если перваго рода отлученіе налагалось по преимуществу за грѣхи воли, за тяжкія нравственныя преступленія, за нетвердость въ вѣрѣ или измѣну вѣрѣ по слабости воли или страху мученій, то великое отлученіе постигало еретиковъ и лжеучителей, сознательно и упорно отрицающихъ и извращающихъ важнѣйшія истины вѣры и старающихся распространять въ Церкви свои лжеученія.

Такимъ образомъ ему подвергаются, главнымъ образомъ, грѣхи ума, т. е. такое отрицаніе истины или такое заблужденіе ума относительно спасительныхъ истинъ вѣры, которое прорастаетъ не отъ невѣдѣнія, недомыслія или суевѣрія, не отъ увлеченія и соблазна со внѣ, а отъ упорнаго самоопіенія, отъ намѣреннаго и сознательнаго противленія истинѣ и церковному авторитету.

Такое состояніе ума не можетъ не отражаться самымъ пагубнымъ образомъ и на общемъ нравственномъ состояніи чловѣка и не рѣдко влечетъ за собою глубокое искаженіе и извращеніе нравственной жизни. Поэтому, по существу своему, великое отлученіе должно простирается и на тѣ нрав-

¹⁾ Въ древности въ наказаніе за нѣкоторые преступленія имя виновныхъ изглаживалось изъ церковныхъ диптиховъ или помянниковъ. Это называлось „*expulsio* или *rasura nominum e diptychis*“. Въ наукѣ до сихъ поръ еще не установлено съ полной достовѣрностью тожество этого вида наказанія съ отлученіемъ отъ Церкви.

См. Martigny „*Dictionnaire des antiquités Chrétiennes*“, р. 261 -2.

²⁾ Тамъ же.

ственные преступленія или грѣхи воли, которыя зависятъ не отъ слабости только ея и преклонности ко злу, а и отъ ложныхъ понятій ума и являются практическимъ осуществленіемъ противонаравственныхъ возрѣній. Въ какой бы тяжкій грѣхъ человѣкъ не впалъ, но пока онъ еще хотя въ мысли своей способенъ сознавать его, какъ грѣхъ, какъ зло, то покаяніе для него возможно; и это сознание намъ въ большинствѣ еще присуще. Когда же онъ творитъ грѣхъ, не только не сознавая его, какъ грѣхъ именно, но даже оправдывая его, какъ добро, какъ нѣчто дозволенное; когда онъ въ порочной жизни видитъ свою высшую цѣль и обрѣтаетъ, какъ бы высшее благо, то онъ дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ паденія, до состоянія діавольскаго, иначе до состоянія нераскаянности. Таковой человѣкъ уже умеръ для жизни въ Богѣ, и, какъ мертвый членъ тѣла церковнаго, долженъ быть совершенно отсѣченъ.

„Ни одна христіанская душа, говоритъ приснопамятный архіепископъ Одесскій Никаноръ, не есть вмѣстилище непогрѣшимой всецерковной вселенской истины. Всякая болѣе или менѣе погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но если кто сѣсть ложь упорно, какъ самъ діаволь, отецъ лжи, сѣтеъ, какъ човѣкоубійца для човѣкоубійства, для убійства душъ; если кто возстаеъ противъ утвержденной Христомъ, Его апостолами, всею вселенскою церковію, всѣми возвышеннѣйшими умами христіанскаго човѣчества, истины; если кто не пріемлетъ царство Божіе, какъ кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергаетъ его, какъ ожестѣлый врагъ истины,—о! такой творитъ грѣхъ противъ Духа Святаго! И сей грѣхъ, если не очищается покаяніемъ, не отпустится човѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Такой грѣхъ второе распинаетъ Сына Божія, и для такого грѣха уже не обрѣтается другой искупительной жертвы. Такой грѣхъ подрываетъ самыя основы Церкви Божіей и она, какъ живое тѣло, защищая саму себя, испускаетъ вопль боли своего материнскаго сердца: анаэема!“¹⁾

¹⁾ Прав. Обоз. 1885 г., мартъ, стр. 458.

Однако и великое отлучение съ строгой точки зрѣнія и по своей цѣли также временное. Какъ любвеобильная мать, пекущаяся о своихъ чадахъ, Церковь этимъ актомъ хочетъ— съ одной стороны, устранить вѣрныхъ, убересть ихъ отъ соблазна, и запрещеніемъ всякаго соприкосновенія съ отлученными прекратить распространеніе нравственной заразы въ самомъ корнѣ, а съ другой—воздѣйствовать на самыхъ отлученныхъ для пробужденія въ нихъ чувства раскаянія и сожалѣнія, ибо какъ бы глубоко человѣкъ ни палъ, „Богъ силенъ поставить его“ (Рим. 14, 4). Поэтому, отлученіе отъ Церкви является не столько актомъ карательнымъ, сколько воспитательно-исправительнымъ, дѣломъ любви и попеченія Церкви о своихъ чадахъ.

И дѣйствительно, нужно быть окончательно ожесточеннымъ противъ Бога и закоренѣлымъ въ своей гордости и испорченности, чтобы остаться равнодушнымъ послѣ отлученія отъ христіанскаго общества, безъ надежды на спасеніе, безъ малѣйшаго просвѣта въ будущемъ, въ жизни загробной. Отторженіе отъ родныхъ или отъ своего народа и родины есть уже величайшее для человѣка бѣдствіе; но еще болѣе тягостно и нестерпимо отлученіе отъ Церкви Божіей, лишеніе благодати и дѣйственныхъ молитвъ церковныхъ. „Пусть извергнетъ кого-либо, какъ чуждаго и вреднаго, цѣлое отечество“, говоритъ преосвящ. Никаноръ: „Чья душа не ожестѣла бы отъ подобнаго отверженія?“ Но пусть извергнетъ кого либо изъ своей среды святая Божія Церковь, какъ чуждаго и вреднаго; за Церковью земною пусть отвергнетъ и Церковь небесная,—Боже! какаѣ нужна крѣпость души, чтобы стерпеть это отчужденіе! Сколько нужно истинно-сатанинскаго ожесточенія, самозаключенія въ дьявольскую гордость, чтобы не сокрушиться подъ тяжестью такого отверженія?“ 1).

Такое пробужденіе сознанія когда-нибудь должно непременно послѣдовать. Вотъ наступаетъ послѣдній часъ отлу-

1) Прав. Обоз. 1885 г., мартъ, стр. 456.

ченнаго, неизбежный часъ окончательнаго расчета съ земной жизнью. Въ эти страшныя минуты сынъ Церкви находитъ себѣ облегченіе и отраду въ надеждѣ будущей жизни и въ вѣрѣ въ дѣйственность молитвъ Церкви, которая не перестанетъ ходатайствовать о немъ и послѣ его преставленія. Но что долженъ тогда чувствовать отлученный, который лишенъ всякаго утѣшенія и примиренія съ Богомъ и самимъ собой посредствомъ церковнаго напутствія? По истинѣ, если только въ немъ еще есть желаніе спасенія, если онъ еще не сдѣлался совершенно безучастенъ къ себѣ, то онъ долженъ содрогнуться въ эти минуты всѣмъ своимъ существомъ и съ воплемъ простирать руки къ своей матери Церкви, прося прощенія и принятія въ свое лоно. И если въ несчастной душѣ отверженнаго хоть на мгновеніе зародится мысль или чувство опасенія за себя, сомнѣніе въ своей мнимой правотѣ, то онъ можетъ еще возстать: если хотя въ послѣднія минуты жизни, подъ вліяніемъ тягостнаго сознанія своей отверженности и полной безнадежности въ будущемъ, онъ пожелаетъ раскаяться и опять воссоединиться съ Церковью, то онъ никогда не будетъ отринутъ. И Церковь ничего такъ не желаетъ, какъ этого покаянія отлученнаго прежде, чѣмъ ударилъ его послѣдній часъ и онъ не перешелъ въ иную жизнь. Но возможно, что, по гордости и ожесточенію или же по неразумію и неспособности постигнуть грозное значеніе и силу своего отверженія отъ Церкви, отлученный не покается и въ послѣдній часъ своей жизни; то тогда все таки пробужденіе его отъ нравственнаго усыпленія должно послѣдовать и неизбежно послѣдуетъ за дверями смерти; но оно будетъ уже запоздалымъ и, кромѣ тягостнаго и страшнаго угрызенія совѣсти, не разрѣшится никакимъ примиреніемъ и надеждою спасенія.

О взаимныхъ отношеніяхъ между членами причта.

Церковный причтъ—это одна семья, связанная узами христіанской любви, одушевленная единымъ духомъ христіанской православной вѣры, преслѣдующая однѣ и тѣ же религіозно-нравственныя цѣли. Пріятно смотрѣть на семью, въ которой всѣ домочадцы, отъ мала до велика, живутъ въ мирѣ и согласіи, питаютъ другъ къ другу любовь, во всемъ слушаются главы семейства, всѣ и каждый дѣлаютъ свое дѣло, другъ друга не обижаютъ, другъ другу помогаютъ. Здѣсь дышитъ духъ любви Божіей, и Самъ Богъ пребываетъ въ этой благословенной семьѣ. Всѣмъ членамъ ея живется хорошо, спокойно, дышится легко, свободно; ни въ чемъ они не чувствуютъ крайняго недостатка, а если иногда и чувствуютъ, то переносятъ безропотно.

Тѣмъ болѣе пріятно смотрѣть на причтъ церковный, между членами котораго царствуетъ согласіе, миръ и любовь, существуютъ добрыя отношенія, въ которомъ каждый носитъ *тяготы друга друга*. Какой прекрасный примѣръ жизни представляетъ такой причтъ для прихожанъ, всегда обращающихъ особенное вниманіе на такъ называемыхъ *духовныхъ* лицъ! Сколько поучительнаго для себя въ этомъ примѣрѣ доброй жизни найдутъ они! Человѣкъ научается добру не столько изъ изустныхъ наставленій, сколько изъ добраго примѣра. Последній въ дѣлѣ наученія добру, имѣетъ большое преимущество предъ первымъ. Слово, не оправдываемое примѣромъ, нерѣдко остается недѣйственнымъ; слово же, неоправдываемое жизнію причта, можетъ производить даже соблазнъ въ средѣ прихожанъ. Оно можетъ возбудить въ ихъ сердцахъ осужденіе, злословіе и злорѣчіе противъ причта. Будутъ говорить: „Насъ учатъ доброй жизни, внушаютъ намъ правила мира и любви христіанской, указываютъ на непорядки въ нашей жизни, не соответствующіе требованіямъ Слова Божія, а сами никакъ не могутъ ужиться другъ съ другомъ. Что же слу-

шать ихъ?" Справедливо, что никому не слѣдуетъ смотрѣть на жизнь другихъ людей: знай каждый самого себя, но что подѣлаешь со слабостью человѣческой, въ силу которой каждый всячески старается просмотрѣть синцу въ глазѣ брата своего?...

Во главѣ семьи стоитъ отецъ. Имъ даются тонъ и направление семейной жизни; отъ него зависятъ всѣ распорядки семейной жизни; имъ устанавливаются, большею частію, тѣ или иные отношенія между членами семьи. Но прежде всего самъ отецъ долженъ быть для семьи образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Что значитъ отецъ для семьи, то же значитъ и священникъ для членовъ причта. Хорошъ отецъ,—хороша и семья: хорошъ священникъ,—хорошъ и причтъ. Отъ священника, какъ отъ отца семьи, зависитъ вся жизнь членовъ причта. Какъ отецъ будетъ распоряжаться, такъ и будутъ жить дѣти: какъ священникъ поведетъ дѣло, такъ члены причта и будутъ жить и дѣлать каждый свое дѣло.

Конечно, молодому священнику не легко сразу войти въ роль отца-старца. Но тутъ дѣло не въ возрастѣ, а въ сердцѣ священника. Старъ ли онъ, молодъ ли,—все равно, было бы у него доброе сердце, отзывчивое на всякую добрую потребу низшихъ.

Вообще, добрый человѣкъ, на какой бы онъ іерархической ступени не стоялъ, привлекаетъ къ себѣ сердца людей своею добротою; а злой отталкиваетъ всѣхъ своимъ зломъ, гнѣздящимся въ сердцѣ его.

Священникъ, прежде всего, долженъ смотрѣть на низшихъ членовъ причта, какъ на людей. Вѣдь и самъ онъ—тоже человѣкъ—и далеко; конечно, не безгрѣшный. А если такъ, то онъ долженъ обращаться съ низшими членами причта *по-человѣчески*, уважая ихъ человѣческое достоинство. Члены причта—подчиненные его; но и въ этомъ случаѣ онъ не долженъ унижать ихъ потому только, что стоитъ выше ихъ на іерархической лѣстницѣ, и вообще не долженъ ничѣмъ обижать ихъ. Пусть онъ по должности требуетъ отъ

нихъ только того, что они обизаны дѣлать—но притомъ не иначе, какъ во имя долга, безъ личныхъ капризовъ, безъ придирчивости, безъ униженія. Всѣ должности и высокія и низкія—одинаково почтенны, потому что необходимы, какъ ступени на жизненной лѣстницѣ. Послѣдняя ступень лѣстницы находится на верху. Но вѣдь къ верху ведутъ нижнія ступени и безъ нихъ нельзя взойти на верхнюю, и нельзя на ней стоять; тѣмъ болѣе безъ нижнихъ ступеней нельзя сойти внизъ,—а стоять на верху постоянно не возможно. Низшіе члены причта—сослужители, сотрудники и помощники священника, которому безъ нихъ нельзя обойтись. Такъ священникъ и долженъ смотрѣть на нихъ, такъ и долженъ относиться къ нимъ, какъ къ сотрудникамъ и помощникамъ, нисколько не унижая ихъ, въ особенности въ глазахъ прихожанъ. Этого мало,—священникъ долженъ всячески поселять въ прихожанахъ уваженіе къ нимъ, какъ къ лицамъ почтеннымъ и во многомъ стоящимъ несравненно выше большинства прихожанъ.

При добромъ отношеніи священника къ низшимъ членамъ причта, послѣдніе будутъ относиться къ нему съ сочувствіемъ, любовію и уваженіемъ; будутъ безпрекословно исполнять его требованія, тѣмъ болѣе, что у добраго священника не будетъ требованій сверхдолжныхъ, несправедливыхъ: онъ скорѣе снизойдетъ къ проступкамъ своихъ собратьевъ, гдѣ и въ чемъ возможно; чѣмъ будетъ предъявлять къ нимъ сверхдолжныя требованія. Снисхожденіе другъ къ другу есть одно изъ существеннѣйшихъ условій всякой вообще мирной жизни.

Нобольше снисходительности и уваженія со стороны священниковъ къ человѣческому достоинству низшихъ членовъ причта,—и тогда не будетъ ни неурядицъ, ни обычнаго, въ настоящее время, сутяжничества между членами причтовъ, возникающаго, по большей части, изъ-за самыхъ пустячныхъ и ничтожныхъ мелочей.

Іерей.

ГОМИЛЕТИКА,

или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія ¹⁾).

Трудность импровизацій состоитъ, прежде всего, въ томъ, что импровизатору приходится на церковной кафедрѣ въ одно и то же время создавать всѣ частныя мысли, излагать предметъ своей рѣчи по возможности въ болѣе или менѣе строгомъ порядкѣ и, наконецъ, выражаться въ точныхъ и ясныхъ словахъ, соотвѣтствующихъ какъ содержанію самой проповѣди, такъ и чистому вкусу слушателей. Импровизирующій проповѣдникъ находится въ постоянной опасности потерять нить своихъ мыслей и перенутать ихъ, не найти для сообщенія ихъ подходящихъ выраженій и избѣжать вульгарныхъ словъ, которыя постоянно предносятся въ его умѣ, но не соотвѣтствуютъ ни важности предмета проповѣди, ни священному характеру обстановки. Кромѣ того, импровизатору приходится преодолевать еще одну значительную трудность, имено: онъ долженъ произносить безъ болѣе или менѣе длинныхъ и томительныхъ остановокъ, плавно и насколько возможно выразительнѣе. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и взвѣсить угрожающую импровизатору опасность смутиться и оробѣть на церковной кафедрѣ, спутаться въ мысляхъ и словахъ и, вслѣдствіе этого, подвергнуться порицанію и насмѣшкамъ со стороны слушателей,—а эта опасность, безъ сомнѣнія, является страшнѣе многихъ другихъ. Отсюда можно видѣть, какими духовными силами и способностями долженъ обладать проповѣдникъ-импровизаторъ, и въ какомъ напряженіи эти способности должны быть у него во время произнесенія поученія, особенно, когда онъ не успѣлъ еще приобрѣсти надлежащаго навыка.

Каждый импровизаторъ непремѣнно долженъ обладать, прежде всего, значительно развитою силою мышленія. Отъ

¹⁾ См. № 13 за 1901 г.

импровизатора требуется все, чѣмъ обладаютъ болѣе или менѣе даровитые писатели, и, кромѣ того, еще особенный даръ, составляющій исключительную принадлежность импровизаторовъ, именно,—живость ума и быстрота соображенія. Правда, импровизаторъ не можетъ, подобно кабинетному писателю и ученому, исчерпать въ своей рѣчи всего содержанія избраннаго предмета; но основныя, существенныя черты и стороны предмета должны быть все-таки указаны имъ такъ, чтобы слушатели могли вынести изъ импровизаціи болѣе или менѣе ясное, цѣлостное и опредѣленное представленіе о предложенномъ ихъ вниманію предметѣ. Импровизаторъ иной разъ можетъ и не выдержать точнаго разграниченія и полной послѣдовательности мыслей; но связь между ними должна все-таки непремѣнно чувствоваться въ его рѣчи, и мысли эти должны быть излагаемы импровизаторомъ въ болѣе или менѣе строгомъ порядкѣ. Что касается важности для проповѣдника-импровизатора быстроты соображенія, то лица, не обладающія этимъ даромъ, положительно не могутъ и не должны даже выступать на церковной кафедрѣ въ качествѣ импровизаторовъ.

Вторая необходимая для импровизатора душевная способность есть живость воображенія, которое принимаетъ значительное участіе во всякой вообще умственной работѣ. Для импровизатора не достаточно имѣть одну только твердую память, способную сохранять содержаніе преднамѣченнаго имъ поученія. При самомъ произнесеніи проповѣди ему слонъ и рядомъ приходится еще перестраивать ея содержаніе, измѣнить планъ; при развитіи мыслей онъ необходимо долженъ приводить опыты и картины изъ дѣйствительной, обыденной жизни, такъ какъ и самая рѣчь его вызывается и настраивается этою жизнію и изображаетъ ее; наконецъ, ему нужно быстрое облеченіе мыслей въ слова не только точныя, но и живописныя. А все это—прямое дѣло воображенія. Безъ совокупной работы сильнаго ума и живого воображенія не можетъ быть импровизатора.

Третья необходимая для импровизатора способность— даръ слова, который можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: *внутренней и внѣшней*. Внутреннюю сторону дара слова составляетъ живая дѣятельность воображенія, облекающая мысли въ слова. Человѣкъ, обладающій даромъ быстрого соображенія и живымъ воображеніемъ, никогда не затрудняется въ выборѣ словъ, необходимыхъ для выраженія его мыслей. Но нужно замѣтить, что память и воображеніе проповѣдника должны быть заранѣе обогащены или даже постоянно обогащаемы внутреннимъ лексикономъ живыхъ, точныхъ и выразительныхъ словъ, собранныхъ не случайно, не при чтеніи легкихъ книгъ, но пріобрѣтенныхъ путемъ самостоятельнаго мышленія и основательнаго изученія предметовъ христіанскаго вѣдѣнія. Человѣкъ, пріобрѣтшій навыкъ въ самостоятельному мышленію и основательно изучившій свой предметъ, всегда бываетъ способенъ изложить тѣ или иные свѣдѣнія, относящіяся къ этому предмету, легко, наглядно и точно.—Внѣшней стороною дара слова служитъ самый органъ слова. Само собою разумѣется, что выступать на церковной кафедрѣ въ качествѣ импровизатора можетъ только тотъ, у кого органъ слова достаточно совершенный. Проповѣдникъ, не имѣющій настолько смиренія, чтобы сознать свой недостатокъ въ этомъ отношеніи и отказаться отъ непосильнаго для него дѣла, ставитъ себя въ ложное и довольно невыгодное положеніе.

т.

Но что требуетъ со стороны проповѣдника-импровизатора особеннаго вниманія, такъ это состояніе его здоровья и нервной системы. При слабости физическихъ силъ импровизаторъ скоро утомляется и изнемогаетъ, такъ какъ импровизація—работа не легкая; скорое же изнеможеніе проповѣдника не можетъ не вредить успѣху его проповѣди. Значеніе состоянія нервной системы для импровизатора еще важнѣе состоянія его здоровья. Есть не мало такихъ людей, которые не могутъ выносить впечатлѣнія множества устремленныхъ на нихъ глазъ, робѣютъ въ большихъ и торжественныхъ собра-

ніяхъ, бояться выйти на середину и сказать нѣсколько словъ. Если этотъ недостатокъ стоитъ въ зависимости отъ самой природы, то онъ лишаетъ человѣка всякой возможности быть импровизаторомъ, даже при высокихъ дарованіяхъ. Но нужно замѣтить, что робость и неразвязность есть недостатокъ почти всѣхъ ученыхъ людей, прошедшихъ молодость въ школахъ и не привыкшихъ къ публичнымъ собраніямъ. Эта послѣдняя робость, при хорошемъ здоровьѣ, легко можетъ быть побѣждена навывкомъ.

Нечего и говорить, что совмѣщать въ себѣ всѣ указанныя выше дарованія—и притомъ въ высшей ихъ степени—могутъ лишь весьма и весьма немногіе изъ проповѣдниковъ, такъ какъ совершенства въ природѣ рѣдки. Тѣмъ не менѣе дарованія эти, хотя въ ограниченной степени, составляютъ необходимыя условія, безъ которыхъ нельзя быть проповѣдникомъ-импровизаторомъ *). Въ виду этого, прежде чѣмъ выступить на церковной кафедрѣ въ качествѣ импровизатора, священникъ долженъ предварительно убѣдиться, обладаетъ ли онъ необходимыми для этого способностями. Съ этою цѣлью онъ долженъ, во-первыхъ, еще задолго до выступленія на церковную кафедру съ живымъ словомъ, начать упражненія въ изустной свободной рѣчи, на урокахъ Закона Божія, въ частныхъ разговорахъ и т. п. Особенную пользу, въ смыслѣ подготовленія къ проповѣднической импровизаціи, могутъ принести для кандидатовъ священства ихъ собственные отвѣты на урокахъ по разнымъ предметамъ семинарскаго курса. „Развитіе свободы слова,—говоритъ преосвящ. Амвросій,—должно быть начинаемо съ раннихъ лѣтъ. Наставники должны обращать особое вниманіе на передачу учениками приготовленныхъ ими уроковъ. У насъ, надобно правду сказать, господствуетъ буквальное заучиваніе урока при его приготовленіи и чтеніе при передачѣ, большею частью быстрое и торопливое. Какъ это вредно для развитія ума и слова въ молодыхъ

*) Амвросій, арх.: „Живое слово“, стр. 34-36, 39-41, 44-47, 50-51, 53-54.

людахъ,—объ этомъ и говорить нечего. При буквальномъ заучиваніи урока, замѣщающемъ разумное усвоеніе его содержанія, преобладаетъ вербальная память, и не работаетъ умъ, потому что здѣсь нѣтъ мѣста размысленію, а при передачѣ урока читкомъ ученикъ обращается въ машину, съ трескомъ передающую чужія слова. То и другое наставниками должно быть строго преслѣдуемо..., потому что безтолковость въ изученіи и передачѣ предмета, есть ясный знакъ плохого пониманія и усвоенія преподаваемого предмета... Поэтому, съ раннихъ лѣтъ надобно требовать отъ учениковъ не только сознательной и отчетливой передачи уроковъ въ смыслѣ ихъ пониманія, но и несгѣшпаго, яснаго, выразительнаго ихъ произнесенія, которое походило бы не на заученную и чужую, а на собственную свободную рѣчь. Правда, съ учениками, мало одаренными это трудно, но и имъ можно положить тактъ и мѣру въ чтеніи урока, строго останавливая торопливость; за учениками же способными наблюдать это не только не трудно, но и пріятно, особенно при урокахъ историческихъ, философскихъ и богословскихъ. Вотъ гдѣ зарождается способность къ импровизаціямъ, именно: *въ обращеніи пріобрѣтеннаго познанія силою размысленія въ собственное и чужое слова — въ свое, съ свободнымъ употребленіемъ того и другого*. Последнее должно быть всячески поощряемо и обращено ученику въ особенное достоинство, а наставнику даетъ возможность исправлять неточныя выраженія ученика, способъ произнесенія или выговариванія урока, иначе сказать — помогать ему *вырабатывать свободное слово* *).

Во-вторыхъ, прежде чѣмъ приступить къ импровизаціямъ, священникъ долженъ, на основаніи тщательныхъ наблюденій за собою, безпристрастно опредѣлить, обладаетъ ли онъ быстротой соображенія и находчивостью, т. е. тѣми особенностями сильнаго ума, которыя проявляются обыкновенно при встрѣчѣ съ различными возраженіями и неожиданными вопросами.

*) «Живое слово», стр. 126—128.

Въ третьихъ, наконецъ, импровизаторъ въ сужденіи о достоинствѣ своихъ поученій никогда не долженъ полагаться на собственное о себѣ мнѣніе, а долженъ прислушиваться къ мнѣнію другихъ. Для этого въ первое время полезно, съ одной стороны, имѣть между слушателями нѣсколько преданныхъ людей, которые съ полною откровенностью указывали бы начинающему импровизатору его промахи и недостатки; а съ другой—внимательно слѣдить за выраженіемъ лицъ всѣхъ вообще слушателей и за ихъ сужденіями о выслушанныхъ ими импровизованныхъ поученіяхъ. Священникъ, желающій успѣха въ такомъ серьезномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ импровизація, не долженъ щадить своего самолюбія *).

(Продолженіе будетъ).

*) *Амеросій*, арх.: „Живое слово“, стр. 65 - 66.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Константинъ.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 апрѣля 1901 г

Цензоръ, экстра-орд. проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Тип. Императорск. Унив. Св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.